

HISTORIOGRAPHIES ON RUSSIA:
THE 18TH CENTURY AND BEFORE

RUSSIAN
STUDIES
HU
2022/1

EDITED BY GYULA SZVÁK

RussianStudiesHu

Editor-in-chief / Главный редактор / Főszerkesztő: Szvák Gyula

Deputy Editor-in-chief / Заместитель главного редактора / Főszerkesztő-helyettes: Sashalmi Endre

Editor / Редактор / Szerkesztő: Mezei Bálint

Members / Члены редакции / Tagok: Vladimir Boldin, Farkas Ádám, Gyóni Gábor, György László

Publisher / Издатель / Kiadó
Alapítvány az Orosz Nyelvért és Kultúráért

Published by / Ответственный издатель / Felelős kiadó
Az Alapítvány az Orosz Nyelvért és Kultúráért elnöke
1088 Budapest, Múzeum krt. 6–8.

Contact / Контакты / Kapcsolat
centre@russianstudies.hu
Website: <https://www.russianstudies.hu>

ISSN 2677-1640 RussianStudiesHu (print)
ISSN 2677-0660 <https://www.russianstudies.hu> (online)

© Alapítvány az Orosz Nyelvért és Kultúráért, 2022
All rights reserved

Editorial board

Member of RAS Veniamin Alekseev (Yekaterinburg) • Professor Evgenii Anisimov (Saint Petersburg) • Professor Dániel Bagi (Budapest) • Professor Emeritus Chester S. L. Dunning (College Station, Texas A & M University) • Professor Márta Font (Pécs) Paul Mellon Distinguished Professor Wendy Z. Goldman (Pittsburgh) • Corresponding Member of RAS Andrei Golovnev (Saint Petersburg) • Professor Hieronim Grala (Warsaw) Professor Claudio S. Ingerflom (Buenos Aires) • Head of the editorial board, Professor Emeritus Tamás Krausz (Budapest) • Professor Andrei Medushevsky (Moscow) Professor Emeritus Peter Pastor (New Jersey) • Professor Dmitrii Redin (Yekaterinburg) Corresponding Member of RAS Lorina Repina (Moscow) • Professor Richard Sakwa (Canterbury) • Professor Endre Sashalmi (Pécs) • Professor Ludwig Steindorff (Kiel) Professor Emeritus Léna Szilárd (Sassari) • Professor Emeritus Gyula Szvák (Budapest) Professor Igor Tyumentsev (Volgograd) • Professor Andrei Yurganov (Moscow)

Редакционная коллегия

Академик РАН Вениамин Васильевич Алексеев (Екатеринбург) • Профессор Евгений Викторович Анисимов (Санкт-Петербург) • Профессор Даниел Баги (Будапешт) • Заслуженный профессор Венди З. Голдман (Питтсбург) • Член-корреспондент РАН Андрей Владимирович Головнёв (Санкт-Петербург) • Профессор Иероним Граля (Варшава) • Профессор-эмерит Честер С. Л. Даннинг (Колледж-Стейшен, Техасский университет А&М) • Профессор Клаудио С. Ингерфлом (Буэнос Айрес) • Председатель редколлегии, профессор-эмерит Тамаш Крауз (Будапешт) • Профессор Андрей Николаевич Медушевский (Москва) • Профессор-эмерит Петер Пастор (Нью-Джерси) • Профессор Дмитрий Алексеевич Редин (Екатеринбург) Член-корреспондент РАН Лорина Петровна Репина (Москва) • Профессор Ричард Саква (Кентербери) • Профессор-эмерит Дюла Свак (Будапешт) • Профессор-эмерит Лена Силард (Сассари) • Профессор Игорь Олегович Тюменцев (Волгоград) Профессор Марта Фонт (Печ) • Профессор Эндре Шашхалми (Печ) • Профессор Людвиг Штайндорфф (Кил) Профессор Андрей Львович Юрганов (Москва)

Szerkesztőbizottság

Venyiamin Alekszejev akadémikus (Jekatyerinburg) • Jevgenyij Anyiszimov professzor (Szentpétervár) • Bagi Dániel professzor (Budapest) • Chester S. L. Dunning professor emeritus (College Station, Texas A & M University) • Font Márta professzor (Pécs) Wendy Z. Goldman "Paul Mellon" Professzor (Pittsburgh) • Andrej Golovnyov OTA levelező tag (Szentpétervár) • Hieronim Grala professzor (Varsó) • Claudio S. Ingerflom professzor (Buenos Aires) • Andrej Jurganov professzor (Moszkva) • Krausz Tamás professor emeritus, elnök (Budapest) • Andrej Medusevskij professzor (Moszkva) Peter Pastor professor emeritus (New Jersey) • Dmitrij Regyin professzor (Jekatyerinburg) Lorina Repina OTA levelező tag (Moszkva) • Richard Sakwa professzor (Canterbury) Sashalmi Endre professzor (Pécs) • Ludwig Steindorff professzor (Kiel) Szilárd Léna professor emeritus (Sassari) • Szvák Gyula professor emeritus (Budapest) Igor Tyumencev professzor (Volgográd)

Contents / Содержание / Tartalom

Peter the Great – 350 / Пётр Великий – 350 / Nagy Péter – 350 /

11 Paul Bushkovitch

Peter the Great and the West in Russian Culture and State

Historiographies on Russia: the 18th Century and Before /
Историографии истории и предыстории России XVIII в. /
A 18. századi és azelőtti Oroszország historiográfiái

39 Gary Marker

Russia's Eighteenth Century in Recent US Historiography

63 Houqin Zhou, Wei'an Cao

Chinese Scholars' Studies on Russian History (862–1800) since 2000

93 Yoshihide Tanaka

Japanese Historiography on 18th-Century Russian History
in 2000–2020

109 Ľubica Harbuľová

История России до конца XVIII века в исследованиях словацких
и чешских историков в 2000–2020 гг.

The History of Russia until the End of the 18th Century in Studies
by Slovak and Czech Historians between 2000 and 2020

123 Patrik Dinnyés

Россия XVIII века в современной венгерской историографии
(2000–2020 гг.)

18th-Century Russia in Modern Hungarian Historiography (2000–2020)

149 Adam Danilczyk

Россия XVIII века в польской историографии

18th-Century Russia in Polish Historiography

Essays / Статьи / Tanulmányok

177 Martín Baña

Russian History Studies in Latin America and Spain (2001-2021)

195 Andrei L. Yurganov

Мифология вождей революции в политическом контексте
середины 20-х годов

The Mythology of the Leaders of the Revolution
in the Political Context of the mid-20s

Opuscula Prima

241 Dominika Bárdonicsek

Női sorsok a Gulag táboráiban (1934–1953)

Fates of Women in the Camps of the Gulag (1934–1953)

Lectori Salutem!

RussianStudiesHu is an online academic periodical covering historical Russian Studies. It uses double-blind peer review and, since 2021, has published two issues a year, with online content being continually expanded throughout the year. Besides being accessible on the periodical's own website, issues are freely accessible at the Eötvös Loránd University of Sciences' website (edit.elte.hu) as well as in many other major international databases and the Hungarian national library (National Széchényi Library, <https://www.oszk.hu>).

The periodical materials are also made available in printed format by the Publisher.

Manuscripts are accepted in English and Russian, and in rare, exceptional cases, in Hungarian, on condition that the article has not been published elsewhere in any language. *RussianStudiesHu* welcomes authors who can provide an academic treatment of any issue related to Eastern Slavic, Russian or Soviet history (including their Hungarian and Eastern European aspects), either as a historian or by means of a related discipline, provided they accept the periodical's Rules of Publication.

Our "Guest Column" is a space for scholars of Russian studies in the widest possible meaning of the term, while our "Opuscula Prima" column offers a publication opportunity to the winners of the Hungarian national "Russian Studies Thesis of the Year" competition.

RussianStudiesHu does not give preferential treatment to any 'genre,' method or trend in historiography. That said, the periodical's main focus is clearly demonstrated by its "Historiographies of Russia's History (2000–2020)" series. Launched in 2021, this has spanned several issues and will reach completion in the current issue.

The russianstudies.hu webpage, which provides the web platform for *RussianStudiesHu*, was established in the autumn of 2019 by members of the body that succeeded Eötvös Loránd University's Centre for Russian Studies. ELTE's History Institute provides the periodical with a professional-institutional base. Exceptional scholars from the world of international historical Russian studies have collaborated in the work of *RussianStudiesHu*, thereby enabling the journal to move beyond the limits not only of a specific university workshop but also of Russian studies in Hungary, and to serve the cause of universal knowledge. As one author has put it, "this forum serves as a meeting place of various historiographies," and a mediator between Western and Eastern Russian studies.

RussianStudiesHu is an independent, apolitical journal that aims always to be governed by strictly academic criteria. It must, however, along with the discipline as a whole, react to the events in the outside world that took place early in 2022. Society expects to be given a valid explanation of the peculiar development of Russian history, and we, as a part of international Russian studies, are attempting to fulfill this 'order from society' to the best of our knowledge and expertise.

The creators of the russianstudies.hu research website, and the online periodical *RussianStudiesHu* extend a warm welcome to their readers!

Gyula Szvák – Editor-in-Chief

Lectori Salutem!

Онлайн-издание *RussianStudiesHu* – это проходящая двойное слепое рецензирование (peer reviewed) научная онлайн-периодика по исторической русистике, которая кроме своего веб-сайта, находится в свободном доступе в репозитории Университета им. Лоранда Этвёша (edit.elte.hu), а также в ряде крупных международных баз данных, в том числе в базе Национальной библиотеки имени Сечени (Országos Széchényi Könyvtár, <https://www.oszk.hu>). Материалы издания также публикуются Издательством в печатной форме.

Публикации принимаются на английском, русском и, в редких исключениях, на венгерском языках. К публикации в журнале принимаются научные статьи, содержащие новые, ранее не публиковавшиеся результаты научных и практических исследований, соответствующие профилю журнала.

Мы приглашаем к участию всех исследователей, работающих над любыми вопросами восточнославянской, русской и советской истории (включая венгерские и восточноевропейские аспекты) в научно-методологических рамках исторической науки или её вспомогательных дисциплин, принимающих наши правила публикации. В нашем «Гостевом разделе» мы предоставляем место и представителям «Russian Studies» в широком понимании этого термина, а раздел «Opuscula Prima» для лауреатов Всевенгерского университетского конкурса «Лучшая курсовая работа года».

Издание *RussianStudiesHu* не отдаёт предпочтение ни одному из исторических «жанров», методов или направлений, несмотря на то, что научные интересы его основателей сосредоточены прежде всего на историографии. Однако направление его устремлений наглядно демонстрируют работы из серии «Историографии российской истории (2000–2020)», запущенной в 2021 году и заканчивающейся текущим выпуском.

Интернет-ресурс russianstudies.hu, обеспечивающий web-площадку и профессиональную базу для *RussianStudiesHu*, был создан осенью 2019 г. членами Центра русистики Университета Этвёша Лоранда. Профессионально-институциональную базу обеспечивает Институт истории при Университете ELTE.

К деятельности издания *RussianStudiesHu* присоединились выдающиеся представители международной исторической русистики, таким образом, оно вышло за рамки не только конкретного университетского научного центра, но и отечественной русистики в целом, и встало на службу мировой науке. Словами одного из авторов, этот «forum is a meeting place of various historiographies», то есть посредник между западной и восточной русистикой.

RussianStudiesHu – независимый от политики журнал со строгими научными правилами. Однако ему – как и самой его дисциплине – неизбежно реагировать на события начавшиеся в мире в начале 2022 года. Общество требует от нас раскрытие особенностей исторического развития России, и этот «социальный заказ» мы, как часть международной русистики, стремимся выполнять в меру наших лучших знаний и опыта.

Интернет-издание russianstudies.hu и онлайн журнал *RussianStudiesHu* приветствует своих читателей!

Дюла Свак – Главный редактор

LECTORI SALUTEM!

A *RussianStudiesHu* 2021-től kezdődően évi két számmal megjelenő, az év folyamán állandóan bővülő double blind peer review történeti ruszisztikai tudományos folyóirat, amely a saját honlapján kívül az Eötvös Loránd Tudományegyetemen (edit.elte.hu) és még számos nagy nemzetközi adatbázisban, valamint az Országos Széchényi Könyvtárban (<https://www.oszk.hu>) szabadon hozzáférhető. A folyóirat anyagait a Kiadó nyomtatott verzióban is publikálja.

Publikációkat angol, orosz vagy, ritka kivételként, magyar nyelven fogadunk, feltétel az első megjelenés. Minden szerzőt szívesen látunk, aki a keleti szláv, az oroszországi és a szovjet történelem bármely problémájának (beleértve a magyar és kelet-európai vonatkozásokat) történettudományos vagy más rokondszciplína általi feldolgozását adja, és elfogadja a publikálási szabályainkat. „Vendég-rovatunk” teret biztosít a tág értelemben vett „Russian Studies” képviselői számára is, az *Opuscula Prima* rovat pedig az „Év Oroszdolgozata” országos egyetemi verseny nyerteseinek.

A *RussianStudiesHu* nem részesít előnyben semmilyen történetírói „műfajt”, módszert vagy irányzatot. Törekvéseinek irányát mindazonáltal a 2021-ben útjára bocsájtott, több számon átívelő és a mostani számmal befejeződő „Az oroszországi történelem historiográfiái (2000–2020)” című sorozat jól demonstrálja.

A *RussianStudiesHu*-nak webfelületet biztosító russianstudies.hu oldalt az Eötvös Loránd Tudományegyetem Ruszisztikai Központ utódszervezetének tagjai alapították 2019 őszén, a szakmai-intézményi bázist az ELTE Történeti Intézete biztosítja.

A *RussianStudiesHu* munkájához a nemzetközi történeti ruszisztika kiemelkedő képviselői csatlakoztak, s ezzel kilépett nem csupán egy konkrét egyetemi műhely, de a magyar ruszisztika keretei közül is, és az egyetemes tudomány szolgálatába állt. Ahogy egyik szerzője fogalmazott, ez egy „meeting place of various historiographies”, egy mediátor a nyugati és keleti ruszisztika között.

A *RussianStudiesHu* szigorúan tudományos szempontokat szem előtt tartó, független, politikamentes folyóirat. A világban 2022 elején bekövetkezett változásokra, azonban – amiképpen egész diszciplinájának – reagálnia kell. A körülöttünk lévő társadalom elvárja, hogy az orosz történelmi fejlődés sajátosságaira érvényes magyarázatokat kapjon, s ezt a „társadalmi megrendelést” mi, a nemzetközi ruszisztika részeként, legjobb tudásunk és szakértelmünk szerint törekszünk teljesíteni.

A russianstudies.hu ruszisztikai műhelyoldal és a *RussianStudiesHu* online periodika üdvözlöi Olvasóit!

Szvák Gyula – főszerkesztő

Peter the Great – 350

Пётр Великий – 350

Nagy Péter – 350

PAUL BUSHKOVITCH

PETER THE GREAT AND THE WEST IN RUSSIAN CULTURE AND STATE¹

The Westernization of Russian culture was the most enduring of Peter the Great's reforms and innovations. The most commonly adduced borrowings, the theory and practice of absolutism and German cameralism, are a historiographical illusion. The Western authors that influenced Peter and his spokesmen, Samuel Pufendorf and Hugo Grotius, were not "absolutists" but theorists of state sovereignty. The Swedish model for Peter's administrative reforms appeared before cameralism, which had no traceable impact on Russian thought or practice until much later. The real impact was the westernization of the culture of the court that replaced a largely religious ceremonial with secular events and celebrations. Peter's reforms were a turn toward the culture of northern Europe in place of the Catholic Baroque culture coming from Poland and the Kiev Academy so visible in the last decades of the seventeenth century. That turn included the spread of knowledge in the natural sciences and technology, a particular effort of Peter himself. All of these trends were largely the work of the tsar, but their impact is also visible in the culture of the Russian elite, including those who were skeptical of some of Peter's measures. Peter built on emerging cultural trends. His personal contribution was the turn to northern Europe and the radical acceleration of change.

Keywords: Peter the Great, Westernization, culture of the court, historiography, reforms

Paul Bushkovitch – Reuben Post Halleck Professor of History, Department of History at Yale University. E-mail: paul.bushkovitch@yale.edu

1 Citation: PAUL BUSHKOVITCH, "Peter the Great and the West in Russian Culture and State", *RussianStudiesHu* 4, no. 1 (2022): 29. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2022.4.7

Since the 1830s if not earlier the central question of the reign of Peter the Great has been the relationship of the tsar and his transformation of the Russian state and Russian culture to the West, meaning Western Europe. Recent work on Peter's reign has focused to a large extent on the state and its organization, but this is also a problem of culture, since it involves the relationship of Peter's transformation of the state to Western models. Other historians have devoted attention to some prominent figures in Peter's entourage (Prokopovich, Matveev, Bruce, and a few others), the details of the rapidly changing ceremonial and festivals of the court, and finally to his travels in Western Europe, the great embassy of 1697–98 and later journeys. All of this work has been extremely useful, though it leaves open a number of basic problems.

The first of these problems is the nature of the “Western” culture from which Peter borrowed. A quick glance at the writers whom Peter or his allies allegedly admired or borrowed from reveals that very few if any of them appear in the standard histories of West European culture as major figures. Peter never met or had any indirect interaction with any of the major writers or scientists of his era with one major exception: G. W. Leibniz. The meetings and correspondence were the initiative of Leibniz, not the tsar, but Peter kept up the contacts. Leibniz proposed plans several times for an Academy of Sciences, plans much too grandiose for Russia's limited means, but he certainly kept the idea in Peter's mind. The philosopher's death in 1716 meant that he never saw the Russian academy, but he certainly contributed to its foundation. It was his follower Christian Wolff who provided Schumacher with the most authoritative advice on the Academy to take back to the tsar.² The only political writer whom Peter seems to have known is Pufendorf, about whom there will be more below.

The second problem is to determine exactly what Peter and spokesmen like Prokopovich actually knew and read. Among political thinkers they did not read Hobbes, Locke, Bodin, or Machiavelli. Whose work did they

2 W. GUERRIER, *Leibniz in seinen Beziehungen zu Russland und Peter dem Grossen* (St. Petersburg-Leipzig: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften, 1873); Idem (V. I. GER'E), *Otnosheniia Leibnitsa k Rossii i Petru Vellikomu* (St. Petersburg: Pechatnia V. I. Golovina, 1871), reprinted in idem, *Leibnits i ego vek* (St. Petersburg: Nauka, 2008); ARIST ARISTOVICH KUNIK, *Briefe von Christian Wolff aus den Jahren 1719–1753* (St. Petersburg: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften, 1860); REGINA STUBER, “Leibniz' Bemühungen um Russland: eine Annäherung”, in MICHAEL KEMPE (Hg.), *1716 – Leibniz' letztes Lebensjahr. Unbekanntes zu einem bekannten Universalgelehrten* (Hannover: Gottfried Wilhelm Leibniz Bibliothek, Forschung Bd. 2, 2016), S. 203–239; IU. KH. KOPELEVICH, *Osnovanie Peterburgskoi Akademii nauk* (Leningrad: Nauka, 1977).

know besides that of Hugo Grotius and Samuel Pufendorf? Peter was particularly interested in the natural sciences, but what did he actually know? Or did he rely on subordinates? We know some of the answers here, but we have far from full knowledge. We do know something about the books that he had in his library.³ There is also some knowledge about the books he ordered translated and published. The impact of Western political thought is a good example of all of these issues. The following are some of the major areas of potential impact.

ABSOLUTISM OR SOVEREIGNTY

In this case the real influence of the West is entangled with the supposed influence of “absolutist” writers and with the use of the term absolutism to describe Europe and Russia in the eighteenth century. The use of the term is more recent than it seems. Absolutism was not a popular term among historians of Western Europe until the 1950s, though it was a concept that historians of law in law faculties of Russian and European universities did use.⁴ It also got into sociology, in many cases a product of the law faculties of the late nineteenth and early twentieth centuries. There have been numerous challenges to the usefulness of the term for the description of European and Russian states, but there is also a problem with the correctness of the term “absolutist” to describe the writers of the time. Unfortunately, many scholars of various disciplines have been quick to paint any writer of the early modern era with a positive view of royal power as an “absolutist”.

The only political writer that Peter can be demonstrated to have followed to any extent is Samuel Pufendorf. Toward the end of his life Peter ordered the publication of a translation of Pufendorf’s *De officiis*

3 E. I. BOBROVA, *Biblioteka Petra I* (Leningrad: Biblioteka AN SSSR, 1978); I. N. LEBEDEVA, *Biblioteka Petra I: opisanie rukopisnykh knig* (St. Petersburg: Biblioteka Rossiiskoi Akademii Nauk, 2003); OLGA MEDVEDKOVA, *Pierre le Grand et ses livres: Les arts et les sciences de l’Europe dans la bibliotheque du Tsar* (Paris: CNRS/Alain Baudry et Cie, 2016).

4 The Bol’shevik writer and former law faculty student M. S. Ol’minskii (Aleksandrov) used the term “absolutism” as early as 1910, though for him it was the same as *samoderzhavie*. “Absolutism” was also current among Soviet historians of law by the 1930s. M. S. OL’MINSKII, *Gosudarstvo, biurokratiia i absoliutizm* (Moscow–Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel’stvo, 1925) (originally 1910); M.A. KISELEV, “*Reguliarnoe gosudarstvo Petra I v stalinskoi Rossii*” (St. Petersburg–Ekaterinburg, Nestor-Istoriia, 2020), 157–186.

hominis et civis juxta legem naturalem (1673), and it duly appeared in Russian in 1726.⁵ Pufendorf, however, was not an absolutist. He provided an analysis, not recommendations, of several European states, including the Holy Roman Empire with its intricate combination of estates and local privileges. He was trying to understand state sovereignty, not to promote a form of government. As Ian Hunter puts it, “each of the three forms of government – monarchy, aristocracy, democracy – is an appropriate bearer of sovereignty” according to Pufendorf.⁶ His 1684 history of Europe described each state in its historical evolution and tried to account for it, whether England, Holland, France or Sweden. What he did insist upon was that the state was sovereign, again whether it was Sweden (after 1680 absolutist) or the Dutch republic.

The popular idea that Peter’s spokesman Feofan Prokopovich was influenced by Hobbes to be an absolutist is a historiographical myth, a myth made all the stranger by the fact that the supposed founder of it, Georgii Gurvich, explicitly denied any such influence. Gurvich analyzed Feofan’s *Pravda voli monarshi* and concluded that there was influence from Grotius, maybe from Pufendorf, but no evidence of any impact of Hobbes.⁷ As he said, “Был ли в действительности знаком Феофан с проведением Гоббса, или нет, конечно, решить трудно; во всяком случае, анализ содержащейся в ‘Правде’ доктрины не дает достаточных оснований для такого заключения.”⁸ It was Gurvich’s academic adviser F. V. Taranovskii who supplied a preface to Gurvich’s book praising it but scolding his pupil for failing to see the influence of Hobbes, which he asserted (without evidence) must have been there.⁹ Again what Feofan saw in Grotius (the spokesman of the Dutch republic, not of a monarchy) was the notion of state sovereignty. Prokopovich did

5 P. P. PEKARSKII, *Nauka i literature pri Petre Velikom* (St. Petersburg: Obshchestvennaia pol’za, 1862), I, 213.

6 IAN HUNTER, *Rival Enlightenments: Civil and Metaphysical Philosophy in Early Modern Germany* (Cambridge: Cambridge University Press, 2001), 190. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511490583>; THOMAS BEHME, *Samuel von Pufendorf: Naturrecht und Staat: eine Analyse und Interpretation seiner Theorie, ihrer Grundlagen und Probleme* (Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1995).

7 GEORGII GURVICH, ‘*Pravda voli monarshei*’ Feofana Prokopovicha i ee zapadnoevropeiskie istochniki (Uchenye zapiski imperatorskogo Iur’evskogo universiteta, god 23, no. 11, Iur’ev: Tipografia K. Mattisena, 1915). Fiametta Palladini’s attempt to make Pufendorf a disciple of Hobbes is unconvincing, and in any case she admits that contemporaries saw him as an opponent of the English thinker.

8 GURVICH, ‘*Pravda*’, 110.

9 F. TARANOVSKII, “Predislovie”, in Gurvich, ‘*Pravda*’, viii-ix.

adopt that idea from Hugo Grotius, a nearly unique case of the impact of a major Western thinker, but state sovereignty is not absolute monarchy. Russians of the later seventeenth century and later Prokopovich did read and admire western political writers, but not the ones that appear in handbooks of the history of West European political thought. Instead, he read the Spanish writers Antonio Guevara and Diego Saavedra Fajardo, or others who were bestsellers in seventeenth century Europe but now largely forgotten.¹⁰ The problem here in part is that the Russian historian looking in the scholarly literature on European culture of the time will find that his colleagues describe writers interesting to modern scholars, like Machiavelli, not the writers popular at the time. Machiavelli, often labeled the founder of modern political thought, may indeed have produced the first “modern” theory of politics, but in his time he was more reviled than read. After the publication of *The Prince* in 1513, it enjoyed a certain vogue in Italy, but landed on the Index of Prohibited Books in 1559. After that publication stopped in all Catholic countries other than France, was not common there, and was largely known from the few editions of the Latin translation – a work for scholars.¹¹ Antonio Guevara’s *Reloj de principes*, in contrast, a series of clichés about the good king and his wise rule, was read everywhere and eventually appeared in Russian libraries (in Latin) toward the end of the seventeenth century. Saavedra Fajardo was the only European political writer of whom Feofan Prokopovich entirely approved (he wrote a preface to a translation), and he was explicitly opposed to absolute monarchy, which he called tyranny. In the Russian version, “совершенное и самовольное единовластительство есть мучительство”, from the Latin version, “potestas absoluta tyrannis est.”¹²

Prokopovich was not an “absolutist,” and neither was Peter’s favorite Pufendorf. Once this lumber is discarded, the question remains, what did

10 Antonio Guevara’s *Reloj de Principes* (1529) was translated into Latin as *Horologium Principis*. Pavel, mitropolit Sarskii i Podonskii, had a copy. V. M. “UNDOĻSKII, Biblioteka Pavla mitropolitsa Sarskogo i Podonskogo i knigi imushchestvo Epifanii Slavinet-skogo,” *Vremennik ODR* 5 (1850): 67, 72. Prokopovich wrote a preface to a manuscript translation of Saavedra Fajardo’s emblem book *Empresas politicas: Idea de un principe politico Cristiano* of 1640: PAUL BUSHKOVITCH, *Succession to the Throne in Early Modern Russia: The Transfer of Power 1450–1725* (Cambridge, CUP, 2021), 314–315. <https://doi.org/10.1017/9781108783156>

11 GIULIANO PROCACCI, *Machiavelli nella cultura europea dell’età moderna* (Roma: Laterza, 1995).

12 BUSHKOVITCH, *Succession*, 316–317. The Russian term for tyrant in medieval texts was always мучитель.

Peter and Feofan get from Western political thought? Perhaps the most important aspect of Western political thought that came to Russia was that it was secular. Russia before Peter did not have political thought as such, it had ideas about the nature of the monarch, who was supposed to be a good Orthodox Christian. The tsardom, like all other states, was established by God and there was no discussion of which sort of state was better. The assumption was that it was a monarchy, and it is not even clear that the Russians clearly understood what a “republic” was. Their world history, the *Khronograf*, began with the kings of Israel, appointed by God. Its history of ancient Greece was about Alexander the Great, and Athens was mentioned only in passing.¹³ Similarly its story of Rome was first that of the kings, followed by a very brief account of the rule of the consuls (*ipaty*, from the Greek hypatoi).¹⁴ The great bulk of the text was the story of the Roman emperors, from Augustus on through the Byzantines. The crucial issues then were the character of the monarch and the place of Russia in world history. That place, it is unfortunately still necessary to emphasize, was the New Israel, not the Third Rome.¹⁵ The New Israel was the right metaphor because ancient Israel was the only state in the world with the true religion, like Russia after 1453. The prince was always supposed to be a faithful Orthodox Christian as well as just, stern, but also merciful. These were the clichés of Byzantine as well as Western “Mirrors of Princes”, the standard popular (in the sense of not learned) descriptions of rulers.

The Renaissance added a new note to this type of thinking in the West, not in rejecting the idea that God had established states but developing ideas of the state that were not tied to Christian morality. The prince or king should be magnificent, for example. This was not pride or vainglory, it was part of the role of the monarch. Eventually Western scholars evolved ideas like the sovereignty of the state (Bodin) and natural law (Grotius, Pufendorf). It was these ideas that the Russians got from the West; a new analysis of the nature of the state, not a concrete political program (“absolutism”). Otherwise, Peter borrowed the practical achievements of the Western states, particularly Sweden but also the stimulation of learning and technology that was virtually universal by 1700.

13 *Russkii Khronograf*, PSRL 22, 185–215,

14 *Russkii Khronograf*, PSRL 22, 226–228.

15 DANIEL ROWLAND, “Moscow – the Third Rome or the New Israel?”, *Russian Review* 55 (1996): 591–614. <https://doi.org/10.2307/131866>

THE GHOST OF CAMERALISM

Historians may be skeptical of the importance of culture, at the court or elsewhere, but they have opinions on the supposed rationale behind Peter's innovations in the structure of the state and the legal system. The usual solutions are to describe those structures as evidence of the "regular state" (Syromiatnikov), the *Polizeistaat* (Raeff), or cameralism (Anisimov).¹⁶

Cameralism seems to be the most popular, drawing on the 1979 work of Claes Peterson.¹⁷ The problem is that the actual prototype of most of Peter's final reforms of the state structure (1716–25) came from Sweden, as Claes Peterson demonstrated clearly in 1979.¹⁸ Yet a careful reading of Peterson's work, or a glance at the history of seventeenth-century Sweden, will show that the structures which Peter borrowed were laid down in the first half of the seventeenth century, before cameralism came into existence. The Colleges that formed the basis of Peter's reforms appeared in the Swedish Form of Government of 1634, but they were in fact already laid down early in the reign of Gustav Adolf.¹⁹ The Swedish judicial system that Peter copied was the result of ordinances from 1614 and 1615, and local government came from the Form of Government and the instructions to local administrators from 1635.²⁰ The other difficulty with the Swedish

16 B. I. SYROMIATNIKOV, *Reguliarnoe gosudarstvo Petra I i ego idelogiia* (Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk, 1943); MARC RAEFF, *The Well-ordered Police State: Social and Institutional Change through Law in the Germanies and Russia 1600–1800* (New Haven, CT: Yale University Press, 1983); E. V. ANISIMOV, *Gosudarstvennye preobrazovaniia i samoderzhavie Petra Velikogo* (St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 1997).

17 CLAES PETERSON, *Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms: Swedish Antecedents and the Process of Reception* (Stockholm: Nordiska Bokhandeln, 1979); E. V. ANISIMOV, *Vremia petrovskikh reform* (St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 1989), 240; Idem, *Gosudarstvennye preobrazovaniia i samoderzhavie Petra Velikogo* (St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 1997), 104–105; LINDSEY HUGHES, *Russia in the Age of Peter the Great* (New Haven–London: Yale University Press, 1998), 107, 162; D. A. REDIN, *Administrativnye struktury i biurokратиia Urala v epokhu petrovskikh reform* (Ekaterinburg: Volot, 2007), 213.

18 PETERSON, *Peter*, 5–6, 114–115. Peterson mentioned both cameralism and the "police state" but could cite only the 1656 work of Seckendorf. For the Swedish background he followed NIL EDÉN, *Den svenska centralregeringens utveckling till kollegial organization i början af sjuttonde århundradet (1602–1634)* (Uppsala: Akademiska bokhandeln, 1902). Edén said nothing whatever about cameralism, giving instead an account of practical measures that eventually resulted in a collegial system: EDÉN, *Den svenska centralregeringens*, 126–127.

19 PETERSON, *Reforms*, 141–143 (Kammerkollegium).

20 PETERSON, *Reforms*, 308–311 (justice); MICHAEL ROBERTS, *Gustavus Adolphus: A History of Sweden 1611–1632* (London, Longmans, Green and Co., 1953), vol. 1, 255–349.

model is that the Sweden of the time of Gustav Adolf was not an absolute monarchy. The king was supposed to make laws with the Riksdag, and most of the great officials, including the members of the Council of the Realm (Riksråd) served for life, or at least on good behavior. If Peter was trying to create “absolutism” with a new administrative structure, the arrangements of a constitutional state with a strong aristocracy would not seem appropriate. The proclamation of absolutism in Sweden in 1680 by Charles XI certainly changed the role of the king in that state, but not its administrative structure.²¹ The changes that came after that moment were in the details, not the basic system.

Clearly none of these Swedish developments had anything to do with German cameralism. The first of the “cameralist” works, for example, is supposed to be Veit Ludwig von Seckendorff’s *Teutscher Fürsten Staat*, published only in 1655/56. Johann Joachim Becher’s *Politischer Discurs* came in 1668. Peter’s library had no copies of any of Seckendorff’s work or Becher’s discussions of politics. His library included only Becher’s *Närrische Weisheit* of 1683. There is no way to know if Peter could or did read it.²² If he did, he would have learned nothing about administration or state power. The book is a series of sketches of inventions to improve all sorts of manufactures such as weaving or casting iron, accounts of trading companies, canals, and waterworks, some the work of private individuals, some sponsored by one or another state. Peter could have gotten some ideas for the manufactures he encouraged, but nothing about the state other than economic policy, and on that only very specific proposals.

The idea that cameralism was about administration and “absolutism” has also not been the only or even dominant interpretation of that current of ideas. Cameralism in the nineteenth century was understood as an economic doctrine, a German version of mercantilism, but in the early twentieth century a new interpretation appeared that stressed the administrative side of the cameralists, even though the bulk of their work was a series of schemes, often impractical, for economic development.²³

21 ANTHONY UPTON, *Charles XI and Swedish Absolutism* (Cambridge, 1998).

22 BOBROVA, *Biblioteka*, 109. Bobrova’s list may include books added to his library collection after his death. MEDVEDKOVA, *Pierre le Grand*, does not include it.

23 GUSTAV MARCHET, *Studien über die Entwicklung der Verwaltungslehre in Deutschland von der zweiten Hälfte des 17. Jahrhunderts bis zum Ende des 18. Jahrhunderts* (1885); ALBION W. SMALL, *Cameralists* (Chicago, 1909). See in contrast HERBERT HASSINGER, *Johann Joachim Becher, 1635–1682; Ein Beitrag zur Geschichte des Merkantilismus*, Veröffentlichungen der Kommission für Neuere Geschichte Österreichs, 38 (Wien: A. Holzhausens Nfg., 1951).

More recent historians have reestablished the balance with studies of Becher's extensive involvement with alchemy and his many contacts with other scientists and inventors, not just princes.²⁴ Andre Wakefield's study of Seckendorf comes to a more radical conclusion: "Police ordinances and cameralist texts might dwell on the "common good" and the "general welfare," on how the interests of the wise prince coincided with the interests of his subjects. But in the secret sphere of the Kammer, where it was a matter of filling the duke's treasury with silver, there was no time for that. Seckendorff, in keeping with the oath of secrecy, went to his grave with that knowledge... The cameral sciences were *strategic*. By painting idealized pictures of the fiscal-police state, cameralist texts served at the same time to promote it."²⁵ In other words, cameralism was about increasing revenue: it was an economic, or rather fiscal, doctrine, and its literature was essentially propaganda. The cameralist literature was also written for the particular conditions of Germany, the small princely states or the rather unwieldy Habsburg monarchy, a jumble of separate states—Bohemia, Hungary, Upper, Lower, and Inner Austria—held together by the dynasty. Russia was something quite different.

What attracted Peter in terms of administrative matters was Sweden, not cameralist theory. Sweden was a good choice not because its administration followed any general or abstract scheme but because the Swedish state was in one crucial respect like Russia's: it was new. Sweden certainly had an ancient monarchy, but from 1397 until 1523 it was part of the united kingdom of Denmark, Norway, and Sweden under the Danish crown. When the rebellious Swedes elected Gustav Vasa king in 1523, he had to build a state that was to a large extent new, a central government and army, and a new judicial system. All he had were the local governments of the Swedish provinces, with local legal and political traditions that survived under Danish rule.²⁶ Sweden was also developing rapidly in the sixteenth century, both internally and as a military power. It was able to get northern Estonia out of the wreck of the Teutonic Order, defeating both Russia and Poland

24 PAMELA H. SMITH, *The Business of Alchemy: Science and Culture in the Holy Roman Empire* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1994), esp. 20–21, note 15, and 260–62 (on *Nährische Weisheit*).

25 ANDRE WAKEFIELD, *The Disordered Police State: German Cameralism as Science and Practice* (Chicago: University of Chicago Press, 2009), 138–39. <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226870229.001.0001>

26 NILS EDÉN, *Om centralregeringens organization under den äldre vasatiden 1523–1594* (Upsala: Almqvist och Wiksell, 1899); MICHAEL ROBERTS, *The Early Vasas: A History of Sweden 1523–1611* (Cambridge: Cambridge University Press, 1986), 189–193.

in the process. The revolt of Karl IX against his Polish Vasa relatives meant another long struggle, and it is not surprising that both he and his son Gustav Adolf rebuilt the state in the process. Peter was in a similar position: Russia had been a large but thinly settled state on the northeast periphery of Europe in 1500, and by the 1690s had grown to be more populous than either Poland or Sweden, a trading partner of the Dutch and the English, the conqueror and settler of Siberia, and a major power in northern and eastern Europe. The Swedish model was perfect: a new and simple structure for a state that indeed had a long history but a new place in the world.

Finally, the recognition that cameralism was essentially an economic doctrine about the development of revenue by means of expanded crafts and industries should lead to a closer examination of the only one of Peter's colleges that would seem to fit this model: the *Berg-kollegiia*. Peterson came to the conclusion that the Russian *Berg-kollegiia* of 1719 did not resemble the analogous Swedish institution. Furthermore, N. I. Pavlenko found German origins for the documents that established the Russian mining administration. Peterson did find many similarities in the general justification of the law establishing the *Berg-kollegiia* with the Swedish edict of 1649, but that is again before cameralism.²⁷ The first head of the *Berg-kollegiia* was Iakov Bruce, who actually did possess some of the relevant cameralist works in his library. He had three of Becher's works, but they were about alchemy and medicine.²⁸ He also owned Seckendorf's main work, which really did have some proposals about administration, but Bruce owned the 1720 edition. It would seem that he came to cameralism after he came to lead the *Berg-kollegiia*, not before.²⁹ Since the Russian mining operations in the Urals were largely the work of V. N. Tatishchev and Georg Wilhelm Henning (De-Gennin), perhaps that is another place to look for economic and technological cameralism.³⁰

27 PETERSON, *Peter*, 373–380; N. I. PAVLENKO, *Razvitie metallurgicheskoi promyshlennosti Rossii v pervoi polovine XVIII veka* (Moscow: Akademiia nauk SSSR, 1953).

28 E. A. SAVEL'eva, *Biblioteka Ia. V. Briusa* (Leningrad: Biblioteka Akademii Nauk, 1989), 34–35, 257; ROBERT COLLIS, *The Petrine Instauration: Religion, Esotericism and Science at the Court of Peter the Great 1689–1725* (Leiden-Boston: Brill, 2012), 104, 525. <https://doi.org/10.1163/9789004224391>

29 SAVEL'eva, *Biblioteka*, 257.

30 REDIN, *Administrativnye struktury*, 262–315. Redin maintains that their work showed “cameralist principles” (213) but cites no specific evidence. Tatishchev was in Germany, among other things collecting books for Iakov Bruce, and Henning came from the Siegen mining area, yet the literature about them does not seem to address the issue of cameralism or more generally their intellectual background.

Otherwise the documentable impact of (later) cameralism comes only in the *Nakaz* of Catherine the Great to the Legislative Commission of 1767.³¹

CULTURE AND THE COURT

The impact of the West on the Russian court, its ceremonies, festivals, and institutions is quite obvious, though it is a relatively new subject. The attention of scholars was focused elsewhere. Yet Peter not only reorganized the state, he also reorganized the court, with the result that the traditional Kremlin court with its division into men's and women's parts and its largely religious ceremonial gave way to a court that was little different from the European courts of the time.³²

The West European royal courts were left until recently to popular biographers and occasional art historians. In fact, the courts were centers of cultural production, a production that certainly served the interests of the monarchs but also resulted in work that remains part of the Western canon of literature and art. To be sure there were writers such as Cervantes, who had no relationship to the court and served as a soldier and minor government official. Other writers, especially playwrights like Shakespeare, were part of the court world even if not actually performing in the palace. Molière was essentially an employee of the court of Louis XIV, who produced plays and "comédies-ballets" that were presented at court for the entertainment of the king and his courtiers. Even when the Paris theater was not in the palace, as was the case of the Comédie-Française after 1680, it was in fact a court theater. The Habsburg court in Vienna had court musicians who put on a string of operas every year from the middle of the seventeenth century into the nineteenth. Many if not most of the Vienna operas and the Paris plays had some political subtext, however brilliant they may have been as art.

In this context it is striking that Peter did not have a court theater of any sort.³³ Russia had to wait for the reign of Empress Anna, who brought

31 Catherine made use of the work of the cameralists Jacob Friedrich Baron von Bielfeld and J. H. Gottlob von Justi: N. D. CHECHULIN, *Nakaz imperatritsy Ekateriny II* (St. Petersburg: Imperatorskaia Akademiia nauk, 1907), CXXXIII–CXL.

32 O. G. AGEVA, *Imperatorskii dvor Rossii 1700–1796 gody* (Moscow: Nauka, 2008); ELENA POGOSIAN, *Petr I – arkhitektori rossiiskoi istorii* (St. Petersburg: Iskusstvo-SPB, 2001).

33 He did go to some theatrical performances: on 12 January 1724 he "изволил пойти в комедию", *Pokhodnyi zhurnal 1724* (St. Petersburg, 1855): 33.

to St. Petersburg an Italian *commedia dell'arte* theater and the Neapolitan opera composer Francesco Araya. The absence of a theater at Peter's court is a notable fact, especially since his sister Natalia had one, and it needs to be explained. He knew what European court theater was like: he saw Henry Purcell's *Dioclesian* in London in 1697 and the opera *Arsace* (music by Antonio Draghi) in Vienna the same year just before he returned. In Vienna he does not seem to have been impressed, for he spent much of the performance partaking of cold drinks (it was a very hot day).³⁴ At the very least, the absence of theater in St. Petersburg means that Peter was not blindly imitating Western models.

Peter's interests in theater and music may have been undeveloped, but he certainly built a new city and a new residence for himself and his successors. That activity implied a command of architecture and the visual arts, which were certainly crucial importations from Europe. We know his tastes: Domenico Trezzini and his Peter and Paul Cathedral, the Dutch houses, the generally north European aspect of early St. Petersburg. He did not like Versailles or French architecture in general.³⁵ He did like the Italian sculptures that Savva Vladislavich-Raguzinskii acquired for him in Rome for the Summer Garden.³⁶ The result was certainly a European-style court, but a modest one by the standards of Paris or Vienna. In this sense Pushkin's bronze horseman is an anachronism: the grand imperial city of St. Petersburg was the creation of Peter's successors. One has only to see pictures of the Peterhof of his time and compare it with the buildings

34 Bogoslovskii did not identify the performances in London or Vienna: M. M. BOGOSLOVSKII, *Petr I*, vol. 2 (1941), 302, 478–479, nor did LEO LOEWENSON, "Some Detail of Peter the Great's Stay in England in 1698: Neglected English Material," *Slavonic and East European Review* 40, no. 95 (June 1962): 436–437. There was no other opera performed at that time in London with that title. The Vienna performance was to honor Emperor Leopold's birthday (9/19 June). The identification of the Vienna performance comes from ALEXANDER VON WEILEN, *Zur Wiener Theatergeschichte* (Vienna: Alfred Hölder, 1901), 54; ANTONIO DRAGHI *Arsace fondatore dell'imperio de' Parthi* (Vienna: Susanna Cristina [1698]). I am very grateful to Suzanne Lovejoy of the Gilmore Music Library at Yale University for finding the libretto of *Arsace*.

35 JAMES CRACRAFT, *The Petrine Revolution in Russian Architecture* (Chicago: University of Chicago Press, 1988), 147–154. SERGEI MEZIN, *Petr I vo Frantsii* (St. Petersburg: Evropeiskii dom, 2015), 158, notes his tastes but argues that he liked the French "representation of power", but the fact is that his palaces in St. Petersburg were quite modest compared to Versailles. If Peter imitated any French palace, it was Marly, not Versailles. Like the first Peterhof, this was a modest building with an elaborate park and water works.

36 S. O. ANDROSOV, *Ital'ianskaia skul'ptura v sobranii Petra Velikogo* (St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 1999).

today. The only palace that came close to the later versions was the last Winter Palace of 1720.

SCIENCE AND RELIGION

Modern historians of science have spilt much ink revising the nineteenth-century notion of a conflict between science and religion in the early modern era. The recent trend has been to emphasize cooperation or at least coexistence and compromise rather than a sharp scientific “revolution”. The emphasis has been on a slow and gradual replacement of Aristotelianism that lasted until well into the eighteenth century. Thus, the Jesuits tried to put together Aristotle, Ptolemy, and Copernicus by following Tycho Brahe, a system that actually got to Russia by way of the Leichoudes brothers. The problem for Russian historians is that the issues were quite different. Medieval Russia had no tradition of Aristotelian interpretation of the natural world. It had only the most elementary conceptions of nature inherited from the church fathers such as Basil the Great’s *Hexaemeron*, an account of creation as portrayed in the Bible with some bits of ancient natural science here and there.³⁷ Only in the Kiev Academy (from 1654 part of Russia) and then the Slavo-Greco-Latin Academy (the 1680s) did Aristotelian natural philosophy appear in Russia, and already in a form that tried to make some compromises with the new science.³⁸ In the course of his reign Peter imported this new natural science of the late seventeenth century, with all its internal debates and contradictions and its complex institutional structure. The church had nothing to oppose it, so Peter simply added an entirely new body of knowledge.

Natural science was perhaps Peter’s most personal contribution to the process of Westernization, but it did not come all at once. It began with the *Kunstkamera*, a typical court product, and the Academy of Sciences.³⁹ The *Kunstkamera* was very much Peter’s creation, coming as it did out of his

37 The modest knowledge of medieval Rus’ in the natural sciences is chronicled in R. A. SIMONOV, *Estestvennonauchnaia mysl’ Drevnei Rusi* (Moscow: MGUP, 2001).

38 NIKOLAOS A. CHRISSIDIS, *An Academy at the Court of the Tsars: Greek scholars and Jesuit Education in Early Modern Russia* (DeKalb, Ill.: NIU Press, 2016).

39 T. V. STANIUKOVICH, *Kunstkamera Peterburgskoi Akademii nauk* (Moscow-Leningrad: Izdatel’stvo Akademii nauk SSSR, 1953); JOZINA J. DRIESSEN-VAN HET REVE, *De Kunstkamera van Peter de Grote: de Hollandse inbreng, gereconstrueerd uit brieven van Albert Seba en Johann Daniel Schumacher uit de jaren 1711–1752* (Hilversum: Verloren, 2006); KOPELEVICH, *Osnovanie*, 32–79.

time in Holland in 1697. The publications that came from the printing press on Peter's initiative included many translations of basic introductions to Western natural science, textbooks of mathematics and semi-popular introductions like the *Geographia Generalis* of Bernhard Varenius (1650, translated 1718).⁴⁰ Varenius did not provide a description of all the areas of the world, as the title might imply, so much as an introduction to geometry, a mathematical description of the earth and the meaning of longitude and latitude, and an account of the nature of mountains, lakes, rivers, and other natural features, and their causes. That is, it was an introduction to geology, meteorology, and other relevant sciences. Beyond publications there was also a library. The library that became the Academy's library came into being in 1714, again growing out Peter's own and inherited collections. In that year Johann Daniel Schumacher came to St. Petersburg to be the principal librarian, and it was he whom Peter delegated to travel in Europe in 1721, speaking with Christian Wolff and other luminaries to set up the Academy of Sciences. The Academy had an impact beyond the court, even if it was not really a "public" institution in the later sense.⁴¹ It was, however, the result of the tsar's initiative and remained part of the monarchy as was the case in Prussia or France. The academy in France came into being in 1666 on the initiative of Colbert, but its statute dates from 1699. It was a royal institution, its members named by the king and its meetings held in the Louvre.⁴² The Prussian academy of 1700 was also a royal institution, if founded on the initiative of Leibniz.⁴³ The Royal Society, in contrast, was a private society even if it enjoyed the patronage of the king.⁴⁴ This was not an arrangement possible in continental Europe.

What then was or was not, unique to Peter's Russia in the *Kunstkamera* and the Academy? One part of the story was the tsar's personal interest in the natural world, the practical part rather than the theoretical, but still

40 T. A. BYKOVA, M. M. GUREVICH, *Opisanie izdaniĭ grazhdanskoi pečati 1708-ianvar' 1725* (Moscow-Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk, 1955), 237-239; BERNHARDUS VARENIUS, *Geographia generalis* (Amsterdam: Officina Elzeviriana, 1671). See MARGARET SCHUCHARD, *Bernhard Varenius* (Brill, 2007). <https://doi.org/10.1163/ej.9789004163638.i-351>

41 G.I. SMAGINA, *Akademiia nauk i Rossiiskaia shkola: vtoraiia polovina XVIII v.* (St. Petersburg: Nauka, 1996).

42 ROGER HAHN, *Anatomy of a Scientific Institution: The Paris Academy of Sciences 1666-1803* (1971). <https://doi.org/10.1525/9780520336056>

43 ADOLF HARNACK, *Geschichte der königlichen preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin*, B. 1/1 (Berlin: Reichsdruckerei, 1900), 1-244.

44 MICHAEL HUNTER, *Establishing the New Science: The Experience of the Early Royal Society* (Woodbridge, Suffolk; Wolfenboro, N.H., USA: Boydell Press, 1989).

very real. This was not absolutely unique, since several European rulers shared his enthusiasm. One part that was unique was simply speed. Peter made the evolution in thirty years that Western courts had witnessed in the whole period from the early sixteenth century of Aristotelianism to the late seventeenth century of the new science, from court patronage and cabinets of curiosities to academies of science.⁴⁵

What Peter gave to Russia was the natural sciences and what we now call engineering or technology. The Academy, it should be noted, did have a section for history and philology, but it was not filled until much later. In France, language and all that went with it was the province of the Académie Française, and Russia was not to get such an institution until much later. This was understandable, as the Russian language was very much in flux and there was almost no one in Russia with the understanding of language and literature current in the West at that time. There were only a few Slavonic grammars composed on the model of Baroque-era Latin grammars. For literature the translations from Polish and the court poetry and rhetoric of Simeon Polotskii and Karion Istomin in the later seventeenth century provided a new model of literature, with some secular elements.⁴⁶ Even if Peter established no academy of literature, language was not neglected. In 1708–10 Peter ordered his publisher Polikarpov to publish books on history and science in the new “civil script”. The texts were also more or less vernacular, such as the first textbook of geometry of 1708. The *Geographia Generalis* came out in a form of Russian literary language that was no longer Slavonic or Old Russian, but a newer “simple” language closer to the vernacular. The reform of language followed the natural sciences and history.⁴⁷ Peter’s commands to Polikarpov were not merely the whims of a powerful ruler. Printing in Russia, from its appearance in the 1560s until late in the reign of Catherine the Great was not driven by the demand of the book market, as in the West. Most Russians were satisfied with manuscript books well into the eighteenth century and books could only be printed at a state-subsidized, and thus

45 BRUCE T. MORAN, “Courts and Academies,” in *The Cambridge History of Science* vol. 3 (2006), 251–71. <https://doi.org/10.1017/CHOL9780521572446.012>

46 L. I. SAZONOVA, *Literaturnaia kul'tura Rossii: Ranee novoe vremia* (Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur, 2006); S. I. NIKOLAEV, *Pol'skaia poeziia v russkikh perevodakh (XVII–XVIII vv.)* (Leningrad: Nauka, 1989).

47 V. M. ZHIVOV, *Iazyk i kul'tura v Rossii XVIII veka* (Moscow: Iazyki russkoi kul'tury, 1996), 91–92. T. A. BYKOVA, M. M. GUREVICH, *Opisanie zdaniĭ grazhdanskoi pečati 1708-ianvar' 1725 g.* (Moscow-Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1955). Other books in 1708–09 dealt with geometry and fortification.

state-directed, press. The audience for printed books was small and very much drawn from the elite, besides a few educated clerics.

Peter and his court were not insensitive to the need for more modern forms of history as well. That meant a more universal conception of world history, ancient and modern, than the *Khronograf's* story of the Bible and the Roman Empire. In 1709, with the battle of Poltava looming, Polikarpov's press put out the sixteenth-century Russian translation of Guido delle Colonne's *Historia destructionis Troiae*, a thirteenth-century account of the Trojan war, and the story of Alexander the Great by Quintus Curtius (first century AD).⁴⁸ Later, in 1719 (and 1724) came Samuel Pufendorf's *Introduction to the History of Europe*, a very widely read basic work for students, translated into most European languages and circulating even to far-off Connecticut in North America. Older classics like Cesare Baronio (1719) and Wilhelm Stratemann (1724) appeared as well, offering respectively Catholic and Protestant views of the history of the church and the world. Peter's sponsorship of a history of the Northern War was also a radical departure from the Russian traditions of chronicles and the various editions of the Book of Degrees.⁴⁹ This reading matter was not merely for learning. Pufendorf thought that his history would be useful because he was looking at each state without passion, at the strengths and weaknesses of its form of government.⁵⁰ Peter's court ceremonies and public events assumed an awareness of the basic facts of the history of antiquity, as is clear already in the victory parade after the fall of Azov in 1697.⁵¹ Peter's language of presentation of the monarchy and its victories now added a secular, mainly classical element, to the older religious framework.

That being said, Peter's most fundamental contribution was the natural sciences, something entirely new. The only people at Peter's court with any knowledge of that world were all foreigners: Frans Timmerman, Laurent Blumentrost, Areskine, and Iakov Bruce. To be sure they were involved both in what we now call science and the more dubious enterprises of alchemy, esoteric knowledge, but these interests were normal in the Europe of that

48 POGOSIAN, *Petr I*, 191–197; Bykova-Gurevich *Opisanie*, 88–89, 91.

49 POGOSIAN, *Petr I*, 244–286. *Gistoriia Sveiskoi voiny*, ed. T. S. MAIKOVA, 2 vols. (Moscow: Krug, 2004).

50 SAMUEL PUFENDORF, *Einleitung zu der Historie der vornehmsten Reiche und Staaten so itziger Zeit in Europa sich befinden* (Frankfurt, 1704), iii.

51 E. A. TIUKHMENEVA, *Iskusstvo triumfal'nykh vrat v Rossii pervoi poloviny XVIII veka* (Moscow: Progress-traditsiia, 2005), 67–92, 111–126.

time.⁵² Christian Wolff, the main Western adviser on the Academy, wrote to Blumentrost and Schumacher about the perpetual motion machine of Orfyrraeus (Johann Bessler), a project that attracted the attention of both rulers and scientists in the 1720s.⁵³ What Peter's Academy did was to bring to St. Petersburg West European scientists who were fully qualified and reputable, if not great geniuses. Genius was not what was needed, rather a solid knowledge of the subject and the most recent discoveries.

With its academy Russia was now in the same category as France, England, Sweden, and Prussia.⁵⁴ It was in fact ahead of Poland, until recently a source of knowledge for Russia, and most notably Austria. The Habsburg lands did not have an academy of sciences until 1847, and its universities were not the leaders in the Holy Roman Empire. They were still under the control of the church. The subsequent history of the Russian Academy is well known if still controversial. It was not, as often portrayed by nationalistically inclined historians, an assembly of foreigners with little relation to Russia other than the heroic figure of Lomonosov. Leonhard Euler's *Lettres à une princesse d'Allemagne sur divers sujets de physique et philosophie* (1768) was the basis for lectures he delivered (in French) to the Petersburg elite. It was also translated into Russian and went through four editions in the eighteenth century.⁵⁵ Euler first came to Russia in 1727 and seems to have learned some Russian. The Academy eventually published one of his mathematics textbooks in Russian and he had Russian students, all to be sure during his second time in Russia after 1766.⁵⁶

The science that came to Russia at Peter's prompting was new to the Russians in nearly all its details, but it was also new in Western Europe, the final phase of the replacement of Aristotle. It was a new description and analysis of the motions of the planets, the behavior of gases, of the circulation of the blood and many other things. It was also "operational"

52 ROBERT COLLIS, *The Petrine Instauration: Religion, Esotericism and Science at the Court of Peter the Great (1689–1725)* (Leiden-Boston: Brill, 2012).

53 *Briefe von Christian Wolff aus den Jahren 1719–1753* (St. Petersburg: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften, 1860), 161–164.

54 Sweden's Royal Society of Sciences in Uppsala was founded in 1710 but became the Royal Academy (Kungliga Vetenskaps Societeten in Uppsala) only in 1728. See its *Acta literaria Sueciae*, vol. 1, which contained mostly publications in natural sciences in spite of its title. Denmark had no Academy until 1742.

55 SMAGINA, *Akademiia nauk*, 20–23, 27.

56 RONALD S. CALINGER, *Leonhard Euler: Mathematical Genius in the Enlightenment* (Princeton: Princeton University Press, 2016). <https://doi.org/10.1515/9781400866632>

in the words of Peter Dear.⁵⁷ That is to say, it was directed at both a new understanding and at utility. New machines or processes, not just new theories, were part of the aims. That meant both a different relationship to nature and a different role for knowledge in society and the state.

ELITE RECEPTION

Finally, there is the question of audience. To what extent any of Peter's cultural innovations spread to the population at large is very difficult to assess. In the case of the church there were certainly many cases of discontent with the new culture, but the church elite was certainly in the Western camp, however they disagreed among themselves. Part of the reason was Peter's promotion of Ukrainians to the leadership roles in the church. The first to be promoted was Stefan Iavorskii, whose principal work, the *Kamen' very*, was mostly an adaptation of the work of Cardinal Robert Bellarmine SJ.⁵⁸ After the arrival of Feofan Prokopovich in the new capital in 1716, he and his Protestant-influenced theology dominated the church until his death.⁵⁹ The church elite was a force for Westernization, even if some of the bishops, like Iavorskii, did not follow Peter in all his attitudes and policies.

The story of the elite of laymen, the boyars, their sons and relatives, as well as the lesser landholders, is less well known, aside from a few major figures.⁶⁰ In 1697–98 Peter sent several hundred young noblemen, mostly “tsaredvortsy” to Holland and Venice, especially to study navigation, but of course in order to do that they had to learn the local languages and basic mathematics. Petr Andreevich Tolstoi was one of those and left a fairly

57 PETER DEAR, *Revolutionizing the Sciences: European Knowledge and Its Ambitions 1500–1700*. 2d.ed. (Princeton-Oxford: Princeton University Press, 2009). See also STEVEN SHAPIN, *The Scientific Revolution*, 2d ed. (Chicago; Chicago University Press, 2018); and KATHARINE PARK, LORRAINE DASTON (eds.), *The Cambridge History of Science*, vol. 3: *Early Modern Science* (Cambridge: Cambridge University Press, 2006).

58 IOANN MOREV, “Kamen' very” *Mitropolita Stefan Iavorskogo* (St. Petersburg, 1904).

59 ANDREY IVANOV, *A Spiritual Revolution: The Impact of Reformation and Enlightenment in Orthodox Russia* (Madison, WI: University of Wisconsin Press, 2020), 3–88. <https://doi.org/10.2307/j.ctv17hmb4d>

60 The prominent foreigners, Patrick Gordon, Robert Erskine, Iakov Bruce, and the many Germans were both transmitters of Western culture and part of the audience. Theirs is a complex and important story but does not directly provide information on the Russian audience for Peter's innovations in culture.

detailed diary.⁶¹ This was a more powerful impulse than the small number of graduates of the Slavo-Greco-Latin Academy but unfortunately has not had as much scholarly attention. This experience and later diplomatic service put some of them and others in intimate contact with Western cities and courts.

Tolstoi's diary of his time in Italy reveals his attitudes and response to Western culture.⁶² He spent the longest time of his travels in Venice. There he noted with appreciation both the opera, with its stories (*istorii*) set to music, and the comedies, which were not as good as the opera but still entertaining.⁶³ He tells us little of his studies except to note the presence in the city of Vincenzo Coronelli, then a famous maker of globes and maps, supported, according to Tolstoi, by the Venetian republic (*Rech' pospolitaiia*). He was impressed by the number and skill of the Venetian artisans, the extent and quality of the market, and the puppet shows that flourished in the public squares. He also reported the more exotic side of the city, the marriage of the Doge to the sea on Ascension Day and the famous Venetian courtesans. On the church he appreciated the beauty of the cathedrals, the presence of preachers who spoke to the public in Italian, and the nuns who put on services with singing that was so good that visitors came to Venice to hear it (the *Ospedali grandi*). There is much about daily life, such as the high quality of food at Venetian *osterie* and their cleanliness. Overall, the impression is that Tolstoi liked Venice, both the high culture and the daily life.⁶⁴ Yet, born in 1652, he was also well versed in the traditions of

61 *Puteshestvie stol'nika P. A. Tolstogo po Evrope 1697–1699*, eds. L. A. OL'SHEVSKAIA, S. N. TRAVNIKOV (Moscow: Nauka, 1992).

62 Tolstoi (1652–1729) came from a poor gentry family and served in the army during the wars of the 1660s and 1670s. A stol'nik from 1671 to Tsaritsa Natal'ia, he later served under Ivan Miloslavskii and in the court of Tsar Ivan, Peter's brother. Voevoda of Ustiug by 1693, his onetime connection to Miloslavskii apparently had no influence on his career, as he served at Azov and then was sent to Italy. He is most famous for his role in bringing Tsarevich Aleksei back to Russia in 1717–18. *Puteshestvie*, 254–255; PAUL BUSHKOVITCH, *Peter the Great: The Struggle for Power 1671–1725* (Cambridge: Cambridge University Press, 2001), 376–388, 401–411.

63 P. A. TOLSTOI, 106, TIM CARTER, "Mask and Illusion: Italian Opera after 1637," in TIM CARTER, JOHN BUTT (eds.), *The Cambridge History of Seventeenth-Century Music* (Cambridge: Cambridge University Press, 2005), 241–282. <https://doi.org/10.1017/CHOL9780521792738.010>; ELLEN ROSAND, *Opera in Seventeenth-Century Venice: The Creation of a Genre* (Berkeley: University of California Press, 1991); ELEANOR SELFRIDGE-FIELD, *A New Chronology of Venetian Opera and Related Genres, 1660–1760* (Stanford, CA: Stanford University Press, 2007). <https://doi.org/10.1515/9781503619975>

64 TOLSTOI, *Puteshestvie*, 101–111. On the many ceremonies that Tolstoi described see EDWARD MUIR, *Civic Ritual in Renaissance Venice* (Princeton: Princeton University Press,

Orthodoxy. He attended the Greek church in Venice and noted the deviations from Russian practice in the ritual of the services.⁶⁵ Nowhere in the text is there any sense of rejection of Western culture.

Another of the same contingent of noblemen was Prince Boris Kurakin.⁶⁶ Kurakin (1676–1727) was actually Peter’s brother-in-law (Tsaritsa Evdokiia was the sister of Kurakin’s wife) and had an important diplomatic career from 1707 onward. He also wrote a history of the early reign of Peter, as well as an autobiography in the form of travel notes and much surviving correspondence. The very first line of his autobiography demonstrates the impact of his time and studies in Venice: “Vita del principe Boris Kurakin”. In it he tells us that in Venice he learned mathematics: arithmetic, geometry, trigonometry, navigation, ballistics, and fortification. He also learned to speak, read, and write Italian, “dovolen”.⁶⁷ He described Peter’s first reforms: the new Order of St. Andrew, the introduction of “Hungarian” dress, and the first financial innovations. He also noted the establishment of the Blizhnaia kantseliariia under Nikita Zotov, and praised it.⁶⁸ The rest of the text continued to list Peter’s further innovations in a very neutral tone, among them a brief mention of the new schools (the School of Navigation) and the German comedy.⁶⁹ In 1705–06 he was in Karlsbad for a cure of one of his many illnesses and had his sons study German.⁷⁰ In 1707 he was in Rome on diplomatic business with Pope Clement XI and recounted the great honor his reception there did him.⁷¹ On the way home he stopped in Venice, visiting his old friend Francesco Morosini (presumably a relative of the Doge and commander) and acquiring a mistress, a “citadina” named Francesca Rota, and he nearly fought a duel with two Venetian “dzhentiliomy,” Pallavicini and Spioveni.⁷² Back in Russia he had his son study Latin.⁷³ In 1708 he sent Peter some books from Hamburg: Handel’s

1981). <https://doi.org/10.1515/9780691201351>

65 TOLSTOI, *Puteshestvie*, 99–100.

66 ERNEST A. ZITSER, “The Vita of Prince Boris Ivanovich ‘Korybut’-Kurakin: Personal Life-Writing and Aristocratic Self-Fashioning at the Court of Peter the Great,” *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 2011, Neue Folge, B. 59/2, 163–194. Iu V. TRIFANKOVA, “Diplomat B. I. Kurakin: Portret na fone epokhi”, *Vestnik Cheliabinskogo Gos. Universiteta*, no. 11 (2011): 97–101.

67 M. I. SEMEVSKII (ed.), *Arkhiv F. A. Kurakina I* (S. Petersburg: Balashev, 1890), 255.

68 *Arkhiv Kurakina I*, 257–258.

69 *Arkhiv Kurakina I*, 259–287, 268–269 (schools and theater)

70 *Arkhiv Kurakina I*, 274.

71 *Arkhiv Kurakina I*, 276–77.

72 *Arkhiv Kurakina I*, 278–79.

73 *Arkhiv Kurakina I*, 283.

oratorio *Armida abbandonata*, and some other musical pieces (scores? libretti?).⁷⁴ Kurakin was present at the battle of Poltava, commanding the Semenovskii regiment, but says nothing about it. Instead, he records the coldness of the tsar to him, Menshikov's friendship, and the rivalry and hostility of Peter's other favorite, Prince V.V. Dolgorukii.⁷⁵ Kurakin was a hypochondriac, obsessed with honor and position, but a capable diplomat. He even enjoyed Handel's music, which he heard in London in 1711 at the ceremonies for Queen Anne's birthday. He thought it was much better than any Italian music.⁷⁶ There is nothing in his autobiography that suggests that he was in any way hostile to the Westernization of Russian culture, even though he seems to have been sympathetic to Tsarevich Aleksei and critical of Peter.⁷⁷

A third member of the elite about whom there is information on cultural attitudes is Andrei Artamonovich Matveev. Born in 1666, he was the son of Artamon Sergeevich Matveev, the principal favorite of Tsar Aleksei in his last years and a loyal ally of the Naryshkins, who was killed by the musketeers in 1682. Andrei Artamonovich soon became a chamber stol'nik (of whom?), an okol'nichii in 1692 and a voevoda in the north in 1692-94. He knew Latin, which served him well in his later diplomatic career. He owned one of the manuscript translations from Polish of Baronio and in his manuscript history of the 1682 revolt of the musketeers referred to the work of Saavedra Fajardo.⁷⁸ By the time of his death in 1728 he had a library of over six hundred books, most of them in Latin with some in French.⁷⁹ Perhaps best known for his account of the 1682 musketeer revolt that led to the enthronement of Ivan Alekseevich as co-tsar along with Peter, he also produced a detailed description of Paris, the French court and the government of Louis XIV as part of his diplomatic service in The Hague. To present Paris he combined his own observations with factual detail drawn

74 *Arkhiv Kurakina IV* (Saratov: Iakovlev, 1893), 130-132.

75 *Arkhiv Kurakina I*, 283-85. The relevant passages are in Italian.

76 *Arkhiv Kurakina IV*, 6.

77 The autobiography contains no hint of these attitudes other than the lack of warmth from Peter. For his political sympathies see BUSHKOVITCH, *Peter*, 420-421, 437-439, 441-442.

78 A. I. SOBOLEVSKII, *Perevodnaia literatura Moskovskoi Rusi XIV-XVII vekov*, eds. B. A. USPENSKII, DIETRICH FREYDANK (Köln-Wien: Böhlau Verlag, 1989), 85; BUSHKOVITCH, *Peter*, 440, n. 41.

79 I. M. POLONSKAIA et al., *Biblioteka A. A. Matveeva* (Moscow: Gos. Biblioteka SSSR im. V. I. Lenina, 1986).

from a French description of the city that he bought while he was there.⁸⁰ The report covered not only architecture and politics. He did not neglect to describe with admiration the education of the king's son and grandson at the hands of Bossuet and Fénélon, the Sorbonne, the Académie Française, the Academy of Sciences, and the king's art collection. He singled out Veronese and Charles Lebrun for praise, the latter also for his paintings in the gallery at Versailles. Matveev was at home in West European culture. There are traces of his upbringing: he calls the portraits by Hyacinthe Rigaud, Louis XIV's favorite painter "portrety, ili zhivopisnye persony".⁸¹ He thought so well of Rigaud that he had him paint portraits of himself and his wife, now in the Hermitage.

Matveev's account of France also allows some conclusions about his views of the state, monarchy, and the visual representation of kings in ceremony, festival, and royal palaces. His account ends with a detailed description of the Hall of Mirrors (la galerie des Glaces) in the palace at Versailles. Much of the description is taken up with the details of carving and architecture, but the ceiling and walls also displayed the work of Charles Lebrun, who depicted the first twenty years of the reign of Louis XIV. In the contemporary description, first place went to the painting of the king taking charge of the state on his majority in 1661: "le sujet du plus grand de ces Tableaux, qu'on doit regarder comme le premier."⁸² Matveev did not mention this; for him it was the other pictures of the military victories and triumphs that counted.⁸³ His account of the French court, government, and administration follows the structure found in *L'état de la France*, a semi-official publication that he kept in his library.⁸⁴ What Matveev added were descriptions of the character and abilities of

80 GERMAIN BRICE, *Description nouvelle de la ville de Paris*, 3 vols. (Paris: Nicolas le Gras, 1706); POLONSKAIA, *Biblioteka Matveeva*, 72; I. S. SHARKOVA (ed.), *Russkii diplomat vo Frantsii (Zapiski Andreia Matveeva)* (Leningrad: Nauka, 1972), 48–70.

81 SHARKOVA (ed.), *Russkii diplomat*, 85–86, 210–223; Rigaud: 220.

82 PIERRE RAINSSANT, *Explication des Tableaux de la Galerie de Versailles et de ses deux salons* (Versailles: Par ordre exprès de sa Majesté, 1688), 9; PETER BURKE, *The Fabrication of Louis XIV* (New Haven–London: Yale University Press, 1992), 61–64. Matveev owned a description of the palace, but it was almost entirely devoted to the gardens and the sculpture in them. The Hall of Mirrors was barely mentioned: ANDRÉ FÉLIBIEN, *La description du chateau de Versailles* (Paris: Florentin et Pierre Delaulne, 1696) (POLONSKAIA, *Biblioteka Matveeva*, 94).

83 SHARKOVA, *Russkii diplomat*, 231.

84 POLONSKAIA, *Biblioteka Matveeva*, 93–94. On his copy he wrote his name on the title page in Latin script as "De Matveof" but on another page wrote his name in Russian with the title *blizhnii okol'nichii*.

the dignitaries. Thus, writing about the controller general of finances and secretary of state for the army, Michel Chamillart, he reported that his rise was due to the influence of Madame de Maintenon, and that he was mild in temper, not very efficient and not well liked by the officers in the army.⁸⁵ His work combined his experiences and observation with research on French descriptions of the city, the court, and the government. He saw the West mostly as the people of Western Europe did and reported in that manner back to Peter.

One of the few other boyars who left records and was also the subject of scholarly study is Boris Sheremetev.⁸⁶ Boris Petrovich was the son of Petr Vasil'evich Sheremetev (died 1690), boyar from 1656, an important general and diplomat and in 1665–6 and again in 1681–82 voevoda of Kiev. There he supported the needs of the Kiev Academy and he met Patrick Gordon, with whom he remained in friendly correspondence.⁸⁷ Boris Petrovich (born 1652) spent some of his youth in Kiev with his father and married in 1669. He was an okol'nichii from 1676 and a boyar from 1682.⁸⁸ His career in the 1680s and 1690s was mainly military with some diplomacy, including a delegation to Emperor Leopold, to Pope Innocent XII, and to the Order of Malta in 1697–99.⁸⁹ The account he left of the embassy is to a large extent typical of the older Russian *stateinye spiski* compiled by ambassadors or their clerks, but has some new elements.⁹⁰ In January 1698 he arrived in Venice and met there the Russian noblemen studying in the city: Prince P. A. Golitsyn, Prince V. M. Dolgorukii, and Avram Lopukhin.⁹¹ He continued the journey with his two brothers, Vasilii and Vladimir Sheremetev, also among the contingent of Russians in Venice. In Venice he attended the Orthodox church but he went on to describe in some detail the churches and shrines of Italy, including the shrine of the Virgin at Loreto, where he

85 SHARKOVA, *Russkii diplomat*, 164–165. Matveev provided a full list and description of the king's mistresses and their children: *Ibid.*, 96–100.

86 A. I. ZAOZERSKII, *Fel'dmarshal B. P. Sheremetev* (Moscow: Nauka, 1989).

87 *Diary of General Patrick Gordon of Auschlechries 1635–699, Volume IV: 1684–1689*, ed. DMITRY FEDOSOV (Aberdeen: Aberdeen University Press, 2013); ZAOZERSKII, *Fel'dmarshal*, 12–13.

88 BUSHKOVITCH, *Peter*, 134

89 ZAOZERSKII, *Fel'dmarshal*, 15.

90 *Pamiatniki diplomaticheskikh snoshenii drevnei Rossii s derzhavami inostrannymi (PDS)* (St. Petersburg: 1871), vol. X.

91 PDS X, 1625–1626.

stayed twenty-four hours to pray (*dlia nabozhenstva*).⁹² In Rome, besides the audience with Pope Innocent XI he saw the many relics in the churches, which seemed to interest him more than the city itself or its architecture, and he heard mass in St. Peter's. He also visited the hospital of the Holy Spirit and the Jesuit monastery.⁹³ The aim of the journey was actually Malta, where he also visited churches and relics as well as the fortifications. The high point was the Grand Master's presentation of the cross of the Order of Malta.⁹⁴ In Naples he visited the Carthusian monastery of San Martino at the invitation of the papal nuncio. Here there were no relics, but Sheremetev admired both the beauty of the church and the strictness of the life of the monks. Then he went to the Jesuit academy (presumably the Collegio Massimo), where the fathers taught both the written sciences and the military arts. One of the students, the son of a "senator," gave a speech in Latin, and then Sheremetev was treated to a display of fencing and athletics.⁹⁵ After his return to Russia Sheremetev continued to serve in the army and Peter appointed him *fel'dmarshal* in 1702. He served in that capacity until his death in 1719, effectively the head of the Russian army under the tsar. Sheremetev's culture seems to have had its roots in the Polish-Latin culture that was finding favor among the Russian elite from the 1660's, probably reinforced by his contacts in Kiev. Again, there is no trace of hostility to Western culture or to the Catholic Church, of which he was quite respectful. Apparently, back in Moscow there was a rumor that the pope had blessed him, but the report only says that the pope kissed him on the head as he departed.⁹⁶ Eventually, he was the subject of equestrian and other portraits in the style of European art, the extant ones showing him with the Maltese cross. Whatever Sheremetev may have thought about Peter's particular innovations, he seems to have absorbed parts of Western culture without difficulty.

Perhaps the final word on the Westernization of Russian culture should go to a member of the Russian aristocracy who lived almost entirely in the new Russian-European culture, Prince V. N. Tatishchev. When Peter died in January 1725 Tatishchev was visiting the Swedish copper mine at Falun in Dalarna and he sent to I. A. Cherkasov (Peter's Kabinet-sekretar') a brief sketch of the late emperor's accomplishments. He listed Peter's

92 PDS X, 1630–31

93 PDS X, 1632–1635, 1640–1643.

94 PDS X, 1668–1674.

95 PDS X, 1683–1685.

96 BUSHKOVITCH, *Peter*, 202; PDS X, 1640.

victories and conquests, but also said that in spite of them: “he enriched his state, multiplied many times the manufactures and the merchantry, revealed the free sciences and arts [i.e. liberal arts], refuted superstition; brought good government [*pravlenie*], spiritual and worldly, into the desired condition, left jurisprudence in the highest condition in the whole state, and assiduously rooted out bribery and wrong-doing, which was not achieved with the greatest foresight for all the previous great and notable monarchs and republics.”⁹⁷

The Westernization of Russian culture in Peter’s time was his most fundamental and long-lasting legacy. The state that he reformed and built changed over time and was ultimately swept away in 1917, but the culture remained. The reordering of Russian culture was to a great extent the result of his initiatives, but it is clear that the social and political elite of Russia not only went along with Westernization but in modest ways began to pick and choose among the Western cultural phenomena that they encountered. It is not necessary to try to find Western ideas that were not there, such as absolutism or cameralism, to recognize the enormous scope of that revolution.

97 A. N. IUKHT (ed.), *Vasilii Nikitich Tatishchev: Zapiski, Pis'ma 1717–1750 gg.* (Nauchnoe nasledstvo 14, Moscow: Nauka, 1990), 107.

Historiographies on Russia:
the 18th Century and Before¹

Историографии истории и предыстории
России XVIII в.

A 18. századi és azelőtti Oroszország
historiográfiái

¹ “Historiographies on Russia: the 18th Century and Before” is the third part of our series, “Historiographies of Russia’s History (862–1801) from 2000 to 2020”. All “national” historiographies have their own specific profile, so it is legitimate for their study and description also to be specific. Presentation of their peculiarities can, in itself, evoke great historiographical interest. (*Editor’s note.*)

GARY MARKER

RUSSIA'S EIGHTEENTH CENTURY IN RECENT US HISTORIOGRAPHY¹

Eighteenth-century Russian studies in the US has witnessed a number of notable shifts over the past two decades, including a movement away from grand narratives and over-determined teleologies, the emergence of new areas of concentration, new approaches to old questions, and—most significantly—the collapse of the Russia/West antinome in historiography. This article highlights five vectors in which some of the most original work is currently taking place: the multiplicity of blurred boundaries; the place and practices of religions and confessions (Russian Orthodox as well as others); empire as multi-peopled and as state formation; structures of society and lived experiences; and gender. Within each of them the field has seen a resurgence of source-based empirical research, as well as skepticism toward received wisdoms. There has also been a desire to look beyond the metropole and centers of power and to concentrate on experiences far removed from St. Petersburg and Moscow, sometimes in the form of micro-studies, other times in the form of regional or non-Russian outlooks. The essay offers a brief discussion of each of these vectors, identifies some of the most noteworthy scholarship in each, and concludes with some suggestions regarding where the field might go next.

Keywords: Russia, eighteenth century, US, religion, empire, gender, structures of society, blurred boundaries

Gary Marker (PhD) – Professor Emeritus of History at Stony Brook University, Stony Brook, New York, USA. E-mail: Gary.Marker@Stonybrook.edu

¹ Citation: GARY MARKER, “Russia’s Eighteenth Century in Recent US Historiography”, *RussianStudiesHu* 4, no. 1 (2022): 25 pp. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2022.4.1

INTRODUCTION

These days, Russia occupies a far smaller space within American academia than it did during the decades of the Cold War. If one goes simply by the numbers of PhDs and new English-language publications from the past two decades, the study of Russian history has ebbed considerably from those towering heights. This diminution, and the inevitable shifts in interests that occur from one generation to the next have meant that our field today looks very different in virtually all respects from what it was previously. And what is true for the field overall is acutely so for the pre-modern periods. Formerly prominent areas of eighteenth-century research, including new social history, the service careers of nobility, foreign policy, legal institutions, intellectual history, economic history, serfdom, and peasant rebellions (whither Pugachevshchina?) still generate interest, but considerably less than in decades past.

If one looks beyond the metrics and the dimming of old standard bearers, however, to the research itself, the picture looks a good deal livelier. *Dixieitism* remains a productive and innovative space of American Rusistica, and arguably more imaginative and multi-dimensional than in bygone times. Where once our research was shaped in large measure by a handful of core paradigms and “eternal questions” (antinomes of Russia-and-the-West, backwardness-and-civilization, the place of intelligentsia, etc.) current specialists have, with a few noteworthy exceptions, mostly dispensed with a priori paradigms. One finds a healthy skepticism toward nearly all received generalizations, and an inclination instead to return to the sources, especially little-used, previously unexplored, and provincial ones. Archival research—at least prior to COVID-19—has flourished. Openness to new or little explored questions has become commonplace; research on life in the provinces and on non-Russian peoples occupies a place of prominence, as do micro-historical life experiences, gender, religion, and many other sites of research.

One thing that has *not* changed is the sub-field’s long tradition of interdisciplinarity. If anything, it is now more extensive than before, with the recent incorporation of visual texts (see for example, Levitt, 2011; Kivelson and Neuberger, 2008), spacialization (O’Neill 2018; Randolph, 2007, 2010, 2016, et al.) and digital humanities (e.g., Hoogenboom, 2014) into Clio’s realm, a capacious space that has for generations welcomed literary studies and the social sciences. It remains the case that one is

often hard pressed to determine from the expositions where the writing of history ends, and these other disciplines begin. Good! And just to be clear, contraction notwithstanding, the past two decades have produced many more noteworthy contributions addressing far too many subjects than can be accommodated in a short review such as this. Rather than attempt comprehensive coverage, therefore, this essay will limit itself to a limited set of categories, within which important new lines of research have emerged, as well as new perspectives on the questions historians explore and the ways they organize their narratives: 1) Blurred Boundaries 2) Religion; 3) Empire, State and Rulership; 4) Structures of Society and Lived Experience; 5) Gender. A complete check list of relevant publications runs into the dozens, and those mentioned here constitute nothing more than a representative selection of important work on current trends and themes.

BLURRED BOUNDARIES

In an earlier essay for this series, Charles Halperin began his comments with the salient observation, that “There is no ‘US School’ of Muscovite history”, by which he meant that US historians, like scholars everywhere, disagree among one another about pretty much everything. That, of course, is exactly how it should be, since so-called national schools of thought more often than not have seasoned serious research with a heavy dose of ideology, political agendas, and закономерности not infrequently superimposed or naturalized from beyond academia. In fact, though, the challenges that scholars currently confront when attempting to delineate boundaries of national historiographies in the global milieu of twenty-first century scholarship run much deeper. There are also questions about disciplinary boundaries, some of which are rather specific to eighteenth-century studies, but for those our field has long embraced a generous and welcoming approach, perhaps in homage to the Enlightenment.

Blurred Boundaries 1: Knowledge, Nations, and Space.

Notwithstanding the ferocious and ongoing contestations worldwide over the meanings and consequences of globalization, including the so-called knowledge economy—their characteristics, sources, and consequences, whether they constitute positive modes of integration or a corrosive loss of national identity and sovereignty, etc.—I would argue that within

academia, and in particular within Russian historical studies, the impact of globality on the production of new knowledge has been largely a story of success and of major strides forward in transnational collaborations. The end of the Cold War brought about the demise of the competing liberal and Soviet Marxist master narratives of history, their respective teleologies of progress, and ultimately, I dare say, the twilight of the very notion of history as progress (of course, other determinisms—ethnic, national, civilizational, spatial—have flowed into the void, but thankfully so far they have played a minor role in eighteenth-century scholarship). Add to that the profound impact of both digital communications and global mobility on scholarly activity and we see the fall of one boundary after another. Numerous scholars educated in Russia or other countries currently work in the United States; a somewhat smaller number of US Russianists work abroad. Academic conferences and symposia routinely include participants from throughout our professional communities.

Blurred Boundaries 2: Common Discourses.

Far more than had been true for Cold-War era scholars, the current generation tends to read and be inspired by the same body of works, speak to one another as individuals—and disagree with one another as individuals—about emergent scholarship and bodies of thinking with which we are all familiar. We collaborate in our journals, collective projects, online groups, etc., in ways that regularly ignore geographic markers. Throughout the process of initiating new hypotheses and bodies of research, specialists in this field generally interact without reference to national schools or boundaries. In other words, almost anything that can be said about contemporary American historiography of Russia applies as well to the historiography in any country in which eighteenth-century Russia still thrives in the academy. So, if the production of historical knowledge has become so blended geographically, we need ask, what constitutes *American* scholarship? The answer, frankly, is geography pure and simple: scholars who currently work primarily within US academia, irrespective of the language(s) in which they publish and their national origin, as well as US scholars currently working elsewhere, are included.

Blurred Boundaries 3: Periodization and Time.

‘Древняя Русь’ /‘Имперская/Современная Россия’. If you are reading this essay, you most assuredly are familiar with these hallowed (i.e., old) categories, the standard topoi which generations of scholars employed to differentiate everything that came before Peter from everything that followed. But did anyone ever understand what they signified and where the eighteenth century fits into this crude two-phase chronology?

Today’s historians, though, both in Russia and elsewhere, have largely drifted away from these terms, frequently employing the familiar European language of ‘early modern’ for example to denote roughly the time from Ivan IV through the eighteenth century. For some (but by no means all) of those who have engaged in the discussion, this shift towards the term ‘early modern’ constituted an explicit rethinking of long-held assumptions about a Petrine divide, and more generally about periodization and loci of epochal shift. Ever more Muscovite historians are pushing the end dates of their projects deep into the eighteenth century. Some eighteenth-century studies likewise now begin their narratives decades or even centuries before Peter. This lively interrogation of epochs has been the focus of essays by Ernest Zitser (Zitser 2005; 2016) and a few others. In 2010, for example, *Slavic Review* devoted a forum, entitled “Divides and Ends: Periodizing the Early Modern in Russian History,” that confronted the issue directly. One of the contributors, Donald Ostrowski, maintained that the basic institutions of empire and patterns of development and expansion were in place well before Peter, and only slightly modified by his reforms. For Ostrowski, eighteenth-century Russia belongs firmly within Muscovy, a period that ends only around 1800 (Ostrowski, 2010; see also Russell Martin’s and Nancy Kollmann’s comments in this forum).

Here then is the gauntlet: can we speak of a ‘Petrine revolution’, a moment of discontinuity and transformation that gave specific shape to the eighteenth century? Ostrowski’s answer is a decisive ‘no.’ Others, most prominently James Cracraft, strongly disagree. In three major studies of the Petrine era, on architecture (Cracraft, 1988), imagery (Cracraft, 1997), and Russian culture (Cracraft, 2004) respectively, as well as some shorter works, Cracraft makes a robust defense of the established idea of a ‘Petrine revolution.’ He agrees with those authors of earlier generations who saw Peter’s reign as a profound rupture in Russian history, a disruption that led to the victory in the Northern War, the creation of a new capital, and in their wake the Empire. But in his view the whole of that revolution was

much greater than the sum of its parts. He encapsulates the argument this way: “What happened of greatest historical significance...was not the achievement for Russia of great power status. Nor was it Peter’s modernization... Rather it was all of these and something more. That something, I argue, was a cultural revolution.” (Cracraft, 2003, p.vii.). Most eighteenth-century specialists (here I would include myself) accept Cracraft’s basic point, albeit in more muted terms, even as they opt for “early modern” and eschew “revolution,” that Peter ushered in important and epoch-making changes, in Zitser’s words, “the difference that Peter I made” (Zitser, 2016).

Another way in which periodization is being reimagined has less to do with the Petrine episteme per se and more to do with empire: what constituted it and when should we date its onset? Did it begin, as several scholars currently argue, with the conquest of Kazan in 1552? Or, as the more traditional view has it, did it come into existence only with the formal declaration of a Russian Empire in 1721? Two decades ago, Seymour Becker posed this question explicitly (Becker, 2000), and since then the field of Russian empire studies has taken off, and it is worth noting that all these new books begin their accounts well before Peter, as part of their separate interrogations of the big questions of what empire meant, when, and to whom. We shall return to the study of empire in a subsequent section, but for the moment it is important to keep in mind the inextricable link connecting periodization and typology, i.e., how one defines empire largely determines when it began. This is an ongoing and important debate in the literature, one for which a consensus is nowhere in sight.

RELIGION

The past two decades have seen a stunning surge in writing religion into the central narratives of modern Russian history, more so than at any time in memory. In its current iteration scholarship on religion has been broadly conceived: the place of faiths, rituals, and confessions, the interactions between clergy and laity, the institutional evolutions of Orthodoxy, church and state, theologies, sectarianism, Old Believers, etc.— and English-language scholarship is no exception. Although quite distinct in subject matter these works tend to intersect at key interpretive questions: the place of religion, and Orthodoxy in particular, in Russian letters; the penetration—or lack of same—of western Christian outlooks within Russian

clergy; the place of the church, and religiosity in general, in state, ideology, and society; doctrinal and personal conflicts within the church; and sermons and the evolution of homiletic practices in the eighteenth century.

Although all of the Empire's major religions have received attention, most works not surprisingly have dealt with Russian Orthodoxy, the Patriarchate and Synod, the sharp decline of monasteries and monastic lands, and the interconnection between state and diocese. Here the legacy of Gregory Freeze's scholarship deserves particular mention, especially his 1980 book, *The Russian Levites*. One striking shift in the scholarship has been what might be termed a re-sacralization of the historiography, i.e., returning the theological and spiritual core of Russian Orthodoxy to the center of attention, albeit with a continuing awareness of institutions and politics. If they examined sermons at all, previous historians looked primarily for what they said about rulers (almost always meaning Peter the Great and Catherine the Great), legitimacy, and the state. Current scholarship remains deeply interested in the political and dynastic aspects, but it recognizes that sermons were, first, orated primarily in sacred or consecrated spaces (usually cathedrals); second, penned by seminary-trained clergy; and third, defined by faith above all else. But here is where consensus comes to an end.

More than a few scholars have wondered what it all amounted to in the end, for example vis-à-vis Russia's participation in pan-European intellectual developments. Max Okenfuss' somewhat controversial 1995 study of eighteenth-century book culture deserves mention in this context for its insistence that, in marked contrast to the Ruthenian experience and that of western Christendom, Latin Humanism never took hold on Muscovite/Russian soil, in large part because, as he argued, few Russians could read or understand the classics in their original languages (Okenfuss, 1995). He found little sign of Greeks and Latins in Russia's libraries or reading practices, and he concluded that the wave of Humanism metaphorically crashed on Russia's shores without advancing ("the resilience of Muscovy," as he has termed it.)

Okenfuss' thesis has garnered attention, although less so among US historians than among scholars within Russia itself, some of whom have argued in response that the classics resonated much more widely in the eighteenth century than previously imagined. The issue, though, remains wide open. In the US, Nikolaos Chrissidis' detailed study of Petrine era seminary training in Novgorod and Moscow offers something of a counterpoint, though not a critique. (Chrissidis, 2016). Chrissidis' main

subject is the work of the Greek Leichoudes (Лихуды in Russian) brothers in transposing a Latin-based Jesuit curriculum onto Muscovite soil, what Okenfuss in an earlier article termed “the Jesuit origins of Petrine education.” (Okenfuss, 1973). Of course, the Kyiv Metropolia had initiated a very rigorous Latin-based version of Jesuit-based training decades earlier under Petro Mohyla as a response to the Counter Reformation in the Polish Commonwealth. When the Hetmanate was incorporated into Muscovy after the Treaty of Pereiaslavl the Ruthenian seminaries in a formal sense became part of Muscovy as well. But Chrissidis is surely correct in his situating the Leichoudes at the forefront in bringing it to Muscovy proper, from whose beginnings it spread to the entire seminary system after 1737.

Another strain of current scholarship (once again, actively pursued in several countries) has explored the presence not of Latin Humanism but rather of Protestant thinking, beyond the widely acknowledged place of Pietism on eighteenth-century clerical thinkers, and through them the influence of Protestant ideas, often unattributed, within lay educated society. Some of the most recent work, including a handful of dissertations, has taken this argument quite far indeed, and we will watch with interest to see how the conversation proceeds over the next several years. This is not a new topic, certainly, as anyone familiar with the raging polemic between philo-Catholics and philo-Protestants in the Petrine church, or with George Florovskii’s insistence many decades ago that Feofan Prokopovich was for all practical purposes a Protestant, knows full well. A recent issue of the online journal *Vivliofika* (Vol. 5 2017), entitled “Protestantism in Russia During the Eighteenth and Early Nineteenth Centuries” was devoted entirely to the Protestant presence in Russian letters. Andrey Ivanov, one of the contributors to that issue, subsequently published a recent monograph (Ivanov, 2020) in which he argued that the Russian Orthodox church underwent a genuine “reformation” or “spiritual revolution” in the eighteenth century, a thesis that is likely to spark a good deal of discussion.

Related to this is the concept of an “Orthodox Enlightenment,” beginning in mid-century and continuing through the reign of Catherine the Great, in which leading clergy effectively integrated Enlightenment ideas and categories, including those from Protestant Europe, into their writing. Several scholars have pointed out the engagement of educated hierarchs with Russia’s educated society, salons, literary correspondence, participation in journals, etc. Following the lead of the late Viktor Markovich Zhivov, whose writings have had a considerable influence

on US scholarship, some of the literature has emphasized the changing rhetorical tone of sermons, the shift away from Neo-Scholasticism to a simpler, more vernacular and everyday-life focused mode of preaching. Noteworthy here is a book by Elise Wirtschafter on Metropolitan Platon Levshin (Wirtschafter, 2013). Her close reading of Platon's sermons reveals an outlook she terms "moral Enlightenment", deeply infused with both Orthodox and secular Enlightenment thinking.

Along these lines Gary Hamburg's voluminous study of what he terms "Russia's long path towards Enlightenment," which in his account began in 1500, deserves a mention. (Hamburg, 2016) Through his many works on intellectual history, Hamburg has mastered an effective narrative style that employs lengthy exegeses so as to foreground the writings themselves, while simultaneously interspersing his own readings of the texts. Given the *longue durée* and trans-epochal structure of the book, this approach proves very effective. But it is not without a bit of controversy, specifically about the relative absence of religious thought in the post-Petrine exegeses. Although not specifically a history of confessional writings, Hamburg does give religious thought a visible place, both in the subtitle ("Faith, Politics, and Reason") and in the narrative, especially in the lengthy sections on Muscovy. Unlike Wirtschafter, though, he does not explore the idea of an eighteenth-century Orthodox Enlightenment, and instead envisions Russia's Enlightenment as primarily lay and secular, with relatively little input from religious thinkers. A generation or two ago this unspoken transition might have gone unnoticed, but it is a sign of the changed perspectives in our field that today it has drawn attention, largely to pose the question squarely as a site for open discussion and debate: where and how should Russianists situate religious ideas and thinkers in eighteenth-century intellectual history. Let me say yet again, this is all to the good, an important upside of historiographic discourses in common ("Blurred Boundaries Number 2").

Over the past two decades Olga Tsapina has written several thought-provoking articles on a variety of the themes mentioned here, including liturgy, theology, church-state relations, secularity and faith, and the Old Believers (Tsapina, 2001, 2006, 2014, 2018). An abiding element of her work is to show that theological disputations within the educated clergy were ongoing and generally well-informed, and to demonstrate that spiritual issues engaged both clerical and lay figures throughout the century. Although Tsapina does not say so explicitly, the picture she draws is not unlike Wirtschafter's, i.e., that the discourses of faith and secularity were

far less siloed than scholars once thought. In this she is slowly being joined by an ever-growing cohort of younger scholars. Among these intersections are recent studies on faith and esoterica in the reading and writing of clerical hierarchs. Robert Collis has taken the lead in this realm, authoring several close readings dealing with alchemy, astrology, and spirituality among Petrine era clergy and educated courtiers, most notably in his book *The Petrine Instauration* (Collis, 2011). What he finds is that Ruthenian-educated hierarchs often were well versed in alchemical and astrological literature, and some took it quite seriously (as did Peter himself). Ernest Zitser has collaborated with Collis on some of this work (Zitser and Collis, 2015), and he is currently pursuing a full-length study of Boris Kurakin, (Zitser, 2011) along much the same lines.

Oddly, one area that has received comparatively little attention in recent US scholarship is popular Orthodoxy, especially as practiced among the mass of Orthodox peasants. The contrast here with the current state of the historiography of Muscovy, in which research on popular worship, magic, witchcraft, sectarianism, etc. are flourishing, is striking. As the following two examples show, however, this relative shortfall may be in the process of changing.

Nadieszda Kizenko (Kizenko, 2019 and 2021) has published several articles and a recent book that present a searching and exhaustive analysis of the rituals of confession (говение) over the Imperial period. Kizenko's works examine the concrete practices—or non-practices—of confession at a given time and in specific parishes, dioceses and in the physical spaces of churches, set against the backdrop of theological reflection and the Synod's intrepid pursuit of standardization of records (the Confessional Registries [исповедные росписи] that churches were nominally required to maintain) and formalization of ritual throughout the Orthodox population. This approach allows her to contextualize a variety of subjects that lie at the intersection of social history and religion—gender, the self, social differentiation, etc., the blending of which is unusual in this field. Where, for example, did confessors stand? Was confession in some sense publicly visible? What did it consist of, and was it different for different social groups, for men and women, for countryside and city? Her overarching conclusion is that Russian Orthodox confessional practices were rather elastic over time and place, in ritual performance, content, and frequency.

Barbara Skinner's account of East Slavic Uniate-Orthodox relations during the eighteenth century (Skinner, 2009) also foregrounds religion as a primary site of on-the-ground contestation, albeit with a focus on

large communities of believers rather than specific quotidian practices. She argues that relations between Uniate communities in Ukraine and Belarus, on one side, and the Imperial state on the other vacillated along a rather broad spectrum, ranging from intense conflict and repression to—periodically—modest accommodation and something approaching de facto toleration. This description is embedded in a still larger narrative that complicates regional alterities among East Slavic peoples (and sometimes between East Slavs and Western Slavs) by characterizing them as being as much confessional as they were ethnic, geographical, or national. She delineates these relations throughout the century, comparing the situation of Uniates in the Polish Commonwealth with the more fraught circumstances of those residing within the borders of first Muscovite and then and Imperial Russia.

As Skinner's book demonstrates, it is no longer feasible to separate the study of non-Orthodox confessional communities in Russia from its Imperial, and by extension multi-confessional, geopolitical setting. This is particularly true for Muslim populations, whose significant presence in Russian history began well before the eighteenth century vis-à-vis Tatars, the many Steppe peoples, Uzbek merchants in Siberia, etc. This imperative is made manifest in a spate of recent studies about non-Orthodox peoples (so-called *иноверцы*). Paul Werth has written a valuable overview of the subject for the entirety of the Imperial period, centered largely on the question of toleration and conversion. (Werth 2014). Most works, however, have concentrated on specific faiths and ethno-confessional communities. There has been a scattering of work on Catholicism, as well as Judaism and the Empire's Jewish subjects, a consequence of the partitions of Poland (1772–1795) through which the Russian state acquired a Jewish population of approximately 800,000 around whom it soon constructed the Pale of Settlement. (e.g., Petrovsky-Shtern, 2014). But it is Islam, the religion of millions of the Empire's subjects that has quite appropriately garnered the most attention.

Quite a few current scholars of Islam in Russia give the eighteenth century a prominent place as a time of importance both within those communities and in their connections with the Russian state [more on this in the section on empire]. While they disagree—sometimes quite sharply—among themselves about some very fundamental questions (which sources to use, which languages are sine-qua-non, the centrality of Russia in the thinking of its Muslim elites, center vs. periphery, the politics of conversion, cross-confessional cooperation, etc.), each of them contextualizes their

work around critical vectors and structures: empire, local and regional institutions especially on the Volga and to its southeast, and most notably trans-imperial relations, a function of the active cross-border connections between Russian Muslim communities and those in the Ottoman Empire, Persia, and Afghanistan.

EMPIRE, STATE AND RULERSHIP

The fact of Empire is universally recognized in Russian studies, but in addition to the matter of periodization discussed earlier, questions regarding its structure, meaning, and peripheries have significantly reshaped the scholarship over the last twenty years, not just in the US but in the now flourishing field of empire studies more widely. Much of this work has been embedded in long histories of the Russian Empire: Valerie Kivelson and Ron Suny (2016), Nancy Kollmann (2016), Alfred Rieber (2014), and John LeDonne (2020), [here it would be remiss not to mention the field's pioneer, Andreas Kappeler, even if he does not teach in the US], all of which devote considerable attention to the eighteenth century. There are also quite a few volumes about empire in general, almost all of which feature Russia prominently. Finally, there are several recent monographs, journal articles, and collectively authored volumes.

What is distinctive about empire studies as a subgenre, *vis-à-vis*, for example, histories of the Russian state? In addition to the issue of periodization discussed previously, much of this literature inquires into what an imperial perspective looks like and how it might affect our understanding of center and periphery. More concretely, does the recognition of the profoundly multi-peopled essence of empire, combined with the relatively small number of formal, well-staffed state institutions outside of the metropolises *vis-à-vis* other states force us to move away from a Moscow/St. Petersburg-centric view of Russia? Another key question involves center-periphery relations, specifically whether, and to what extent, the Empire was rigidly controlled by the center.

In a very recent and already acclaimed study, John LeDonne (LeDonne, 2020) has argued insistently in the affirmative. Somewhat reminiscent of Marc Raeff's foundational concept of "the well-ordered police state" (Raeff, 1975), LeDonne looks at the empire holistically, from the perspective of the state. Raeff, let us recall, saw this well-ordering as embedded fundamentally in the law, a way of making an otherwise disorderly empire

comprehensible to its overseers in St. Petersburg and their agents in the guberniias, and thereby render it governable. LeDonne, however, goes much further than Raeff. Much like Jacob Soll's characterization of Jean-Baptiste Colbert, and more generally of the reign of Louis XIV in France, (Soll, 2009), he defines the empire itself as a 'unitary state', one in which the autocracy insistently pursued a mode of dominance characterized by a uniformity imposed from above, and by centralization and standardization throughout nearly the entire realm, all in pursuit of a "fortress empire." Several other current scholars concur. Building upon his earlier writings on the peoples of the eastern steppe, Michael Khodarkovsky depicts Russian authorities as adopting what might be termed a command approach in their relations with distant inorodtsy and inovertsy, from the conquest of Kazan through nearly all the Imperial period. Formal borders, he emphasizes, were for all practical purposes nonexistent on the eastern steppe, enabling populations to move around within a broad terrain across multiple empires. Nevertheless, within Russian space power flowed from the center, with relatively little room for a negotiated "middle ground" or local agency. (Khodarkovsky, 2002).

But on this point, there is considerable disagreement. To some extent the question of interpretation hinges on geography: if one starts far from the capital, the Empire tends to look somewhat different than it does if the analysis radiates out from the metropole. For several contemporary scholars the Empire's sheer size, immense ethnic and linguistic diversity, low population density and what Stephen Hoch once termed "chronic under government" rendered this mode of uniformity impossible on the ground. To truly understand the state's relations with its many millions of non-Russians, they argue, we must refocus, away from central institutions and mandates as our ground zero, and instead towards local populations and regional centers of authority. Thus, Brian Boeck's 2009 study poses the issue from the perspective of the Don Cossack host, and in his account the interaction between sech' and crown was more dynamic, even though, of course, the Russian authorities were forever looking for ways to domesticate the region in the interests of the state. Serhii Plokhyy has produced an immense body of scholarship on Ukraine, the Hetmanate, the Ruthenian Metropolia, the emergence of Slavic 'nations', and the place of the lands and peoples from the Dniepr/Dnipro to the Carpathians within the Russian Empire. For obvious reasons these tend to give considerable attention to the eighteenth century. Like Boeck, his Russian Empire is fundamentally multi-peopled, a complex and contentious reality that

is defining throughout a century during which the Hetmanate existed, disappeared, and then reappeared.

A similar dynamic emerges in Ian Campbell's monograph on Kazaks and the Imperial Russian state, the first chapter of which is devoted largely to the eighteenth century (Campbell, 2017). Willard Sutherland's analysis of Steppe colonization takes the argument a step further. His work brings an environmental and economic perspective ("taming the wild field") to the study of the steppes, and in particular the relations between empire and steppe peoples over the eighteenth and nineteenth centuries. (Sutherland, 2004) In the process he subtly problematizes our understanding of the imperial project by suggesting that in some instances these relations were distinctly "unimperial." Matthew Romaniello's comparison of eighteenth-century Britain and Russia has taken empire in a different direction still. (Romaniello, 2019) Romaniello is acutely interested in borderlands and their populations, but relationships between state and subjects is rather less central to his topic than is economic interaction within and across those borders, as sites of competition for non-European markets. His account looks at economic competition rather than war and diplomacy as a defining feature of the imperial project in that region, a very welcome alternative to that tired old war horse, 'the Eastern Question.' He examines the movement of commodities during the eighteenth century across the length and breadth of the Eurasian space, a great deal of which traversed Russia, and in this way situates Russia squarely in the middle of multi-continental commerce.

More recently the hi-tech field of historical mapping ("the new spatial history") has introduced geospatial technologies to the study of empire. Prominent among these are Kelly O'Neill's work on Crimea and her digital sites, "The Imperia Project" and "Beautiful Spaces" (O'Neill, 2010, 2017, 2018), along with John Randolph, who has employed similar methodologies in his ongoing study of coachmen (ямщики), and in a multi-person laboratory in digital humanities. These technologies provide an optical and physical concreteness, sometimes utterly breathtaking as we see them from space, to our understanding of some of the fundamental features through which empires/states functioned, including highways from the distant past, migration patterns, shifting waterways, abandoned settlements, and the like.

At the end of the day, though, the allure of the center, the capital St. Petersburg in all its symbolism and power, never seems to fade, even as some scholars seek to decenter them. Richard Wortman's magisterial

two-volume *Scenarios of Power*: (Wortman, 1995) slightly predates the twenty-first century, but its impact on eighteenth-century studies has been enormous. The scholarship that has ensued covers a disparate set of themes that often draw upon one another, but to date they have not quite coalesced into an agreed-upon set of core questions or points of disputation. Relatively recent examples of representations-inflected scholarship include monographs by Ernest Zitser on what he terms “sacred parody” at Peter’s court (e.g., *The All-Drunken Synod*) (Zitser, 2004); Susan McCaffery on the symbolic place of the Winter Palace for the population of St. Petersburg (McCaffery, 2018); and Vera Proskurina on poetic representations of the court in the reign of Catherine II (Proskurina, 2011). Other studies, such as Robert E. Jones on the St. Petersburg grain trade (Jones, 2013) and George Munro on urban design and the physical evolution of the city (Munro, 2008) are less concerned with the cultural and representational issues that have become interwoven within ongoing conversations taking place throughout the field.

LIVED EXPERIENCES, STRUCTURES AND CATEGORIES OF EVERYDAY LIFE

There remains an ongoing interest in the relationship between the formal structures of Russian society and lived experiences (interiorities), especially of people outside the elites, as reflected in archival records, diaries, and letters. One outstanding example of this is David Ransel’s study of the life and self-reflections of the provincial merchant Ivan Tolchenov (Ransel, 2009) through the lens of Tolchenov’s extensive diary, a rare and precious source for a provincial of his estate in this period. Related to this is Alexander Martin’s annotated translation of the memoir of a village priest, Dmitrii Rostislavov (A. Martin, 2004), still quite rare in the eighteenth century. Rostislavov’s memoir is quite different from Tolchenov’s in tone and focus, more polemical, judgmental, and quite bitter. But like Ransel, Martin provides a detailed and intimate portrait both of the subject himself as well as the ego-text he produced. Daniel Waugh’s volume (written in Russian) on the self-appointed early eighteenth-century Viatka town chronicler, Semen Fedorovich Popov and his compilation, “Anatol’evskii sbornik” (Waugh, 2003) provides yet another micro-study to this literature. Waugh’s primary interest here is in the way in which Popov composed and assembled his miscellany, but this exercise in archaeography also involves

a serious reconstruction of the life and thinking of this heretofore virtually unknown figure.

Working on a broader scale, Alison Smith (A. Smith, 2014, 2017, 2019, 2020) has reprised the familiar-yet-enigmatic question of social estates (сословия) that historians have long pondered, but in her case with a somewhat different set of questions. Historians including Gregory Freeze (Freeze, 1986), Elise Wirtschafter (Wirtschafter, 1994, 1997), and Michael Confino (Confino, 2008) have tended to emphasize the legal and formal parameters of estate categories, including what they commanded and forbade, or, as in Freeze's work, whether the idea of 'estates' penetrated into everyday usage vis-à-vis older terms such as 'rank' ('чин'), or alternatives such as 'standing' ('состояние'). Smith's work inquires instead into the concrete meaning of these categories for lived experiences of—mostly—common people (excluding, of course, unfree peasants), up to and including wealthy merchants during the eighteenth and early nineteenth centuries. This is also the focus of a fair volume of research in Russia, France, the UK, and Germany, which, while still in its early days, seems to be converging around a somewhat more fluid picture of social structure than legal terms had conveyed. Occupations, social milieux, and networks could, it appears, move more easily than we had thought beyond the implicit confines of one's estate. Previous historians, this work seems to imply, have hypostasized 'estate' a bit too much.

Although not explicitly focused on estate, Alexander Martin's monograph on the evolution of Moscow from the time of Catherine II through Emancipation (A. Martin, 2013) combines an exploration of the human landscape with the physical evolution (growth, destruction, and reconstruction) of the city. Although slightly beyond our time period, the section on the Napoleonic occupation is especially informative. Colum Leckey's book on the Free Economic Society (Leckey, 2011) also fits into this category. These two works share the current preference for quotidian and "real life" narratives over large, sweeping categories. One would not characterize them as micro-histories exactly, but they do endeavor to recount how individuals and groups experienced change, war, suffering, the frisson of camaraderie, and reform at the time.

GENDER

The study and conceptualization of gender has continued to grow broader and more complex in the past two decades, albeit rather more slowly in Russian eighteenth-century studies than in some other national histories, or for other time periods of Russian history. In our area it has by and large concentrated on women's history—life histories, roles both enforced and transcended, performativity, representations, and experiences.

In light of the prominence of female rule in Russia between 1725 and 1796 it is not surprising that royal women and those of the upper nobility have been in the forefront. Catherine II, as ever, commands attention, some of which was discussed in the earlier section on rulership. Curiously, though, there have not been any full-length scholarly biographies for some time (at least not by US academics; several have appeared elsewhere in recent years, and of course there is never a shortage of new popular biographies). Mark Cruse and Hilde Hoogenboom's extensively annotated retranslation of Catherine's memoir, including a very detailed preface that provides a critical comparison of the revisions she made over time, has been a valuable contribution (Cruse and Hoogenboom, 2005, pp. ix–lxix) in allowing us to trace what Catherine sought as her personal legacy and posthumous reputation as she wrote and rewrote the story of her first decades in Russia. As to her many years on the throne, Douglas Smith has published a translation-cum-commentary of much of the Catherine-Potemkin personal correspondence from the 1770s and 1780s (D. Smith, 2004). The intermingling of personal intimacy, mutual adoration, and *raison d'état* that characterizes this cache of letters is a further glimpse into the Empress' inner life and thinking. A recent dissertation by Kelsey Rubin-Detlev has examined the broad sweep of Catherine's extensive correspondence with *philosophes* as well as with prominent Russians, largely from the perspective of understanding how she deployed Enlightenment discourse and rhetoric. (Rubin-Detlev, 2015).

By comparison, other female rulers have attracted limited attention, at least from an explicitly gendered perspective. Two exceptions are Catherine I, seen largely through the lens of the veneration of Saint Catherine, (Marker 2007) and Elizabeth (the ongoing project of Catherine Evtuhov). A related work is Russell Martin's just-published close study of multiple generations of royal weddings and the complex and often cut-

throat politics of bride selection. Most of his attention is concentrated on sixteenth and seventeenth-century Muscovy, but the chronological span extends into the mid-eighteenth century (1500–1745) (R. Martin, 2021).

Away from the throne, the activities of noblewomen within household, estate, and in some cases (e.g., Ekaterina Dashkova) service to the state (Academy of Sciences and the Russian Academy). Much of this literature has been biographical, often based on memoirs or correspondence. (e.g., Michelle Marrese's articles on Dashkova and other elite women (Marrese, 2010, 2015, 2016); my own work on Anna Labzina, (Marker 2000, 2001), and several others. One exception is Douglas Smith's biography, *The Pearl*, of Praskovia Kovaleva, the serf diva owned by Nikolai Sheremetev (D. Smith, 2008), who while remaining in bondage, lived her life largely within the milieu of elites.

In an earlier work on noble estates, Michelle Marrese (Marrese, 2002) took engendering in quite a new and important social direction through an explication of the surprisingly robust activities of noblewomen in managing estates and buying and selling property. This focus on household and property extends also to Daniel Kaiser's work on wills and inheritance (Kaiser 2006). Anna Kuxhausen's study of the image of childhood in Russian letters (Kuxhausen, 2013) places tropes of masculinity and femininity at the forefront. Kuxhausen's remains one of very few works to date to explore eighteenth-century Russian masculinities, a topic whose potential source base seems rich and open to analysis for future scholars.

IN LIEU OF A CONCLUSION

As I have tried to show, recent scholarship on the eighteenth century has crossed over multiple formerly unbreachable boundaries and has subjected others to systematic interrogation. If anything, it is more empirical and microscopic and less paradigmatic than before, almost militantly so. The old "big questions, big paradigms" approach, that for so long guided our work is in full retreat. For the most part this has been intellectually invigorating, freeing individual scholars to question anything and everything, and to bring to bear whatever methodologies and analytical lenses they deem useful. But here let me gently suggest that the big questions (or at least some of them) also have a rightful place in our narratives, not as essentialisms or teleologies to be sure, but simply as questions worthy of reflection. Perhaps one productive "turn" in our

field might juxtapose the research vibrancy we are witnessing today with the deeply reflective ruminations with which big ideas have in the past enriched our work. Time will tell.

Bibliography

- BECKER, SEYMOUR, "Russia and the Concept of Empire," *Ab Imperio*, no. 3–4 (2000): 329–42. <https://doi.org/10.1353/imp.2000.0032>
- BOECK, BRIAN, *Imperial Boundaries: Cossack Communities and Empire Building in the Age of Peter the Great* (Cambridge, 2009). <https://doi.org/10.1017/CBO9780511642104>
- CAMPBELL, IAN, *Knowledge and the Ends of Empire: Kazak Intermediaries & Russian Rule on the Steppe, 1731–1917* (Cornell, 2017). <https://doi.org/10.7591/9781501707902>
- CHRISSIDIS, NIKOLAOS, *An Academy at the Court of the Tsars: Greek Scholars and Jesuit Education in Early Modern Russia* (NIU, 2016).
- COLLIS, ROBERT, *The Petrine Instauration: Religion, Esotericism, and Science at the Court of Peter the Great, 1689–1725* (Brill, 2011). <https://doi.org/10.1163/9789004224391>
- CONFINO, MICHAEL, "The 'Soslovie' (Estate) Paradigm: Reflections on Some Open Questions," *Cahiers du Monde russe* 49, no. 4 (2008): 681–699. <https://doi.org/10.4000/monderusse.6900>
- CRACRAFT, JAMES, *The Petrine Revolution in Russian Architecture* (Chicago, 1988).
- *The Petrine Revolution in Russian Imagery* (Chicago, 1994).
- *The Petrine Revolution in Russian Culture* (Harvard, 2004).
- *The Revolution of Peter the Great* (Harvard, 2003).
- CREWS, ROBERT, *For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia* (Harvard, 2006).
- FREEZE, GREGORY, *The Russian Levites: Parish Clergy in the Eighteenth Century* (Harvard, 1980).
- "The Soslovie (Estate) Paradigm and Russian Social History," *American Historical Review* Vol. 96, no. 1 (1986): 11–36. <https://doi.org/10.2307/1867233>
- HAMBURG, GARY, *Russia's Path Towards Enlightenment: Faith, Politics, and Reason, 1500–1801*. Yale, 2016. <https://doi.org/10.12987/yale/9780300113136.001.0001>
- HOOGENBOOM, HILDE, "The Community of Letters and the Nation State: Bio-Bibliographic Compilations as a Transnational Genre Around 1700," in *Women Telling Nations* Amelia Sanz et al., eds. (Brill, 2014), 271–292. https://doi.org/10.1163/9789401211123_016
- and MARK CRUISE (trans. and eds.), *Memoirs of Catherine the Great* (Random House, 2005).
- IVANOV, ANDREY V., *A Spiritual Revolution: The Impact of Reformation and Enlightenment in Orthodox Russia* (Wisconsin, 2020). <https://doi.org/10.2307/j.ctv17hmb4d>
- JONES, ROBERT E., *Bread Upon the Water: The St. Petersburg Grain Trade and the Russian Economy, 1703–1811* (Pittsburgh, 2013). <https://doi.org/10.2307/j.ctt1b7x65j>
- KAISER, DANIEL, "Gender, Property, and Testamentary Behavior: Eighteenth-Century Moscow Wills," *Harvard Ukrainian Studies* 28, no. 1/4 (2006): 511–520.
- KHALID, ADEEB, *Central Asia: A New History from the Imperial Conquests to the Present* (Princeton, 2021). <https://doi.org/10.1515/9780691220437>

- KHODARKOVSKY, MICHAEL, *Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500–1800* (Indiana, 2002).
- KIVELSON VALERIE and NEUBERGER, JOAN, *Picturing Russia: Explorations in Visual Culture* (Yale, 2008). [The material on the eighteenth century is in sections 10–15]. <https://doi.org/10.2307/j.ctt5vm1n6>
- KIVELSON, VALERIE and SUNY, RONALD GRIGOR, *Russia's Empires* (Oxford, 2016).
- KIZENKO, NADIESZDA, *Good for the Souls?: Church, State, and Russian Society at Confession*. Oxford, 2021. <https://doi.org/10.1093/oso/9780192896797.001.0001>
- “The Sacrament of Confession as Encounter with Early Modernity,” in Paul Bushkovitch, ed., *The State in Early Modern Russia: New Directions* (Slavica, 2019), 163–190.
- KOLLMANN, NANCY SHIELDS, *The Russian Empire, 1450–1801* (Oxford, 2016). <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199280513.001.0001>
- KUXHAUSEN, ANNA, *From the Womb to the Body Politic: Raising the Nation in Enlightenment Russia* (Wisconsin, 2013).
- LECKEY, COLUM, *Patrons of Enlightenment: The Free Economic Society in Eighteenth-Century Russia* (Delaware, 2011). https://doi.org/10.1057/9781137265258_10
- LEDONNE, JOHN, *Forging a Unitary State: Management of the Eurasian Space, 1650–1850* (Toronto, 2020). <https://doi.org/10.3138/9781487533311>
- LEVITT, MARCUS, *The Visual Dominant in Eighteenth-Century Russia* (NIU, 2011). <https://doi.org/10.1515/9781501757983>
- MARKER, GARY and MAY, RACHEL, *Days of A Russian Noblewoman: The Memories of Anna Labzina* (NIU Press, 2001).
- *Imperial Saint: The Cult of Saint Catherine and the Dawn of Female Rule in Russia* (NIU, 2007).
- “Love One’s Enemies: Ioasaf’s Krokovs’kyi’s Advice to Peter in 1702,” *Harvard Ukrainian Studies* 29 (2007): 193–224.
- “The Enlightenment of Anna Labzina: Gender, Faith, and Public Life in Catherinian Russia” *Slavic Review* 59, no. 2 (2000): 369–90. <https://doi.org/10.2307/2697057>
- MARRESE, MICHELLE LAMARCHE, *A Woman’s Kingdom: Noblewomen and the Control of Property in Russia 1700–1861* (Cornell, 2002). <https://doi.org/10.7591/9781501728518>
- “Performing Womanhood in Eighteenth-Century Russia: Cultural Identity in the Letters of Ekaterina Rumiantseva and Dar’ia Saltykova, in Schonle, et al. *Europeanized Elite* (2016), 90–110.
- “The Poetics of Everyday Behavior Revisited: Lotman, Gender, and the Evolution of Noble Identity”, *Kritika* 11, vol. 4 (2010): 701–740. <https://doi.org/10.1353/kri.2010.0004>
- “Princess Dashkova and the Politics of Language in Eighteenth-Century Russia,” in Rzheoutki et al. eds., *French and Russian in Imperial Russia* (2015), 31–47.
- MARTIN, ALEXANDER, *Enlightened Metropolis: Constructing Imperial Moscow: 1762–1855* (Oxford, 2013). <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199605781.001.0001>
- (trans. and ed.), *Provincial Russia in the Age of Enlightenment: The Memoir of a Village Priest, Dmitrii Ivanovich Rostislavov* (NIU, 2004).
- MARTIN, RUSSELL, *The Tsar’s Happy Occasion: Ritual and Dynasty in the Weddings of Russia’s Rulers, 1500–1745* (NIU, 2021). <https://doi.org/10.7591/cornell/9781501754845.001.0001>
- MCCAFFERY, SUSAN, *The Winter Palace and The People* (NIU, 2018). <https://doi.org/10.1515/9781501758003>

Moon, David, *The Plough that Broke the Steppes: Agriculture and Environment on Russia's Grasslands, 1700–1914* (Oxford, 2013). <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199556434.001.0001>

MUNRO, GEORGE, *The Most Intentional City: St. Petersburg in the Reign of Catherine the Great* (Fairleigh Dickinson, 2008).

OKENFUSS, MAX, *The Rise and Fall of Latin Humanism in Early Modern Russia: Pagan Authors, Ukrainians, and the Resiliency of Muscovy* (Brill, 1995). <https://doi.org/10.1163/9789004247185>

“The Jesuit Origin of Petrine Education,” *The Eighteenth Century in Russia*. John G. Garrard ed., (Oxford, 1973), 106–130.

O'NEILL, KELLY, *Claiming Crimea: A History of Catherine the Great's Southern Empire* (Yale University Press, 2017). <https://doi.org/10.12987/yale/9780300218299.001.0001>

— “The Imperia Project. Canvas History: A Spatial History of the Russian Empire.” *Imperia.sclar.fas.harvard.edu*. 2017.

— “Beautiful Spaces: an exercise in narrative mapping & Crimean history.” *beautifulspaces.omeka.fas.harvard.edu*. 2018.

— “Rethinking Elite Integration: Crimean Murzas and the Evolution of Russian Nobility,” *Cahiers du monde russe* 51, no. 2–3 (2010): 397–417. <https://doi.org/10.4000/monderusse.9195>

OSTROWSKI, DONALD, “The End of Muscovy: The Case for Circa 1800,” *Slavic Review* 69, no. 2, (2010): 426–438. <https://doi.org/10.1017/S0037677900015072>

— *The Imperia Project: Spatial Histories of the Russian Empire* <http://sclar.usc.edu/works/imperia/index>

PETROVSKY-SHTERN, YOHANAN, *The Golden Age of the Shtetl* (Princeton, 2014). <https://doi.org/10.2307/j.ctt6wpz15>

PROSKURINA, VERA, *Creating the Empress: Politics and Poetry in the Age of Catherine II* (Academic Studies Press, 2011). <https://doi.org/10.2307/j.ctt1zxsj03>

RAEFF, MARC, *The Well-Ordered Police State: Social and Institutional Change Through Law in Russia and the Germanies, 1600–1800* (Yale, 1975).

RANDOLPH, JOHN, “The Singing Coachman or The Road and Russia's Ethnographic Invention in Early Modern Times,” *Journal of Modern History* 11, no. 1–2 (2007): 33–61. <https://doi.org/10.1163/157006507780385044>

— “Between Friends, the Coachman: Enlightenment Encounters Empire in Russia's Eighteenth Century” *The Europeanized Elite in Russia, 1762–1825*. Andreas Schöngle, Andrei Zorin and Alexei Evstratov eds. (Cornell, 2016), 261–276. <https://doi.org/10.1515/9781501757723-017>

— “Russian Route: the Politics of the Petersburg-Moscow Road, 1700–1800,” in Mark Bassin, Christopher Ely, and Melissa K. Stockdale, eds., *Space, Place, and Power in Modern Russia: Essays in the New Spatial History* (NIU, 2010), 81–99.

RANSEL, DAVID L., *A Russian Merchant's Life: The Life and Adventures of Ivan Alekseevich Tolchenov, Based on His Diary* (Indiana, 2009).

RIEBER, ALFRED, *The Struggle for the Eurasian Borderlands: From the Rise of Early-Modern Empires to the End of the First World War* (Cambridge, 2014). <https://doi.org/10.1017/CBO9781107337794>

ROMANIELLO, MATTHEW, *Enterprising Empires: Russia and Britain in Eighteenth-Century Eurasia* (Cambridge, 2019). <https://doi.org/10.1017/9781108628600>

RUBIN-DETLEV, KELSEY, "The Letters of Catherine the Great and the Rhetoric of Enlightenment," PhD dissertation, (U. of Oxford, 2015).

SKINNER, BARBARA, *The Western Front of the Eastern Church: Uniate and Orthodox Conflicts in 18th-Century Poland, Ukraine, Belarus, and Russia* (NIU, 2009).

SMITH, ALISON, "Honored Citizens and the Creation of a Middle Class in Imperial Russia," *Slavic Review* 76, no. 2 (2017): 327–49. <https://doi.org/10.1017/slr.2017.81>

— *For the Common Good and Their Own Well-Being: Social Estates in Imperial Russia* (Oxford, 2014).

— "False Passports, Undocumented Workers, and Public (Dis)Order in Late Eighteenth-Century Russia," *Journal of Social History* (Spring, 2020): 1–21.

— New Town, New Townspeople: Transforming Gatchina in the 1790s," *Vivliofika: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies* 7 (2019): 86–101. <https://doi.org/10.21900/j.vivliofika.v7.537>

SMITH, DOUGLAS, *The Pearl: A Tale of Forbidden Love in Catherine the Great's Russia* (Yale, 2008).

SMITH-PETERS, SUSAN, "Making Empty Provinces: Eighteenth-Century Enlightenment Regionalism in Russian Provincial Journals." *REGION: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia* 4, no. 1 (Winter 2015): 7–29. <https://doi.org/10.1353/reg.2015.0003>

SOLL, JACOB, *The Information Master: Jean Baptiste Colbert's State Information System* (Michigan, 2009). <https://doi.org/10.3998/mpub.243021>

SUTHERLAND, WILLARD, *Taming the Wild Field: Colonization and Empire on the Russian Steppe* (Cornell, 2004).

TSAPINA, OLGA, "Secularization and Opposition in the Time of Catherine the Great," Dale Van Kley and James E. Bailey eds. *Religion and Politics in Enlightenment Europe*, (Notre Dame, 2001), 355–392.

— "Beyond the Synodal Church: Problems and Perspectives in the Study of 18th-Century Russian Orthodoxy," *Classical Russia*, 1 (2006): 13–45.

— «'Смеха достойное позорище'? Дискуссия о веротерпимости и образ старообрядца в России эпохи Просвещения», В. Е. Борисов ред., *О вере и суевериях. Сборник статей в честь Е. Б. Смилянской*. М. (Индрик, 2014), 207–256.

— "Was There a Russian Tradition of Church-State Relations?" *The State in Early Modern Russia: New Directions*. Paul Bushkovitch, ed. (Slavica, 2018), 1–26.

— *Vivliofika: An E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies*. Special issue: "Protestantism in Russia During the Eighteenth and Early Nineteenth Centuries." Ingrid Schierle ed. (2017).

WAUGH, DANIEL, *История одной книги: Вятка и «не-современность в русской культуры Петровского времени*. (*The History of a Book: Viatka and "Non-Modernity" in Russian Culture of the Petrine Era* (St. Petersburg, 2003).

WERTH, PAUL W., *The Tsar's Foreign Faiths: Toleration and the Fate of Religious Freedom in Imperial Russia* (Oxford, 2014). <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199591770.001.0001>

WHITTAKER, CYNTHIA H., *Russian Monarchy: Eighteenth-Century Rulers and Writers in Political Dialogue* (NIU, 2003).

WIRTSCHAFTER, ELISE KIMERLING, *Religion and Enlightenment in Catherinian Russia: The Teachings of Metropolitan Platon* (NIU, 2013). <https://doi.org/10.1515/9781501757464>

— *Social Identity in Imperial Russia* (NIU, 1997).

— *Structures of Society: Imperial Russia's "Peoples of Various Ranks"* (NIU, 1994).

— *The Play of Ideas in Russian Enlightenment Theater* (NIU 2003).

WORTMAN, RICHARD, *Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy* (Princeton, 1995).

ZITSER, ERNEST, *The Transfigured Kingdom: Sacred Parody and Charismatic Authority at the Court of Peter the Great* (Cornell, 2004.)

ZITSER, ERNEST, "The Difference that Peter Made" *The Oxford Handbook of Modern Russian History*. Simon Dixon ed. (2016). <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199236701.013.008>

— "Post-Soviet Peter: New Histories of the Late Muscovite and Early Imperial Russian Court," *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 6, no. 2 (2005): 375–392. <https://doi.org/10.1353/kri.2005.0032>

— "The Vita of Prince Boris Ivanovich 'Korybut'-Kurakin: Personal Life-Writing and Aristocratic Self-Fashioning at the Court of Peter the Great," *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 59, no. 2 (2011): 163–194.

— and ROBERT COLLIS, "On the Cusp: Astrology, Politics, and Life-Writing in Early Imperial Russia," *American Historical Review* 120, no. 4 (2015): 1618–1652. <https://doi.org/10.1093/ahr/120.5.1619>

HOUQIN ZHOU, WEI'AN CAO

CHINESE SCHOLARS' STUDIES ON RUSSIAN HISTORY (862–1800) SINCE 2000¹

This study summarizes Chinese scholars' research on Russian political, economic, and cultural history (862–1800) since 2000. It presents a comparative review concerning Kievan Rus', Muscovite Russia and the Russian Empire. Chinese scholars have deepened their study into various themes and shifted from using a Soviet-influenced historiographical paradigm to a retrospective study of Russian historical and cultural traditions based on a wider contextual understanding of its civilization. Primary shortcomings inhibiting further and deeper study include a shortage of researchers, lack of primary archival documents, and a lack of global perspective on medieval or early modern Russian history.

Keywords: Kievan Rus'; Muscovite Russia; Russian Empire; Chinese Historiography

Houqin Zhou – Associate Professor, School of History and Civilization, Shaanxi Normal University, Xi'an, Shaanxi, China. E-mail: zhqcarl@foxmail.com

Wei'an Cao – Professor, School of History and Civilization, Shaanxi Normal University, Xi'an, Shaanxi, China. E-mail: caoweian@snnu.edu.cn

¹ Citation: HOUQIN ZHOU, WEI'AN CAO, "Chinese Scholars' Studies on Russian History (862–1800) since 2000", *RussianStudiesHu* 4, no. 1 (2022): 40 pp. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2022.4.2

Russia is the largest of China's neighboring countries, and the primary superpower closely associated with Chinese history in the 20th century. Throughout the 20th century, Chinese scholars have constantly focused on the history of Russia (then the Soviet Union). Since the dissolution of the Soviet Union, Chinese scholars have explored not only the causes of the Soviet Union's "rise and fall as a superpower",² but also paid greater attention to widening the aperture through which they view the deep causes and underlying drives of Russia's macro-historical development. In the 21st century, with the increase in the number of master's and doctoral programs on Russian history in China, the expansion of postgraduate programs and the establishment of relevant academic platforms, China has expanded the number of research teams related to the study of Russian history (Russia before 1917).³

Following the initial thrust of exploration into Russian history by scholars such as Chengmu Sun (孙成木) (Chinese Academy of Social Sciences), Zuxi Liu (刘祖熙) (Peking University), Yue Wang (王钺) and Jian Li (李建) (Lanzhou University) and Huan Zhu (朱寰) (Northeast Normal University) in the late 20th century, master's and doctoral graduates majoring in Russian history (represented by Hai Yao (姚海) of Suzhou University of Science and Technology, Wei'an Cao (曹维安) of Shaanxi Normal University, Guangxiang Zhang (张广翔) of Jilin University, Jianhua Zhang (张建华) of Beijing Normal University, and Ailin Luo (罗爱林) of Central China Normal University, Pei Yu (于沛) and Xiaoju Wang (王晓菊) of the Chinese Academy of Social Sciences, Guiju Dai (戴桂菊) of Beijing Foreign Studies University, and Shiguo Zhao (赵士国) of Hunan Normal University, etc.) have grown up into the second

2 Among the fruitful studies on the history of the Soviet Union in Chinese academia, the most representative one, *The Rise and Fall of a Superpower: A Thematic Study of Soviet History (1917-1991)* is edited by ZHIHUA SHEN (沈志华), (Beijing: Social Science Academic Press, 2014).

3 Chinese scholars call the history of Kievan Rus' up to 1917 Russian history, and the February Revolution of 1917 up to 1991 Soviet history. Master's and doctoral students choose whether to do research on Russian history or on Soviet history according to their interests. In order to integrate the scholars of these two branches of Russian history research, the authors of this paper agree with Professor Jianhua Zhang's initiative to unite Russian history and Soviet history under the term "Russian history". However, the increase in the number of scholars mentioned in this paper is only a longitudinal comparison of the Russian history major itself. Compared to other national histories (such as American history, British history and Japanese history), the number and quality of Russian history research teams is still seriously inadequate. See JIANHUA ZHANG, "Reflections on the Last 30 Years of Russian History Research in the Chinese Academy", *Theory Journal*, no. 1 (2009): 107-111. <https://doi.org/10.3969/j.issn.1002-3909.2009.01.025>

generation of scholars in this regard; their students becoming the third generation of researchers. There are also scholars at Taiwan universities and institutes doing research on Russian history, and Yunyi He (贺允宜), Renheng Chen (陈仁姮), Xuefang Zhou (周雪舫) and Xinyi Guo (郭欣宜) are representatives of this group. Broadly, Chinese scholars have been more involved in the study of Imperial Russian history and less in the study of Russian history from the 9th to 18th centuries. In view of the fact that there are already overviews on Chinese scholars' research on Russian history (including Soviet history) in general,⁴ this paper focuses on research findings on Russian history (862–1800) by Chinese scholars from the last 20 years.

According to the statistics, no fewer than 60 monographs and 210 theses have been completed by Chinese scholars on pre-19th-century Russian history in the last two decades. The major databases consulted for the literature review include: China National Knowledge Infrastructure (<https://www.cnki.net>), Duxiu (<http://www.duxiu.com>), Taiwan Academic Literature Database (<http://www.airitilibrary.cn>), and Synergy of Metadata Resources in Taiwan (SMRT) (<https://metadata.ncl.edu.tw>). Works published in English or Russian by Chinese scholars are not included in this review.

GENERAL STUDIES

ON 9TH- TO 18TH-CENTURY RUSSIAN HISTORY

Chinese scholars' study of Russian history from the 9th to the 18th centuries cannot be separated either from a macroscopic understanding of the periodization of Russian history and the characteristics of Russian civilization, or from a holistic exploration of Russian political, economic and cultural history.

The Periodization of Russian History

In the 20th century, the *Compendium of Russian History*, co-edited by Chengmu Sun, Zuxi Liu and Jian Li, listed the 9th to the end of the 18th

4 JIANHUA ZHANG, "A Review of and Reflection on the Study of Russian History in China (1878–2015)", *RussianStudiesHu*, no. 1 (2021): 194–220. <https://doi.org/10.38210/RUSTUDH.2021.3.11>; ГУАНСЯН ЧЖАН, «Изучение истории России в Китае в XX в», *Российская история*, Выпуск 4 (2019): 165–177. <https://doi.org/10.31857/S086956870005923-6>

century and the 19th to the beginning of the 20th century as time boundaries for the division of its first and second volumes.⁵ In the 21st century, inspired by works (through Chinese translation) such as Klyuchevsky's *A Course in Russian History*, Ryazanovsky's *History of Russia* and Plekhanov's *History of Russian Social Thought*, Chinese scholars have begun to diversify how they periodize Russian history. Focused on the relocation of political centers, Wei'an Cao divided Russian history into the Kievan Rus' period (9th to the early 13th century), the Muscovite Russia period (early 13th to the early 17th century) and the Russian Empire period (18th and 19th centuries to the early 20th century) in his monograph *New Perspectives in Russian History*.⁶ Based on the evolution of Russian autocracy and the development of Russian modernization, Jianhua Zhang's *History of Russia* is divided into "The origins of the nation and the state (8th to mid-17th century)", "The golden age of autocracy (late 17th to late 18th century)", "The intellectual enlightenment and cultural education (early to late 19th century)", "The difficulties of initiation of modernization (early 19th to early 20th century)" and "The collapse of autocracy (1905–1917)".⁷ Utilizing a "rise and fall of empire" approach, Zhou Xuefang's *Russian History: The Enigmatic Country* is divided into "The early years of Russia (862–1682)", "The expansion of the Russian Empire (1682–1855)" and "The decline of the Russian Empire (1855–1917)". The same periodization also appears in Yunyi He's *History of Russia*.⁸

What these seemingly disparate timeframes have in common is the view of 9th- to 17th-century Russia as a pre-modern traditional society, and the 18th century as a period of transition from medieval to early modern Russia. As Wei'an Cao emphasized in his works, "Russian history of the 9th to the 17th century, namely from the establishment of Kievan Rus' to the formation of a unified centralized Muscovite Russia, is roughly contemporaneous with the Middle Ages of Western Europe. During this period Russia retained more of the original cultural and political traditions of Rus' that had not been altered by Peter I's compelling westernizing reforms." *The History of*

5 CHENG MU SUN, ZUXI LIU and JIAN LI (eds.), *Compendium of Russian History* (Beijing: People's Publishing House, 1986).

6 WEI'AN CAO, XIANGHONG GUO (郭响宏), *New Perspectives in Russian History: From Kievan Rus' and Muscovite Russia to Imperial Russia* (Beijing: Science Press, 2016).

7 JIANHUA ZHANG, *Russian History* (Beijing: People's Publishing House, 2014).

8 XUEFANG ZHOU, *Russian History: The Enigmatic Country* (Taipei: Sanmin Books, 2015); YUNYI HE, *Russian History* (Taipei: Sanmin Books, 2004).

Medieval Russia, compiled by Wei'an Cao (forthcoming), covers the history of Russia in this period.⁹

Slavic Culture and Russian Civilization

In the 21st century, Chinese scholars have paid more attention to the historical view of civilizations, in addition to adhering to historical materialism. *Slavic Civilization*, co-authored by Pei Yu (于沛), Dai Guiju and Rui Li (李锐), is the only work by Chinese scholars to date that focuses on Slavic civilization as a whole.¹⁰ *Pluralism and Conflict: The Road to Civilization in Russian Central and Eastern Europe* by Zuxi Liu and Xiaozhong Zhu (朱晓中) covers the history of more than 20 countries in Eastern, Central and South-Eastern Europe (including the Balkans – the European parts of Greece and Turkey are not included). Zuxi Liu, a leading Chinese expert on the histories of Eastern Europe and Russia in China, focuses on medieval Christian culture in the Slavic countries of Central and Eastern Europe, and has done research on the origins and names of the Slavs as well as the establishment and the Christianization of the Slavic countries. He analyzes the characteristics of Russian civilization, pointing out that Orthodoxy is the spiritual pillar, while autocracy is the political core of Russian civilization.¹¹ Longshan Ma (马龙闪) and Guiju Dai provide an overview of the “mixedness” of the Eastern and Western characteristics in Russian civilization.¹² Shaolei Feng has taken the study of Russian civilization as an example and proposed the concept of “the intersection of eastern and western civilization”.¹³ Qineng Chen

9 WEI'AN CAO, “A Few Controversial Issues in the Study of Russian Medieval History”, *Chinese Social Sciences Today*, 30 June 2020.

10 PEI YU, GUIJU DAI and RUI LI, *Slavic Civilization* (Beijing: China Social Science Press, 2001).

11 ZUXI LIU (ed.), XIAOZHONG ZHU (associate ed.), *Pluralism and Conflict: The Road to Civilization in Russian Central and Eastern Europe* (Beijing: People's Publishing House, 2011); ZUXI LIU, “Ruminations on Medieval Slavic Culture”, *World History*, no. 5 (2001): 60–67. <https://doi.org/10.3969/j.issn.1002-011X.2001.05.007>; ZUXI LIU, “On Russian Civilization”, *Russian Central Asian & East European Studies*, no. 4 (2005): 69–76. <https://doi.org/10.3969/j.issn.1671-8461.2005.04.012>

12 LONGSHAN MA, “On the Characteristics of Russian Civilization”, *Historiography Bimonthly*, no. 3 (2000): 101–109; GUIJU DAI, “Russian Civilization with Hybridist Overtones”, *Guangming Daily*, 11 June 2014. <https://doi.org/10.28273/n.cnki.ngmrb.2014.007133>

13 SHAOLEI FENG (冯绍雷), “The Intersection of Eastern and Western Civilizations: a research paradigm for Russian Studies”, *Russian Studies*, no. 6 (2012): 12–38.

(陈启能), et al. provide an overview of the concept of civilization and the historical view of civilization in contemporary Russian historiography.¹⁴

The Western/Eastern features of Russian civilization is a focal point that Chinese scholars are apt to explore. Xiaohong Bai (白晓红) has presented the debate on the Western/Eastern features of Russian historical development from the Norman and anti-Norman theory to the dispute between Slavophiles and Westernizers.¹⁵ Xuefang Zhou has introduced the debate between Russian and German scholars on “Does Russia belong to Europe?”¹⁶ Lin Jinghua (林精华) et al. examined the causes and attributes of Russia’s national character, national identity and nationalism.¹⁷

Russian Political Culture and Autocracy

Zuxi Liu compared the differences between the Russian and the Polish political cultures, pointing out that the two opposing political systems—the Russian Tsarist autocracy and the Polish aristocratic democracy, generated different political and cultural relations between the two Slavic

- 14 QINENG CHEN, TEJIN CAO (曹特金), “Conception of Civilization in Contemporary Russia”, *Taiwan Journal of East Asian Civilization Studies*, Vol. 6, no. 2 (2009): 227–246. [https://doi.org/10.6163/tjeas.2009.6\(2\)227](https://doi.org/10.6163/tjeas.2009.6(2)227); TEJIN CAO, “Research on Russian Civilization by Russian Scholars in Recent Years”, *Journal of Historiography*, no. 3 (2008): 1–6; ZHENYING ZHAO (赵振英), “Review of the Civilizational Approach in Russian Historiography”, *Historiography Bimonthly*, no. 1 (2006): 96–105. <https://doi.org/10.3969/j.issn.1004-0013.2006.01.013>; YUQI Guo (国玉奇), “Studies on Russian History: from a Morphological to a Civilizational Historical View”, *Journal of Russian Literature*, no. 11 (2010): 171–180. <https://doi.org/10.29994/EGYWSB.201004.0016>; JIANHUA ZHANG, “From a History of Culture to a Science of Culture: a Renaissance of the View of History of Civilization or a Reconstruction? Comments on the Phenomena of Learning Focus in Russia”, *Study & Exploration*, no. 2 (2007): 219–227. <https://doi.org/10.3969/j.issn.1002-462X.2007.02.050>
- 15 XIAOHONG BAI, “Eastness and Westness in Russia’s Historical Development”, *Academic Journal of Russian Studies*, no. 6 (2020): 113–124. <https://doi.org/10.3969/j.issn.2095-1094.2020.06.006>; XIAOHONG BAI, “The Evolution of the ‘Russian Idea’”, *Russian, East European & Central Asian Studies*, no.1 (2005): 58–65.
- 16 XUEFANG ZHOU, “Does Russia belong to Europe? An Introduction to Three Articles by Two Professors”, *Fu Jen Journal of History*, no. 15 (2004): 315–347. <https://doi.org/10.29439/FJHJ.200407.0002>
- 17 JINGHUA LIN, “Ethnicity, National State and National Identity: A Study on the Issues in the History of Russian Civilization”, *Social Science Front Bimonthly*, no. 6 (2003): 145–151; JIANHUA ZHANG, “The Formation of the Russian State and Nationalism”, *Journal of Beijing Normal University*, no. 2 (2001): 90–96. <https://doi.org/10.3969/j.issn.1002-0209.2001.02.013>; HUIXIN JIN (靳会新), “Historical and Cultural Factors in the Formation of Russian National Character”, *Russian, East European & Central Asian Studies*, no. 1 (2011): 53–61.

peoples.¹⁸ Remaining in the framework of historical materialism, Zhenying Zhao's monograph *The History of the Russian Political System* provided a systematic and comprehensive account of the history of the Russian political system for over a thousand years starting from the foundation of the ancient Rus'.¹⁹ In his work entitled *An Examination of Ancient Autocracies*, Keyao Ma (马克垚) compares Russian autocracy with that of Rome, the countries of Western Europe and ancient China.²⁰ A work by Peiyong Deng (邓沛勇) et al. also explores the political history and political culture of Russia.²¹

As an authoritative scholar on Russian political history and Russian medieval history, Wei'an Cao's monograph *New Perspectives in Russian History: Basic Issues in the Development of Russian History* is a remarkable achievement in the study of Russian history by Chinese scholars. The book takes autocracy, the Orthodox Church, rural communes and serfdom as entry points for the study of Russian history, and deals with many important issues from ancient Rus' up to 1917, breaking through the cognitive limits imposed by Soviet historiography in the 20th century.²² The collected papers in *New Perspectives in Russian History: From Kievan Rus' and Muscovite Russia to Imperial Russia* bring together Cao's research and that of his students on the origins of ancient Rus', the Zemsky Sobor, autocracy, the formation of the Russian aristocracy, Russian bureaucracy and the bureaucratic class and other issues. This research provides new insights into the details of Russian history.²³ Houqin Zhou (周厚琴)'s monograph, *The Origins of Russian Autocracy: From City State to Empire* focuses on the transformation of the political system, breaking with paradigms of Western terminology such as "early feudal monarchy",

18 ZUXI LIU, "A Comparative Study of Political Culture in Russia and Poland", *Collected Papers of History Studies*, no. 1 (2014): 84–93.

19 ZHENYING ZHAO, *A History of the Russian Political System* (Dalian: Liaoning Normal University Press, 2000).

20 KEYAO MA, *An Investigation of an Ancient Autocratic System* (Beijing: Beijing University Press, 2017).

21 PEIYONG DENG, *Russian Political History from 1700 to 1917* (Beijing: Social Sciences Academic Press, 2020); XIAOLI GUO (郭小丽), "Totem of Royal Power: A Tentative Analysis of Russian Political Cultural Tradition", *Russian, East European & Central Asian Studies*, no. 6 (2006): 19–23. <https://doi.org/10.3969/j.issn.1671-8461.2006.06.003>; CHAO WANG (王超), "The Source of Russian Political Culture", *The Northern Forum*, no. 6 (2017): 90–95.

22 WEI'AN CAO, *New Perspectives in Russian History: Basic Issues in the Development of Russian History* (Beijing: China Social Science Press, 2002).

23 WEI'AN CAO, XIANGHONG GUO, *New Perspectives in Russian History: From Kievan Rus' and Muscovite Russia to Imperial Russia* (Beijing: Science Press, 2016).

“hierarchical representative monarchy” and “absolute monarchy”. It is an exploration of the origin, prototype and formation of autocracy as a historical phenomenon exclusive to Russia in the long history preceding the 18th century. She argues that Russian autocracy originated with Ivan III as a result of the combination of the political traditions of the Golden Horde, the religious heritage of Byzantium, the geography of northeastern Rus’, and the personalities and choices of Moscow princes.²⁴ The paper co-authored by Wei’an Cao and Houqin Zhou further explains the historical transmutation of the concept of “autocracy” and its influence on the construction of the Russian state system.²⁵

Haoqi Zhang (张昊琦) is dedicated to the history of Russian political thought. His work, *Russian Imperial Thoughts*, analyses Russia’s imperial ideologies, issues such as geographical insecurity, nationalism and power politics in Russia.²⁶ He has also authored related essays on the study of Russian statism, isolationism and nationalism.²⁷

Economic-Social History of Russia

Guangxiang Zhang is a leading figure in the study of Russian economic and social history and has broken new ground for the study of Russian history in China. He has been productive on issues such as the beginning and specificities of modernization, agricultural and industrial modernization, the rural commune, urbanization and hierarchical-class structures, etc. The Center for Northeast Asian Studies, Jilin University, which he leads, is a key research institute of Russian history in China. His team has made great efforts to translate the relevant achievements of Russian scholars, such as Mironov’s *A Social History of Russia* and *A History of Life in the*

24 HOUQIN ZHOU, *The Origins of Russian Autocracy: From City State to Empire* (Beijing: Social Sciences Academic Press, 2020).

25 HOUQIN ZHOU, “The Historical Evolution of the Concept of ‘Autocracy’ and Russian State Institution Building”, *Journal of Shaanxi Normal University*, no. 5 (2020): 110–123. <https://doi.org/10.15983/j.cnki.sxss.2020.0954>; WEI’AN CAO, HOUQIN ZHOU, “The Evolution of Russian Political Institutions: From Kievan Rus’ and Muscovite Russia to Imperial Russia”, *Journal of Shaanxi Normal University*, no. 1 (2014): 152–161.

26 HAOQI ZHANG, *A Preliminary Exploration of Russian Imperial Thought* (Beijing: Intellectual Property Press, 2012).

27 HAOQI ZHANG, “The Historic Structure of Russia’s ‘Statehood’”, *Russian Studies*, no. 2 (2019): 33–66; HAOQI ZHANG, “Succession: The Myth of Russian Politics”, *Academic Journal of Russian Studies*, no. 3 (2020): 43–68. <https://doi.org/10.3969/j.issn.2095-1094.2020.03.00>; HAOQI ZHANG, “Russian Isolationism: Ideology and Historical Mentality”, *Russian, East European & Central Asian Studies*, no. 1 (2016): 36–52.

Imperial Russian Era, as well as more than 30 works of the *Russian History Translation Series*, including *Russian Autocracy and Merchants: 1720s to the Early 1760s*, *A History of the Russian Peasantry* and *A History of Russian Taxation*, the last two of which deal with the economic and social history of Russia before the 19th century. His PhD students (over 30 in total) are all engaged in research and teaching Russian history at Chinese universities and research institutions.²⁸ While most of these young scholars have studied the economic history of 19th- and 20th-century Russia, some of them have dealt with the history of 9th- to 18th-century Russia; to name two examples: Peiyong Deng's work *A History of the Russian Economy* deals with the 18th-century Russian economy, and Cuihong Yang (杨翠红) focuses on the history of Russian foreign trade.²⁹

Russian Religion and Culture

The Orthodox Church has had a wide impact on the politics, economy, culture and history of Russia and Eastern European countries. Chinese scholars have paid enormous attention to the study of Orthodox Christianity and have achieved fruitful results. *A History of Russian Religions* by Feng Yue (乐峰) is the first comprehensive study by a Chinese scholar of Russian religions, providing a comprehensive and systematic account of the history and current situation of the many religions that have influenced the development of Russian society.³⁰ Fenglin Xu (徐凤林)'s *A History of Orthodox Iconography* is the first work on Orthodox iconography written by a Chinese scholar.³¹ Cuihong Yang's works, *A Study of the Relationship between the Russian Orthodox Church and State Power (from the 9th to the late 18th century)* and *A Study of the Russian Orthodox Church and the State: Focusing on the 18th Century* summarized the characteristics of the relationship between the church and the state in five periods of Russian history, exploring the main factors influencing the relationship between

28 JIAYING ZHOU(周嘉滢), "Professor Guangxiang Zhang and the Chinese Study of Russian History", *Social Science Front*, no. 12 (2014): 242–247.

29 PEIYONG DENG, *A History of the Russian Economy* (Beijing: Social Sciences Academic Press, 2020); CUIHONG YANG, "The Developing Process of Russia's Foreign Trade", *Northeast Asia Forum*, no. 2 (2002): 45–47. <https://doi.org/10.3969/j.issn.1003-7411.2002.02.012>

30 FENG YUE (ed.), *A History of Russian Religions*, (Beijing: Social Sciences Academic Press, 2008).

31 FENGLIN XU, *A History of Orthodox Iconography* (Beijing: Peking University Press, 2012).

the church and the state.³² One of the chapters of Guiju Dai's book *The Reformation of the Russian Orthodox Church (1861–1917)* reviewed the historical legacy of the Church from the acceptance of Christianity by Rus' to Peter I's Church reform, while some of her papers published elsewhere illustrated the relationship between Orthodoxy and diplomacy and Peter I's Reformation.³³ Shiguo Zhao's essay, *Mysticism in Russian History*, discussed how mysticism, a phenomenon in traditional Russian culture, actually hindered the progress of Russian society.³⁴ Liping Lei (雷丽平) specializes in Russian peasants' Orthodox faith and the evolution of the religious economy of the Orthodox Church.³⁵ Cuihong Yang and Guangxiang Zhang's research focuses on the cultural functions of monasteries.³⁶ Other scholars have also published papers on topics related to the Orthodox Church, Holy Fools, and Messianic consciousness, etc.³⁷

32 CUIHONG YANG, *A Study of the Relationship between the Russian Orthodox Church and State Power (9th – late 18th centuries)* (Changchun: Jilin University Press, 2011); CUIHONG YANG, *A Study of the Russian Orthodox Church and the State: Focusing on the 18th Century* (Changchun: Jilin University Press, 2014).

33 GUIJU DAI, *The Reformation of the Russian Orthodox Church (1861–1917)* (Beijing: Social Sciences Academic Press, 2002); GUIJU DAI, "The Diplomatic Function of the Russian Orthodox Church", *World Religious Cultures*, no. 2 (2014): 45–49. <https://doi.org/10.3969/j.issn.1007-6255.2014.02.008>; GUIJU DAI, "Religion and Modernization in Russia", *Russian, East European & Central Asian Studies*, no. 3 (2002): 14–20. <https://doi.org/10.3969/j.issn.1671-8461.2002.03.003>; GUIJU DAI, "An Overview of Orthodox Doctrinal Theology", *Philosophy of Religion* 29 (2003): 129–141. [https://doi.org/10.6309/JORP.200309\(29\).0010](https://doi.org/10.6309/JORP.200309(29).0010)

34 SHIGUO ZHAO, "Mysticism in Russian History", *World History*, no. 3 (2002): 63–73. <https://doi.org/10.3969/j.issn.1002-011X.2002.03.008>

35 LIPING LEI, "A Preliminary Study of Russian Peasants' Orthodox Faith in History", *World History*, no. 6 (2005): 56–65. <https://doi.org/10.3969/j.issn.1002-011X.2005.06.006>; LIPING LEI, "The Evolution of the Religious Economy of the Russian Orthodox Church Before the October Revolution (988–1917)", *Russian, East European & Central Asian Studies*, no. 5 (2013): 75–81.

36 CUIHONG YANG, "On the Origin and Development of the Monastery in Rus'", *Collected Papers of History Studies*, no. 4 (2019): 99–106; CUIHONG YANG, "Medieval Monasteries and Russian Culture", *The Northern Forum*, no. 4 (2011): 87–90. <https://doi.org/10.3969/j.issn.1000-3541.2011.04.021>; GUANGXIANG ZHANG, "The Cultural Function of Monasteries in Russia", *Jilin University Journal Social Sciences Edition*, no. 6 (2013): 100–110.

37 BAICHUN ZHANG (张百春), "The Russian Orthodox Church's Road to Independence", *Russian Literature & Arts*, no. 1 (2006): 43–48. <https://doi.org/10.16238/j.cnki.rla.2006.01.010>; XIAOHUA ZHAO (赵小华), "An Overview of the Development of the Russian Orthodox Church's Canonization History", *Russian Studies*, no. 6 (2013): 79–110; XINYI GUO, "The Beauty of the Murky: Exploring the Standard Paradigm of Russian Orthodox Iconography", *Danjiang Journal of Humanities and Society*, 46, June (2011): 107–136. <https://doi.org/10.29718/TJHSS.201106.0005>; SHUAI WANG (王帅), "An Analysis of the Veneration of Holy Foolishness in the Russian Orthodox Church", *Studies in World Religions*, no. 5 (2018): 131–140; XIAOLI GUO (郭小丽), JINGXUAN SUN (孙静萱), "The Structure

There are many monographs by Chinese scholars on the history of Russian culture. Hai Yao's *Russian Culture* is the most notable monograph on this topic. His book is divided into seven chapters: "The Eastern Slavs and the Varangians", "Rus' and Byzantium", "The Mongol Conquest and the Orientalization of Rus'", "Facing West (Reform and Enlightenment)", "The Choice of Developmental Path under the Influence of Western Culture", "Society and Culture in the Age of Reform", and "Cultural Conflicts at the Turn of the Century". In it, the author presents the main features of Russian culture in different historical periods, emphasizing that Russia's unique geographical conditions and history have created a diversity of components of Russian cultural origin.³⁸ Mingbin Li (李明滨)'s *A History of Russian Culture* provides a comprehensive and systematic overview of the history of Russian spirituality and culture covering social history, education, literature, art, scientific and technological achievements, and social trends.³⁹ Guangxuan Ren (任光宣)'s *A History of Russian Art and Fifteen Lectures on Russian Culture* deals with the historical development of several major Russian arts (architecture, painting, music and sculpture) from the 10th to the 20th century.⁴⁰ Daqiu Zhu (朱达秋) and Li Zhou (周力)'s *On Russian Culture* deals with the deep structure and characteristics of Russian culture and Russian autocracy as a cultural phenomenon. Peter the Great's Reformation and the Enlightenment are also reviewed and reconceived.⁴¹ There are also works focusing on the history of Russian architecture, arts and education.

Russian Geopolitics and Diplomacy

Russia's special geographical position, stretching as it does from the West to the East, or across the continents of Europe and Asia, has made Russian geopolitics and diplomacy of great interest to scholars. *Russian Civilization and Diplomacy*, edited by Hai Yao is a masterpiece of recent years. This book, co-authored by several scholars, analyses the historical

of Russian Messianic Consciousness and its Fluxes", *Russian Studies*, no. 2 (2009): 116–126.

38 HAI YAO, *A History of Russian Culture* (Shanghai: Shanghai Academy of Social Sciences Press, 2005).

39 MINGBIN LI, *A History of Russian Culture* (Beijing: Peking University Press, 2013).

40 GUANGXUAN REN, *A History of Russian Art* (Beijing: Peking University Press, 2000); GUANGXUAN REN, *Fifteen Lectures on Russian Culture* (Beijing: Peking University Press, 2007).

41 DAQIU ZHU, LI ZHOU, *On Russian Culture* (Chongqing: Chongqing Publishing House, 2004).

process of Russia under the influence of spatial conditions, cultural traits, national spirit, the Orthodox Church, imperial institutions and other factors. Shaping the unique style and tradition of Russian diplomacy, all these factors played an important role in the development of the Russian state and had a significant impact on international relations and the world situation.⁴² *A History of Russian Diplomacy (1700–1917)*, by Peiyong Deng and Huiyin Sun (孙慧颖), charts the origins, development, heyday and decline of Russian diplomacy in three periods (i.e., Kievan Rus', the Moscow Principality and the Russian Empire) and two dimensions—diplomatic relations with Western and Eastern countries.⁴³ Qi Lan (蓝琪)'s *On the Relations of the Countries of Central Asia and Russia in the 16th and 17th Centuries* discusses two main topics, namely, the creation, formation and development of the Central Asian khanates and the course of Russian history, as well as the course of peace and conflict, exchange and contest between Russia and the Central Asian khanates.⁴⁴ Xin Wang (王新)'s essay collection, *Russia and Europe: A Perspective on the History of International Relations*, deals with Russia's international relations in the 9th through 17th centuries and Russia's relations with Europe in the 18th century. Maritime strategy too, was an important element of Russian geopolitics and diplomacy.⁴⁵ *A Study of Russia's Maritime Strategy* by Huizhong Xiao (肖辉忠) and Dongtao Han (韩冬涛), and another book of the same title by Yanhua Ye (叶艳华) focus on the trajectory of Russia's maritime strategy and systematically describe Russia's Black Sea, Arctic, Pacific and Baltic strategies.⁴⁶

42 HAI YAO (ed.), *Russian Civilization and Diplomacy* (Beijing: Social Sciences Academic Press, 2016).

43 PEIYONG DENG, HUIYING SUN, *A History of Russian Diplomacy (1700–1917)* (Beijing: Social Sciences Academic Press, 2021).

44 QI LAN, *A Discussion of the Relations Between the Countries of Central Asia and Russia in the 16th–19th Centuries* (Lanzhou University Press, 2012); QI LAN, "On the Relations of the Countries of Central Asia and Russia in the 16th and 17th Centuries", *World History*, no. 1 (2008): 70–78.

45 XIN WANG, *Russia and Europe: A Perspective on the History of International Relations* (Beijing: Beijing Normal University Publishing Group, 2014).

46 HUIZHONG XIAO, DONGTAO HAN, *A Study on Russian Maritime Strategy* (Beijing: Current Affairs Press, 2016); YANHUA YE, *A Study of Russian Maritime Strategy: From Tsarist Russia to the Soviet Period* (Beijing: China Social Sciences Press, 2021).

Russian Historiography

Chinese scholars working on Russian history have built a strong command of the research dynamics of Russian historiography. Longshan Ma, et al. pay close attention to the transformation of contemporary Russian historiography within their works.⁴⁷ Shuang Liu (刘爽)'s *Studies on Contemporary Russian Historiography* is the latest publication by a Chinese scholar on contemporary Russian historiography, although the section on Russian historiography from the 10th to the 18th centuries is only briefly discussed.⁴⁸ Cuihong Yang, writing on pre-nineteenth-century Russian historiography, divides Russian historiography into two stages, with Peter the Great's reforms as a boundary: the first one is traditional Russian chronicle historiography that was heavily influenced by Byzantine and other Eastern factors; the other is a modernized approach that relied on Western historiography.⁴⁹ There is a lack of specialized monographs on the tradition and history of Russian historiography, themes that are only partially mentioned in works such as *A History of Western Historiography* and *A History of Foreign Historiography*.

THEMATIC STUDIES ON KIEVAN RUS', MUSCOVITE RUSSIA AND THE RUSSIAN EMPIRE

In order to present the themes of research on early Russian history (862–1800) by Chinese scholars in the 21st century, this paper arranges the results

47 LONGSHAN MA, "The Boom of Imperial History Studies and the School of Imperial History Writing in Russian: The Transformation of Russian Historiography", *History Research and Teaching*, no. 2 (2018): 63–70. <https://doi.org/10.3969/j.issn.1006-5636.2018.02.009>; LONGSHAN MA, "The Development of Russian Historiography and its Characteristics in the 21st Century", *Journal of Historiography*, no. 3 (2014): 7–17; JIANHUA ZHANG, "'Memorial Historiography' and 'Public Historiography': the Dynamics of Russian Historiography in 2013", *Russian, East European & Central Asian Studies*, no. 3 (2014): 87–92; GUIJU DAI, "Russian Historiography of the Last Decade", *Historiography Bimonthly*, no. 3 (2001): 134–144; SHUANG LIU, "Contemporary Russian Historiography in the Social Transformation", *Chinese Social Sciences Today*, 2019-06-18(007).

48 SHUANG LIU, *Studies in Contemporary Russian Historiography* (Beijing: China Social Sciences Press, 2020).

49 CUIHONG YANG, "On the Positive Influences of the Orthodox Church upon Russian Historiography", *The Northern Forum*, no. 3 (2020): 126–134. <https://doi.org/10.3969/j.issn.1000-3541.2020.03.015>; CUIHONG YANG, "Russia's Chronicle Tradition and the Modernization of Historiography", *Collected Papers of History Studies*, no. 1 (2013): 59–60.

achieved in each theme into three periods: Kievan Rus', Muscovite Russia and Imperial Russia.

Kievan Rus' (9th to the Early 13th Century)

(I) CHRONOLOGIES AND HISTORICAL TEXTS

Since the end of the 20th century, when Wang Yue translated and annotated the *Primary Chronicle*⁵⁰, three translations and editions by Huan Zhu and Dunwei Hu (胡敦伟), Songting Wang (王松亭) and Chen Renheng have been published on the Chinese mainland and Taiwan respectively.⁵¹ Chen has also written an article discussing the significance of the *Chronicle of the Bygone Years* in the compilation of the general history of Russia.⁵² In his work *A Study of the Russian "Tale of Bygone Years"*, Siqian Shi (史思谦) analyzed the chronological text in three dimensions: literature, religion and ideology, further examining the fundamental roles of these dimensions in the intellectual development of the Russian nation as a whole.⁵³

Following Yue Wang's translation and annotation of *Rus' Justice* (Russkaya Pravda),⁵⁴ Haijun Wang (王海军) studied *Rus' Justice* from the perspective of jurisprudential history. His work, *A Study of Rus' Justice*, takes the historical document *Rus' Justice* as its main object and focuses on the relevant legal issues of its time, including the formation of the document, the power and operating mechanism of the Rus' state, social classes and their evolution, crime and punishment, marriage and family succession, property law, and the judicial and litigation systems. His book

50 YUE WANG, *A Translation and Annotation of "The Primary Chronicle"* (Lanzhou: Gansu Ethnic Publishing House, 1994).

51 HUAN ZHU, DUNWEI HU (tr., ed.), *The Primary Chronicle: The First Chronicle of Ancient Rus'* (Beijing: Commercial Press, 2017); SONGTING WANG (translated and annotated), *The Tale of Bygone Years: An Ancient Russian-Chinese Comparison* (Beijing: Commercial Press, 2010); RENHENG CHEN (translated and annotated), *The Primary Chronicle: A Translation and Annotation of "Laurent's Chronicle"* (Taipei: Lianjing Publishing Co. Ltd, 2016).

52 RENHENG CHEN, "The Significance of *The Primary Chronicle* in Editing the General History of Modern Russia", *NTU Journal of History* 43, no. 1 (2009): 151–186. <https://doi.org/10.6253/ntuhistory.2009.43.04>

53 SIQIAN SHI, *A Study of the Russian "Tale of Bygone Years"* (Beijing: Social Sciences Academic Press, 2020); For related papers see SIQIAN SHI, "On the Image Construction of the Ancient Russian Empire in the 'Tale of Bygone Years'", *Russian Studies*, no. 5 (2016): 3–20; LI MA (马骊), "An Intensive Study on the *Tale about the Calling of the Varangians* in Old Russian Annals", *Journal of Northeast Normal University*, no. 2 (2013): 62–67.

54 YUE WANG, *A Translation and Annotation of Rus' Justice* (Lanzhou: Lanzhou University Press, 1987).

A Study of Civil and Commercial Law in Ancient Rus': A Focus on the Era of 'Rus' Justice' is based on the civil and commercial legal systems of ancient Rus' and provides a comprehensive interpretation in the context of the social, economic and political environment of its time.⁵⁵

(II) SLAVIC ETHNIC ORIGINS

The ethnogenesis of the Slavs is a meta issue in both Eastern and Western Slavic studies. Dan Wang (王丹)'s research presents a comprehensive analysis of the various theories on the origin of the Slavs from Russian linguistics, ethnography, and archaeology.⁵⁶ Houqin Zhou and Wei'an Cao have reviewed the research results of various disciplines on this issue in Central and Eastern Europe, pointing out that there are many arguments surrounding when and where the Slavs originated, and that a more in-depth, comprehensive interdisciplinary study would contribute to the exploration of Slavic origin.⁵⁷

(III) ANCIENT RUSSIAN CIVILIZATION AND THE FORMATION OF THE STATE OF RUS' While Wei'an Cao has long been interested in the study of Ancient Rus', he and his students have further devoted themselves to exploring the origins of the ancient Rus' state. Cao provides an overview of the debates between the "Norman theory" and the "anti-Norman theory" in Russian historiography.⁵⁸ Jia Qi (齐嘉) and Wei'an Cao discuss the origins of the name "Rus'" and the formation of the ancient Rus' state. On the one hand, they emphasize the fundamental role of the Eastern Slavs in the formation of the Rus' state, and on the other, they point out that the ancient Rus' state was not established until opportunities for extensive international trade emerged with the Byzantine Empire and underlined the external impetus from the Varangians.⁵⁹ Houqin Zhou and Wei'an Cao provide an overview of the "city-state theory" of ancient Rus' civilization in Russian historiography

55 HAIJUN WANG, *A Study of Rus' Justice* (Beijing: Beijing University Press, 2014); HAIJUN WANG, *A Study of Civil and Commercial Law in Ancient Rus': A Focus on the Era of Rus' Justice* (Shanghai: Shanghai People's Publishing House, 2014).

56 DAN WANG, "An Analysis of the Inference of Slavic Origin", *Journal of World Peoples Studies*, no. 5 (2001): 35–44. <https://doi.org/10.3969/j.issn.1006-8287.2001.05.005>

57 HOUQIN ZHOU, WEI'AN CAO, "Multidisciplinary Research and Dilemmas of Slavic Ethnic Origin", *Chinese Social Sciences Today*, 2020-01-21(004).

58 WEI'AN CAO, "The Debate in Russian Historiography on the Origins of the Ancient State of Rus'", *World History*, no. 1 (2008): 115–128.

59 JIA QI, WEI'AN CAO, "The Origin of the Name Rus' and the Formation of the Ancient State of Rus'", *Historical Research*, no. 3 (2012): 111–125.

in recent years.⁶⁰ In Jia Qi's work *The Origins of the Ancient State of Rus'*, which is based on the research findings of Russian and Anglo-American scholars on the "Varangian problem" and "the origins of the ancient Rus' state", Qi adopts the study of the overall environment of the Rus' region as his main perspective while illustrating the universality and uniqueness of the formation of the ancient Rus' state based on a general theory of state origins.⁶¹ *A Study of the Issues of Ancient Rus'* by Lianqing Sun (孙连庆) and Xiaohui Zhou (周晓辉), is guided by Marxist theory of ancient ethnic formation and uses this lens to examine the ethnic composition, ethnic distribution, and ethnic culture of ancient Rus'.⁶²

(IV) KIEVAN RUS' POLITICS, ECONOMY, CULTURE AND DIPLOMACY

Chinese scholars have not done much research on Kievan Rus', with only a few dissertations published. Chunlei Guo (国春雷) explores the controversy over the day of the Baptism of Rus' and examines the wars and diplomacy of Kievan Rus', especially its relations with Byzantium.⁶³ Hai Yao assesses the diplomacy of Alexander Nevsky.⁶⁴ Cuihong Yang and Lianqing Sun discuss the foreign trade of Kievan Rus' and the trade route from the Varangians and the Greeks.⁶⁵ Jia Qi and Houqin Zhou examine the *veche* in the political life of Kievan Rus'. Xiaobo Wang (王小波) discusses the origins of the Kievan legal system.⁶⁶

60 HOUQIN ZHOU, WEI'AN CAO, "The Study of Ancient Russian Civilization in Recent Russian Historiography", *World History*, no. 4 (2012): 98–110.

61 JIA QI, *The Origins of the Ancient State of Rus'* (Xi'an: Shaanxi People's Publishing House, 2018); JIA QI, "Preliminary Research on the Russian Khaganate", *Journal of Jiangsu Normal University*, no. 3 (2015): 66–71.

62 XIAOHUI ZHOU, LIANQING SUN, *A Study of the Issues Surrounding Ancient Rus'* (Beijing: China Social Sciences Press, 2015).

63 CHUNLEI GUO, "The Debate on the Day of the Baptism of Rus'", *World History*, no. 2 (2010): 120–128; CHUNLEI GUO, "An Analysis of the Diplomacy of Kievan Rus'", *Russian Studies*, no. 4 (2010): 84–97; CHUNLEI GUO, "A New Theory of the Causes of the Battle Between Kievan Rus' and Byzantine Kherson", *Collected Papers of History Studies*, no. 4 (2010): 80–86.

64 HAI YAO, "Between East and West: Nevsky's Diplomacy and its Evaluation", *Russian Studies*, no. 4 (2010): 98–109.

65 CUIHONG YANG, GUANGXIANG ZHANG, "The Role of the Kievan Rus' Orthodox Church in Foreign Relations (12th to 13th Centuries)", *Northeast Asia Forum*, no. 6 (2007): 113–116. <https://doi.org/10.3969/j.issn.1003-7411.2007.06.022>; LIANQING SUN, "On the Waterway Trade of Eastern Europe in the Middle Ages", *The Northern Forum*, no. 5 (2010): 75–78. <https://doi.org/10.3969/j.issn.1000-3541.2010.05.017>

66 JIA QI, HOUQIN ZHOU, "On the Veche of Kievan Rus'", *Journal of Jiangsu Normal University*, no. 6 (2016): 70–75; XIAOBO WANG, "A Preliminary Exploration of the Origins of the Russian Legal System", *Russian Studies*, no. 4 (2008): 46–50.

Muscovite Russia (From the Early 13th to the Late 17th Century)

(I) THE MONGOL (GOLDEN HORDE) RULE OVER RUS' AND ITS INFLUENCE

The almost 250-year Mongol rule over Rus', a period of transition from Kievan Rus' to Muscovite Russia, is a topic of great interest to Chinese scholars. Songxia Sun (孙嵩霞) has reviewed the new tendency in Russian historiography to move from the "Tatar-Mongol Yoke" to the "Russia attached to the Golden Horde" system, and has argued that the major political impact of the Mongols on Rus' was the decline of democratic elements in Kievan Rus' and the formation of an autocracy in Muscovite Russia.⁶⁷ Xunming Chen (陈训明) has pointed out that the influence of Mongol rule on the formation of Russian autocracy includes elements of Chinese culture. Honggang Liang (梁红刚) examines the taxation system of the period.⁶⁸ Ruixue Su (粟瑞雪) presents the Savitzky, a Eurasianist account of the impact of Mongol rule over Rus'.⁶⁹ Qiudi Huang (黄秋迪) looks at both medieval chroniclers' writings on the "Tatar yoke" and the influence of the Golden Horde on Russian culture.⁷⁰ Cuihong Yang and Chunlei Guo focus on the impact of Mongol rule on the development of Orthodox Christianity in Russia.⁷¹

(II) THE TSARS OF MUSCOVITE RUSSIA AND THEIR RULE

The political rule of the tsars from Ivan III to the early Romanov dynasty was an important stage in the establishment of a unified Muscovite Russia and

67 SONGXIA SUN, "A New Evaluation of Mongol Rule in Russian History", *Russian, East European & Central Asian Studies*, no. 3 (2016): 143–154; SONGXIA SUN, "From the Falling of Democracy to the Rise of Autocracy: The Impact of Mongolia on Ancient Russia between the 13th and 15th Centuries", *Journal of Shandong University*, no. 2 (2016): 148–154.

68 XUNMING CHEN, "Russian Nobility and Mongol Vassals", *Russian Studies*, no. 4 (2007): 85–90; HONGGANG LIANG, "The Taxation System of the Russian State in the Period of the Golden Horde", *Journal of Northeast Asia Studies*, no. 5 (2019): 113–123.

69 RUIXUE SU, "The Eurasianism Perspective: Savitsky on Mongol-Tatar Rule and its Impact on Russian History", *Russian, East European & Central Asian Studies*, no. 3 (2010): 84–89.

70 QIUDI HUANG, "The Influence of Mongolian Culture on Russian Culture Under the Golden Horde", *Siberian Studies*, no. 2 (2006): 87–90. <https://doi.org/10.3969/j.issn.1008-0961.2006.02.019>; QIUDI HUANG, "Characteristics of Russian Culture Under Mongolian Rule", *Siberian Studies*, no. 6 (2004): 52–57. <https://doi.org/10.3969/j.issn.1008-0961.2004.06.014>

71 CUIHONG YANG, "Changes in State-Church Relations in the Early Period of Mongolia's Rule Over Rus'", *Social Science Front*, no. 5 (2007): 128–131; CUIHONG YANG, "Changes in State-Church Relations in the Late Period of Mongolia's Rule Over Rus'", *Collected Papers of History Studies*, no. 6 (2011): 91–96; CHUNLEI GUO, "Reasons for the Russian Orthodox Church's Refusal to Consolidate with the Catholic Church During the Mongol Invasion", *Journal of Inner Mongolia University*, no. 3 (2010): 108–113. <https://doi.org/10.3969/j.issn.1000-5218.2010.03.019>

the formation of autocracy. The most popular Muscovite Russian tsar was Ivan IV. Scholars have authored several versions of Ivan IV's biographies and explored in depth the successes and failures of his reign.⁷² Dan Li (李丹) has made a comprehensive study of Ivan IV's administrative, financial, judicial, and ecclesiastical reforms.⁷³ Wei'an Cao and Junfeng Zhang (张军凤) explore the causes and consequences of the Oprichnina imposed by Ivan IV, while Wenfei Liu (刘文飞) and Xueye Liu (刘雪野) focus on Ivan IV's "exodus" and Kurbsky's "flight" and their political disputes.⁷⁴ Yanfeng Tang (唐艳凤) and Chuanyu Zhu (朱川豫) examine Anglo-Russian relations during the reign of Ivan IV.⁷⁵ Compared to Ivan IV, Chinese scholars examine the rule of other tsars of Muscovite Russia with less frequency. Yanshan Xu (徐彦山) discusses Ivan III's administrative reforms and the formation of a unified, centralized, Muscovite Russia. Xuefang Zhou compares Godunov in history

72 YUNSHENG SONG (宋韵声) (ed.), *Ivan the Terrible* (Shenyang: Liaoning People's Publishing House, 2002); DEYING KANG (康德英) (ed.), *Biographies of the World's Most Famous Men: The Bloody Tyrant Ivan the Terrible and the Outstanding Tsar Peter the Great* (Beijing: China Drama Publishing House, 2005).

73 DAN LI, "On the Administrative Reform of Ivan IV of Russia", *Journal of Inner Mongolia University*, no. 6 (2007): 18–22. <https://doi.org/10.3969/j.issn.1000-5218.2007.06.003>; DAN LI, "Ivan IV's Judicatory Reform and a Preliminary Exploration of the 1550 Corpus Juris", *Journal of Inner Mongolia University*, no. 1 (2007): 59–63. <https://doi.org/10.3969/j.issn.1000-5218.2007.01.012>; DAN LI, "Research on the Military System and Finance and Tax Reform in the Reign of Ivan IV", *Journal of Inner Mongolia Normal University*, no. 1 (2008): 135–138. <https://doi.org/10.3969/j.issn.1001-7623.2008.01.028>; DAN LI, "The Motives of Ivan IV's Reform: From the Intensification of Russian Class Contradictions in the First Half of the 16th Century to the Peresvitov", *Journal of Inner Mongolia Agricultural University*, no. 2 (2009): 231–233. <https://doi.org/10.3969/j.issn.1009-4458.2009.02.089>; DAN LI, "The Russian Church and the Hundred-Chapter Meeting under Ivan IV", *Journal of Inner Mongolia Agricultural University*, no. 4 (2007): 315–317. <https://doi.org/10.3969/j.issn.1009-4458.2007.04.120>

74 WEI'AN CAO, JUNFENG ZHANG, "Another Discussion of the Causes and Consequences of the Oprichnina Imposed by Ivan IV", *Journal of Suzhou University of Science and Technology*, no. 3 (2016): 91–100; WENFEI LIU, "The Controversy of Correspondence between Ivan IV and Kurbsky", *Russian Literature & Arts*, no. 1 (2007): 85–89; XUEYE LIU, XIAOJU WANG, "Political Rivalry in the Moscow Principality: Studied Through the Case of the Flight of Ivan IV", *Historiography Research in Anhui*, no. 3 (2020): 120–128. <https://doi.org/10.3969/j.issn.1005-605X.2020.03.013>; XUEYE LIU, "An Analysis of the Reasons and Significance of Kurbsky's flight from Lithuania", *Siberian Studies*, no. 2 (2020): 38–46. <https://doi.org/10.3969/j.issn.1008-0961.2020.02.005>

75 YANFENG TANG, CHUANGYU ZHU, "An Exploration of the History of Anglo-Russian Relations under Ivan IV", *Guizhou Social Sciences*, no. 2 (2017): 78–84.

and in literature. Guoju Liu (刘国菊) and Liying Wang (王丽影) comment on the reign of Alexei I.⁷⁶

The Zemsky Sobor was a special political institution of Muscovite Russia. Wei'an Cao and Huifang Xie (谢慧芳) study its rise and fall in the 16th and the 17th centuries, pointing out that its origins and role are different from that of the English parliament or the French Estates-General.⁷⁷ Wei'an Cao, Jianjun Shi (师建军) and Zhonggui Liu (刘忠桂) examine the Zemsky Sobor and the Russian tradition of local autonomous government.⁷⁸

Today, interpretation of the Time of Troubles and the peasant movements has gradually moved away from the influence of class struggle theory in Soviet historiography. Houqin Zhou introduces the latest achievements of contemporary Russian historiography in her study of the Time of Troubles and lists new trends in the study of this period in Russian historiography, placing it in the long time span of the 17th to the 20th centuries and analyzing the reasons why Russia still chose the path of "autocracy" despite the new political opportunities towards a "hierarchical representative monarchy" in the Time of Troubles.⁷⁹

(III) THE OLD BELIEVERS

The religious schism of the mid-17th century is key to the study of the relationship between the Russian Orthodox Church and political power. Xiaohua Zhao (赵小华) discusses the controversy between the ascetics and the Josephites at the very end of the 15th century, and beginning of the 16th century.⁸⁰ Yan Jin (金雁) focuses on the origins of the religious schism

76 YANSHAN XU, "The Administrative System and Reform Under the Formation of a Unified Russian State", *History Teaching*, no. 8 (2008): 39–41; GUOJU LIU, LIYING WANG, "Aleksey Mikhailovich and Tsarist Russia", *Journal of North University of China*, no. 4 (2018): 91–97. <https://doi.org/10.3969/j.issn.1673-1646.2018.04.017>; XUEFANG ZHOU, "Fact and Fiction: Godunov in History and Literature", *Fu Ren Journal of History* 22 (2009): 149–195. <https://doi.org/10.29439/FJHJ.200901.0005>

77 WEI'AN CAO, HUIFANG XIE, "On the Russian Zemsky Sobor", *World History*, no. 5 (2010): 23–32.

78 WEI'AN CAO, JIANJUN SHI, "Local Autonomous Government Prior to the Great Reform in Russia", *Journal of Shaanxi Normal University*, no. 5 (2010): 81–90; ZHONGGUI LIU, "An Analysis of Zemsky Sobor in Feudal Russia", *Northeast Asia Forum*, no. 3 (2004): 84–88. <https://doi.org/10.3969/j.issn.1003-7411.2004.03.020>

79 HOUQIN ZHOU, "The New Trend of Smuta Studies in Contemporary Russian Historiography", *Historiography Quarterly*, no. 2 (2020): 125–138; HOUQIN ZHOU, "Political Opportunities and the Choices of Russia in the Time of Troubles", *Russian, East European & Central Asian Studies*, no. 3 (2016): 123–142.

80 XIAOHUA ZHAO, "A Study of the Dispute Between the Ascetic Faction and the Josephite Faction in Russian History", *Russian Studies*, no. 1 (2013): 147–164.

in mid-17th century Russia.⁸¹ Wei'an Cao and Qinqin Yu (于芹芹) discuss the emergence of the Old Believers and their impact on the development of the Russian capitalist economy.⁸² Guiju Dai looks at the reasons why Old Believers became the traditional folk of the Orthodox Christians of Russia.⁸³ Chunlei Guo corrects Chinese scholars' misunderstandings of the two terms "Popovtsy" and "Bezpopovtsy". He also discusses the relationship between the Old Believers and the Romanov dynasty.⁸⁴ Boling Liu (刘博玲) et al. analyze the controversy between the Nikon's Church reforms and the internal thought of the Russian Old Believers.⁸⁵

(IV) THE COSSACKS

The Cossacks were an important subject of interest during Muscovite Russia. *Surviving Ukrainian Cossacks: From Autonomy to Integration into Russia*, by Xuefang Zhou regards the formation of the Ukrainian Cossacks as a quest for freedom and equality. The autonomous regions of the Ukrainian Cossacks were once caught between the four powers of Poland, the Grand Principality of Moscow, the Crimean Khanate and the Ottoman Empire, until their autonomy was revoked by Catherine II in the late 18th century. But in both Imperial Russia and the Soviet Union, Ukraine was the most separatist nation, always striving to establish an independent state.⁸⁶

81 YAN JIN, "The Key to Solving the 'Russian Mystery': the 'Split Movement' in the History of Russian Thought", *The Journal of Humanities*, no. 1 (2010): 20–30; YAN JIN, "Wanderers in a Vast Land: Another Discussion of the 'Schismatic Movement' in Russian History", *Social Sciences Forum*, no. 1 (2011): 4–17.

82 WEI'AN CAO, QINQIN YU, "Old Believers and the Development of the Russian Capitalist Economy", *Journal of Shaanxi Normal University*, no. 4 (2012): 113–118.

83 GUIJU DAI, "Traditional Folk Orthodox Christians of Russia: Old Believers", *Religious Philosophy* 39 (2007): 1–13. [https://doi.org/10.6309/JORP.200703_\(39\).0001](https://doi.org/10.6309/JORP.200703_(39).0001)

84 CHUNLEI GUO, "The Old Believers and the Romanov Dynasty", *Academic Journal of Russian Studies*, no. 5 (2020): 122–136.; CHUNLEI GUO, "The Correctness of the Translation of Russian Old Believers", *China Social Sciences Today*, 2018-09-18(004); CHUNLEI GUO, "Why the Russian Old Believers Moved to Bulgaria", *Chinese Social Sciences Today*, 2017-07-31(005).

85 BOLING LIU, "Experimental Discussion on the Causes of the Split of the Russian Orthodox Church in the 17th Century", *Russian Studies*, no. 3 (2016): 163–183; YAYUE LIU (刘雅悦), "An Analysis of the Eschatological Ideas of Bezpopovtsy in the Russian Old Believers", *Russian Studies*, no. 4 (2017): 82–104.

86 XUEFANG ZHOU, *Surviving Ukrainian Cossacks: From Autonomy to Integration into Russia* (Xinzhuang: Fu Jen Catholic University Press, 2006); XUEFANG ZHOU, "On the Emergence of the Cossacks", *Fu Jen Journal of History* 11 (2000): 1–21. <https://doi.org/10.29439/FJHJ.200006.0001>; XUEFANG ZHOU, "The Transformation of Ukrainian Cossacks' Autonomy and Society in the 18th Century", *Fu Jen Journal of History* 19 (2007): 221–280. <https://doi.org/10.29439/FJHJ.200707.000>

Sumei Yang (杨素梅)'s work *The History of the Russian Cossacks Explained* is an exhaustive study of the historical development of the Russian Cossacks and their socio-cultural transmutations. It systematically analyzes the role and function of the Cossacks in the historical development of Russia. Taking the typical Don and Ukrainian Cossacks as the main subjects of study, this book presents a historical picture of the Cossacks from their origins to their development, growth, demise, and revival. It also provides an in-depth discussion of the origins of the Cossacks, their social attributes, and the evolution of Russian government policy towards them.⁸⁷

(V) RUSSIAN-UKRAINIAN RELATIONS

The Russian-Ukrainian relationship is probably one of the most complex and tangled relationships Russia has with other countries. Zhonghai Li (李中海) and Guoju Liu discuss the origins of the terms “Rus” and “Ukraine” respectively.⁸⁸ In her book *A Study of Russia-Ukraine Relations after the Dissolution of the Soviet Union*, Lihua Shen (沈莉华) devotes a chapter to the discussion of the historical origins of the Russo-Ukrainian feud and writes several essays on *The Treaty of Pereyaslav*, which is of great importance in Russian-Ukrainian relations.⁸⁹ There is also one complete chapter in Qingping Wang (王庆平)'s work *A Study of Russian-Ukrainian Relations* which traces the origins of Russian-Ukrainian relations.⁹⁰ Monographs on Ukraine like Yunzhong Zhao (赵云中)'s *Ukraine: Heavy Steps in History*,

87 SUMEI YANG, *Russian Cossack History Explained* (Beijing: Science Press, 2016); SUMEI YANG, “On Russian Scholars’ Claims about Cossack Origins”, *World History*, no. 2 (2012): 118–124; SUMEI YANG, HAN GAO (高寒), “The Historical Evolution of the Russian Government’s Policy Towards the Don Cossacks”, *Russian Studies*, no. 4 (2015): 58–88; SUMEI YANG, “An Analysis of the Origins of the Cossacks and their Social Attributes: from the Perspective of Cossack Studies”, *Russian Studies*, no. 3 (2012): 90–102.

88 ZHONGHAI LI, “A Study of the Historical Title of ‘Rus’”, *Eurasian Humanities Studies*, no. 2 (2020): 31–38; GUOJU LIU, “The Historical Origin of the Name ‘Ukraine’”, *Chinese Social Sciences Today*, 2017-07-11(004).

89 LIHUA SHEN, *A Study of Russia-Ukraine Relations Following the Collapse of the Soviet Union* (Harbin: Heilongjiang University Press, 2017); LIHUA SHEN, “An Interpretation of the Historical Feud Between Russia and Ukraine”, *Russian, East European & Central Asian Studies*, no. 1 (2013): 62–69; LIHUA SHEN, “The Historical Causes of East-West Strife in Ukraine”, *Guizhou Social Sciences* 10 (2013): 138–141. <https://doi.org/10.3969/j.issn.1002-6924.2013.10.027>; LIHUA SHEN, “The Treaty of Pereyaslav and its Legacy”, *The Northern Forum*, no. 6 (2012): 65–70. <https://doi.org/10.3969/j.issn.1000-3541.2012.06.014>; LIHUA SHEN, “Re-Conceptualization of the Treaty of Pereyaslav”, *Guizhou Social Sciences*, no. 6 (2020): 62–69. <https://doi.org/10.13713/j.cnki.cssci.2020.06.009>

90 QINGPING WANG, *A Study of Russian-Ukrainian Relations* (Harbin: Heilongjiang University Press, 2013).

Chengzong Wang (王称宗)'s *History of Ukraine* and Yi Wen (闻一)'s *Ukraine: Janus in the Smoke of Gunpowder*, deal with Russian-Ukrainian relations in this period.⁹¹ Xuefang Zhou examines the debate over the pursuit of Ukrainian independence, or betrayal, from the standpoints of Mazepa and Peter I, respectively.⁹²

(VI) RURAL COMMUNES AND SERFDOM

Ailin Luo has long been involved in the study of Russian rural communes and serfdom. His work *A Study of Russian Rural Communes in the Late Feudal Period (1649–1861)* is an important work on this subject. This book reviews the evolution of the Russian rural commune and the types of rural communes in the aforementioned period. It focuses on organizational structure, the taxation system, the land system, social functions and internal social division within the territorial rural communes. It explores the behavioral mechanisms of the rural commune and the reasons for its vitality and offers a tentative analysis of the impact of the rural commune system on the psychology of the Russian peasantry and the development of Russian society.⁹³ He has also published several papers on the origins, nature and impact of Russia's rural communes.⁹⁴

Based on his in-depth study of Russian rural communes and serfdom, Wei'an Cao further summarized the formation and characteristics of Russian serfdom, pointing out that serfdom was the product of a combination of "serfdom" imposed by feudal lords and "serfdom laws"

91 YUNZHONG ZHAO, *Ukraine: Heavy Steps in History* (Shanghai: East China Normal University Press, 2005); CHENGZONG WANG, *History of Ukraine* (Taipei: Sanmin Book Co, 2006); YI WEN, *Ukraine: Janus in the Smoke of Gunpowder* (Beijing: China CITIC Press, 2016)

92 XUEFANG ZHOU, "The Struggle for Ukrainian Independence: The Views of Mazepa and Peter I", *Fu Jen Journal of History* 17 (2006): 139–187. <https://doi.org/10.29439/FJHJ.200611.0002>

93 AILIN LUO, *A Study of Rural Communes in Late Feudal Russia (1649–1861)* (Guilin: Guangxi Normal University Press, 2007).

94 AILIN LUO, "On the Terms of Russian Sel'skaia Obshchina (Village Commune)", *Journal of Southwest Minzu University*, no. 9 (2004): 355–359. <https://doi.org/10.3969/j.issn.1004-3926.2004.09.096>; AILIN LUO, "The Russian Rural Commune and the Tradition of Egalitarianism", *Journal of Guangxi Normal University*, no. 4 (2005): 139–143; AILIN LUO, "The Mir Assembly and Farmer Autonomy", *Journal of Guangxi Normal University*, no. 4 (2007): 99–104. <https://doi.org/10.3969/j.issn.1001-6597.2007.04.022>; AILIN LUO, "The Russian Rural Commune and Peasants' Military Service", *Journal of Historical Science*, no. 11 (2007): 69–75. <https://doi.org/10.3969/j.issn.0583-0214.2007.11.007>; AILIN LUO, "A Probe into the Impact of the Village Community System on Russian Society", *Russian, East European & Central Asian Studies*, no. 4 (2008): 74–80. <https://doi.org/10.3969/j.issn.1671-8461.2008.04.014>

enacted by the state.⁹⁵ Guangxiang Zhang has reviewed the debates among Russian scholars on the history of peasant serfdom in Russia, pointing out that the debates focus on three aspects: (1) whether the serfdom of the peasantry was established through legal or non-legal means, (2) the role of state legislation in strengthening serfdom in the 17th to 19th centuries, and (3) the underlying causes of the serfdom of the peasantry.⁹⁶ Guimin Xu (许桂敏) provides a detailed analysis of the characteristics of feudal land tenure patterns in Novgorod in the 16th to 17th centuries.⁹⁷ Yan Jin provides an overview of developments in Russian scholarship on the history of peasantry, while Xinyi Guo and Xingjie Zhang (张兴洁) examine the status of women in traditional Russian society in the 16th century.⁹⁸

Imperial Russia (the 18th Century)

Throughout the 17th and 18th centuries, as nations around the globe developed at ever-increasing rates, the reforms introduced by tsars such as Peter I and Catherine II greatly enhanced the Russian Empire's position in the world. Shiguo Zhao and Ziqiang Liu (刘自强) analyze in comparative perspective how Russia, faced with the challenge of the Western European powers in the 17th and 18th centuries, leapt to become a world empire alongside Britain and France by the end of the 18th century.⁹⁹

(I) THE TSARS OF THE RUSSIAN EMPIRE AND THEIR REFORMS

The most notable of the Russian tsars was none other than Peter I. Jianhua Zhang's work, *The Origins of the Red Storm: Peter the Great and His Empire*,

95 WEI'AN CAO, "The Formation and Characteristics of Serfdom in Russia. *Journal of Shaanxi Normal University*, no. 4 (2000): 163–168.

96 GUANGXIANG ZHANG, "The Debate among Russian Scholars on the History of Peasant Serfdom in Russia", *Jilin University Journal Social Sciences Edition*, no. 6 (2014): 143–154.

97 GUIMIN XU, "The Characteristics of the Form of Feudal Landholding of Novgorod in the 16th and 17th Centuries", *World History*, no. 3 (2000): 45–49. <https://doi.org/10.3969/j.issn.1002-011X.2000.03.006>

98 YAN JIN, "A History of Studies of the Russian Peasantry and its Prospects", *Russian Studies*, no. 2 (2002): 88–92. <https://doi.org/10.3969/j.issn.1009-721X.2002.02.018>; YAN JIN, "The Culture of the Russian Rural Commune and its National Identity", *The Journal of Humanities*, no. 4 (2006): 97–103. <https://doi.org/10.3969/j.issn.0447-662X.2006.04.017>; XINYI GUO, XINGJIE ZHANG, "The Status of Women in Traditional Russian Society Based on the 16th-Century Domostroy", *Russian Journal of Language and Literature*, no. 12 (2010): 117–130. <https://doi.org/10.29994/EGYWSB.201112.0011>

99 SHIGUO ZHAO, ZIQIANG LIU, "Russia in the Developing World of the 17th–18th Centuries: Challenges and Solutions", *Journal of Social Science of Hunan Normal University*, no. 5 (2001): 116–121. <https://doi.org/10.3969/j.issn.1000-2529.2001.05.024>

is an account of Peter the Great's life with a commentary on the historical legacy of his empire.¹⁰⁰ The book *Peter I's Reforms: Russia's Attempt at Europeanization* by He Wu (吴贺) and *Peter the Great's Reformation*, edited by Jinpeng Chen (陈金鹏), recount the course of Peter I's reforms.¹⁰¹ Chinese scholars have also written and edited several biographies of Peter I.¹⁰² Research papers are mainly on Peter the Great's reforms.¹⁰³

The first and second chapters of the book *Reform in Modern Russian History* by Tao Huifen (陶惠芬) focus on the reforms of Peter I and Catherine II, discussing the reformative ideas and initiatives of the two tsars and analyzing the class nature, goals, practices, and successes and failures of modern Russian reform.¹⁰⁴ Jianhua Zhang's book, *Imperial Storm: Russia on the Eve of the Great Reform*, focuses on the Russian Empire at its peak (1762–1855), examining the evolution of its internal structure, change in the rulers' philosophy of governance, change in imperial ideology, and the transformation of Russia's national and ethnic image, thus examining the many critical issues and challenges facing the Russian Empire on the eve of the Great Reform. *Imperial Illusions: The Changing Image of the Russian State and the Vision of Others*, also written by Zhang, deals with outside perspectives on the Russian Empire from 1721 to 1917.¹⁰⁵ Shiguo Zhao and Xinsheng Ge (葛新生)'s biographies of the Russian royal family and the tsars are other notable results by Chinese scholars over the past two decades.¹⁰⁶

100 JIANHUA ZHANG, *The Origins of the Red Storm: Peter the Great and His Empire* (Beijing: China City Press, 2002).

101 HE WU, *Peter I's Reforms: Russia's attempt at Europeanization* (Beijing: Beijing Normal University Press, 2018); JINPENG CHEN (ed.), *Peter the Great's Reformation* (Jinan: Shandong Science and Technology Press, 2017).

102 XIUZHANG ZHANG (张秀章), *A Biography of Peter the Great* (Changchun: Northern Women's and Children's Publishing House, 2000); BANGXUE Xu (徐帮学) (ed.), *The Powerful Tsar: Peter the Great* (Changchun: Jilin Education Publishing House, 2010).

103 XUEFANG ZHOU, "Opponents to Peter the Great's Reforms: A Perspective on Religious Belief", *Fu Jen Journal of History* 26 (2011): 39–82. <https://doi.org/10.29439/FJHJ.201103.0002>; LIKE DU (杜立克), "On the 'Europeanization' and 'Authoritarianism' Reforms by Emperor Peter I of Russia", *Journal of Inner Mongolia University*, no. 4 (2009): 75–81.

104 HUIFEN TAO, *Reform in Modern Russian History* (Beijing: China Social Sciences Press, 2007).

105 JIANHUA ZHANG, *Imperial Storm: Russia on the Eve of the Great Reform* (Beijing University Press, 2016); JIANHUA ZHANG, *Imperial Illusions: The Changing Image of the Russian State and the Vision of Others* (Beijing: Social Sciences Academic Press, 2019).

106 SHIGUO ZHAO, KE YANG (杨可), *Biographies of the Russian Tsars* (Changsha: Hunan Normal University Press, 2001); XINSHENG GE, *The Tsars' Ambition: The Russian Royal Family* (Beijing: China Youth Publishing House, 2012).

In addition, there are some research papers examining “enlightened despotism” and reform of women’s education under Catherine II.¹⁰⁷

(II) HIERARCHY AND ARISTOCRACY

There has been much debate about when the Russian hierarchy was formed. Guangxiang Zhang provides an overview of the research findings and debates in Russian historiography on the issue of hierarchy and class.¹⁰⁸ Wei’an Cao and Hua Xu (徐华) have discussed the formation, “liberation”, as well as the autonomy of the Russian aristocracy as a social estate (сословное управление) in the 18th century.¹⁰⁹ Jianhua Zhang points out the political, economic, and cultural privileges enjoyed by the aristocracy as the ruling class in Imperial Russia, which was the birthplace of modern Russian intellectuals and progressive thought.¹¹⁰

Zonghua Zhang (张宗华) ’s *Reform and Aristocracy in 18th Century Russia* is the only monograph on the study of the Russian aristocracy. In this book and related essays, Zhang systematically examines the origins and development of the Russian aristocracy, 18th-century reform (1689–1796), political reform and the aristocracy in the 18th century, and economic reform and the aristocracy in the 18th century, providing a comprehensive account of social change and a range of issues concerning the emergence and development of the hierarchy of the aristocracy in 18th century Russia.¹¹¹

107 JIANHUA ZHANG, “Catherine II’s Strategy of Governance”, *Russian Literature & Arts*, no. 4 (2001): 68–71; YUNLONG WANG (王云龙), “An Analysis of Enlightened Despotism: A Review of Catherine II’s *Guidebook*”, *Collected Papers of History Studies*, no. 4 (2001): 64–70. <https://doi.org/10.3969/j.issn.0559-8095.2001.04.010>; CHUANYU ZHU, “A Preliminary Study on Empress Catherine II’s Reform of Women’s Education”, *Russian Studies*, no. 5 (2014): 150–171.

108 GUANGXIANG ZHANG, “A Review of the Research of Russian Historiography on Hierarchy and Class”, *Guizhou Social Sciences*, no. 12 (2015): 56–65.

109 HUA XU, WEI’AN CAO, “The Autonomy of the Russian Aristocracy as a Social Estate in Russian History”, *Russian, East European & Central Asian Studies*, no. 3 (2016): 107–122; HUA XU, WEI’AN CAO, “On the Formation of the Russian Aristocratic Hierarchy and the ‘Freedom and Liberation’ of the Aristocracy”, *Journal of Shaanxi Normal University*, no. 3 (2015): 108–119.

110 JIANHUA ZHANG, “The Origin, Formation, and Political Awakening of the Russian Aristocratic Strata”, *Theory Journal*, no. 6 (2008): 99–104. <https://doi.org/10.3969/j.issn.1002-3909.2008.06.025>

111 ZONGHUA ZHANG, *Reform and the Aristocracy in 18th-Century Russia* (Beijing: People’s Publishing House, 2013); ZONGHUA ZHANG, “Socio-Psychological Characteristics of the Russian Aristocracy in the Mid- to Late 18th Century”, *Journal of Northwest Normal University*, no. 6 (2007): 115–120. <https://doi.org/10.3969/j.issn.1001-9162.2007.06.024>; ZONGHUA ZHANG, “Features and Effects of the System of Selecting Officials in 18th-Century Russia”, *Collected Papers of History Studies*, no. 6 (2009): 77–83.

(III) MODERNIZATION AND PEASANT ISSUES

The confrontation and contradiction between westernized reforms and traditional society is best demonstrated in Russia in the 17th and 18th century. Previously, Peter I's reforms were often seen as the starting point of Russian modernization, although this view has been revisited. Hai Yao provides an overview of Russian scholarly research on the modernization of Russia.¹¹² Jianhua Zhang points out that Alexander II's reforms were the true beginning of Russian modernization, a view shared by a growing number of Chinese scholars.¹¹³

Guangxiang Zhang and his team have long focused on study of the economic and social history of Imperial Russia. They have systematically studied the characteristics of the disintegration of the Russian feudal economy and the origins of capitalism, based on an overview of the research findings of Russian scholars on the formation of a unified Russian market and the transition from a feudal to a capitalist society.¹¹⁴ Zhang's work *Urbanization in Russia from the 18th to the 19th Century* is an important work on the economic and social history of Imperial Russia. It focuses on the process of Russian urbanization and its characteristics in the 18th to

112 HAI YAO, "The Research of Russian Scholarship on the Modernization of Russia", *World History*, no. 4 (2014): 7–12.

113 JIANHUA ZHANG, *A Study of Russia's Approach to Modernization* (Beijing: Beijing Normal University Press, 2002).

114 GUANGXIANG ZHANG, "Studies on the Emergence of the Unified Market in Russia", *World History*, no. 3 (2001): 90–101. <https://doi.org/10.3969/j.issn.1002-011X.2001.03.011>; PEIYONG DENG, "Re-Discussion of the Formation of the Unified Market in Russia: Also of the Characteristics of Russian Economic Development in the Late 19th Century", *Economic and Social History Review*, no.1 (2021): 65–82; GUANGXIANG ZHANG, WEIPING DING (丁卫平), "The Commentary of Russian Historiography on the Transition from Feudal to Capitalist Society", *Northeast Asia Forum*, no. 4 (2000): 73–76; GUANGXIANG ZHANG, WENSHAN LIU (刘文山), "Physical Geography Factors and Features of Feudal Economic Development in Russia", *Journal of Northeast Normal University*, no. 6 (2000): 50–55. <https://doi.org/10.3969/j.issn.1001-6201.2000.06.011>; GUANGXIANG ZHANG, WENSHAN LIU, "Features of the Collapse of the Russian Feudal Economy and the Origin of Capitalism", *Changbai Journal*, no. 5 (2000): 76–80. <https://doi.org/10.3969/j.issn.1003-5478.2000.05.025>; GUANGXIANG ZHANG, "The Characteristics of the Origin of Agricultural Capitalist Relations in Russia", *Journal of Henan Normal University*, no. 6 (2001): 63–67. <https://doi.org/10.3969/j.issn.1000-2359.2001.06.017>; GUANGXIANG ZHANG, LUYI FAN (范璐祎), "Water Transport and Economic Development in Europe and Russia from the Second Half of the 18th Century to the Beginning of the 19th Century: Case Analysis of the Volga-Kama Waterway", *Guizhou Social Sciences*, no. 4 (2012): 100–108. <https://doi.org/10.3969/j.issn.1002-6924.2012.04.017>; GUANGXIANG ZHANG, YUNQI HUI (回云崎), "Technological Innovations in the Ferrous Metallurgy of the Urals in Russia from the 18th to the 19th Century", *Social Science Front*, no. 3 (2017): 96–102.

19th century, including the separation of Russian cities and villages, the transformation of marriage and population reproduction patterns, the demographic process in Russian cities, social structure and social mobility in Russia, the social structure of the Russian urban population, the social mobility of the Russian urban population, the development of the urban economy and the changing structure of civic employment, the industrial and commercial situation and the socio-occupational structure of urban and non-urban centers in Russia, the hierarchical-class structure of Russian cities, and the Russian peasant workforce and the urbanization process. Using a combination of macro and micro studies, Zhang regards urban studies as an entry point to a deepening of the study of modern Russian history in the 18th and 19th centuries.¹¹⁵ Xiaohui Zhou, Zhenwen Li (李振文), Honggang Liang and Liping Lei have discussed in depth issues such as European Russian peasant economies, the main forms of exploitation of serfdom and its trends, taxation systems and the economic modernization of the 18th and the 19th centuries.¹¹⁶

(IV) WESTERNIZATION, EXPANSION AND FOREIGN RELATIONS

The westernization reforms of the Russian Empire are closely linked to and complemented by foreign expansion. He Wu examines the British mathematician and navigator Farquharson, who founded a vocational school in Russia under Peter, I and discusses his important contributions to the development of modern Russian science. She also examines the “soldiers’ wives” and rural military service families in mid-18th and mid-19th-century Russia to show how tradition and westernization met in the

115 GUANGXIANG ZHANG, *Studies on Russian Urbanization in the 18th and 19th Centuries* (Changchun: Jilin People's Publishing House, 2006); GUANGXIANG ZHANG, “Direct Reasons for Slow Urbanization in Late Feudal Russia”, *World History*, no. 6 (2002): 69–81. <https://doi.org/10.3969/j.issn.1002-011X.2002.06.008>; GUANGXIANG ZHANG, “The Indirect Reason for the Slow Urbanization in Late Feudal Russia”, *World History*, no. 6 (2003): 85–93. <https://doi.org/10.3969/j.issn.1002-011X.2003.06.008>

116 XIAOHUI ZHOU, “A Study of Working Peasants in European Russia from the mid-18th to mid-19th Century”, *History Teaching*, no. 12 (2008): 66–70; ZHENWEN LI, “The Main Forms of Exploitation of Serfdom in Russia and its Trend from the Late 18th to the Mid-19th Century”, *Russian, East European & Central Asian Studies*, no. 2 (2017): 125–139; ZHENWEN LI, “A New Theory on the Intensity of Exploitation of Russian Serfdom from the Late 18th to the Mid-19th Century”, *Journal of Historical Science*, no. 2 (2017): 92–101; HONGGANG LIANG, “A Study on the Reform of the Russian Tax System in the 18th Century”, *Jiangnan Tribune*, no. 12 (2019): 93–96; LIPING LEI, “Russia's Historical Traditions and Soviet Modernization”, *Russian, East European & Central Asian Studies*, no. 3 (2004): 68–74. <https://doi.org/10.3969/j.issn.1671-8461.2004.03.011>

Russian countryside.¹¹⁷ Shifeng Zhao (赵世锋)'s book *Russian Freemasonry and Modern Political Change in Russia (from the 18th to the Early 20th Century)*, contains a chapter on freemasonry and Russian politics during the Enlightenment, which sheds light on the impact of the "Masonic Enlightenment" on Russian politics.¹¹⁸

Chinese scholars have paid close attention to Russia's colonization of the East and the development of Siberia. Ying Shen (沈影)'s book, *The History of Russian Territorial Expansion*, contains chapters on the boundaries of the Kievan Rus' state, the transformation of the borders of the Grand Principality of Moscow, the establishment of the Russian Empire and the expansion of its territory.¹¹⁹ One chapter of Xiaoju Wang's work, *Research on Development and Immigration in Eastern Russia*, discusses early migration and development in eastern Russia and discusses Siberian exile during the Tsarist era.¹²⁰ Qiao Li (李巧)'s dissertation examines the Russian colonization of Siberia from 1581, when it crossed the Urals, to the mid-17th century, pointing out that the fur trade was an important driving force behind Russia's continued expansion to the east in the 17th century.¹²¹

External expansion deepened Russia's engagement with the West and the world. The book *Russia in the Eyes of Western Europeans in the 16th and 17th Centuries* by Chuanyu Zhu et al., introduces the main elements of and views represented in Western Europeans' perceptions of Russia in the 16th and the 17th centuries and discusses the impact of these perceptions on both sides, starting from the basis of the formation of Western Europeans' view of Russia, the process of that formation, and the image of Russia in the eyes of Western Europeans.¹²² Jianhua Zhang and Xiaowei Pan (潘晓伟)

117 HE WU, YUAN LANG (琅元), "Henry Farquharson and the Development of Modern Science in Russia", *Historical Research*, no. 3 (2011): 181–188; HE WU, "The Exchange between Tradition and Westernization in Rural Russia: 'Soldiers' wives' and Rural Families of Military Service in Russia from the Mid-18th to the Mid-19th Century", *Journal of Historical Science*, no. 10 (2012): 84–91.

118 SHIFENG ZHAO, *Russian Freemasonry and Modern Political Changes in Russia (18th to the Early 20th Century)* (Shanghai: Fudan University Press, 2011).

119 YING SHEN, *The History of Russian Territorial Expansion* (Beijing: Social Sciences Academic Press, 2013).

120 XIAOJU WANG, *Research on Development and Immigration in Eastern Russia* (Beijing: China Social Sciences Press, 2003); XIAOJU WANG, "Siberian Exile in the Tsar's Time", *Siberian Studies*, no. 3 (2004): 55–60. <https://doi.org/10.3969/j.issn.1008-0961.2004.03.013>

121 QIAO LI, "The Fur Trade and the Siberian Colonization Movement in 17th-Century Russia", *World History*, no.1 (2021): 50–66.

122 CHUANYU ZHU, et al. *Russia in the Eyes of Western Europeans in the 16th and 17th Centuries* (Chengdu: Southwest Jiaotong University Press, 2020); CHUANYU ZHU, "A Study of Western

focus on accounts of Korea in 17th- and 19th-century Russian literature and present early perceptions of the Russians in Korea.¹²³ Yuanyuan Xing (邢媛媛) has published several articles on early Japanese-Russian relations, as well as on the perception of Poland by Russians in authority in the 18th century.¹²⁴ Laiyi Zhang (张来仪) has reviewed the history of Russia's interaction with the Islamic world.¹²⁵ Yuchun Guo (郭宇春) and Liying Shao (邵丽英) have researched Russian property in Jerusalem and the Russian Jewish question retrospectively.¹²⁶

Sino-Russian relations, an important element of Russia's foreign relations, has been fruitfully researched in China on topics that include early Orthodox missions, the formation of the Sino-Russian border, and early Sino-Russian trade. Most scholars, however, focus on the history of the Qing Dynasty, or look at it through the lens of the history of international relations.

CONCLUSIONS

The general trend in the study of Russian history in China since 2000 lies in a move away from the influence of Soviet historiography to a greater diversity of theories and approaches. In the study of Russian history from

Europeans' Outlook on Russia in the 16th–17th Centuries", *Journal of World Peoples Studies*, no. 2 (2017): 100–110.

123 JIANHUA ZHANG, "Records and Primary Knowledge of Korea in Modern Russian Literature", *Journal of Historiography*, no. 4 (2010): 95–103; XIAOWEI PAN, "Early Russian Missions to China and Korea", *Siberian Studies*, no. 1 (2009): 55–58. <https://doi.org/10.3969/j.issn.1008-0961.2009.01.016>; XIAOWEI PAN, "Korea's Primary Contact with Russia in the Mid-17th Century", *Northeast History and Geography*, no. 2 (2013): 89–92.

124 YUANYUAN XING, "Changes in 'National Boundaries' in the Russian-Japanese Borderlands: A Perspective on the Mutual Understanding of Russia and Japan in the 17th century", *Pacific Journal*, no. 12 (2014): 69–76; YUANYUAN XING, "Russia's Earlier Awareness and Thinking about Japan from the 11th to the 17th Century", *Historical Research in Anhui*, no. 6 (2014): 108–117. <https://doi.org/10.3969/j.issn.1005-605X.2014.06.012>; YUANYUAN XING, "The Perception of Poland by the Russians in Power in the 18th Century", *History Research and Teaching*, no. 5 (2016): 71–76.

125 LAIYI ZHANG, "Russia's Historical Engagement with the Islamic World", *Social Sciences in Ningxia*, no. 2 (2011): 74–78.

126 YUCHUN GUO, *A Study of Russian Jewry (Late 18th Century to 1917)* (Harbin: Heilongjiang People's Publishing House, 2015); YUCHUN GUO, "An Analysis of the Historical Evolution of Russian Policies Against Jews", *Siberian Studies*, no. 6 (2015): 78–84. <https://doi.org/10.3969/j.issn.1008-0961.2015.06.014>; LIYING SHAO, "The Origins, Changes and Influence of Russian Property in Jerusalem", *World History*, no. 2 (2012): 24–32.

the 9th to the 18th century, Chinese scholars have paid close attention to developments in Russian historiography. Meanwhile, the historical point of view on civilization has received more attention, especially in the understanding of the Ancient Rus' civilization, the Principality of Moscow and the Russian Empire. Research themes are more varied, focusing not only on the traditional study of Russian political and economic history, but also on more microscopic social and cultural history, as well as the major issues affecting the development of Russian history, such as autocracy, the Orthodox Church, serfdom and rural communes. Research on these topics in China has expanded and deepened. It should be noted, though, that Chinese scholars' focus on early Russian history remains relatively traditional and conventional. There is a lack of research from the perspective of global history, gender history and the history of historiography.

It is difficult for Chinese scholars to use historical materials such as primary and archival documents in the study of early Russian history due to the limited number of researchers familiar with ancient Russian historical texts. More importantly, many scholars are more focused on the study of recent Russian issues, and often only peripherally trace history back to the Russian Empire. Study of Russian history from the 9th to the 18th century is, therefore, relatively weak. Even in the annual meetings held by the Chinese Research Association of World Ancient and Medieval History and the China Association of Modern World History, scholars on Russian history are rare and hardly seen presenting their research results. Only a few Chinese scholars in the related field choose to write in English or Russian when they publish their academic findings due to their limited language proficiency. And there is even more room for Chinese scholars to participate in international academic exchange. There are many fascinating issues in early Russian history that deserve to be studied and the results of such work often contribute to a deeper understanding of Russia's past, present and future. We would wish more Chinese scholars to devote themselves to the study of early Russian history with their intellect and affection.

YOSHIHIDE TANAKA

**JAPANESE HISTORIOGRAPHY
ON 18TH-CENTURY RUSSIAN HISTORY IN 2000–2020¹**

This paper attempts to present Japanese historiography on 18th-century Russian history after 2000, limiting itself only to books and articles published in Japan or in Japanese. Since the collapse of the Soviet Union, as the establishment of the Japanese Society for Eighteenth-Century Russian Studies in 2003 symbolises, the number of specialists in the study of 18th-century Russia has gradually increased in Japan, which has led to the diversification of research topics. For example, the active and positive role of Russian rulers and the nobility towards the political and cultural development of the 18th-century Russian state is reevaluated, and several researchers engage in concretely clarifying both the official and private lives of noble servants (including Muslims and Westerners), often paying attention to the local areas. As for regions located relatively near Japan, such as Siberia, the Far East, and Alaska, international relations and expeditions on location have been even more energetically studied than before. Additionally, traditional themes, i. e., the Cossacks, the nomads in the southern regions, and the Old Believers, also continue to attract interest in Japan.

Keywords: 18th-century Russia, Japan, historiography, Imperial government, nobility, international relations, expeditions, local society

Yoshihide Tanaka – PhD in Human Studies. Professor at the Faculty of Education at Miyagi University of Education (149 Aramaki-aza-Aoba, Aoba-ku, Sendai, Japan). E-mail: y-tanaka@staff.miyakyo-u.ac.jp

1 Citation: YOSHIHIDE TANAKA, “Japanese Historiography on 18th-Century Russian History in 2000–2020”, *RussianStudiesHu* 4, no. 1 (2022): pp. 16. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2022.4.5

Therefore, on the one hand, in the second half of the 20th century, popular interest in the Russian state and society, particularly in the pre-revolutionary periods, was not so strong, except for concerns about the Soviet socialist system and civilization. But on the other, following pioneers such as Yoji Tanaka, Shigeto Toriyama, and Shigeo Abe, Tsuneyuki Dohi published a monograph on 18th-century Russian rural society in the 1980s, and Koichi Toyokawa and Hitoshi Nakamura researched the history of popular rebellions, paying attention to their nomadic combatant-participants (Kalmyks and Bashkirs) and the popular adoration for the tsars.

The collapse of the Soviet Union in 1991 dramatically changed the perspective of Japan. The Russian state, stripped of its socialist surface, attracted growing and broader interest among the younger Japanese demographic, whose images of Russia were largely improved by perestroika. Furthermore, it became easy for Japanese researchers and students to stay longer in Russia and to collect materials from the Russian libraries and archives. Consequently, these days, postgraduate students using archival sources in Russia are not so rare. Partly because of the gradual increase of researchers in Japan, in 2003, the Japanese Society for Eighteenth-Century Russian Studies was established by specialists in history, literature, and linguistics. Since then, they have been holding a conference and publishing a newspaper annually.

In the following sections, I would like to introduce some research fields in which relatively prominent results can be observed for the last twenty years, limiting myself only to books and articles published in Japan or the Japanese language because, to our regret, the research results presented outside Japan are only a few (which may be one of the serious weak points of Japanese researchers). Additionally, papers later recorded in monographs are excluded from the bibliographical list attached to each section. It should also be noted that not all the literature shown on the lists is mentioned in the text.

IMPERIAL GOVERNMENT AND NOBILITY

The aforementioned change in the 1990s extended research topics in Japan. One of them can be called the most positive contributor towards the Russian state becoming a great power in the international arena—the tsarist government, and the noble elite in the 18th century, including the

period from the death of Peter I (1725) to the enthronement of Catherine II (1762). Firstly, the realities of the state services of the nobility, and their mentality in developing their loyalty towards the Imperial government has been studied. For example, after analysing the petitions kept in the Russian State Archive of Old Documents (RGADA), Yoshihide Tanaka suggested that each of the elites under the reigns of Peter I and Catherine I, unlike the noble servants (particularly of middle and low ranks) in the 17th century acting collectively as a noble estate, tried to strengthen personal ties with the rulers to create a solid cohesion between the Russian emperors and the nobility. According to Tanaka, noblemen's affiliation to elite units such as the Guard Regiments and the Cavalry Guards also contributed to their efforts to improve cohesion with the monarchs. Relevantly, interest in Japan increased about the early modern Russian military forces, their real conditions, and their relations with the general public.

Secondly, several researchers have focused on state ceremonies and symbols representing the Russian rulers which could function as an important means of raising the emperors' authority, and thus promoting state integration. Y. Tanaka pointed out the course of separation between secular factors and religious ones in the Russian state ceremonies in the final period of Peter I's reign, and Tokuaki Bannai found anti-Catholic aspects in the buffoonery of a marriage ceremony held in the notorious "Ice Palace" on the orders of Anna Ioannovna. As for the reign of Catherine II, inspired by Andrei Zorin, Yusuke Toriyama extracted the Greek plot in both the carrousel held by Catherine in 1766, and the ode of Vasilii Petrov (1736–96) praising her and this ritual, and suggested these were early signs of her famous "Greek Project".

Regarding the social rise of female aristocrats as one of the results of the Petrine reforms, the books and articles of Misa Nakagami and Keiko Kawashima were published with a focus on Ekaterina Dashkova (1743–1810), who served as president of the Russian Academy of Sciences during the reign of Catherine II.

TOKUAKI BANNAI, "The Era of the Empress and the Buffoonery: Metamorphoses of an Italian Musician in Russian Folk Culture [in Japanese]," *Hitotsubashi Review of Arts and Sciences* 5, (2010): 4–97.

TOKUAKI BANNAI, "'Ice Palace': A Frenzy over Russian Marriage [in Japanese]," *Language and Society, Hitotsubashi University* 5, (2011): 200–219.

TSUNEYUKI DOHI, *Reviving Romanovs* [in Japanese], (Tokyo: Kodan-Sha, 2005).

TSUNEYUKI DOHI, *Russia – The Earth of the Romanov Dynasty* [in Japanese], (Tokyo: Kodan-Sha, 2007).

TSUNEYUKI DOHI, *Imperial Russia: 200 years of Lights and Shades* [in Japanese], (Tokyo: Kawade-Shobo-Shinsha, 2009).

TSUNEYUKI DOHI, "Border Security, War and Immigration: Army and Society in Early Modern Russia [in Japanese]," in *Army* ed. SHUHEI SAKAGUCHI and HIROTO MARUHATA, (Kyoto: Minerva-Shobo, 2009), 107–143.

TSUNEYUKI DOHI, *Peter the Great: A Tsar Possessed by Western Europe* [in Japanese], (Tokyo: Yamakawa-Shuppansha, 2013).

TSUNEYUKI DOHI, "The Case of Tsarevich Alexis: Its Historiographic Study [in Japanese]," *The Review of Liberal Arts, Otaru University of Commerce* 135, (2018): 111–132.

SHIRO KATO, "Москва в трудах М. М. Щербатова [in Japanese]," *The Journal of the Faculty of Foreign Studies, Aichi Prefectural University: Area Studies and International Relations* 42, (2010): 167–195.

KEIKO KAWASHIMA, "Ekaterina Dashkova: Director of St. Petersburg Academy of Sciences [in Japanese]," *The Journal of the Japanese Society for the History of Chemistry* 39, no. 3 (2012): 133–149.

MISA NAKAGAMI, "Dashkova and the 'Dictionary of the Russian Academy' [in Japanese]," *Slavic Culture Studies, Tokyo University of Foreign Studies* 5, (2005): 64–78.

MISA NAKAGAMI, *First Woman Director of the Academy of Sciences in the Russian History: Princess Dashkova* [in Japanese], (Tokyo: Toyo-Shoten, 2006).

MISA NAKAGAMI, "Catherine II and the Cultured Nobility: Concerning Restrictions on Publication [in Japanese]," *Slavic Culture Studies, Tokyo University of Foreign Studies* 7, (2007): 36–58.

YURI SUZUKI, "The Present Situation of Research on the Court Coups d'État in 18th-Century Russia: Mainly on the 1730 Case [in Japanese]," *Ochanomizu Historical Review* 57, (2014): 121–149.

YOSHIHIDE TANAKA, "The Attitude of the Russian Service Nobility under the Reign of Catherine I [in Japanese]," *The Study of Russian History* 74, (2003): 73–94.

YOSHIHIDE TANAKA, "Royal Power and Ceremonies in Russia at the Beginning of the 18th Century: The Monographs of R. S. Wortman and E. A. Zitsler [in Japanese]," *Studies in Western History, Waseda University* 27, (2005): 107–121.

YOSHIHIDE TANAKA, *Catherine II and Her Era* [in Japanese], (Tokyo: Toyo-Shoten, 2009).

YOSHIHIDE TANAKA, “The Army and the Russian Nobility in the First Half of the 18th Century: The Formation and the Activities of the Cavalry Guards in the 1720s [in Japanese],” *Annals of the Japanese Association for Russian and East European Studies* 38, (2009): 72–88.

YOSHIHIDE TANAKA, “From War Regime to Peaceful Regime: Real Conditions of Reformation of the 18th-century Russian Army Explored from the Petitions and the Administrative Documents [in Japanese],” in *Russian History Read from the New Historical Sources* ed. TAKESHI NAKASHIMA, (Tokyo: Yamakawa-Shuppansha, 2013), 12–31.

YOSHIHIDE TANAKA, “Characteristics of the Russian Army in the First Half of the 18th Century: Particularly, in the Period of the Great Northern War [in Japanese],” *The Study of Russian History* 92, (2013): 3–23.

YOSHIHIDE TANAKA, “The Ordinary Rituals of the Russian Rulers and Their Changes at the Beginning of the 18th Century [in Japanese],” in *Various Aspects of the 18th-Century Russian Literature: Russia and Western Europe, Tradition and Renovation* ed. MICHIKO KANAZAWA, (Tokyo: Suisei-Sha, 2016), 193–215.

YUSUKE TORIYAMA, “Russian Poetry in the Age of the Russo-Turkish War (1768–74) [in Japanese],” *Bulletin of the Japan Association for the Study of Russian Language and Literature* 39, (2007): 35–42.

YUSUKE TORIYAMA, “The ‘Splendid Carousel’ of Catherine II and the Ode of Petrov: Two Attempts in 1766 at Visualization of the Image of Modern Russia [in Japanese],” *Slavic Studies* 54, (2007): 33–63.

YUSUKE TORIYAMA, “Historical Background of ‘Greek’ Representations in 18th-Century Russia: ‘Mixing of Classical and Nonclassical Antiquities’ and ‘Imperial Transition’ [in Japanese],” *21st Century COE Program. Making a Discipline of Slavic Eurasian Studies Occasional Papers* 23, (2008): 115–126.

INFLUENCES FROM THE SURROUNDING AREAS

Several Japanese researchers have paid attention to the problem of the influx of foreign people and culture into 18th-century Russian society, looking upon it as an important factor in the development of Russia politically and culturally. Although generally western impacts tend to be emphasised, Mami Hamamoto, utilising archival materials mainly of the *posol'skii prikaz*, discovered the career patterns and activities of Muslim state servants in the 17th and 18th centuries.

On western emigrants, considering close relations with European features in the 17th and 18th centuries (for example, a rash of wars,

confessionalisation, Humanism and the Enlightenment), on the one hand, Y. Tanaka has studied non-Russian officials and their influence (i. e., H. J. F. Osterman (1687–1747), Anton De Vieira (1682–1745), former Swedish war prisoners and so on), but on the other hand, Nobuya Hashimoto and T. Dohi have showed the active and progressive role played by western (above all, German) intellectuals in the development of Russian academism.

Moreover, Kenta Hayashi recently analysed the operation of printing technology and newspaper media learned in Western Europe, focusing on the specific functions of the initial editors of Peter I's newspaper, *Vedomosti*, pointing out the government's leading role in publishing in the early 18th century. With regards to the publication of books and reading culture similarly influenced by Western Europe, there are studies by Yukio Iwata on the book collections of the Russian monarchs and the elite, as well as M. Nakagami's research into the reading life of aristocratic women and publishing activities for them.

Additionally, the growth of the Russian theatre culture in the 18th century, owing mainly to the court and wealthy noble landowners, have been studied by Yoriko Morimoto and comparisons have been drawn between European original scores and those performed in Russia.

By contrast, as an example of the Russian aristocracy who went abroad and experienced the Grand Tour in Western Europe in the late 18th century, as well as the elite from the other states, Utako Onodera introduced the journey of Pavel Stroganov (1772–1812), and M. Nakagami depicted the case of Dashkova.

TSUNEYUKI DOHI, "A Note on Russian-German Academic Exchange in the Reign of Catherine II: Asch Collection and A. L. von Schlözer [in Japanese]," *The Review of Liberal Arts, Otaru University of Commerce* 133, (2017): 79–96.

MAMI HAMANOTO, *Islam in Holy Russia: the Tatar Conversion to the Russian Orthodox Church* [in Japanese], (Tokyo: University of Tokyo Press, 2009).

MAMI HAMANOTO, *Islam of Coexistence: Believers of the Eastern Orthodox Church and Muslims in Russia* [in Japanese], (Tokyo: Yamakawa-Shuppansha, 2011).

NOBUYA HASHIMOTO, *Empire, Estate and Schools: Social-Cultural History of Education in Imperial Russia* [in Japanese], (Nagoya: The University of Nagoya Press, 2009).

NOBUYA HASHIMOTO, "Просвещение и Самодержавие с точки зрения социально-культурной истории университетов в Российской Империи [in Japanese]," *The Study of Russian History* 88, (2011): 22–32.

KENTA HAYASHI, “Реформа печатного дела при Петре I и вызванные ей проблемы глазами редакторов газеты «Ведомости» [in Japanese],” *The Study of Russian History* 104, (2020): 3–24.

YUKIO IWATA, “‘Peter I’s Book Collection’ and Book Culture in Russia [in Japanese],” *Study Series of the Center for Historical Social Science Literature, Hitotsubashi University* 43, (2000): 1–60.

YUKIO IWATA, “Судьба библиотеки Ломоносова [in Japanese],” *The Study of Russian History* 68, (2001): 56–72.

YUKIO IWATA, “Catherine II Seen in Her Reading and Collection of Books [in Japanese],” *Slaviana: Journal of the Society of Studies in Slavonic Culture and Languages* 20, (2005): 98–118.

YORIKO MORIMOTO, “Challenges of Performing Tragedie Lyrique at the Sheremetev Serf Theater (1775–1797): Based upon Correspondence between Count Nikolai Petrovich Sheremetev and Monsieur Hivart (a Musician of the Paris Opera) [in Japanese],” *Journal of the Japanese Musicological Society* 60, no. 1 (2014): 78–91.

YORIKO MORIMOTO, “Performances of French Tragedie Lyrique at the Sheremetev Serf Theater (1775–1797): How Sacchini’s *Renaud* was Performed in the Russian Language [in Japanese],” *Annual Review of Hiroshima Society for Science of Art* 27, (2014): 33–48.

YORIKO MORIMOTO, “A History of *Opera Seria* Performances in Eighteenth-Century Russia (1): From the Reign of Anna Ioannovna to the Reign of Elizaveta Petrovna [in Japanese],” *Treatises and Studies by the Faculty of Kinjo Gakuin University: Studies in Humanities* 14, no. 2 (2018): 157–168.

YORIKO MORIMOTO, “Rethinking the Reception of *Opera Seria* in Russia during the Reign of Elizaveta Petrovna (1741–62): Focusing on the Subjects of Performed Operas [in Japanese],” *Waseda Opera and Music Theatre Studies* 1, (2018): 55–68.

YORIKO MORIMOTO, “History of *Opera Seria* Performances in Eighteenth-century Russia (2): During the Reign of Catherine II (1): 1762–1775 [in Japanese],” *Treatises and Studies by the Faculty of Kinjo Gakuin University: Studies in Humanities* 15, no. 2 (2019): 146–157.

YORIKO MORIMOTO, “The Actuality of the ‘Reform Opera’ Performances in Eighteenth-Century Russia: Focusing on Traetta’s *Antigona* (1772) [in Japanese],” *Bulletin of Nagoya College of Music* 38, (2019): 55–78.

MISA NAKAGAMI, “Eurasian Salon: Noble Ladies Advancing into Public Affairs and the Roles of Publications in Tsarist Russia [in Japanese],” *Eurasian Studies* 45, (2011): 47–50.

MISA NAKAGAMI, *Intellectual Life of Young Ladies: Reading and Publishing in 18th-Century Russia* [in Japanese], (Tokyo: Toyo-Shoten, 2013).

MISA NAKAGAMI, "Princess Ekaterina Romanovna Dashkova and Her Trip to England [in Japanese]," *Bulletin of Faculty of Arts, Tokyo Institute of Polytechnics* 20, (2014): 55–62.

УТАКО ONODERA, "Образовательные путешествия по Европе русских дворян во второй половине века (Европейский опыт для подготовки патриотических государственных служащих и его последствия) [in Japanese]," *Bulletin of the Japan Association for the Study of Russian Language and Literature* 38, (2006): 79–87.

YOSHIHIDE TANAKA, "The Russian Autocracy and the German Elite in the Eighteenth Century: H. J. F. Ostermann and the Russian Foreign Policies [in Japanese]," *The Study of Russian History* 84, (2009): 64–81.

YOSHIHIDE TANAKA, "The Integration of the Non-Russian Elite into the Russian State Organization in the Second Half of the 18th Century [in Japanese]," *Bulletin of Miyagi University of Education* 51, (2017): 65–82.

YOSHIHIDE TANAKA, "A Portuguese De Vieira and the Police in St. Petersburg under Construction [in Japanese]," *Bulletin of Miyagi University of Education* 52, (2018): 57–70.

YOSHIHIDE TANAKA, "Swedish Prisoners in the Northern War and the Petrine Reforms [in Japanese]," *Bulletin of Miyagi University of Education* 54, (2018): 63–78.

YORIKO TORIYAMA (MORIMOTO), "Opera Performances at the Sheremetev Serf Theater and Its Troupe [in Japanese]," *The Bulletin of Aichi University of the Arts* 40, (2010): 209–220.

EICHI YAZAWA, *Serf Theaters in Imperial Russia: Lights and Shadows of the Russian Noble Culture* [in Japanese], (Tokyo: Shindokusho-Sha, 2001).

INTERNATIONAL AND COMMERCIAL RELATIONS

Probably due to territorial proximity to Japan, the process of Russian eastward expansion has been eagerly studied in Japan for a long time. Particularly on the Kyakhta Treaty between China (Qing) and Russia signed in 1728, Koichi Shibuya, relying on archival materials held in the Archive of Foreign Policies of the Russian Empire (AVPRI), assumed that there were certain discrepancies in the recognition of some provisions of the Kyakhta Treaty between the Chinese and the Russian governments. Five versions were drafted in different languages, and each government depended on

separate versions. Furthermore, later conflicts and negotiations between the two empires led to the conclusion of the Addendum to the Treaty of Kyakhta (1768). Akira Yanagisawa published several articles on this. In the Russo-Chinese commercial system constructed by this Kyakhta Treaty, Takako Morinaga's monograph, which clarified mutual relations between the merchant families in Irkutsk, stressed these tradesmen's active role. Although it was not realised under the Kyakhta Treaty, Tomomi Nakamura considered the fact that the Russian side intended to expand its commercial activities in Cantonese and Nanjing, pointing out the impact of the reports of some Westerners who accompanied the Izmailov mission as a source for Russian foreign policy decisions.

Recently in Japan the study of Central Eurasian history has been active. Jin Noda's monograph, which centres on the Kazakh Khanate located halfway between Russia and the Qing Empire, examined the relationship between these two empires in the 18th and 19th centuries and can be positioned as one of the remarkable results of such research trends.

Moreover, about the extension of Russia to the Far East and Alaska, Emiko Okano depicted the activities of Russian fur traders which consequently led to the establishment of the 'Russian-American Company', and their contacts with natives in Alaska and British expeditions arriving at the North Pacific Ocean. Subsequently, T. Morinaga also published a book and a booklet about the efforts of these fur traders, including the Irkutsk merchants.

Although there is little information on formal international relations between Japan and Russia in the 18th century, since Japan had closed its territory at that time, there are several results by Michiko Ikuta about Daikokuya-Kodayu, a famous migrating citizen who drifted to Kamchatka in the second half of the 18th century. After moving to St. Petersburg, he asked Catherine II directly to permit him to return home. Additionally, based on the archival historical materials, K. Toyokawa analysed the Russian Senate's response to Soza and Gonza, who were also washed ashore in Kamchatka in 1729, pointing out that their presence may have aroused interest in Japan in Anna Ioannovna's government. The Center for Northeast Asian Studies at Tohoku University published a collection of five volumes of historical materials on Russo-Japanese relations in the 18th and 19th centuries, translated into Japanese.

With regard to foreign and trade policies for the west and the south, Gennyu Takeda explained in his articles that through the 18th century, the central arena of Russian foreign commerce gradually transited from the

North Sea and the Baltic Sea, where the Netherlands and Britain mainly traded, to the Black Sea via the Ottoman Empire, where the Russian Government began to plan grain trades with France. Takeda also analysed the process of building diplomatic relations between Russia and European countries closely related to this transition. As for Russia's relations with the Ottoman Empire, Hiroki Odaka's monograph focused on changes in the ways of diplomatic negotiations and diplomatic etiquette mainly on the Ottoman side in the second half of the 18th century. Furthermore, by paying attention to the border zone, i. e., Wallachia and Moldavia, a book by Akitsu Mayuzumi examined the three-way relationship among Western Europe, Russia, and the Ottoman Empire in the 18th and the first half of the 19th century.

SUSANNE ENDO-KOLLER, "The Russian Government's Dispatch of Expeditions to the North Pacific Region during the Second Half of the 18th Century [in Japanese]," *Bulletin of the Institute for Excellence in Higher Education Tohoku University* 5, (2019): 41–56.

МАМИ НАМАМОТО, "Russo-Xinjiang Trade in Travel Records: c. 1780–1850 [in Japanese]," *Bulletin of the Society for Western and Southern Asiatic Studies, Kyoto University* 89, (2019): 58–86.

МИСНИКО ИКУТА, "Японцы, потерпевшие кораблекрушение у берегов России, и способы их общения с внешним миром [in Japanese]," *Journal of Osaka University of Foreign Studies* 22, (2000): 177–192.

МИСНИКО ИКУТА, "Санкт-Петербург – Город и язык XVIII века – в восприятии Дайкокуя Кодая [in Japanese]," *The Bulletin of the International Institute for Linguistic Sciences, Kyoto Sangyo University* 22, (2001): 75–109.

МИСНИКО ИКУТА, "Образ России в период Эдо: Дайкокуя Кодая и первое официальное посольство А. Э. Лаксмана в Японию [in Japanese]," *Russian and East European Studies, Osaka University of Foreign Studies* 8, (2004): 1–22.

SHIGERU MATSUURA, "Vladislavich in Beijing in 1726 [in Japanese]," *Studies in Asian History, Kyoto University* 7, (2014): 1–33; 8, (2014): 1–26; 9, (2015): 1–26.

AKITSU MAYUZUMI, *On the Threshold among the Three Worlds: Western Europe, Russia, Ottoman and Wallachian-Moldavian Problems* [in Japanese], (Nagoya: Nagoya University Press, 2013).

TAKAKO MORINAGA, "Fur Business and Trade with the Natives: The North-Eastern American Coast from the 18th Century to the First Half of the 19th Century [in Japanese]," in *Comparative History of Local Societies: Europe*

and Russia ed. TSUNEYUKI DOHI, (Tokyo: Japan Editors School Press, 2006), 366–399.

TAKAKO MORINAGA, *Expansion of Russia and Fur Trade: The Merchant World in Siberia and the North Pacific Ocean in the 16–19 Centuries* [in Japanese], (Tokyo: Sairyu-Sha, 2008).

TAKAKO MORINAGA, *Иркутское купечество и кяхтинская торговля: коммерция Евразии в императорской России* [in Japanese], (Sapporo: Hokkaido University Press, 2010).

TAKAKO MORINAGA, *The Northern Pacific Ocean Area and Alaskan Fur Trade: The People of the Russian-American Company* [in Japanese], (Tokyo: Toyo-Shoten, 2014).

TOMOMI NAKAMURA, “Plan of the Canton Trade of the Russian Empire in the 1720s [in Japanese],” *Studies in Asian History, Kyoto University* 12, (2021): 15–41.

JIN NODA, “The Kazakh Khanate between the Russian and Qing Empires: Mainly on the Relations of Kazakh Sultans with the Qing Dynasty [in Japanese],” *The Toyo Gakuho* 87, no. 2 (2005): 230–260.

JIN NODA, *The ‘Kazakh Khanate’: Between the Russian and Qing Empires* [in Japanese], (Tokyo: University of Tokyo Press, 2011).

HIROKI ODAKA, *Europeanization of Ottoman Diplomacy: From One-Sided Diplomacy to Dualism Diplomacy* [in Japanese], (Hiroshima: Keisui-Sha, 2010).

EMIKO OKANO, “A First Russian’s Encounter with Kolosh (Tlingit): The Voyages of G. G. Izmailov and D. I. Bocharov in 1788 [in Japanese],” *Bulletin of Gunma Prefectural Women’s University* 26, (2005): 125–146.

EMIKO OKANO, “A Study of the Journals of the British Expedition under George Vancouver that Met Russians and Native Indians in Alaska Especially Around Cook Inlet, 1794 [in Japanese],” *Bulletin of Gunma Prefectural Women’s University* 27, (2006): 57–81.

EMIKO OKANO, “A Study of the British Expedition under George Vancouver in the Prince William Sound [in Japanese],” *Bulletin of Gunma Prefectural Women’s University* 29, (2008): 155–181.

EMIKO OKANO, “The 1794 Russian Expedition to the Yakutat Area [in Japanese],” *Bulletin of Gunma Prefectural Women’s University* 32, (2011): 85–103.

KOICHI SHIBUYA, “The Izmaylov’s Embassy and the Issue of Diplomatic Protocol: On the Letter of Li-fan Yuan Written by Kang-Si Emperor Himself [in Japanese],” *Bulletin of the Faculty of Humanities and Social Sciences, Ibaraki University: Studies in Humanities* 38, (2000): 27–37.

KOICHI SHIBUYA, "The Process of Negotiations for the Treaty of Kyakhta: Concerning the Article on Frontier Trade and the Treaty Written in the Russian Language by the Qing Side [in Japanese]," *Bulletin of the Faculty of Humanities and Social Sciences, Ibaraki University: Studies in Humanities* 40, (2003): 57–75.

KOICHI SHIBUYA, "The Article on Correspondence of the Treaty of Kyakhta: Concerning the Matter that Qing Refused to Receive Letters from Russia after Conclusion of that Treaty [in Japanese]," *Bulletin of the Faculty of Humanities and Social Sciences, Ibaraki University: Studies in Humanities* 45, (2006): 33–56.

KOICHI SHIBUYA, "The Process of the Formation of the Kyakhta Treaty [in Japanese]," *Bulletin of the College of Humanities, Ibaraki University: Studies in Humanities and Communication* 9, (2010): 55–74.

GENNYU TAKEDA, "The Baltic Trade and Russian Southward Expansion in the Early 18th Century: The Economic and Diplomatic Significance of the Anglo-Russian Commercial Treaty of 1734 [in Japanese]," *Tottori University Education Center Bulletin* 1, (2004): 7–68.

GENNYU TAKEDA, "Russian Foreign Trade and Foreign Policy under the Reign of Empress Elizabeth: Anglo-Russian Baltic Trade and Franco-Russian Black Sea Trade [in Japanese]," *Tottori University Education Center Bulletin* 2, (2005): 33–112.

GENNYU TAKEDA, "Russian Baltic Trade and the Northern System in the Age of Catherine II: The Economic and Diplomatic Significance of the Anglo-Russian Commercial Treaty of 1766 [in Japanese]," *Tottori University Education Center Bulletin* 4, (2007): 1–70.

GENNYU TAKEDA, "Russian Black Sea Trade and Southward Expansion in the Age of Catherine II: The Economic and Diplomatic Significance of the Franco-Russian Commercial Treaty of 1787 [in Japanese]," *Tottori University Education Center Bulletin* 5, (2008): 15–90.

KYOSUKE TERAYAMA, TADASHI HATAKEYAMA et al. (eds.), *Japanese-Russian Relations in the 18th and 19th Centuries: A Documentary Record* [in Japanese], 5 vols, (Sendai: The Center for Northeast Asian Studies at Tohoku University, 2004–2010).

KOICHI TOYOKAWA, "The Year 1736 both for Japan and Russia: The Meaning of the Senate Materials on Soza and Gonza [in Japanese]," *Slavistika* 31, (2016): 61–73.

KOICHI TOYOKAWA, "A Historical Document Signed by Daikokuya Kodayu: An Examination of Documents on Russo-Japanese Relations of the Eighteenth Century [in Japanese]," *Sundai Historical Review: The Journal*

of the Historico-Geographical Association of Meiji University 163, (2018): 105–113.

AKIRA YANAGISAWA, “Concerning Negotiations between Russia and the Qing Dynasty on the ‘Addendum to the Treaty of Kyakhta’ in 1768 [in Japanese],” *The Journal of Oriental Research* 62, no. 3, (2003): 568–600.

AKIRA YANAGISAWA, “The Problem of Customs Duties on the Kyakhta Trade in the 1750–60s [in Japanese],” *Bulletin of the Graduate Division of Letters, Arts and Sciences of Waseda University, IV: Japanese History, Oriental History, Western History, Archaeology* 58, no. 4 (2013): 5–18.

AKIRA YANAGISAWA, “Linguae Francae in Diplomatic Relations between Russia and Qing from the 18th to 19th Centuries [in Japanese],” *Shimane Journal of North East Asian Research Special Issue* 3, (2017): 147–162.

LOCAL SOCIETY

T. Dohi, who has been also actively presenting his research results after 2000, points out the importance of local history research to a profound understanding of Russian history based on the diversity of the Russian Empire. Likewise, K. Toyokawa’s southern frontier studies continue to develop, and two monographs have been published. In these books, Toyokawa, utilising archival materials not only from Moscow and St. Petersburg, but also from other regions, detailed the southern expedition of Ivan Kirilov (1695–1737) in the 1730s, the process of construction of the Orenburg Fortress, and the conflicts with local indigenous peoples as a part of his main topics. With Russia’s foray into its surrounding areas, Toyokawa paid attention to the arrest and interrogation (1732–36) of a Simbirsk citizen, Iakov Iarov, who was accused of indulging in magic. He tried to see these two seemingly irrelevant events in the context of the 18th-century European Enlightenment (reaching Russia) and as a largely comprehensive attempt of the Russian central government to struggle against unexploredness. Additionally, Toyokawa’s analysis is advanced about the activities of the Cossacks, non-Russians, and the Old Believers in the 18th century, particularly at the Pugachev Rebellion.

In the public sectors Y. Tanaka researched the previous history of local government officials (governors, vice-governors and *voevodas*) appointed in the first half of the 18th century, their places of work, their incumbencies, their personnel processes, and their concrete activities there. At least in the first half of the century, as far as can be judged from the patterns

of human appointments, the Imperial government seems to have had only a minor concern about each local governor's existing ties with his place of work. It is highly likely that the relationship between provincial administrators, who were assigned to the sites only for a very short period, and regional residents was not good. However, information is limited and further individual case studies will be required.

Studies on noblemen and their families living in rural areas increased. One of these is U. Onodera's research on the family education of nobility. Analysing the actual situation of examinations conducted to assess foreign teachers' qualifications since 1757 while also pointing out the qualitative problems of these teachers, Onodera suggested that a certain interest in education might have been stimulated among aristocratic families through such a testing system. Additionally, starting with the research of Tomoko Bannai, the actual condition of daily life in the lordly residences (*usad'ba*) of the local nobility is also being elucidated.

TOKUAKI BANNAI, "Reading in a Russian Nobleman's Family in the Second Half of the 18th Century: In the '1787 Desk Calendar or Daily Notes' of Pavel Bolotov [in Japanese]," *Cultura Philologica* 53, (2016): 85–107.

ТОМОКО BANNAI, "The Russian Aristocracy and the Country Estate: A. Olenin and 'Priiutino' [in Japanese]," *Hitotsubashi Review of Arts and Sciences* 6, (2012), 164–181; 7, (2013): 272–298; 8, (2014): 294–321.

TSUNEYUKI DONI, "Iaroslav Province at the End of the 18th Century [in Japanese]," *The Hitotsubashi Review* 124, no. 2, (2000): 343–351.

TSUNEYUKI DONI, *The World of Russian Social History* [in Japanese], (Tokyo: Japan Editors School Press, 2010).

YU MIYANO, "Reforms of Russian Monasticism in the 18th Century [in Japanese]," *Eurasian Studies* 41, (2009): 51–56.

УТАКО ONODERA, "Домашнее образование русского дворянства и влияние иностранных воспитателей во второй половине XVIII века [in Japanese]," *Bulletin of the Japan Association for the Study of Russian Language and Literature* 32, (2000): 115–127.

УТАКО ONODERA, "Начало государственного контроля над частным образованием в России: Аттестация на право преподавания в частных домах и училищах по указу 1757 г. [in Russian]," *Japanese Slavic and East European Studies* 25, (2005): 109–130.

УТАКО ONODERA, "Nobility and State Control of Education in 18th-Century Russia: The Introduction of a Foreign Teacher Qualifications System (1757) [in Japanese]," *Northeast Asian Studies, Tohoku University* 14, (2010): 37–58.

YOSHIHIDE TANAKA, "An Essay on the Service Patterns of Provincial Officials in the First Half of Eighteenth-Century Russia [in Japanese]," *The Study of Occidental History, Tohoku University* 42, (2013): 57–91.

YOSHIHIDE TANAKA, "The Processes of Selection and Appointment of the Russian Local Administrators after the Death of Peter I: The Elite who Bore the Reformed State System [in Japanese]," in *The History of the State System Is Dancing: Dialogue between Europe and Russia* ed. YOSHIRO IKEDA and KAYOKO KUSANO, (Tokyo: Tosui-Shobo, 2015): 265–304.

YOSHIHIDE TANAKA, "The Processes of Selection and Appointment of the Russian Local Administrators in the 1730s [in Japanese]," *Bulletin of Miyagi University of Education* 49, (2015): 63–77.

YOSHIHIDE TANAKA, "Everyday History of the Russian Local Administrators in 18th-Century Russia [in Japanese]," *Slavistika* 31, (2016): 41–60.

YOSHIHIDE TANAKA, "The Case Studies of the Non-Russian Officials in the Russian Provinces in the First Half of the 18th Century [in Japanese]," *Bulletin of Miyagi University of Education* 50, (2016): 69–82.

KOICHI TOYOKAWA, *История объединения народов в Российской империи: Русская колонизация и башкиры (XIV–XIX вв.)* [in Japanese], (Sapporo: Hokkaido University Press, 2006).

KOICHI TOYOKAWA, "Salavat Yulaev and Experiences at Baltiiskii Port: A Case Study on Regional History in Imperial Russia [in Japanese]," *Sundai Historical Review: The Journal of the Historico-Geographical Association of Meiji University* 132, (2007): 23–58.

KOICHI TOYOKAWA, "Russia in the Age of Enlightenment and I. K. Kirilov's Colonial Policy [in Japanese]," *Japanese Slavic and East European Studies* 30, (2010): 45–58.

KOICHI TOYOKAWA, "The Position of the Cossacks in the Army of the Russian Empire as a 'Settler State': With Special Reference to the Establishment of the Orenburg Cossack Legion in the 18th Century [in Japanese]," *The Journal of Historical Studies* 881, (2011): 34–48.

KOICHI TOYOKAWA, "Exploration" and Transforming Spatial Recognition in 18th-Century Russia: I. Kirilov's Orenburg Campaign and the Case of Ia. Iarov [in Japanese], (Tokyo: Yamakawa-Shuppansha, 2016).

KOICHI TOYOKAWA, "Implications of and Issues with Research in the Ethnic History of Russia: Bashkir History Research and M. K. Liubavskii [in Japanese]," *The Journal of Historical Studies* 946, (2016): 44–54.

KOICHI TOYOKAWA, "Territorial Formation of the Early Modern Russian Empire: Background to the Construction of a Fortified Line in Southeastern Russia [in Japanese]," *Journal of Historical Studies* 971, (2018): 36–47.

KOICHI TOYOKAWA, "People and Religion in Eighteenth-Century Russia: Religious Reformation by Peter I and the Old Believers [in Japanese]," *Sundai Historical Review: The Journal of the Historico-Geographical Association of Meiji University* 162, (2018): 67–100.

KOICHI TOYOKAWA, "The Old Believers and the Cossacks: The Source of Popular Movements [in Japanese]," in *Русское старообрядчество: история и культура* eds. HIDEAKI SAKAMOTO and ATSUO NAKAZAWA, (Tokyo: Akashi-Shoten, 2019), 125–151.

KOICHI TOYOKAWA, "Старообрядчество в народных движениях в России в XVIII в.: Роль старообрядцев во время восстания Пугачева [in Japanese]," *Memoirs of the Institute of Cultural Sciences, Meiji University* 87, (2020): 47–87.

KOICHI TOYOKAWA, "Remembrance, Commemoration, and Historical Narratives: Memory and History Examined Through the Perception of Two Monuments in Ufa [in Japanese]," *Sundai Historical Review: The Journal of the Historico-Geographical Association of Meiji University* 169, (2020): 67–100.

ĽUBICA HARBUĽOVÁ

ИСТОРИЯ РОССИИ ДО КОНЦА XVIII ВЕКА В ИССЛЕДОВАНИЯХ СЛОВАЦКИХ И ЧЕШСКИХ ИСТОРИКОВ В 2000–2020 ГГ.¹

THE HISTORY OF RUSSIA UNTIL THE END OF THE 18TH CENTURY IN STUDIES BY SLOVAK AND CZECH HISTORIANS BETWEEN 2000 AND 2020

In Slovak and Czech historiography, research into Rus' and Russia's history until the 18th century began in the interwar period. It was represented by the works of Czech historians Jaroslav Bidlo, Josef Macurek and Ján Slávik. In Slovakia, the historian Jevgenij Perfeckij worked on the same period. However, it was only after 1945 that this type of research into Russia's history began on a regular basis in both historiographies. Thematically, this research was dedicated to issues of Russia's ancient history, the history of the Russian Middle Ages, and the history of Russia in the 18th century. In the 1990s, studies of Russian history until the 18th century in both historiographies grew thematically diversified under the influence of socio-political changes and the appearance of a new generation of historians. The results of their research were presented in monographs, books, anthologies, textbooks and academic theses. Contemporary centres of research into Russian history until the 18th century are the scientific and academic institutions in Prague (Antonij Florovskij, Vladimír Hostička, Milan Švankmajer, Dana Picková, František Stellner), Brno (Pavel Boček, Radomír Vlček), and Bratislava (Alexander Avenarius, Miroslav Daniš). Despite the fact that studies of Russian history until the end of the 18th century have intensified in recent years, investigations into Russian history of the 19th and 20th centuries continue to dominate both in the Czech Republic and in Slovakia.

Keywords: History, Russia, 18th century, Czech historiography, Slovak historiography, years 2000–2020.

Ľubica Harbuľová – Assistant Prof., PhD., CSc., Head of Department of Early Modern and Modern General History, Institute of History, Faculty of Arts of University of Prešov, Slovakia. Email: lubica.harbulova@unipo.sk. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9714-8161>

1 Citation: ĽUBICA HARBUĽOVÁ, "Istoriia Rossii do kontsa XVIII veka v issledovaniikh slovatskikh i cheshskikh istorikov v 2000–2020 gg." [History of Russia until the End of the 18th Century in the Studies of Slovak and Czech Historians in 2000–2020], *RussianStudiesHu* 4, no. 1 (2022): 20 pp. DOI:10.38210/RUSTUDH.2022.4.3

Социально-политические события, произошедшие в бывшей Чехословакии в конце 1980-х – начале 1990-х гг., явились важной вехой в исследовании истории России словацкими и чешскими историками. Изменения, связанные с созданием двух независимых государств, коснулись всех сфер жизни общества, не исключая область исторических исследований. В словацкой историографии изменилась тематическая направленность исследований национальной и мировой истории. Особенно это коснулось исследований по истории России и Восточной Европы, где традиционные и ранее обязательные темы ушли на второй план, а спектр разрабатываемых вопросов был расширен за счет тем, которые по разным объективным или субъективным причинам ранее не исследовались или были политически табуированы.² К темам, которые начали разрабатываться исследователями, относились, среди прочих, проблематика истории Древней Руси и отдельные этапы развития России от Средневековья до конца XVIII века.

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ РОССИИ В СЛОВАКИИ ДО 2000 Г.

Историей России в Словакии начали заниматься в первой половине XX века.³ С начала 1920-х гг. профессиональные научные исследования формируются на Философском факультете Университета им. Я. А. Коменского в Братиславе, где была создана кафедра истории Восточной Европы. В 1921 году в Братиславу прибыл и начал работать на Философском факультете русский эмигрант-историк Евгений Юлианович Перфецкий (1888–1947). Став членом кафедры истории Восточной Европы, он заложил основы научных исследований российской истории в Словакии. Центральной темой его работ стала история России в период правления Петра I и в XVIII веке.⁴ Работая в Словакии, Перфецкий

2 LUBICA HARBUĽOVÁ, “Slovenská povojnová historiografia o ruských a sovietskych dejinách 20. storočia”, in *Ruské a sovietské dejiny v českej poválečné historiografii*, ed. VÁCLAV VEBER (Praha: Karolinum 1996), 81–94.

3 MIROSLAV DANIŠ, “Dejiny Ruska v slovenskej a českej historiografii (1918–1938)”, in *Historické rozhľady. Acta Historica Posoniensia XXXV*, eds. M. DANIŠ, L. RYBÁR (Bratislava: Univerzita Komenského, 2018), 129–165.

4 Евгений Юлианович Перфецкий прожил в Словакии до своей смерти в 1947 году. Из его работ упомянем: JEVGENIJ JULIANovič PERFECKIJ, *Ruské letopisné svody a ich vzájomný pomer* (Bratislava, 1922); Idem., *Cár Peter I. a Leibniz* (Bratislava, 1925); Idem., *Historica*

расширил свои исследования историей Подкарпатской Руси, в межвоенный период входившей в состав Чехословакии.⁵

После 1945 года, наряду с университетом им. Я. А. Коменского, еще одним центром исследования истории России в Словакии стал Чехословацко-советский институт, учрежденный в Братиславе в 1950 году. После создания в 1954 году Словацкой академии наук институт как ее составная часть координировал все исследования истории России, проводившиеся в Словакии. В плане исследований преобладали темы истории России XIX века и, прежде всего, обязательные темы российской / советской истории XX века. Еще одной темой являлись вопросы чешско-словацко-российско-советских взаимоотношений в XIX и XX вв.

На более ранние периоды русской истории словацкие историки обращали внимание очень редко.⁶ Из всего многообразия тем, касающихся периода Киевской Руси, лучше всего представлены вопросы истории религии и культуры.⁷ В центре исследований этого периода оказались различные аспекты отношений Древней Руси с Византией и славянским миром.⁸ Братиславский историк Александр Авенариус (1942–2004) занимался этой тематикой, начиная с 1970-х гг. При постановке проблематики периода Московской Руси спектр тем немного расширяется: помимо вопросов истории культуры и церковной исто-

Polonica Jana Dlugosze a ruské letopisectví (Praha, 1931); Idem., *Ideologizmus ruské historiografie* (Prúdy, 1922), č. 9–10., 574–578.; Idem., *Cár Peter Veliký ako reformátor štátu* (Prúdy, 1925), č. 5., 290–294.; Idem., *Dva ideologické smery v Rusku na počiatku XIX. storočia* (Prúdy, 1926), č. 3, 172–176.; Idem., *Myšlienkové Rusko v dobe cára Petra I* (Prúdy, 1927), č. 10., 541–548.; Idem., *Stav filozofie a vedy v Rusku koncom XVIII storočia* (Slovenské pohľady, 1929), č. 4., 229., č. 5., 303–310.

5 JEVGENIJ JULIANovič PERFECKIJ, *Dvě stati k dejinám Podkarpatské Rusi* (Martin–Bratislava, 1922); Idem., *Sociálno-hospodárske pomery Podkarpatské Rusi ve století XIII–XV* (Bratislava, 1924); Idem., *Podkarpatské a haličskoruské tradice o králi Matyášovi Corvinovi* (Bratislava, 1926).

6 LUBOR MATEJKO, “Staršie ruské dejiny v novšej slovenskej historiografii”, in *Slovenské štúdie* (Bratislava: HU SAV 2003), č. 1–2, 1–23.

7 ALEXANDER AVENARIUS, “Christianstvo na Rusi v IX v. (do 989 g.)”, in *Beiträge zur byzantinischen Geschichte im 9. – 11. Jahrhundert* (1978), 301–315.; Idem., “Ruské písmena v Živote Konštantínovom: pokus o reinterpretáciu”, *Historický časopis* 27 (1979): č. 1, 43–48.; Idem., “Nikaia und Russland zur Zeit der tatarischen Bedrohung”, *Byzantinoslavica* 41 (1980).

8 ALEXANDER AVENARIUS, “Byzantská a západoslovanská zložka v Povesti vremennych let”, in *Slovenské štúdie* XIV (1973): 165–186.; Idem., “Tatári ako problém byzantskej politiky”, *Historický časopis* 32 (1984), č. 6, 849–863.; Idem., “K počiatkom transformácie byzantského vplyvu v Kyjevskej Rusi”, *Slavica Slovaca* 21 (1986): 187–195.; Idem., “Od byzantskej ekumenickej doktríny k teórii Moskva – tretí Rím”, in *Slovenský prehľad* 73 (1987), č. 5, 392–396.

рии историками разрабатывались темы, связанные с торговыми отношениями.⁹ По России XVIII века были опубликованы лишь несколько работ по истории культуры, касавшиеся в основном жизни отдельных личностей российской истории, таких как Иван Грозный¹⁰, Петр Великий¹¹ и Михаил Ломоносов.¹² Словацкие историки также обращали внимание на вопросы русско-словацких взаимоотношений и исследовали жизнь и деятельность словаков в России и русских на словацких землях.¹³ В этой связи можно упомянуть связи Матея Бела и других словацких филологов с русскими учеными.¹⁴ Довольно хорошо была разработана тема путешествия Петра Великого в Прессбург (нынешняя Братислава).¹⁵

Углубленный интерес к российской истории XVIII века отмечаем в словацкой историографии 1990-х гг. Центром этих исследований в то время был Философский факультет Университета им. Коменского в Братиславе благодаря историкам Александру Авенариусу и Мирославу Данишу (род. 1961). Александр Авенариус продолжал работать над своей главной темой, касавшейся византийского периода и отношений между Древней Русью и Византией.¹⁶ Результаты своих многолетних

9 O. R. HALAGA, "Spojenia slovenských miest s Poľskom a Rusou do 16. storočia", *Historické štúdie* 9 (1965): 139–164.; Idem., "Kupci Novgorodu a Hanzy", *Slovenské štúdie* 21 (1980): 211–240.

10 ALEXANDER AVENARIUS, "Ivan Hrozný", *Príroda a spoločnosť* 17 (1968): č. 6, 32–35.

11 ALEXANDER AVENARIUS, "Peter Veľký", *Príroda a spoločnosť* 18, (1969): č. 6, s. 12–15.

12 *Život a dielo M. V. Lomonosova. K 275. výročiu narodenia* (Bratislava: Univerzita Komenského, 1986).

13 JÁN STANISLAV, *Z rusko-slovenských kultúrnych stykov v časoch Jána Hollého a Ľudovíta Štúra* (Bratislava, 1957); Idem., "Zo vzťahov medzi Slovákmi a východnými Slovanmi v stredoveku", in *Jazykovedné štúdie IX. Dejiny a dialektológia* (Bratislava, 1966), 18–48.; O. R. HALAGA, "Slovensko-ruské styky pred národným obrozením. Časť I", in *Historica Carpatica*, I (1969), 5–22.; Idem., "Slovensko-ruské styky pred národným obrozením. Časť 2", in *Historica Carpatica*. II (1970), 5–27.

14 J. VÁVRA, "Dopisy Matěje Bela petrohradským akademikům", in *Historické štúdie VIII* (Bratislava: 1963), 199 – 240.; ŠTEFAN ŠVAGROVSKÝ, "Slovenskí filológovia v Rusku", *Slavica Slovaca* 21, (1986): č. 1, 62–70.

15 A. SÁS, "Návšteva cára Petra Veľkého v Bratislave", *Slovenská Bratislava*, roč. I (1948): 231–252; MIROSLAV DANIŠ, "Cár v Bratislave. Putovanie jeho Veličenstva desiatnika Petra", *Historická revue*, roč. 7 (1996): č. 10, 10–11. [https://doi.org/10.1016/S0262-1762\(96\)90154-6](https://doi.org/10.1016/S0262-1762(96)90154-6)

16 ALEXANDER AVENARIUS, "Beginnings of Russian Monasticism: The Problem of Byzantine and Non-byzantine Influences", *Erytheia. Revista de estudios byzantines et neogriegos* 14 (Madrid, 1993); Idem., "Maria's Keys. On the Patterns of Thought in the Work of Sergei Yesenin", *Human Affairs* 4 (1994): č. 1, 64–73.; Idem., "Symbolické myslenie východnej Európy", In: *Symbolizmus v kontextoch a súvislostiach*, zost. E. MALITÍ (Bratislava, 1999), 26–32.

систематических исследований Александр Авенариус опубликовал в многочисленных научных статьях и нескольких монографиях.¹⁷ Помимо Авенариуса, к византологическим вопросам и проявлениям византийской политики в России обращались и другие словацкие исследователи, например, Мартин Гурбанич (род. 1971).¹⁸

В отличие от предыдущих лет, в 1990-е гг. словацкие историки занялись исследованием средневековой истории России.¹⁹ Этот период российской истории оказался в центре внимания братиславского историка Мирослава Даниша. Своими научными статьями²⁰ и публикациями в научно-популярных изданиях он внес вклад в расширение знаний о русском Средневековье и в популяризацию российской истории среди словацкой общественности.²¹ В своем монографическом труде «Словакия, гусары и императрица»²² Мирослав Даниш предложил обобщающий взгляд на развитие России и его особенности в Средние века. В целях углубления знаний по истории России Средних веков он подготовил учебники для словацких студентов-историков высших учебных заведений, в которых развитие России анализируется в контексте истории средневековой Восточной Европы.²³

Положительным фактом является то, что в этот период словацкие исследователи обогатили отечественную историографию произведениями по истории России XVIII века. Так, в своих работах они анализи-

17 ALEXANDER AVENARIUS, *Byzantský ikonoklazmus: storočie zápasu o ikonu* (Bratislava: Veda, 1998); Idem., *Byzantský kultúra v slovanskom prostredí. K problému recepcie a transformácie* (Bratislava: Veda, 1992); Idem., *Die byzantinische Kultur und die Slawen* (Wien-München, 2000).

18 MARTIN HURBANIČ, "Dve koncepcie byzantskej politickej ideológie na Rusi", in *Slovensko a európsky juhovýchod. Medzikultúrne vzťahy a kontexty*, eds. A. AVENARIUS, Z. ŠEVČÍKOVÁ (Bratislava: Univerzita Komenského, 1999), 63–74.; S. MATHAUSEROVÁ, "Rus a Byzanc", *Slovanské štúdie* (1994), č. 1, 69–77.; PAVOL ŠIMA, "Языковые аспекты договорных грамот Киевской Руси с Византией", *Slovanské štúdie* (1994), 87–94.

19 JÁN KOMOROVSKÝ, "Michal Trivolis zvaný Maxim Grék a Hieronym Savonarola", *Verbum* 3 (1992): č. 2, 107–112.; M. ŠEBESTOVÁ, "Príspevok k medzislovanským kultúrnym kontaktom v období raného stredoveku" In: *Slovanské štúdie* no. 2 (1992): 127–135.

20 MIROSLAV DANIŠ, "Stredoveká heréza a pravoslávie. Heréza Strigoľnikov", *ZbFFUKom-Historica* 43, (Bratislava: UK, 1997): 117–157.

21 MIROSLAV DANIŠ, "Chazarský kaganát: V znamení znášateľnosti a tolerancie", *Historická revue* 6 (1995): č. 4, 4–6.; Idem., "Sláva a pád Kyjevskej Rusi: Dynastia Rurikovcov na ruskom tróne", *Historická revue* 8 (1997): č. 2, 8–9.; Idem., "Tokajské na dvore ruských cárov", *Historická revue* 9 (1998): č. 1, 30.; Idem., "List trnavského mešťana ruskému cárovi", *Historická revue* 9 (1998): č. 2, 28.

22 MIROSLAV DANIŠ, *Slovensko, husári a cárovná* (Bratislava, 1993).

23 MIROSLAV DANIŠ, *Východná Európa v premenách času* (Bratislava: Univerzita Komenského, 1994).

ровали деятельность словаков в России.²⁴ Также в фокусе их внимания оказались вопросы культурного развития России в XVIII веке, на что обращал внимание прежде всего Штефан Швагровский (род. 1931).²⁵

Чешские историки указывают, что в чешских землях исследования истории России начались в XIX веке, но систематический научный характер они приобрели лишь после 1918 года. В межвоенный период исследования по истории России стали предметом особого научного интереса у трех чешских историков – Ярослава Бидло (1868–1937), Яна Славика (1885–1978) и Йозефа Мацурека (1901–1992). Ярослав Бидло считал изучение российской истории составной частью славянского вопроса. Эту идею он выдвинул и проанализировал в своей двухтомной монографии по истории России XIX века.²⁶ Йозеф Мацурек, профессор славянской истории Философского факультета Брненского университета, считал историю России основой для изучения всего восточно-европейского пространства.²⁷ Его внимание было сосредоточено на политических и социально-экономических вопросах истории развития России.²⁸ Особое направление исследований российской истории было создано в 1920-е гг. чешским историком Яном Славиком.²⁹ Его изложение российской (советской) истории было основано на первоисточниках и стало выдающимся фактом не только чешской, но и международной историографии.³⁰

В период между двумя мировыми войнами значительный вклад в исследование истории России внесли русские эмигранты-историки,

24 MIROSLAV DANIŠ, “Словаки в гусарских полках российской армии во второй половине 18 века”, *Славяноведение* 5 (1995): 94–100.

25 ŠTEFAN ŠVAGROVSKÝ, “Slovník všetkých jazykov sveta cárovnej Kataríny II”, *Universitas Comeniana Philologica XLIV. Zborník Filozofickej fakulty UK* (Bratislava: Univerzita Komenského, 1995), 101–105.; Idem., “Jazyková situácia v Rusku v 18. storočí”, *Slavica Slovaca* 33 (1998): č. 1, 49–57.

26 JAROSLAV BIDLO, *Rusko v 19. století. 1–2* (Praha: J. Otto, 1908).

27 JOSEF MACUREK, *Dějepisectví evropského východu* (Praha: Melantrich, 1946); Idem., *Dějiny východních Slovanů* (Praha, 1947).

28 RADOMÍR VLČEK, “Česká poválečná historiografie a studium ruských dějin od vlády Kateřiny II. do r. 1917”, in *Ruské a sovětské dějiny v české poválečné historiografii*, ed. VÁCLAV VEBER (Praha: Karolinum 1996), 22.

29 JAN SLÁVIK, *Základy carismu: psychologie A. N. Radiščeva* (Kladno: J. Šnajdr, 1927); Idem., *Smysl ruské revoluce* (Praha: Svaz Národního obrození, 1927); Idem., *Kapitoly o Leninovi* (Praha: Pokrok, 1924); Idem., *Lenin* (Praha: Melantrich, 1934).

30 RADOMÍR VLČEK, “Česká poválečná historiografie a studium ruských dějin od vlády Kateřiny II. do r. 1917”, in *Ruské a sovětské dějiny v české poválečné historiografii*, ed. VÁCLAV VEBER (Praha: Karolinum 1996), 28.

проживавшие в Чехословакии³¹. Здесь можно вспомнить Валерия Сергеевича Вилинского (1903–1955), исследовавшего проблемы славянской взаимности и церковные вопросы в России³², или Владимира Андреевича Францева (1867–1942), разрабатывавшего вопросы чешско-российских отношений в XVIII веке.³³ Особо следует отметить Антона Васильевича Флоровского (1884–1968),³⁴ читавшего лекции на Философском факультете Карлова университета в Праге и воспитавшего целую плеяду чешских и словацких историков.³⁵ В то время как российские историки-эмигранты сосредоточили свой научный интерес на истории России до конца XVIII века, чешские историки больше внимания обращали на более широкую общеславянскую среду.³⁶

После 1945 и, особенно, после 1948 года, когда к власти пришла Коммунистическая партия Чехословакии, в историографических исследованиях стали господствовать левое направление и ее представители. Основное место принадлежало Зденеку Неэдлому (1878–1962) и его работе «История Советского Союза: (1917–1975)»³⁷, ставшей базовой для изучения истории России. Центральной проблемой исторической русистики с 1950-х гг. стала тема чешско-словацко-русских / советских отношений, их история и развитие. Одной из работ, в которых отражена проблема этих отношений, был труд чешского историка Честмира Аморта (1922–2013) под названием «Русские солдаты у нас в 1798–1800 гг.»³⁸

31 Михаил Ковалев, *Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1940 гг.)* (Саратов: Сарат. Гос. Тех. Ун-т., 2012).

32 См: VALERIJ SERGEJEVIČ VILINSKIJ, *K slovanské otázce: tři koncepce slovanské vzájemnosti* (Praha: Václav Petr, 1930).; Idem., *Duch ruské církve* (Praha: Ladislav Kuncíř, 1930).; Idem., *Duchovní život ruského národa* (Praha: V. Kotrba, 1931).

33 См: VLADIMÍR ANDREJEVIČ FRANCEV, *Cesta J. Dobrovského a br. J. Sternberka do Ruska v letech 1792–1793* (Praha: Nákladem České grafické unie a.s, 1923).; Idem., *Ruské vojská v Čechách: k 200 výročí: 1735–1935* (Praha: Svaz válečných invalidů v republice Československé, 1935). <https://doi.org/10.25291/VR/1935-VLR-200>

34 ANTON VASILIEVIČ FLOROVSKIJ, *Čech dekabrista: epizoda z dějin rusko-českých styků* (Praha: s.n., 1930).; Idem., *Чехи и восточные славяне: очерки по истории чешско-русских отношений* (Прага: Славянский институт, 1935).

35 О жизни и творчестве Флоровского в Чехословакии см: JOSEF ŠAUR, “A. V. Florovskij (1884–1968)”, *Slovanský přehled* 91 (2005): č.1, 313–146; А.В. Флоровский, *Труды по истории России, Центральной Европы и истории: Из архивного наследия*, под ред. В. Ю. Афиани, М.В. Ковалев (Санкт-Петербург: Нестор – История, 2020).

36 RADOMÍR VLČEK, “Historická rusistika na stránkách Slovanského přehledu: tradice a současnost”, *Slovanský přehled – Slovanské historické studie* 201 (2015): č. 3, 509.

37 ZDENĚK NEJEDLÝ, *Dějiny Sovětského svazu: (1917–1947)* (Praha: Orbis, 1950).

38 ČESTMÍR AMORT, *Ruské vojska u nás v letech 1798–1800. Příspěvek k dějinám česko-ruského a slovensko-ruského přátelství* (Praha: Naše vojsko, 1954).

Направления для исторических исследований задавала также Пражская историческая школа во главе с уже упомянутым А. В. Флоровским, который сосредоточил свой научный интерес на культурных и экономических аспектах чешско-российских отношений.³⁹

В 1960-е гг. в Чехословакии стали появляться исследования о российской истории периода до конца XVIII века. Так, перу чешского историка Владимира Гостички (1929–2006) принадлежит труд о правлении царя Ивана IV.⁴⁰ Милан Шванкмайер (1928–2003), ученик А. В. Флоровского, исследовал эпоху Петра I и Екатерины II.⁴¹ Свой анализ этого периода российской истории он завершил научной монографией.⁴²

С середины 1980-х гг. выбор тем для исследований по истории России стал более обширным. В 1990-е гг. о себе заявило новое поколение чешских историков. К этому поколению относились Дана Пицкова (род. 1954) из Праги, Йитка Комендова (род. 1976) из Оломоуца, Павел Бочек (род. 1955) и Йиржи Прохазка (род. 1951) из Брно и Михал Тера (род. 1976) из Пардубиц. Из написанных ими трудов можно упомянуть опубликованную монографию Даны Пицковой, касающуюся истории царской России в XV – XVII вв.,⁴³ а также ее монографии, анализирующие и освещающие дипломатические отношения Рюриковичей с Англией и Габсбургами.⁴⁴ Дана Пицкова является автором аналитической статьи о жизни Александра Невского.⁴⁵ Йитка Комендова в своих работах сосредоточила внимание на отдельных вопросах культурного развития средневековой Руси.⁴⁶ Другой чешский историк, Михал Тера, остановил

39 ANTONIJ VASILIEVIČ FLOROVSKIJ, *České súkno na východoevropském trhu v XVI. až XVIII. věku* (Praha, 1947); Idem., *Česko-ruské obchodní styky v minulosti: X.–XVIII. století* (Praha, 1954).

40 VLADIMÍR HOSTIČKA, "Opričina a car Ivan Hrozný (1565–1572)", *Slovanský přehled* 51 (1965): č. 6, 378–384.

41 MILAN ŠVANKMAJER, "Petr I. a jeho doba", *Slovanský přehled* 51 (1965): č. 5, 272–280; Idem., "Kateřina II", *Slovanský přehled* 54 (1968): č. 6, 516–524.

42 MILAN ŠVANKMAJER, *Kateřina II* (Praha, 1970). Труд переиздан в 2001 году: MILAN ŠVANKMAJER, *Kateřina II: lesk a bída impéria* (Praha, 2001).

43 DANA PICKOVÁ, *Poselství carských a císařských kurýrů. Řezno-Praha-Vídeň-Moskva. 15.–17. století* (Praha, 2000).

44 DANA PICKOVÁ, *Anglo-ruské vztahy ve druhé polovině 16. století* (Praha, 1992); Idem., *Habsburkové a Rurikovi na prahu novvěku: příspěvek k dějinám rusko-habsburských vztahů na přelomu 15. – 16. století* (Praha, 2002).

45 DANA PICKOVÁ, "K "druhému životu" Alexandra Něvského", *Slovanský přehled* 100 (2014): č. 1, 9–34.

46 JITKA KOMENDOVÁ, "Středověká Rus a vnější svět: obraz cizích kultur v písemnictví Rusi 11.–14. století" (Olomouc, 2005). Idem., *Světec a šaman. Kulturní kontexty ruské středověké legendy* (Praha, 2011).

свое внимание на конфессиональных вопросах древнейшей русской истории.⁴⁷ Вклад в исследование древнейшей истории Руси внесли также чешские литературоведы, подготовившие к печати на чешском языке древнейшие памятники русской письменности.⁴⁸

В исследованиях 1980-х гг. по российской истории стала разрабатываться ранее недопустимая тема – конфессиональные вопросы в России. Ею стал интенсивно заниматься брненский историк Павел Боček, который разрабатывал ее в контексте процесса формирования Московского средневекового государства. С одной стороны он анализировал роль церковных чиновников, с другой – изменяющуюся роль государства и его представителей.⁴⁹ Боček продолжил разработку этого вопроса и после 1989 г.⁵⁰, опубликовав по нему ряд научных статей. Результаты его аналитических исследований воплотились в научной монографии под названием «Государство и Церковь в России на рубеже XV и XVI веков».⁵¹ Другой чешский историк, Любомир Гавлик, в своих научных трудах, в частности, монографии «Киевская Русь и Великая Моравия» анализировал развитие отношений между древнейшими славянскими государствами.⁵² Чешские историки добавили к исследованию русской истории образ Руси вне русской среды.⁵³ Оригинальный взгляд на развитие России в XVIII веке дал в своем труде историк Йозеф Колейка, утверждая о существовании во второй половине XVIII – первой половине XIX веков «дуальной России».⁵⁴

47 MICHAL TÉRA, *Perun – bůh hromovládce: sonda do slovanského archaického náboženství* (Červený Kostelec, 2009).

48 *Vyprávění o minulých letech: Nestorův letopis ruský: nejstarší staroruská kronika*, ed. MICHAL TÉRA (Červený Kostelec, 2014).; *Svatí a hříšníci. Staroruská literatura 11. – 12. století*, ed. MICHAL TÉRA (Červený Kostelec, 2015).

49 PAVEL BOČEK, “Nil Sorskij a jeho přínos ruskému společenskému zřízení”, *Slovanský přehled* 74 (1988): č. 6, 483–491.

50 PAVEL BOČEK, “Reformátoři ruské pravoslávne církve ve 13. a 14. století”, *Slovanský přehled* 77 (1991): č. 5, 353–363.

51 PAVEL BOČEK, *Stát a církev v Rusku na přelomu XV. a XVI. století* (Brno, 1995).

52 LUBOMÍR HAVLÍK, “Kyjevská Rus a Velká Morava. K charakteru společnosti a státu”, *Slovanský přehled* 69, (1983): č. 4., 273–286.

53 JOSEF KOLEJKA, “Evropské ‘obrazy Ruska’ z konce 18. a první poloviny 19. století”, *Slovanský přehled* 74, (1988): č. 6, 475–482.

54 JOSEF KOLEJKA, “Tzv. druhé Rusko a jeho mluvčí v letech 1760–1848”, *Slovanský přehled* (1989): č. 5, 435–448.

ИССЛЕДОВАНИЯ СЛОВАЦКОЙ И ЧЕШСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ПОСЛЕ 2000 Г.

Анализ словацкой и чешской историографии, посвященной истории России до конца XVIII века, показывает, что в 1990-е гг. исследования стали тематически разнообразнее. Появились новые направления и новое поколение исследователей. Эта тенденция продолжилась и после 2000 г. В последние два десятилетия (2000–2020 гг.) тематическое направление исторической русистики в Словакии принципиально не изменилось. Словацкие исследователи продолжили исследование древнейшей истории Руси, истории русского Средневековья и истории России в XVIII веке. Многие авторы анализировали научные проблемы российской истории в контексте истории всей Восточной Европы.

В форме научных статей историки писали, например, о проблемах заселения Руси в XIII веке или о влиянии Византии на Ростово-Суздальское княжество.⁵⁵ Более глубоко, по сравнению с предыдущим периодом, историки проясняли различные аспекты конфессиональной истории Руси начиная с X века до Московского государства XVII века.⁵⁶ Центром исследований исторической русистики в Словакии по-прежнему оставалась Кафедра всеобщей истории Философского факультета Университета им. Коменского в Братиславе, где обосновался коллектив во главе с Мирославом Данишем. Центральной темой научно-исследовательской деятельности Даниша оставалось развитие Руси в Средневековье. На эту тему он опубликовал множество научных статей⁵⁷ и

55 MAREK KLATÝ, "Vnímanie pohanských etník Tatárov (Mongolov), Polovcov, Litovcov a Jatviagov na juhozápadnej Rusi v 13. storočí", in *Archeologické lokality a stredoveká architektúra v urbanistickom a krajinnom rámcí – prezentácia kultúrneho dedičstva stredoveku* (Bratislava, 2004), 97–117.; M. GOGOLA, "Knieža Andrej Bogoljubský a byzantský vplyv na Rostovsko-suzdaľské kniežatstvo v rokoch 1157–1164", in *Historické štúdie. Acta historica Posoniensia XVI*, ed. M. DANIŠ (Bratislava, 2011), 133–144.

56 MIROSLAV DANIŠ, "Vatikán a Rus v 10.–11. storočí", in *Historické štúdie* (Bratislava: Univerzita Komenského, 2009), 89–98.; M. HOMZA, *Mulieres suadentes. Presviedčajúce ženy. Štúdie z dejín ženskej panovníckej svätosti v strednej a východnej Európe v 10.–13. storočí. Sv. Ludmila, sv. Oľga, sv. Dúbravka, sv. Adelajda, sv. Jelena* (Bratislava, 2002); JÁN ŠAFIN, "Milenaristi, vizionári a Ižimesiáš Šabtaj Cvi. Z utopických dejín 17. storočia na Moskovskej Rusi v puritánskom Anglicku a na Blízkom východe", *Historia Ecclesiastica 2* (Prešov, 2011): č. 2, 67–105.

57 MIROSLAV DANIŠ, "Otroci a patriarchálne otroctvo na Rusi v období raného stredoveku", *Historica. Zborník FF UK 46* (Bratislava: Univerzita Komenského, 2005), 5–14.

учебные пособия.⁵⁸ В 2018 году благодаря Мирославу Данишу был опубликован словацкий перевод летописи Нестора.⁵⁹ Словацкие историки в своих работах затронули также вопросы внешнеполитических амбиций России в XVI–XVIII вв.⁶⁰

В начале XXI века в чешской историографии произошло тематическое углубление направленности исторических исследований России. В центре внимания историков оставалась история русского Средневековья и Нового времени. Чешские историки толковали историю России XVIII века, исходя из основных источников и «противостояния» между западноевропейской и восточноевропейской историографиями.⁶¹ Они затрагивали такие темы, как деятельность отдельных представителей реформаторского мышления в России⁶² или история русской культуры в более широком контексте.⁶³

Свои исследования продолжало новое поколение чешских историков, к которым принадлежит Йитка Комендова, сосредоточившая свое внимание на истории культуры средневековой Руси.⁶⁴ Тематика русского Средневековья доминировала в работах Павла Бочека⁶⁵, который в эти годы исследовал конфессиональные вопросы и проблематику восприятия роли монарха в Московии. Для чешских русистов Павел Бочек в качестве редактора подготовил издание книги Георга Тецтандера (1581–1614).⁶⁶ На высоком ручном уровне написана монография Бо-

58 MIROSLAV DANIŠ, *Východná Európa v stredoveku. Učebné texty* (Prešov, 2010); Idem., *Úvod do štúdia dejín východnej Európy I. (stredovek). Učebné texty* (Bratislava, 2016).

59 Nestorov letopis. *Povešť o dávných časoch na ruskej zemi*. Preklad M. DANIŠ (Bratislava: Vydavateľstvo Spolku slovenských spisovateľov, 2018).

60 LUKÁŠ RYBÁR, "Počiatky rusko-anglických vzťahov v druhej polovici 16. storočia", in *Historické štúdie. Acta historica Posoniensia XVI.*, ed. M. DANIŠ (Bratislava, 2011), 169–179; MIROSLAV DANIŠ, "Русско-австрийские дипломатические отношения во время присоединения Крыма к России в 1780–1790 гг.", in *Krym v kontexte európskej politiky a diplomacie na ceste k súčasnosti*, eds. M. DANIŠ, L. RYBÁR (Bratislava: Univerzita Komenského, 2019), 42–59.

61 FRANTIŠEK STELLNER, "Dynastický faktor v ruskej politice v prvých letech vlády Alžběty Petrovny", in *Slovanský prehľad* 86 (2000): č. 4, 413–439.

62 RADOMÍR VLČEK, "Alexandr A. Bezborodko – šedá eminence vlády ruskej carevny Kateřiny II", *Slovanský prehľad* 89 (2003): č. 2, 289–303.

63 FRANTIŠEK STELLNER, "Středoevropský vliv na školské reformy Kateřiny Velké", *Slovanský prehľad* 97, (2011): č. 3–4, 409–424.

64 JITKA KOMENDOVÁ, *"Středověká Rus a vnější svět"* (Olomouc, 2005); Idem., *Světec a šaman. Kulturní kontexty ruské středověké legendy* (Olomouc, 2011).

65 PAVEL BOČEK, "Ke změnám ve vnímání role moskevského panovníka na konci 15. století", *Slovanské štúdie* 2 (2004): č. 2, 5–12.

66 *Dobrodružná cesta přes Rusko do Persie v letech 1602–1604* (Olomouc, 2014).

ка, в которой он анализирует отношения государства и церковной власти в Московском государстве в конце XV – начале XVI вв.⁶⁷ Многочисленные аналитические работы Павла Бочека способствовали осознанию роли государства, церкви и русского монарха в Российском государстве.⁶⁸ Некоторые чешские историки обратили свое внимание на внешнеполитическую деятельность России и восприятие России в Европе того времени.⁶⁹

В последнее время чешские историки уделяли большее внимание различным аспектам развития России XVIII века.⁷⁰ Разработка этой темы в основном связана с трудами двух чешских историков, Франтишека Штелнера (род. 1966) и Радомира Влчека (род. 1957).

Пражский историк Франтишек Штелнер сосредоточил свой научный интерес на периоде правления Екатерины Великой. Он опубликовал научные статьи, в которых проанализировал культурные аспекты развития России эпохи Екатерины Великой.⁷¹ Обобщающий анализ периода правления Екатерины II отражен в его монографии «Царь мертв, да здравствует царица?»⁷² В последующей двухтомной монографии

67 PAVEL BOČEK, *Stát a církev v Rusku na přelomu XV. a XVI. století* (Brno, 1995).

68 PAVEL BOČEK, “Rus na cestě k ruskému pravoslaví”, *Studia historica brunensia* 58 (2011): č. 1, 3–9; Idem., “K počátkům morální a politické obrody ruských knížectví ve XIII. století”, *Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. Studia minora facultatis philosophicae universitatis brunensia* C42 (Brno, 1995), 13–24; Idem., “Kyjevský metropolita vši Rusi v první polovině XIV. století”, *Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity Studia minora facultatis philosophicae universitatis brunensia* C47 (Brno, 2000), 133–158; Idem., “Mírotvorné působení ruské církve ve 14 století”, *Studia historica brunensia* C60 (2013): č. 1–2., 93–100; Idem., “K podobě ruského panovnického titulu na přelomu XV. a XVI. století”, *Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity Studia minora facultatis philosophicae universitatis brunensia* C48 (Brno, 2001): 99–117.

69 KATEŘINA HLUŠKOVÁ, “Země za zrcadlem. Rusko–italské diplomatické a obchodní vztahy v druhé polovině 17. století” (Červený Kostelec, 2010).; KRISTÝNA JAŠKOVÁ, “Rusko britskými očima. Obraz Ruska přelomu 18. –19. století v britské cestopisné literatuře”, *Slovanský přehled* 97 (2011): č. 5, 505–545., KATEŘINA ZOUFALÁ, “Ruské poselstvo v Toskánsku roku 1656 (analýza pramene)”, *Slovanský přehled* 88 (2002): č. 2, 277–294.

70 MAREK PŘÍHODA, “Ke kořenům ruské státní ideje: Tatiščev a Ščerbatov. Impérium phledem dvou historiků 18. století”, in *Ruské imperiální myšlení v historii, literatuře a umění. Tradice a transformace*, ed. HELENA ULBRECHTOVÁ (Praha: Slovanský ústav AV ČR, 2015), 21–46.

71 FRANTIŠEK STELLNER, “Středoevropský vliv na školské reformy Kateřiny Veliké”, *Slovanský přehled* 97, (2011): č. 3–4, 409–424; ANEŽKA HREBIKOVÁ and FRANTIŠEK STELLNER, “K tematickému zaměření divadelních her Kateřiny Veliké”, *Slovanský přehled* 101 (2015): č. 1, 95–123.

72 FRANTIŠEK STELLNER, *“Car je mrtev, ať žije carevna? Převraty na ruském dvoře v 18. století”* (Praha: Lidové noviny, 2014).

Штелнер проанализировал внутривнутриполитические аспекты развития России в XVIII веке в сравнении с развитием Центральной и Западной Европы того времени.⁷³

Историю России XVIII века систематически исследует историк Радомир Влчек из Брно. В своих работах он анализирует политическое мышление в России того времени, геополитические интересы, а также амбиции русских царей.⁷⁴ Результатом его исследований стали сначала учебник по развитию России XVIII века, а затем и обобщающая монография о преобразованиях России XVIII века в политическом и культурно-историческом контекстах.⁷⁵

Для полноты историографического анализа необходимо упомянуть обобщающие труды по истории России, также затрагивающие историю России до XVIII века. В них отдельные авторы представляют различные аспекты культурной, духовной, этнической и конфессиональной жизни России.⁷⁶

Исследования по истории России до XVIII века начались в словацкой и чешской историографии в межвоенный период, но систематический характер они получили только после 1945 года. В то время тематически преобладала проблематика древнейшей истории Руси, история русского Средневековья и проблематика истории России в XVIII веке. В 1990-е годы под влиянием общественно-политических изменений и появления нового поколения историков исследования по истории России изучаемого периода становятся тематически более разнообразными. В исторической постановке жанр представлен научными монографиями, книжными публикациями, антологиями, учебниками и научными статьями. Центрами по исследованию российской истории

73 FRANTIŠEK STELLNER, *Rusko a střední Evropa v 18. století*. I. díl (Praha, 2009), II. díl (Praha, 2012).

74 RADOMÍR VLČEK, "Reformní vize v ruském politickém myšlení druhé poloviny 18. a počátku 19. století", *Slovanský přehled* 101 (2015): č. 2, 259–292.; RADOMÍR VLČEK, "Anexe Krymu roku 1783. Historické a geopolitické souvislosti ruské politiky", in *Krym v kontexte európskej politiky a diplomacie na ceste k súčasnosti*, eds. RADOMÍR VLČEK, (Bratislava, 2019), 60–84.

75 RADOMÍR VLČEK, *Kapitoly z ruských dějin 18. století* (Brno: Masarykova univerzity, 2014).; *Idem.*, *Impérium – stát – společnost. Proměny Ruska v 18. století* (Praha: HU AVCR, 2021).

76 ZBYNĚK VYDRA, MICHAL ŘOUTIL, JITKA KOMENDOVÁ, KATEŘINA HLOUŠKOVÁ, MICHAL TĚRA, *Dějiny Ruska* (Praha: Lidové noviny, 2017).; *Kulturní, duchovní a etnické kořeny Ruska. Tradice a alternativy* (Červený Kostelec, 2005).; A HLAVÁČEK, T BALAKINA, *Ruská kultura v historickém kontextu (IX–XX století)* (Praha: UK 2006).; HANUŠ NYKL, *Náboženství v ruské kultuře* (Červený Kostelec, 2013).; MARTIN C. PUTNA, *Obrazy z kulturních dějin ruké religiozity* (Praha: Vyšehrad, 2015).

до XVIII века являются академические и высшие учебные заведения в Праге, Брно и Братиславе. Вопреки тому факту, что исследования истории России до XVIII века уделялось в Словакии и Чехии, особенно в последние годы, повышенное научное внимание, доминирующими в исследованиях по истории России остаются вопросы российской истории XIX и XX веков.

ПАТРИК ДИННЕШ

РОССИЯ XVIII ВЕКА В СОВРЕМЕННОЙ ВЕНГЕРСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (2000–2020 ГГ.)¹

18TH-CENTURY RUSSIA IN MODERN HUNGARIAN HISTORIOGRAPHY (2000–2020)

This study aims to describe Hungarian academic findings relating to the long 18th century (1689–1801) in Russian history. The century under examination has been divided into 4 main eras: Peter the Great, descendants of Peter the Great, Catherine the Great and the turn of the century. Within the chapters, this division follows the practice of the given historian. Other works, not specifically written by researchers of the era, are also mentioned at the end of each chapter. Hungarian historiography does not cover the whole century comprehensively, as the most popular topics include Peter the Great (especially his connection with Francis Rákóczi II) and some aspects of the reign of Catherine the Great. Research and publication on this period has taken place mainly in individual and (mostly university) research workshops. Among the latter, Budapest and Pécs play a prominent role, but Szeged, Szombathely and Eger should also be mentioned.

Keywords: Imperial Russia, 18th century, historiography, Hungary, Peter the Great, Catherine the Great, Francis Rákóczi II

Patrik Dinnyés – Department of Ancient, Medieval and Early Modern History, Eszterházy Károly Catholic University. E-mail: dinnyes.patrik@uni-eszterhazy.hu. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0244-0486>.

¹ Citation: Patrik Dinnyés, "Rossiia XVIII veka v sovremennoi vengerskoi istoriografii (2000–2020 gg.)" [18th-Century Russia in Modern Hungarian Historiography (2000–2020)], *RussianStudiesHu* 4, no. 1 (2022): 36. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2022.4.6

В настоящей статье предпринимается попытка представить результаты исследований российской истории («долгого») XVIII века, достигнутые венгерской историографией за последние 20 лет. Несмотря на то, что даже тематическая классификация научных трудов заслуживает отдельного исследования, необходимо отметить, что в Венгрии существует ряд государственных научных учреждений, выделявшихся за эти два десятилетия не только своими исследованиями, но и издательской деятельностью и воспитанием научных кадров.

Во главе списка, бесспорно, находится *Научно-исследовательский и методический центр русистики Филологического факультета Будапештского университета им. Лоранда Этвеша* (ранее: Институт русистики)², чья научно-организационная деятельность в 2000–2020 гг. показала выдающиеся результаты (также и) в области исследований по истории России XVIII века. Далее в списке следуют исследовательские учреждения *Печского университета: Центр по изучению истории современной России и Советского Союза* [венгерская аббревиатура: MOSZT, т.е. «мост» – прим. перев.]³ и *Центр восточноевропейских и балканских исследований*⁴. Кроме них, необходимо упомянуть *Общество славянской истории и филологии* из г. Сомбатхей⁵, а также научную работу, проводимую *Сегедским университетом*⁶ и *Эгерским католическим университетом им. Кароя Эстерхази*⁷.

Чтобы наша статья соответствовала требованиям по объему, нам пришлось принять на себя дополнительные ограничения. Например, в случае выхода каких-либо публикаций, кроме венгерского, еще и на иностранных языках, в данной статье упоминается лишь последнее издание статьи (даже в том случае, когда тексты разных изданий значительным образом отличаются друг от друга); так же, в случае повторных публикаций здесь указываем лишь последнюю, а о работах обзорного характера, как правило, не упоминаем вовсе. Отправной точкой для нашего обзора служили списки опубликованной литературы, а также личный контакт или переписка. Пользуясь случаем, выражаем благодарность всем, кто содействовал в подготовке этого труда.

2 <https://www.russianstudies.hu/onlineperiodikaen.html> (Дата обращения: 10.06.2021.)

3 <https://moszt.tti.btk.pte.hu/tartalom/bemutakozas> (Дата обращения: 10.06.2021.)

4 <https://btk.pte.hu/hu/tudomany/kutatokozpontok/kelet-europa-es-balkan-tortenete-es-kulturaja-kutatocsoport> (Дата обращения: 10.06.2021.)

5 <https://szlavitblog.wordpress.com/> (Дата обращения: 10.06.2021.)

6 <https://arts.u-szeged.hu/hist> (Дата обращения: 10.06.2021.)

7 <https://uni-eszterhazy.hu/tortenelem> (Дата обращения: 10.06.2021.)

ПЕТР I И ЕГО ЭПОХА (1682/89–1725)

Время правления Петра I, совпавшее с началом XVIII века, обозначило и начало абсолютно новой эпохи в истории России. В соответствии с данным постулатом, в этом разделе мы представим исследования, касающиеся периода с 1682 по 1725 гг.

Признанным экспертом в области историографии эпохи Петра I (и Ивана IV) является **Дюла Свак**, профессор-эмерит Будапештского университета им. Лоранда Этвеша. В 2001 году была опубликована его докторская диссертация в двух частях. Для нас особый интерес представляет ее вторая часть, посвященная Петру I. Из заголовка монографии «Наследие Ивана IV и Петра I»⁸ можно понять, что она состоит из двух основных частей, в рамках которых автор подвергает критическому анализу общепринятые оценки этих правителей и их реформаторской деятельности. Этот год стал для Дюлы Свака весьма плодотворным: его исследования о Петре I были опубликованы в двух будапештских⁹ и одном печском¹⁰ научных сборниках. В своем труде, опубликованном на русском языке в 2006 году¹¹, Дюла Свак ставит вопрос об уместности использования термина «модернизация» по отношению к дореволюционной России. В 2010 году его статьи о Петре I выходят в сборниках, посвященных годовщине Полтавской битвы¹² и венгерско-российским связям¹³. Примером активного участия Дюлы Свака в научном дискурсе, касающемся рассматриваемой нами исторической эпохи, являются

8 Szvák Gyula, IV. Iván és I. Péter utóélete (Ruszsizstikai Könyvek VIII., Budapest: ELTE Ruszsizstikai Intézet, 2001).

9 Д. Свак, «Петро „Перший” чи „Великий”?» Иван Мазепа та його доба: матеріали Міжнародної наукової конференції, уклад. О. Русин (Будапешт, 23 лист. 2000 р., Ужгород: Мистецька Лінія, 2001), 8–12., Szvák Gyula, I. Péter értékelése az elmúlt évtized orosz historiográfiájában, in A történelem és a jog határán: Tanulmányok Kállay István születésének 70. évfordulójára, szerk. SEIFERT T. (Budapest: ELTE BTK, 2001.), 231–238.

10 Szvák Gyula, IV. Iván és I. Péter, in Hatalmi ideológiák a szláv népek körében. Történeteszkonferencia Pécs, 2001. november 15–16., szerk. BEBESI Gy. (Pécs: PTE Kelet-Európa és a Balkán Története és Kultúrája Kutatási Központ, 2001), 55–65.

11 Д. Свак, Вопросы и раздумья о Петре I /Модернизация и традиции – Нижнее Поволжье как перекресток культур, глав. ред. О. В. Инсаков (Санкт-Петербург–Волгоград: Издательство Санкт-Петербургского Университета, 2006), 734–744.

12 Szvák Gyula, I. Péter szupersztár, in A poltavai csata jelentősége a svéd és az orosz történelemben. Konferenciakötet, szerk. MISZLER T., SASHALMI E. (Pécs: PTE BTK Kelet-Európa és Balkán története és kultúrája Kutatási Központ, 2010), 83–87.

13 Szvák Gyula, II. Rákóczi Ferenc és I. Péter szövetsége, in Magyar–orosz kapcsolatok története, szerk. SZANISZLÓ O. (Russica Pannonica, 2010), 45–49.

изданные им в 2017 году размышления¹⁴ по поводу критических заметок эгерского профессора Шандора Геbei¹⁵, сформулированных последним в связи с интерпретацией событий данной эпохи, предпринятой ростовским исследователем Андреем Геннадьевичем Даниловым¹⁶.¹⁷

Авторству Дюлы Свака принадлежит глава о Петре I в сборнике «Двенадцать имен России», вышедшем вначале на венгерском¹⁸, а затем и русском¹⁹ языках. В сборнике, изданном в 2019 году на русском²⁰ и венгерском²¹ языках, размещены статьи, написанные Д. Сваком в период с 1978 по 2017 гг.

Шандор Геbei, профессор-эмерит Эгерского католического университета им. Кароя Эстерхази, является признанным научным авторитетом в области истории Трансильванского княжества и Польско-Литовского государства (Речи Посполитой). В его исследовании о Карловицком и Константинопольском мирных договорах рассматриваются проблематика присоединения Российского государства к «Священной лиге» и напряженные русско-польские отношения; далее в труде идет речь о русско-турецких переговорах в Карловицах [ныне – г. Сремски-Карловци, Воеводина, Сербия – прим. перев.] и представлен анализ архивных источников по Константинопольскому договору. В приложении прилагается собственно текст мирного соглашения в переводе автора статьи²². В своем труде о польской русофобии, опубликованном в 2003 году, после

14 SZVÁK GYULA, I. Péter: pro, kontra és rekontra, in *Acta Academiae Agriensis, Sectio Historiae* 44: *Tanulmányok Gebei Sándor 70. születésnapjára*, szerk. BORBÉLY Z., KRISTÓF I. (Eger: EKE Líceum Kiadó, 2017), 317–322.

15 GEBEI SÁNDOR, „Pro et contra” Nagy Péter cárról, in *Klió és a médiagalaxis: Tanulmányok a 70 éves Buzinkay Géza tiszteletére*, szerk. MARTIN J., SZÉCHENYI Á. (Budapest–Eger: Corvina Kiadó – Eszterházy Károly Főiskola, 2011), 149–166.

16 А. Г. Данилов, Опыт единоличной власти в России в XVI–XX вв., Вопросы истории, № 1 (2009): 54–68.

17 Кроме того, недавно вышла в свет еще одна публикация Д. Свака подобного характера, но относящаяся к намного более раннему научному дискурсу: Д. Свак, «Открытое письмо» как историографическое средство диалога, Диалог со временем, № 64 (2018): 361–383.

18 SZVÁK GYULA, I. Péter, in *A tizenkét legnagyobb orosz*, szerk. SZVÁK GY. (Budapest: Russica Pannonica, 2009), 91–112.

19 Д. СВАК, Петр I, in *Двенадцать имен России*, ред. ДЮЛА СВАК, (Ruszsztikai Könyvek XXXV. Budapest: Russica Pannonica, 2012), 87–105.

20 Д. СВАК, Опыт микроисториографии, (Гуманитарные науки в исследованиях и переводах IX. Москва: Аквилон, 2019).

21 SZVÁK GYULA, IV. Iván és I. Péter mikrohistoriográfiája, szerk. KLANICZAY G., SZIJÁRTÓ M. I. (Budapest: L'Harmattan, 2019).

22 GEBEI SÁNDOR, „Az orosz-török béketárgyalások Karlócán és Konstantinápolyban (1699–1700)”, *Aetas* 16, no. 2 (2001), 134–154.

предисловия, посвященного внутреннему кризису Речи Посполитой, Ш. Гебеи описывает положение эмигрантов²³. Через тринадцать лет автор возвращается к анализу русско-польских отношений в своей монографии «Рождение Российской империи»²⁴.

Докторскую диссертацию Шандора Гебеи, представленную к защите в Венгерской академии наук²⁵ в 2004 году, можно назвать его программным трудом: в ней автор уделяет много внимания контактам между Петром I и Ференцом Ракоци II. В том же году опубликован труд Ш. Гебеи, в котором он пишет об отношениях между двумя правителями в связи с деятельностью русского посла Е.И. Украинцева, умершего и похороненного в 1708 году в Эгере²⁶. Отметим, что в этом труде реконструируется политическая деятельность русского посла, а не его биография. Речь идет о нереализованном сценарии избрания Ференца Ракоци II польским королем с помощью России. Более подробно об этом сценарии можно прочитать в труде Ш. Гебеи, вышедшем в 2004 году на немецком языке²⁷. В работе, опубликованной в 2008 году, историк анализирует последствия подписания Варшавского договора 1707 года²⁸. В вышедшем в 2012 году тематическом сборнике, посвященном Сатмарскому мирному договору²⁹, и в венгерском и русском сборниках³⁰, опубликованных

23 GEBEI SÁNDOR, „Egy sztereotípiá nyomában: oroszellenesség a 18. századi Lengyelországban”, *Aetas* 18, no. 3–4 (2003), 68–86.

24 GEBEI SÁNDOR, Oroszország hatalmi térnyerése a Rzeczpospolita rovására: 17–18. század, in *Az orosz birodalom születései: magyar kutatók tanulmányai az orosz történelemről*, szerk. FRANK T. (Budapest: Gondolat Kiadó, 2016), 132–153.

25 GEBEI SÁNDOR, *Az erdélyi fejedelmek és a lengyel királyválasztások*, (Szeged: Belvedere Meridionale, 2007).

26 GEBEI SÁNDOR, Nagy Péter orosz cár diplomatája II. Rákóczi Ferencnél Egerben (1708), in *Acta Academiae Paedagogicae Agriensis, Sectio Historiae* 28, szerk. GEBEI S. (Eger: EKF Líceum Kiadó, 2004), 51–61.

27 SÁNDOR GEBEI, „Über die Königskandidatur von Ferenc Rákóczi II”, *Studia Caroliensia* no. 3–4 (2004): 25–41.

28 GEBEI SÁNDOR, Péter cár és II. Rákóczi Ferenc erdélyi fejedelem 1707. évi varsói egyezményének utóélete, in *II. Rákóczi Ferenc, az államférfi: Tanulmányok a sárospataki országgyűlés háromszázadik évfordulóján*, szerk. TAMÁS E. (A Sárospataki Rákóczi Múzeum füzetek, 53. Sárospatak: Sárospataki Rákóczi Múzeum, 2008), 98–119.

29 GEBEI SÁNDOR, „...nekem egyedül reménségem az czár...”: Számíthatott-e II. Rákóczi Ferenc I. Péter orosz cár segítségére 1709–1711-ben?, *Századok* 146, no. 4 (2012): 823–852.

30 GEBEI SÁNDOR, II. Rákóczi Ferenc és I. Péter cár diplomáciai kapcsolatai (1707–1711), in *Rákóczinak dicső kora. Konferenciakötet*, szerk. CSATÁRY Gy. (Ungvár: PoliPrint Kiadó, 2012), 43–62., ШАНДОР ГЕБЕИ, Продолжение борьбы Ференца II Ракоци за свободы в 1710–1711 гг. с помощью России? // Освободительная война 1703–1711 гг. в Венгрии и дипломатия Петра I, под. ред. К.А. КОЧЕГАРОВА, О.В. ХАВАНОВОЙ (отв. ред.), А. ШЕРЕША (СПб.: Нестор-История, 2013), 83–90.

в следующем году, он исследует союз, заключенный между Петром I и Ференцом Ракоци II. Еще раз к данной теме Ш. Гебеи обращается в научном сборнике, вышедшем в Санкт-Петербурге на русском языке³¹.

В 2009 году профессор Гебеи в венгерском «Военно-историческом вестнике» („Hadtörténelmi Közlemények”) публикует материал к 300-летию Полтавской битвы³², в котором после детального анализа предыстории, вооружившись источниками и картами той эпохи, подробно описывает ход этого сражения. В том же году вышла статья Гебеи, в которой он показывает, как шведский и русский правители – будучи союзниками Ференца Ракоци II – «схлестнулись» друг с другом³³. В 2011 году под заголовком «“Pro et contra” царя Петра Великого»³⁴ Шандор Гебеи публикует критические заметки по поводу уже упоминавшейся выше интерпретации деятельности Петра I ростовским историком А. Г. Даниловым³⁵. Критическая статья Гебеи была опубликована и на русском языке³⁶. В одной из работ, вышедших в 2012 году, Шандор Гебеи анализирует гетманство Ивана Мазепы, а также попытки переоценки деятельности последнего, предпринятые после 1990 года³⁷.

В 2013 году выходит в свет сборник «Ференц Ракоци II и Речь Посполитая»³⁸, состоящий преимущественно из ранее опубликованных

31 ШАНДОР ГЕБЕИ, Ференц II Ракоци – кандидат царя Петра Великого на польский престол (1707) // История России, Венгрии и Китая в исследованиях современных ученых, ред. Н. В. Дунаев, С. Г. Кащенко (Сборники Президентской Библиотеки. Серия “Электронный архив” Вып. 5. СПб.: Президентская Библиотека, 2020), 79–96.

32 GEBEI SÁNDOR, „1709. június 27. (július 8.) – Poltava”, *Hadtörténelmi Közlemények* 122, no. 4 (2009): 903–939.

33 GEBEI SÁNDOR, II. Rákóczi Ferenc „szövetségesei”: XII. Károly svéd király, I. Péter orosz cár, in *Történelemszékely a katedrán: tanulmánykötet Nagy József ny. főiskolai tanár 80. születésnapjára*, szerk. GEBEI S., MAKAI J., BARTÓK B. (Eger: EKF Líceum Kiadó, 2009), 31–43.

34 GEBEI SÁNDOR, „Pro et contra” Nagy Péter cárról, in *Klió és a médiagalaxis. Tanulmányok a 70 éves Buzinkay Géza tiszteletére*, szerk. MARTIN J., SZÉCHENYI Á. (Budapest–Eger: Corvina Kiadó – EKF 2011), 149–166.

35 ДАНИЛОВ, Опыт единоличной власти, 54–68.

36 ШАНДОР ГЕБЕИ, Drang nach Westen – Ориентация России на Запад (Вторая половина XVII – начало XVIII века), in *Роль государства в историческом развитии России / The Role of the State in the Historical Development of Russia (conference volume) Materials of the international historical conference at the Centre for Russian Studies in Budapest, 17–18 May 2010*, ed. Gy. SZVAK (Rusztisztikai könyvek XXVII., Budapest: Russica Pannonicana, 2011), 164–178.

37 GEBEI SÁNDOR, Mazepa kozákhetman (1639–1709) – „nemzeti hős vagy áruló”? Politikai megrendelés a történelemtől?, in *Acta Academiae Paedagogicae Agriensis, Sectio Historiae* 39, szerk. GEBEI S. (Eger: EKF Líceum Kiadó, 2012), 65–87.

38 GEBEI SÁNDOR, II. Rákóczi Ferenc és a Rzeczkospolita. (Az Eszterházy Károly Főiskola Történelemtudományi Doktori Iskolája Közleményei, 4. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2013).

работ Ш. Гебеи. В этом сборнике наиболее полно описаны польско-русские отношения как эпизод возможностей внешней политики Ференца Ракоци II.

Преподаватель Печского университета **Эндре Шашхалми** известен, прежде всего, как исследователь проблем российской власти и идеологии Нового времени. Центральной фигурой его трудов о событиях XVIII века, написанных в течение прошлых двадцати лет, также является Петр I, но среди этих публикаций есть и работы, касающиеся второй половины XVIII века.

Анализируя примеры Запада, Руси, царской России и, наконец, Российской империи, Э. Шашхалми в начале 2000-х пишет об идеях общественного договора и вестернизацию российской официальной идеологии власти. В заключительной части своего труда автор подробно останавливается на взглядах ректора Киевской академии Феофана Прокоповича на идеологию власти и на его деятельности на службе у царя Петра³⁹. В статье, опубликованной в 2001 году, Э. Шашхалми сопоставляет книгу Феофана Прокоповича, обосновывающую новый порядок престолонаследия в России, с трудами епископа Жака-Бениня Боссюэ, написанными для наследника французского престола⁴⁰. В работе, опубликованной в 2001 году, Эндре Шашхалми перечисляет определения абсолютизма, принятые во второй половине XX века, и выводит его истоки, берущие свое начало в Средние века, а также влияние на официальную идеологию власти московских правителей и Петра I⁴¹. Более точно картина новой петровской идеологии описана в статье «Новая идеология властей в эпоху Петра Великого»⁴². Все эти исследо-

39 ENDRE SASHALMI, "Contract theory and the westernization of Russian ideology of power under Peter the Great", in *Specimina Nova Pars Prima Sectio Mediaevalis: A Pécsi Tudományegyetem Középkori és Koraújkorai Történeti Tanszékének Történeti Közleményei* no. 2 (2003): 89–100., Также на русском языке: Э. Шашхалми, Возникновение идеи общественного договора в официальной идеологии власти в России при Петре I, в Государственность, дипломатия, культура в Центральной и Восточной Европе XI–XVIII веков, отв. ред. О. В. ХАВАНОВА (Центральноевропейские исследования. Выпуск 3. Москва: 2005), 186–193.

40 ENDRE SASHALMI, Some Remarks on the Typology of Official Petrine Political Ideology, in Место России в Евразии / The Place of Russia in Eurasia, ed. Gy. SZVAK, (Ruszisztikai Könyvek IX., Budapest: Magyar Ruszisztikai Intézet, 2001), 20–27.

41 SASHALMI ENDRE, „A cár akarata – törvény”: Az abszolutizmus és az uralkodói akarata a péteri ideológiában”, *Századok* 135, no. 6 (2001): 1413–1431.

42 SASHALMI ENDRE, Az uralkodói hatalom új ideológiája Nagy Péter alatt, in *Ezredforduló – Századforduló – Hetvenedik évforduló: Ünnepi tanulmányok Zimányi Vera tiszteletére*, szerk. ÚJVÁRY Zs.J. (Piliscsaba: PPKE BTK, 2001), 100–138.

вания ясно показывают, что вестернизация принесла в Россию не западные ценности, а собственную российскую адаптацию Запада, лишь усилившую – в результате ее сознательной селекции – власть русских правителей⁴³. Здесь уместно упомянуть об исследованиях, более обстоятельно останавливающихся на деятельности Феофана Прокоповича. В 2012 году вышли публикации на английском⁴⁴ и венгерском⁴⁵ языках, в которых Эндре Шашхалми основательно анализирует два труда Прокоповича. Следующие две статьи этого ученого, опубликованные в 2018 году, касались единства государства и самодержавия⁴⁶, а также истоков теории права в России⁴⁷, соответственно. В них перед читателем постепенно проявляется влияние Прокоповича на возникающую церковную и государственную жизнь в России. Кроме Прокоповича, Эндре Шашхалми в своих исследованиях уделяет особое внимание еще двум видным мыслителям петровской эпохи: иноку Авраамии⁴⁸ и П. П. Шафирову⁴⁹.

Работы Э. Шашхалми на тему представления власти можно выделить в отдельную группу. Даже при том, что эти труды не всегда взаимосвя-

43 SASHALMI ENDRE, A természetjogi gondolkodás kezdetei Oroszországban Nagy Péter uralkodása idején, in *A Természetjog Napja. Konferenciatanulmányok*, szerk. FRIVALDSZKY J., TUSZAY Á. (Budapest: Pázmány Press, 2017), 323–332.

44 ENDRE SASHALMI, Russian History in an Engraving: The Pechatnoe “Rodoslovie” (1717) of Feofan Prokopovich, in *Историк и мир – мир историка в России и Центрально-Восточной Европе / Historians and the World – the World of Historians in Russia and Central and Eastern Europe* (conference volume), ed. GYULA SZVÁK (*Ruszsztikai Könyvek XXXVI*, Budapest: Russica Pannonica, 2012), 99–108.

45 SASHALMI ENDRE, Legitimítás és idoneitás Feofán Prokopovics „Discóitő szónoklat Péter Petrovicsnak, a legnemesebb uralkodó cárevicsnek és nagyfejedelemnek születésnapja alkalmából” (1716) című művében, in *„Köztes-Európa” vonzásában: Ünnepi tanulmányok Font Márta tiszteletére*. szerk. BAGI D., FEDELES T., KISS G. (Pécs: Kronosz Kiadó, 2012), 409–420.

46 SASHALMI ENDRE, Az állam egysége (céloszty goszudarsztva) és az autokrácia: Feofán Prokopovics mint az „orosz államnarratíva” atyja, in *A pécsi ruszisztika szolgálatában: Bebesi György 60 éves*, szerk. BENE K., HUSZÁR M., KOLONTÁRI A. (Pécs: PTE BTK TTI MOSZT Kutatócsoport, 2018), 320–327.

47 SASHALMI ENDRE, Az állam-és jogelmélet oroszországi kezdetei Feofán Prokopovics (1681–1736) műveinek tükrében I–II. *Jog Állam Politika. Jog- és Politikatudományi Folyóirat* 10, no. 4 (2018): 3–28. / *Jog Állam Politika* 11, no. 1 (2019): 3–28.

48 ENDRE SASHALMI, Towards a New Ideology: Muscovite Notions of Rulership and Western Influences in Avraamij’s Missive (1696) in *Московия: специфика развития / Muscovy: The Peculiarities of its Development*, ed. Gy. Szvák (*Ruszsztikai Könyvek XIII.*, Budapest: Magyar Ruszsztikai Intézet, 2003), 143–154.

49 SASHALMI ENDRE, Péter Sáfírov művének értelmezési lehetőségei, in *Európa periferiáján. Jubileumi kötet*, szerk. BENE K. (Pécs: PTE BTK TTI MOSZT Kutatócsoport, 2015), 23–44.

заны, все они имеют отношение к главным темам научных интересов ученого. В каждом случае он глубоко анализирует свои источники, часто пользуется микроисториями. К данной группе принадлежат, в частности, анализ одного из характерных продуктов официальной иконографии петровской эпохи – книги «Символы и эмблемата»⁵⁰, исследования об эволюции женских персонификаций в России с помощью визуальных средств⁵¹, о происхождении российской императорской печати⁵² и ее изображения 1721 года⁵³, а также о сопоставлении шведского абсолютизма и российского самодержавия⁵⁴.

Отдельно следует классифицировать исследования, также тесно связанные с Петром I, но проведенные на стыке дипломатической и военной истории. Первой из них стала статья об эволюции внешнеполитических целей России на Балканах, написанная в 2005 году⁵⁵. Особое значение данной теме придает то обстоятельство, что Эндре Шашхалми раскрывает «религиозные корни» проблемы, чем демонстрирует свои знания и в данной области. Этот подход вновь использован автором в трудах, где он исследует значение религиозного фактора в войнах, которые вела Россия, и в коренящихся в них намерениях по освобождению православных народов от мусульманского

50 ENDRE SASHALMI, "The Frontispiece of Peter the Great's *Simvol y Emblematy* (1705): An Iconographical Analysis", *Canadian – American Slavic Studies* 47, no. 4 (2013): 459–472. <https://doi.org/10.1163/22102396-04703011>

51 ENDRE SASHALMI, "Political Theology and the Emergence of Female Personifications of Russia in Visual Sources from a European Perspective: The Petrine Period as a Watershed", *Russian History – Histoire Russe – Pittsburgh* 45, no. 1 (2018): 70–85. <https://doi.org/10.1163/18763316-04501004>

52 ENDRE SASHALMI, Rome as an Unlaid Ghost in Sixteenth-Eighteenth-Century Russia: Rome Spiritual and Rome Secular from the Early Sixteenth Century to 1725, in *Renovatio, inventio, absentia imperii : From the Roman Empire to contemporary imperialism*, ed. J. DE MAEYER, J. NELIS, B. WOUTER TURNHOUT, (Brepols Publishers, 2018), 117–136.

53 SASHALMI ENDRE, Az ókori Róma búvöletében: császári imázs és a császári cím Nagy Péter uralkodása idején, in *Az orosz birodalom születései: magyar kutatók tanulmányai az orosz történelemről*, szerk. FRANK T. (Budapest: Gondolat Kiadó, 2016), 77–92.

54 ENDRE SASHALMI, The Role of Law and the Rule of Law: A Comparison of Swedish Absolutism and Russian Autocracy from the 1680s to 1730: The Importance of Political Ideas and Political Structures, in *Россия и Венгрия на перекрестках европейской истории / Oroszország és Magyarország az európai történelem keresztútjain*, ed. A. G. AJRAPETOV, Gy. BEBESI, A. KOLONTÁRI (...) (Ставрополь: 2016), 44–50.

55 SASHALMI ENDRE, Az orosz Balkán-politika vallási gyökereinek kérdéséhez: a nyikoni reformoktól a kücsük-kainardzi békéig (1774), in *A Balkán és a keleti kérdés a nagyhatalmi politikában*, szerk. BODNÁR E., DEMETER G. (Budapest: Hungarovox Kiadó, 2005), 39–49.

господства⁵⁶. В другом исследовании ученый анализирует фискально-военную сторону Российского государства⁵⁷.

Точное впечатление об исследовательской деятельности Эндре Шашхалми в начале 2000-х гг. даёт его совместная с Мартой Фонт монография «Государство, власть, идеология. Исследования по особенностям русской истории»⁵⁸, а также защищенная в Венгерской академии наук в 2015 году докторская диссертация⁵⁹. Главной темой последней были вопрос о божественном обосновании престолонаследования и верховной власти династии Романовых (включая Петра I), объектом исследований – совокупность вышеупомянутых вопросов, а доказательной базой – многочисленные письменные и иллюстративные источники. С точки зрения популяризации русистики в Венгрии особенно радует тот факт, что данный труд был опубликован и для широкого круга читателей (в сокращенном виде)⁶⁰.

Наконец, отметим публикацию в 2013 году еще одного двуязычного (русско-венгерского) тома⁶¹, в котором представлен и анализируется русский текст магистерской диссертации трансильванского немца-энциклопедиста Мартина Шмайцеля, защищенной в 1712 году. Эндре Шашхалми раскрыл историю появления данного документа, а также принял участие в подготовке его перевода на венгерский язык.

Сфера научных интересов доцента Сегедского университета **Беаты Варги** включает историю Украины XVII–XVIII вв. (казачество) и, в ос-

56 ENDRE SASHALMI, The Idea of Bulwark of Christendom and the Russian Context: How Did Russia Become the Protector and Liberator of Orthodox Christians from the Last Bastion of Orthodoxy (1453–1711)?, in *Wingender Identitätsentwürfe im östlichen Europa – im Spannungsfeld von Selbst- und Fremdwahrnehmung*, Her. geb. HANS-JÜRGEN BÖMELBURG, MARK KIRCHNER, MARKUS KOLLER, MONIKA (Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2018), 55–72.

57 ENDRE SASHALMI, Russia as a Fiscal-Military and a Composite-Dynastic State, in *Государство и нация в России и Центрально-Восточной Европе / State and Nation in Russia and Central-East-Europe (conference volume)*. ed. GYULA SZVÁK, (Rusztisztikai könyvek XXII. Budapest: 2009), 132–144.

58 FONT MÁRTA – SASHALMI ENDRE, Állam, hatalom, ideológia. Tanulmányok az orosz történelem sajátosságairól (Budapest: Pannonica Kiadó, 2007).

59 SASHALMI ENDRE, *Trónöröklés és isteni jogalap Oroszországban 1613–1725 között, az írott források és az ikonográfia tükrében*, (MTA doktori disszertáció. Benyújtás éve: 2014).

60 SASHALMI ENDRE, *Trónöröklés és isteni jogalap Nagy Péter uralkodása idején: 1682–1725: az írott források és az ikonográfia tükrében*, (Pécs: Kronosz Kiadó, 2013).

61 М. Алёшин, Э.И. АМЕРХАНОВА, Т. БОТОР, М. ФОНТ, О.И. ХОРУЖЕНКО, Э. ШАШХАЛМИ (состав.), *Рукописный трактат «О коронах» начала XVIII в.: памятник русско-венгерских культурных связей / „A koronákról”: egy XVIII. századi kézirat, az orosz-magyar kulturális kapcsolatok dokumentuma*, (Pécs–Moszkva: Orosz Tudományos Akadémia Oroszország Története Intézete – Pécsi Tudományegyetem, 2013).

новом (но не исключительно), сосредоточена на вопросах истории украинско-российских связей Нового времени.

В своих трудах, написанных в начале 2000-х, автор исследует отношения между Запорожской Сечью/Украиной и Россией⁶². Этот вопрос занимает Беату Варгу и в дальнейшем: к нему она обращается неоднократно, рассматривая его с разных точек зрения. Сфера научных интересов Беаты Варги в основном охватывает период со второй половины XVII до начала XVIII вв., но иногда она расширяет временные рамки своих исследований, предлагая таким образом читателю широкую картину украинского национального развития. Ключевым для нее является вопрос о самостоятельности украинской нации и/или растворении украинцев в Российской империи⁶³. Кроме того, она пишет о слиянии казачьей старшины с русским дворянством⁶⁴, об ассимиляции украинцев в Российском государстве⁶⁵, а также об их автономистских устремлениях⁶⁶. В последние годы Беата Варга опубликовала и ряд историографических работ⁶⁷.

62 VARGA BEÁTA, A Zaporozsjei Had hatalmi rendszerének felépítése és működése az orosz fennhatóság alatt, in *Hatalmi ideológiák a szláv népek körében. Történetészkonferencia Pécs, 2001. november 15–16.*, szerk. BEBESI Gy. (Pécs: PTE Kelet-Európa és a Balkán Története és Kultúrája Kutatási Központ, 2001), 66–93., BEATA VARGA, Русский централизм и украинская автономия, in *Место России в Евразии / The Place of Russia in Eurasia*, szerk. SZVÁK Gy. (Ruszsztikai Könyvek IX., Budapest: Magyar Ruszsztikai Intézet, 2001), 249–259.

63 VARGA BEÁTA, Ukrajna integrációja az Orosz Birodalomba (1764–1835), in *Tradíció és modernizáció a XVIII–XX. században*, szerk. BODNÁR E., DEMETER G. (Budapest: Hungarovox Kiadó, 2008), 36–46.

64 VARGA BEÁTA, Az ukrainai kozák sztarsina átalakulása nemességgé (1654–1835), in *Távolabbra tekintve: Tanulmányok J. Nagy László 65. születésnapjára*, szerk. FERWAGNER P. Á., KALMÁR Z. (Szeged: Universitas, 2010), 226–236.

65 VARGA BEÁTA, Moszkvától–Kijeven át Szentpétervárig? Ukrajna orosz kötelékben – az autonóm státusztól az alávetett tartományig (1654–1764), in *Az orosz birodalom születései: magyar kutatók tanulmányai az orosz történelemről*, szerk. FRANK T. (Budapest: Gondolat Kiadó, 2016), 109–131., VARGA BEÁTA, „Az orosz közigazgatási rendszer bevezetése Ukrájában 1654–1835 között”, *Acta Historica (Szeged)* 141. (2017): 63–75., VARGA BEÁTA, A Fekete-tenger északi medencéje mint „frontier”? in *„Uralkodjék köztünk ész, érdem, igazság”: Köszöntő tanulmánykötet Kövér Lajos 65. születésnapjára*. szerk. FERWAGNER P. Á. (Szeged: SZTE Újkori Egyetemes Történeti és Mediterrán Tanulmányok Tanszék, 2019), 85–94.

66 VARGA BEÁTA, Az autonómiától az önállóságig: Kísérletek az ukrán állam megteremtésére, in *Tertium datur: Írások Krausz Tamás 70. születésnapjára*, szerk. JUNÁSZ J., SZVÁK Gy. (Budapest: Russica Pannonica, 2018), 118–129.

67 VARGA BEÁTA, Regionális variánsok történelmi emlékei az Ukrajnában, in *Politika és kultúra: problémák kölcsönhatása a modern világban (Budapest–Kirov: Selmeczi Bt.–«Радуга-Пресс», 2019), 154–160.*, VARGA BEÁTA, „Az ukrán államiság vitás kérdései az ukrán és orosz historiográfiában a 17. század közepétől napjainkig”, *Acta Historica (Szeged)* 144. (2019): 105–113.

Отдельно следует отметить ее труды, касающиеся И. С. Мазепы. В 2003 году Б. Варга публикует статью, посвященную вопросам украинской политики и предательства Мазепы⁶⁸; в 2008 году она пишет об устремлениях Б. Хмельницкого и И. Мазепы к достижению Украиной независимости⁶⁹; в 2017 году выходит в свет отдельный том по историографии И. Мазепы⁷⁰; наконец, в 2018-м – историографическое сопоставление личностей Мазепы и Хмельницкого⁷¹. С определенными оговорками сюда можно отнести и ее статью о роли Полтавской битвы в истории Украины⁷².

В 2006–2008 гг. Беата Варга опубликовала две обстоятельные работы обобщающего характера. Вначале в свет вышел университетский учебник «История Украины»⁷³, написанный в соавторстве с Мартой Фонт; как первый обобщающий труд по истории Украины, опубликованный на венгерском языке, он будет интересен далеко не только для студентов-историков. Беате Варге принадлежит авторство второй главы учебника, посвященной, в том числе, и событиям XVIII века. В 2008 году вышел в свет труд об украинской автономии, заключительный раздел которой посвящен гетману Мазепе⁷⁴. У автора есть небольшая публикация на эту тему и на русском языке⁷⁵.

68 VARGA BEÁTA, „Péter ukrán politikája - Mazepa „árulásának” kérdése”, *Acta Historica (Szeged)* 118, (2003): 25–35.

69 VARGA BEÁTA, Önállósodási törekvések Ukrajnában Bogdan Hmelnyickij és Ivan Mazepa hetmansága idején (1648–1708), in *Az identitás régi és új koordinátái: Tanulmányok Anderle Ádám 65. születésnapjára*, szerk. BERTA T., CSIKÓS Zs., FISCHER F., SZILÁGYI Á., SZILÁGYI I. (Budapest–Szeged: Palatinus Kiadó, 2008), 174–181.

70 VARGA BEÁTA, Ivan Mazepa történeti szerepének megítélése a 18. század elejétől napjainkig, in *Dokumentarizmus vs. fikció. Hagomány és megújulás a szláv népek történelmében és kultúrájában VII. A 2017-es tudományos felolvasóülés anyaga*, szerk. SZABÓ T., SZILI S. (Szombathely: Szláv Történeti és Filológiai Társaság, 2017), 72–94.

71 VARGA BEÁTA, „Bogdan Hmelnyickij és Ivan Mazepa megítélésének összehasonlító vizsgálata a 17–18. századtól napjainkig”, *Hungaro-Ruthenica* 8, (2018): 157–172.

72 VARGA BEÁTA, A poltavai csata jelentősége az ukrán történelemben, in *A poltavai csata jelentősége a svéd és az orosz történelemben. Konferenciakötet*, szerk. MISZLER T., SASHALMI E. (Pécs: PTE BTK Kelet-Európa és Balkán története és kultúrája Kutatási Központ, 2010), 101–123.

73 FONT MÁRTA, VARGA BEÁTA, *Ukrajna története* (Budapest–Szeged: Bölcsész Konzorcium–JATE Press, 2006). A kötet 2013-ban újra kiadásra került: FONT MÁRTA, VARGA BEÁTA, *Ukrajna története* (Szeged: JATE Press, 2013).

74 VARGA BEÁTA, Önállóság, autonómia vagy alávetettség? – Ukrajna 1648–1709 között (Szeged: JATE Press, 2008).

75 БЕАТА ВАРГА, Самостоятельность, автономия или подданство. Самостоятельные требования украинских гетманов от Богдана Хмельницкого до Ивана Мазепы, in *Государство и нация в России и Центрально-восточной Европе / State and Nation*

Для всех упомянутых выше исследователей Россия XVIII века является главной темой научных изысканий. Ниже вкратце перечислим историков, опубликовавших лишь по одному труду по проблематике данного периода. Здесь выделяются публикации о связях между Ференцом Ракоци II и Петром I. Признанным авторитетом в исследованиях, посвященных Ференцу Ракоци, был ныне покойный (скончался в 2010 г.) действительный член *Венгерской академии наук*, университетский преподаватель **Бела Кепеци**. Несмотря на возраст, в 2000-е гг. он опубликовал ряд работ, центральное место в которых занимал вопрос отношений князя Ференца Ракоци и его сподвижников с русским царем и с Россией в целом⁷⁶. Также ныне покойный (умер в 2009 г.) профессор Эгерского университета **Йожеф Захар**, выдающийся специалист по военной истории XVII–XVIII вв., в ряде своих работ, опубликованных как на венгерском, так и на иностранных языках, касался истории России XVIII века. В центре его исследований находились события национально-освободительного восстания под предводительством Ракоци и участие куруцев в битвах за границами Венгрии⁷⁷. Преподаватель Сегедского университета **Шандор Папп** в своей статье, опубликованной в 2013 году, анализирует попытки повстанцев Ракоци балансировать между Османской и Российской империями⁷⁸. Старший научный сотрудник Научно-исследовательского института истории Венгерской академии наук **Болдижар Вереш** в своей монографии, вышедшей в 2014 году, со всей основательностью опровергает два фиктивных постулата российской истории, первый из которых касается

in Russia and Central-East-Europe (conference volume) ed. GYULA SZVÁK, (Ruszisztikai Könyvek XXII. Budapest, Russica Pannonicana, 2009), 121–130.

76 KÖPECZI BÉLA, II. Rákóczi Ferenc külpolitikája (Budapest: Akadémiai, 2002)., KÖPECZI BÉLA, Rákóczi útjai: Tanulmányok (Budapest: Lucidus, 2004)., KÖPECZI BÉLA, Tanulmányok a kuruc szabadságharcok történetéből, (Budapest: Akadémiai, 2004)., KÖPECZI BÉLA, Kuruc diplomaták Európa keletén, (Budapest: Akadémiai, 2005).

77 JÓZSEF ZACHAR, Hungarian Soldiers in the Habsburg and Foreign Armies, 1699–1789, in *A Millennium of Hungarian Military History*, ed. KIRÁLY K. BÉLA, VESZPRÉMY LÁSZLÓ (New York: 2002), 185–214. ZACHAR JÓZSEF, Magyarországi katonák a Habsburg- és idegen hadakban, 1699–1789, in *A magyar hadtörténelem évszázadai*, szerk. KIRÁLY B., VESZPRÉMY L. (Budapest: 2003), 138–156., ZACHAR JÓZSEF, *Válogatott hadtörténeti írások (XVII–XVIII. század)* (Budapest–Eger: 2008).

78 Шандор Папп, Два желанных союзника венгров – два заклятых врага: Освободительная война Ракоци в силовом поле России и Оттоманской порты // Освободительная война 1703–1711 гг. в Венгрии и дипломатия Петра I, под. ред. К.А. Кочегарова, О.В. Хавановой (отв. ред.), А. ШЕРЕША (СПб.: Нестор-История, 2013), 91–112.

отношений между Ференцом Ракоци II и Петром I⁷⁹. Наконец, о шансах внешней политики национально-освободительного восстания пишет **Юлианна Барат** в 2012 году в тематическом сборнике «Века», посвященном заключению Сатмарского мира⁸⁰.

Теперь уже не о Ракоци, но все еще о начале XVIII века. Хотя этот век не является главным предметом исследований **Сергея Филиппова**, который родился в Москве, но работает в Венгрии, нам известно о двух его публикациях, касающихся петровской эпохи. В 2010 году он пишет о месте, которое занимает Полтавская битва в русской исторической мысли⁸¹, а в 2016-м – о российском самодержавии и реформах⁸². Шандор Сили в своем историографическом обзоре российского покорения Сибири касается и первой четверти XVIII века⁸³. **Рената Пастор** в недавно вышедшем труде на основании писем Петра I исследует российско-украинские отношения в течение краткого периода времени между переходом Мазепы на сторону шведов и Полтавской битвой⁸⁴.

ПОТОМКИ ПЕТРА I (1725–1763)

Если говорить о венгерской историографии последнего двадцатилетия, касающейся истории России XVIII века, то самым незамеченным ею временным отрезком был период между царствованиями Петра I

79 VÖRÖS BOLDIZSÁR, *Történelemhamisítás és politikai propaganda. Illés Béla elmeszüleményei a magyar szabadsághüdelmek orosz támogatásáról* (Budapest: MTA Bölcsészettudományi Kutatóközpont, Történettudományi Intézet, 2014), 33–75., VÖRÖS BOLDIZSÁR, „Nagy Péter 1703 és 1710 között tizenkilenc ízben küldött tüzértiszteket Rákóczinak és két ízben ágyúkat”. Propagandisztikus történelemhamisítás a szovjet-magyar jó kapcsolatok megalapozása érdekében, *Századok* 147, no. 1 (2013): 131–159.

80 BARÁTH JULIÁNNA, „A külpolitikai lehetőségek megítélése a Rákóczi-szabadságharc második felében: Az orosz reménység”, *Századok* 146, no. 4 (2012): 815–822.

81 FILIPPOV SZERGEJ, A poltavai csata az orosz történelmi tudatban: múlt és jelen, in *A poltavai csata jelentősége a svéd és az orosz történelemben. Konferenciakötet*, szerk. MISZLER T., SASHALMI E. (Pécs: PTE BTK Kelet-Európa és Balkán története és kultúrája Kutatási Központ, 2010), 89–100.

82 FILIPPOV SZERGEJ, Az orosz autokrácia és a reformok, in *Az orosz birodalom születési: magyar kutatók tanulmányai az orosz történelemről*, szerk. FRANK T. (Budapest: Gondolat Kiadó, 2016), 93–108.

83 SZILI SÁNDOR, „Szbéria meghódításának koncepciói a kora újkori orosz történetírásban (16. sz. vége – 18. sz. első negyede)”, *Századok* 136, no. 3 (2002): 637–668.

84 PÁSZTOR RENÁTA, „Az ukrán-orosz kapcsolatok alakulása Ivan Mazepa „átállásától” a poltavai csatáig – I. Péter levelezésének tükrében”, *Acta Historica (Szeged)* 145, (2020): 55–67.

и Екатерины II. Несмотря на недавно опубликованное исследование **Дюлы Свака** об Иване VI⁸⁵, правлением Елизаветы Петровны, насколько нам известно, у нас за последние два десятка лет занималась лишь **Эржебет Боднар**, бывший преподаватель *Дебреценского университета*⁸⁶. Кроме того, период между 1725 и 1763 гг. изучали **Эндре Шашхалми** (в исследовании о коронационных медалях XVIII в.⁸⁷), **Рената Пастор** (в связи с российско-украинскими связями периода дворцовых переворотов⁸⁸ и последним малороссийским гетманом⁸⁹), наконец, опосредованно и автор данной статьи⁹⁰.

ПРАВЛЕНИЕ ЕКАТЕРИНЫ II (1763–1796)

Хотя венгерские исследователи уделяли много внимания эпохе Екатерины II, количество публикаций по данной теме ниже, чем число работ по эпохе Петра I. Вместе с этим следует отметить, что хотя в фокусе исследований по екатерининской эпохе всегда находится элита того времени, личность Екатерины II и непосредственно ее правление гораздо реже становились главным предметом исследований, чем это было в случае с Петром I.

85 SZVÁK GYULA, VI. Iván, a csecsemő cár, in *Orosz hősök és antihősök. Tanulmányok a 25/30. évfordulóra*, szerk. SZVÁK Gy. (Ruszisztikai Könyvek XLVIII. Budapest, Russica Pannonicana, 2020), 143–158.

86 BODNÁR ERZSÉBET, „A kiküzdött örökség. Jelizaveta Petrovna (I. Erzsébet) trónra jutása”, *Világtörténet* (2000 tavasz–nyár): 59–72.

87 SASHALMI, ENDRE: The Coronation Medal as a Vehicle of Legitimation: Iconographic Analysis of the Coronation Medals of Four Empresses, Catherine I (1724), Anne (1730), Elisabeth (1742) and Catherine II (1762), in *Историческая русистика в XXI веке / Russian Studies in History in the 21st Century. Материалы десятой международной научной конференции будапештского Центра Русистики от 18–19 мая 2015 г / Materials of the 10th International Conference at the Centre for Russian Studies in Budapest, May 18–19, 2015*. ed. Gy. SZVÁK, Sz. FILIPPOV, Zs. GYIMESI (Ruszisztikai Könyvek XLII. Budapest: Russica Pannonicana, 2017), 157–168.

88 PÁSZTOR RENÁTA: Az ukrán–orosz kapcsolatok a palotaforradalmak korában, in *Tehetségek a történettudomány szolgálatában IV.*, szerk. FERWAGNER P. Á. (Szeged: SZTE BTK, 2018), 61–75.

89 PÁSZTOR RENÁTA: Kirill Grigorjevics Razumovszkij, Kisoroszország utolsó hetmanja (1750–1764), in *Tehetségek a történettudomány szolgálatában V.*, szerk. FERWAGNER P. Á. (Szeged: SZTE BTK, 2019), 53–67.

90 DINNYÉS PATRIK: Erzsébet-Bibliák az Eszterházy-gyűjteményben – Cirill betűs kiadványok az egri Főegyházmegyei Könyvtárban, in *Tanulmányok Eszterházy Károly egri püspök szellemi és épített örökségéről*, szerk. DINNYÉS P., NAGY A. (Eger: EKE Líceum Kiadó, 2020), 25–53. <https://doi.org/10.46403/TanulmanyokEszterhazy.2020.25>.

Исключительным знатоком истории России второй половины XVIII века является бывший университетский доцент **Ласло В. Молнар**. Став на исследовательскую стезю еще в 1970-е гг., этот историк опубликовал ряд трудов о выдающихся деятелях российской истории XVIII века (и лицах, имеющих отношение к этой истории). Несмотря на приобретение исследовательского опыта по ряду тем, XVIII век постоянно оставался в центре его внимания.

За последние два десятка лет в рамках темы истории России Ласло В. Молнар публиковал преимущественно исследования биографического характера о таких выдающихся личностях, как Екатерина II⁹¹, Г. А. Потемкин⁹², А. В. Суворов⁹³, М. И. Кутузов⁹⁴, М. В. Ломоносов⁹⁵ и Е. И. Пугачев⁹⁶.

Отдельно стоит отметить его работы, посвященные венгерско-русским дипломатическим и культурным связям⁹⁷. Однако историк писал не только труды общего характера по теме; разрабатывая тему биографий медиков, ученых или педагогов – выходцев из Венгрии, он одновременно исследовал и современную им эпоху⁹⁸. В различных

91 V. MOLNÁR LÁSZLÓ, „II. Katalin és a török félhold”, *Valóság* 50, no. 4 (2007): 27–38., Л. В. Молнар, Екатерина II // Двенадцать имен России, ред. Дюла Свак (*Rusztisztikai Könyvek XXXV*. Budapest: Russica Pannonicana, 2012), [?–?]

92 V. MOLNÁR LÁSZLÓ, „Az „éjszaka cárja”, Grigorij Patyomkin (II. Katalin kegyencének karriertörténete)”, *Valóság* 55, no. 11 (2012): 33–44.

93 V. MOLNÁR LÁSZLÓ, „Szuorov generalisszimusz”, *Valóság* 43, no. 6 (2000): 70–81., Ласло В. Молнар, А. В. Суворов и «Наука побеждать» (к 200-летию кончины генералиссимуса) // Армия и общество в России (XVII–XVIII века), ред. Дмитрий Семущин (*Szombathely: Szlav Történeti és Filológiai Társaság*, 2001), 70–86., Ласло В. Молнар, Александр Васильевич Суворов // Двенадцать имен России, ред. Дюла Свак (*Rusztisztikai Könyvek XXXV*. Budapest: Russica Pannonicana, 2012), [?–?]

94 V. MOLNÁR LÁSZLÓ, „Oroszország megmentője, Napóleon legyőzője: Mihail Kutuzov tábornagy, 1745–1813”, *Valóság* 56, no. 8 (2013): 10–23.

95 Ласло В. Молнар, «Михаил Ломоносов, чье имя носит Московский университет», *Studia Slavica* 51, no. 1–2 (2006): 123–139.

96 V. MOLNÁR LÁSZLÓ, Haramia vagy hős? A rebellis kozákvezér, Jemeljan Pugacsov, in *Orosz hősök és antihősök. Tanulmányok a 25/30. évfordulóra*, szerk. Szvák Gy. (*Rusztisztikai Könyvek XLVIII*. Budapest, Russica Pannonicana, 2020), 159–179.

97 Ласло В. Молнар, Венгерско-русские культурные связи в XVIII веке: состояние исследования и постановка проблемы // Государственность, дипломатия, культура в Центральной и Восточной Европе XI–XVIII веков, отв. ред. О. В. Хаванова (Центрально-европейские исследования. Выпуск 3. Москва: 2005), 194–206.

98 V. MOLNÁR LÁSZLÓ, Magyar orvosok II. Katalin Oroszországában (Kapcsolattörténeti portrévázlatok), in *A Kárpát-medence vonzásában. Tanulmányok Polányi Imre emlékére*, szerk. FISCHER F., HEGEDŰS K., MAJOROS I., VONYÓ J. (Pécs: University Press, 2001), 543–566., V. MOLNÁR LÁSZLÓ, Деятельность педагогов-выходцев из Венгрии в России (1703–1848), *Studia Slavica* 49, no. 3–4 (2004): 315–339. <https://doi.org/10.1556/SSLav.49.2004.3-4.5>

трудах он знакомит читателя с такими выдающимися личностями, как Иван Орлай⁹⁹, Ференц Керестури¹⁰⁰, Пал Дендешши¹⁰¹, Керестей и Матяш Пекены¹⁰² и Ф. И. Янкович¹⁰³. В центре его трудов о немецких ученых Санкт-Петербурга¹⁰⁴, о присутствии русских в Токайском винодельческом регионе¹⁰⁵ и о русских/украинских студентах в Венгрии¹⁰⁶ также стоят отдельные личности. Наряду с длинным списком работ, опубликованных в журналах, научных изданиях или сборниках материалов конференций, перу Ласло В. Молнара принадлежит и ряд монографий – например, его кандидатская диссертация, первоначально опубликованная на русском языке в 1994 году и переизданная в дополненном виде в 2000-м¹⁰⁷, или учебные пособия, изданные в 2010¹⁰⁸ и 2015 гг.¹⁰⁹ Наконец, упомянем два сборника статей, вышедшие в течение

99 V. MOLNÁR LÁSZLÓ, „Adalékok Orlay János oroszországi tevékenységéhez”, *Világtörténet* (2000 tavasz-nyár): 73–81.

100 Ласло В. Молнар, «Московская карьера профессора Ф. Керестури (1738–1811 гг.)», *Specimina Nova Dissertationum ex Instituto Historico Universitatis Quinqueecclesiensis de Ianopannonio Nominatae*, no. 2. (2000): 89–100.

101 V. MOLNÁR LÁSZLÓ, „Gyöngyössi Pál – II. Katalin udvari orvosa (Egy református tudós szentpétervári karrierje)”, *Confessio*, no. 2 (2006): 52–58.

102 V. MOLNÁR LÁSZLÓ, „Két protestáns orvos oroszországi karrierje”, *Világtörténet* (2010 tavasz-nyár): 64–70.

103 V. MOLNÁR LÁSZLÓ, „F. I. Jankovič oroszországi iskolaszervező tevékenysége”, *Valóság* 57, no. 10 (2014): 36–47.

104 Ласло В. Молнар, Немецкие ученые в Петербургской академии (1725–1800) // Место России в Евразии / *The Place of Russia in Eurasia*, ред. Дюла СВАК (*Ruszsiztikai Könyvek IX.*, Budapest: Magyar Ruszsiztikai Intézet 2001), 266–274.

105 Ласло В. Молнар, Токайские вина на царском столе (данные о вывозе токайских вин в Россию в XVIII в.) // Освободительная война 1703–1711 гг. в Венгрии и дипломатия Петра I, под. ред. К.А. КОЧЕГАРОВА, О.В. ХАВАНОВОЙ (отв. ред.), А. ШЕРЕША (СПб.: Нестор-История, 2013), 148–157.

106 V. MOLNÁR LÁSZLÓ, „Cirill betűs kiadványok és orosz-ukrán diákok a XVIII. századi Magyarországon”, *Valóság*, no. 4 (2017): 61–70.

107 V. MOLNÁR LÁSZLÓ, *Magyar–orosz kulturális kapcsolatok 1750–1815* (Magyar Tudománytörténeti Intézet tudományos közleményei 45., Magyar Tudománytörténeti Szemle Könyvtára 17., Piliscsaba: Magyar Tudománytörténeti Intézet, 2000). Gyakorlatilag másodkiadásként: V. MOLNÁR LÁSZLÓ, *Kelet és nyugat vonzásában. Utazók, orvosok, tanárok a felvilágosodás korában* (Budapest: 2003).

108 V. MOLNÁR LÁSZLÓ, *Magyarok és oroszok a kulturális kapcsolattörténet tükrében (1711–1825)* (Keszthely: Balaton Akadémia, 2010)., V. MOLNÁR LÁSZLÓ, *Utak egymás felé (Magyar–orosz kapcsolattörténeti adalékok 1711–1848). Tanulmánykötet.* (Keszthely: Balaton Akadémia, 2011).

109 V. MOLNÁR LÁSZLÓ, *Kapcsolattörténeti etűdök (Magyar–orosz kontaktológiai fejezetek). Tanulmánykötet* (Keszthely: Balaton Akadémia, 2015).

последнего десятилетия, в которых помещены ранее изданные работы автора¹¹⁰.

Публикации **Оршой Санисло**, младшего научного сотрудника Научно-исследовательского и методического центра русистики, в первую очередь касаются вопросов женской истории; в этих рамках исследовательница анализирует влияние петровских¹¹¹ и екатерининских¹¹² реформ и двора на жизнь русских аристократок¹¹³. Кроме обзоров общего характера, Оршоя Санисло часто публикует индивидуальные портреты аристократок, сыгравших значительную роль в истории XVIII века или происходивших из высших боярских родов – абсолютно уникальный феномен в венгерской исторической литературе. Так, ее перу принадлежат биографические портреты Е. Р. Дашковой¹¹⁴, В. Н. Головиной¹¹⁵, Н. А. Дуро-

110 V. MOLNÁR LÁSZLÓ, *II. Katalin cárnő és az „északi kolosszus”. Tanulmánykötet* (Örökség – Kaposi Kiskönyvtár 45., Kaposvár: Kaposvár Megyei Jogú Város Közgyűlése, 2014)., V. MOLNÁR LÁSZLÓ, *Ruszsztikai és magyar-orosz kapcsolattörténeti írások (1711–1848). Válogatás tíz év cikkeiből (2008–2018)* (MOSZT Könyvek 12., Pécs: PTE BTK TTI MOSZT Kutatócsoport, 2019).

111 SZANISZLÓ ORSOLYA, A nők társadalmi integrációjának kezdete a péteri reformok nyomán, in *A mi Ruszsztikánk: Tanulmányok a 20/25. évfordulóra*, szerk. SZVÁK Gy. (Ruszsztikai Könyvek XL. Russica Pannonicana, 2015), 104–119.

112 SZANISZLÓ ORSOLYA, A nők állami oktatásának kezdete az Orosz Birodalomban, in *Történelem és egyéni lét: Hagyomány és megújulás a szláv népek történelmében és kultúrájában IV.: a 2014-es tudományos felolvasóülés anyaga*, szerk. SZABÓ T. (Szombathely: Szláv Történeti és Filológiai Társaság, 2014), 8–20., A magyarországi viszonyokkal összehasonlítva: SZANISZLÓ ORSOLYA, «Зарождение государственного среднего женского образования в Российской империи и Венгрии», *Canadian-American Slavic Studies / Revue Canadienne-Américaine D Etudes Slaves* 49, no. 2–3 (2015): 366–383.

113 SZANISZLÓ ORSOLYA, Russian Noblewomen's Family Obligations in the Light of Two Memoirs, in *Alternatives, Turning Points and Regime Changes in Russian History and Culture: Materials of the First International Conference for Young Scholars of Russian Studies*. ed. GYULA SZVÁK (Budapest: Russica Pannonicana, 2015), 127–136., SZANISZLÓ ORSOLYA, Az orosz nők helyzetének rekonstrukciója a 18. századi női autobiográfiák tükrében, in *Dokumentarizmus vs. fikció: Hagyomány és megújulás a szláv népek történelmében és kultúrájában VII.: A 2017-es tudományos felolvasóülés anyaga*, szerk. SZABÓ T., SZILI S. (Szombathely: Szláv Történeti és Filológiai Társaság, 2017), 8–19.

114 SZANISZLÓ ORSOLYA, Az első modern orosz nő: Jekatyerina Romanovna Daskova, in *Orosz hősök és antihősök. Tanulmányok a 25/30. évfordulóra*, szerk. SZVÁK Gy. (Ruszsztikai Könyvek XLVIII. Budapest, Russica Pannonicana, 2020), 181–203.

115 SZANISZLÓ ORSOLYA, Varvara Nyikolajevna Golovina grófné (1766–1821) életútja Visszaemlékezéseinek tükrében, in *Életrajzok: Hagyomány és megújulás a szláv népek történelmében és kultúrájában VI.*, szerk. SZABÓ T., SZILI S. (Szombathely: Szláv Történeti és Filológiai Társaság, 2016), 21–31.

вой¹¹⁶, Д. Н. Салтыковой¹¹⁷ и Н. Б. Долгорукой¹¹⁸. Интересно, что, несмотря на большое количество женщин-правительниц в XVIII веке, царицы становятся главными героинями работ О. Санисло лишь единожды¹¹⁹.

Отметим, что и такие ученые как **Шандор Гебеи**¹²⁰, **Эндре Шашхалми**¹²¹ и **Беата Варга**¹²², основательно исследовавшие петровскую эпоху, также публиковали труды по истории рассматриваемого в этом разделе периода.

Главной темой исследований автора данного обзора являются путешествия в Россию императора Священной Римской империи не-

116 SZANISZLÓ ORSOLYA, Nagyvezda Durova (1783–1866), egy nő szokatlan háborús szerepvállalása, in *Háborúk és békék: hagyomány és megújulás a szláv népek történelmében és kultúrájában V.: a 2015-ös tudományos felolvasóülés anyaga*, szerk. SZABÓ T., SZILI S. (Szombathely: Szláv Történeti és Filológiai Társaság, 2015), 34–44.

117 SZANISZLÓ ORSOLYA, Szalticsiha, a troickojei rém alakja a 18–19. században, in *Történelmi és irodalmi arcképek: Hagyomány és megújulás a szláv népek történelmében és kultúrájában VIII.*, szerk. SZABÓ T., SZILI S. (Szombathely: Szláv Történeti és Filológiai Társaság, 2018), 47–57.

118 SZANISZLÓ ORSOLYA, Natalja Dolgorukaja (1714–1771) és Marija Volkonszkaja (1805–1863): Két nő, egy döntés, in *Egyéni és kollektív identitások. Hagyomány és megújulás a szláv népektörténelmében és kultúrájában IX.: a 2019-es tudományos felolvasóülés anyaga*, szerk. SZABÓ T., SZILI S. (Szombathely: Szláv Történeti és Filológiai Társaság, 2019), 8–19., ORSOLYA SZANISZLÓ, Natalia Dolgorukova as a Role Model for Russian Women and Girls in 19th century Literary Works, in *Россия и Венгрия в мировой культуре: источник и его интерпретация: Russia and Hungary in World Culture: the Source and its Interpretation*, szerk. Gy. SZVÁK, Sz. FILIPPOV, Zs. GYIMESI, Zs. MÉSZÁROS, B. MEZEI, O. SZANISZLÓ (Budapest: Russica Pannonicana, 2020), 257–265.

119 SZANISZLÓ ORSOLYA, A női uralkodók hatalomra kerülésének nehézségei a 18. századi cári birodalomban, in *Az orosz birodalom születési: magyar kutatók tanulmányai az orosz történelemről*, szerk. FRANK T. (Budapest: Gondolat Kiadó, 2016), 154–167.

120 GEBEI SÁNDOR, Halics–Lodoméria Királyság, mint a Habsburgok 18. századi új szerzeménye, in *Hagyomány és történelem: Ünnepi kötet Für Lajos 70. születésnapjára*, szerk. GEBEI S. (Eger: EKF Történelemtudományi Intézet, 2000), 215–238.

121 ENDRE SASHALMI, „The Coexistence of Old and New: Elements of Muscovite Ideology and Enlightenment in Fonvizin’s „Discourse on the Immutable State Laws””, *Specimina Nova Pars Prima Sectio Mediaevalis*, no. 1 (2001): 169–187.

122 VARGA BEÁTA, „Pjotr Alekszandrovics Rumjancev, „Kisoroszország első kormányzója”, *Hungaro-Ruthenia* 6, (2012): 167–174., VARGA BEÁTA, A kücsük-kajnardzsi béke és a Zaporozsjei Szics likvidálása, in *Háborúk és békekötések a 18–20. századi orosz-szovjet történelemben. Konferenciakötet* szerk. MÁTÉ Zs. (Pécs: PTE BTK TTI MOSZT, 2014), 91–116., B. VARGA, Роль и степень влияния скипетра Габсбургов на самоидентификацию украинцев в Галиции в зеркале источников (1772–1918) // *Россия и Венгрия в мировой культуре: источник и его интерпретация: Russia and Hungary in World Culture: the Source and its Interpretation*, szerk. Gy. SZVÁK, Sz. FILIPPOV, Zs. GYIMESI, Zs. MÉSZÁROS, B. MEZEI, O. SZANISZLÓ (Budapest: Russica Pannonicana, 2020), 225–233., VARGA BEÁTA, Galícia, az ukrán „Piemont”? in *„Köztes-Európa” vonzásában: Ünnepi tanulmányok Font Márta tiszteletére*. szerk. BAGI D., FEDELES T., KISS G. (Pécs: Kronosz Kiadó, 2012), 483–495.

мецкой нации Иосифа II, совершенные им в 1780 и 1787 гг. В 2018 году опубликованы наши статьи о внешней политике Никиты Ивановича Панина¹²³, первой переписке между Екатериной II и Иосифом II, имевшем место в 1774 году¹²⁴, а также о литературных источниках, касающихся первой поездки императора¹²⁵. В том же году – насколько нам известно, впервые на русском языке – были переизданы путевые заметки императорского духовника, бывшего иезуитского священника Ференца Калатаи¹²⁶; затем мы выяснили, что русско-австрийские отношения второй половины XVIII века, в частности, поездки императора Иосифа в Россию, весьма посредственно отражены в венгерской историографии¹²⁷. Наконец, нами рассмотрены вопросы встречи императора и императрицы в Могилеве в 1780 году¹²⁸, а также их бесед, касающихся вопросов политики двух великих держав¹²⁹.

123 DINNYÉS PATRIK, Az orosz külügyek irányítója: Nyikita Ivanovics Panyin (1718–1783), in Új Nemzedék (Pécs: PTE BTK TTI MOSZT, 2018), 29–44.

124 DINNYÉS PATRIK, Az első levélváltás II. Katalin orosz cárnő és II. József német-római császár között, in *A pécsi ruszisztika szolgálatában: Bebesi György 60 éves*, szerk. BENE K., HUSZÁR M., KOLONTÁRI A. (Pécs: PTE BTK TTI MOSZT Kutatócsoport, 2018), 157–166.

125 DINNYÉS PATRIK, Szemelvény II. József császár első oroszországi utazásából (1780): P.B. Passzek levele R.A. Rumjancevnek (1780. május 14.), in *Érték-rend: Válogatás a Kepes György Szakkollégium tagjainak tudományos és művészeti alkotásaiból*, szerk. KICSÁK L. (Eger: EKE Líceum Kiadó, 2018), 79–89.

126 П. Диннеш, Впечатления от поездки в Россию в 1780 г.: дневник императорского духовника Ференца Ксавьера Калатаи // *Славянский мир в третьем тысячелетии*, 13. № 3–4 (Москва: Институт славяноведения РАН, 2018), 7–14. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2018.3-4.1.01>

127 DINNYÉS PATRIK, II. József császár oroszországi útjai (1780, 1787) a magyar szakirodalomban I., in *Acta Universitatis de Carolo Eszterházy Nominatae, Sectio Historiae 45: Tanulmányok Dr. Misóczki Lajos tiszteletére*, szerk. KISS L., (Eger: EKE Líceum Kiadó, 2018), 59–81., DINNYÉS PATRIK, II. József császár oroszországi útjai (1780, 1787) a magyar szakirodalomban II., in *Acta Universitatis de Carolo Eszterházy Nominatae, Sectio Historiae 46: Tanulmányok dr. Kozári József és dr. Kriston Pál tiszteletére*, szerk. BAJNOK D. (Eger: EKE Líceum Kiadó, 2019), 75–100.

128 DINNYÉS PATRIK, „Mogiljovtól Szmolenszkig. II. József német-római császár és II. Katalin orosz császárnő első találkozása és közös utazása (1780)”, *Aetas* 34, no. 3 (2019): 37–63.

129 DINNYÉS PATRIK, Nagyhatalmi ambíciók II. József és II. Katalin személyes beszélgetéseiben (1780), in *Acta Universitatis de Carolo Eszterházy Nominatae, Sectio Historiae 47.*, szerk. BALOGH J. (Eger: EKE Líceum Kiadó, 2020), 121–133. <https://doi.org/10.46438/ActaUnivEszterhazyHistoriae.2020.121>

ИСТОРИЯ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ (1796–1801)

Ниже мы рассмотрим труды, касающиеся короткого периода правления императора Павла I, после чего сделаем вывод, что ни в одном из них император не является центральной фигурой. В большей части этих работ рассматривается скорее рубеж двух веков как временной период, начавшийся еще правлением Екатерины II и затрагивающий правление Александра I.

В центре внимания бывшего преподавателя Дебреценского университета **Эржебет Боднар** – что касается XVIII века – находятся события, происходившие на рубеже веков, прежде всего, политика великих держав в Восточной Европе и на Балканах. Взглянув более внимательно на труды историка, мы увидим, что ряд работ, касающихся начала XIX века, затрагивает и XVIII век. Однако здесь мы рассмотрим лишь те труды, содержание которых в большей мере относится к XVIII веку.

В начале 2000-х гг. опубликован сборник под названием «Россия в XVIII–XIX веках»¹³⁰, вместивший десять работ автора. Три из них рассматривают события XVIII века, две из которых опубликованы в том же году в других изданиях. В первой речь идет о дворцовых переворотах, происходивших в России в течение ста лет после смерти Петра I¹³¹; во второй – об уже упоминавшемся выше восшествии на трон Елизаветы Петровны¹³²; в третьей (не изданной отдельно) статье поднимается тема модернизации России на рубеже XVIII–XIX вв.¹³³

В дальнейшем автор исследует столь необычный факт российской внешней политики, как сближение между Россией и Турцией, имевший место в конце XVIII века¹³⁴. Затем, в 2003 году, она вкратце обрисовывает черты политики России на Балканах, начиная с XVII века вплоть

130 BODNÁR ERZSÉBET, *Oroszország a 18–19. században. Tanulmányok* (Budapest: Hungarovox Kiadó, 2000).

131 BODNÁR ERZSÉBET, „Küzdelem a cári trónért. Palotaforradalmak Oroszországban 1725 és 1825 között”, *Történeti Tanulmányok (Debrecen)* 8, (2000): 103–118.

132 BODNÁR, A kiküzdött örökség, 59–72.

133 BODNÁR ERZSÉBET, A modernizáció helyzete Oroszországban a 18–19. század fordulóján, in BODNÁR E. *Oroszország a 18–19. században*, (Budapest: Hungarovox Kiadó, 2000), 47–55.

134 BODNÁR ERZSÉBET, A keleti kérdés az orosz külpolitikában. Egy furcsa szövetség. Orosz–török közeledés és együttműködés a 18. századvégén, in *Hatalmi ideológiák a szláv népek körében. Történeti konferencia Pécs, 2001. november 15–16.*, szerk. BEBESI Gy. (Pécs: PTE Kelet-Európa és a Balkán Története és Kultúrája Kutatási Központ, 2001), 129–150.

до 1815 года¹³⁵. В этом же году опубликован еще один труд Э. Боднар на английском языке, в котором она намного более подробно рассматривает события 1799–1806 гг.¹³⁶ В 2005 году из под ее пера выходит статья об активном русско-австрийском сотрудничестве на Балканах, имевшем место в XVIII веке¹³⁷. В 2007 году ею подготовлен обзор российской историографии по данной теме¹³⁸. В следующем году вышел в свет сборник трудов, включающий в себя ряд статей, упомянутых нами выше¹³⁹. В 2009¹⁴⁰ и 2010¹⁴¹ годах Эржебет Боднар занимается антитурецкой политикой России в период между 1700 и 1806 гг., а также российскими амбициями в отношении Черноморских проливов, а в 2014 году¹⁴² – русско-турецкими войнами и мирными договорами второй половины XVIII века. В статье, опубликованной в 2016 году, она уделяет большое внимание юношеским годам будущего императора Александра I¹⁴³, а в труде, вышедшем в 2017 году, представляет экономическую

135 BODNÁR ERZSÉBET, A keleti kérdés és az orosz Balkán-politika 1815-ig, in *Életünk Kelet-Európa: Tanulmányok Niederhauser Emil 80. születésnapjára*, szerk. KRAUSZ T., SZVÁK GY. (Budapest: Pannonica Kiadó, 2003), 47–51.

136 ERZSÉBET BODNÁR, The Eastern Question in Russian Foreign Politics in the Early 19th Century (1799–1806), *Öt Kontinens: az Új- és Jelenkori Egyetemes Történeti Tanszék Tudományos Közleményei*, 6, no. 1 (2008): 25–36.

137 BODNÁR ERZSÉBET, „Orosz-osztrák együttműködés és vetélkedés a keleti kérdésben a 18. században és a 19. század első felében”, *Történeti Tanulmányok (Debrecen)* 13, (2005): 119–134.

138 BODNÁR ERZSÉBET, „A keleti kérdés kutatása az orosz történetírásban”, *Világtörténet* (2007 ősz-tél): 47–53.

139 BODNÁR ERZSÉBET, *A keleti kérdés és a Balkán az orosz külpolitikában a 19. század első felében. Tanulmányok*, (Budapest: Hungarovox Kiadó, 2008).

140 BODNÁR ERZSÉBET, Oroszország déli törekvései és a fekete-tengeri szorosok problémája (1700–1774), in *Két világ kutatója: Urbán Aladár 80 éves*, szerk. HÁDA B., MAJOROS I., MARUZSA Z., PETNEHÁZI M. (Budapest: ELTE BTK Új- és Jelenkori Egyetemes Történeti Tanszék, 2009), 35–46.

141 BODNÁR ERZSÉBET, Oroszország déli törekvései és a fekete-tengeri szorosok problémája (1774–1806), in *Távolabbra tekintve: Tanulmányok J. Nagy László 65. születésnapjára*, szerk. FERWAGNER P. Á., KALMÁR Z. (Szeged: Universitas, 2010), 237–251.

142 BODNÁR ERZSÉBET, Orosz-török háborúk és békeszerződések a 18. század második felében. Okok, motivációk és eredmények, in *Háborúk és békekötések a 18–20. századi orosz-szovjet történelemben. Konferenciakötet* szerk. MÁTÉ Zs. (Pécs: PTE BTK TTI MOSZT, 2014), 49–66.

143 BODNÁR ERZSÉBET, I. Sándor (1777–1825) környezete a trónörökös szellemi éréseinek idején és uralkodásának (1801–1825) kezdeti időszakában, in *Életutak, életrajzok: Hagyomány és megújulás a szláv népek történelmében és kultúrájában VI.*, szerk. SZABÓ T., SZILI S. (Szombathely: Szláv Történeti és Filológiai Társaság, 2016), 32–44.

сторону спора за проливы¹⁴⁴. Наконец, в статье, опубликованной в 2018 году, историк исследует особенности правления русского двора¹⁴⁵.

Эржебет Боднар занималась и проблемой венгерско-/австрийско-русских отношений, а именно в связи с «политическим браком», заключенным между Великой княгиней Александрой Павловной и эрцгерцогом Иосифом. Первая статья, посвященная их браку, опубликована в 2001 году¹⁴⁶; затем, в 2005-м, на русском языке выходит в свет статья о венгерско-русских связях¹⁴⁷; наконец, в 2013-м – о политическом весе Великой княгини Александры¹⁴⁸.

Несмотря на то, что ассистент Дебреценского университета **Каталин Шрек** занимается историей XIX века, в вышедшем в 2017 году тематическом сборнике, посвященном вопросам защиты границ, находим ее статью на тему защиты южных рубежей Российской империи в конце XVIII века¹⁴⁹. В ней речь идет исключительно о линии османско-русской границы, разделенной на четыре главные зоны: землями между Днепром и [Южным] Бугом, Крымским ханством, северным побережьем Черного моря, а также Кубанью и Кавказом. Аспирант Будапештского университета им. Лоранда Этвеша **Андраш Бенце** в опубликованной в 2015 году статье на основании литературных источников показыва-

144 BODNÁR ERZSÉBET, A keleti kérdés és a fekete-tengeri szorosok geopolitikai és gazdasági aspektusai az orosz külpolitikában, 1774–1841, in *Acta Academiae Agriensis, Sectio Historiae* 44: *Tanulmányok Gebei Sándor 70. születésnapjára*, szerk: BORBÉLY Z., KRISTÓF I. (Eger: EKE Líceum Kiadó, 2017), 333–343.

145 BODNÁR ERZSÉBET, Az orosz udvar hatalmi reprezentációjának külpolitikai aspektusai a 18. század második felében, in *A pécsi ruszisztika szolgálatában: Bebesi György 60 éves, szerk. BENE K., HUSZÁR M., KOLONTÁRI A.* (Pécs: PTE BTK TTI MOSZT Kutatócsoport, 2018), 147–156.

146 BODNÁR ERZSÉBET, Házasság és diplomácia. Alekszandra Pavlovna és József nádor, in *Nyelv – etnográfia – kultúra / Язык – этнография – культура: Nemzetközi tudományos konferencia Vladimir Dal születésének 200. évfordulója tiszteletére / Международная научная конференция, посвященная 200-летию со дня рождения В. И. Даля, szerk. VOHMINA L., NAGY E.* (Budapest–Szombathely: Berzsényi Dániel Tanárképző Főiskola, 2001), 168–177.

147 Э. Боднар, Русско-венгерские связи в XIX-м веке: палатин Йосиф и Александра Павловна // Двенадцать столетий русско-венгерских отношений (Будапешт: ELTE Ruszisztikai Központ, 2005), 51–59.

148 BODNÁR ERZSÉBET, Alekszandra Pavlovna nagyhercegnő (1783–1801) az orosz külpolitika szolgálatában, in *Történelem és egyéni lét: Hagyomány és megújulás a szláv népek történelmében és kultúrájában IV.: a 2014-es tudományos felolvasóülés anyaga, szerk. SZABÓ T.* (Szombathely: Szláv Történelmi és Filológiai Társaság, 2014), 21–32.

149 SCHREK KATALIN, Az Orosz Birodalom déli határvédelme a 18. század végén, in „Őrzők, vigyázatok!” *Határvédelem, határőrizet, határvadászok – a középkortól napjainkig, szerk. ISASZEGI J., PÓSÁN L., VESZPRÉMY L., BODA J.* (Budapest: Zrínyi Kiadó, 2017), 163–178.

ет планы по разделу Османской империи, вынашивавшиеся Россией в 1777–1878 гг.¹⁵⁰. В 2019 году он публикует статью, посвященную историк-у и директору Русско-Американской компании Кириллу Тимофеевичу Хлебникову, в которой, впрочем, речь в основном идет уже о событиях начала XIX века¹⁵¹.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО ТРУДОВ

В заключение упомянем еще несколько работ, написанных разными авторами, не упомянутых выше по причине невозможности их вмещения в какой-либо из рассматриваемых временных периодов, поскольку они лишь отчасти касаются XVIII века в рамках разработки более обширных тем.

Беата Варга, кроме уже упомянутых исследований, в более широких временных рамках занималась вопросом возникновения украинского национального самосознания¹⁵² и причинами раскола Украины¹⁵³. **Янош Анги и Габор Дёни** опубликовали исследования о населении России XVIII века¹⁵⁴. Большую помощь в подготовке будущих историков окажет сборник источников, вышедший под редакцией **Сергея Филиппова** под заголовком «Источники истории России Нового времени»¹⁵⁵, первый том которого содержит около 60 русских источников или их отрывков. Перу **Дердя Бебеш** принадлежит ряд работ, всесторонне охватывающих рассматриваемый нами период, некоторые из которых, опублико-

150 BENCZE ANDRÁS, „Orosz felosztási tervek az Oszmán Birodalomról a békeszerződésekben, 1774–1878”, *Öt Kontinens: az Új- és Jelenkori Egyetemes Történeti Tanszék Tudományos Közleményei*, 13, no. 1 (2015): 29–38.

151 BENCZE ANDRÁS, „Kirill Hlebnikov, Orosz–Amerika történésze és tisztviselője”, *RussianStudiesHu* (2019) 125–139. <https://doi.org/10.38210/RUSTUDH.2019.1.6>

152 VARGA BEÁTA, Az ukrán nemzeti identitástudat kialakulása, in *Egyéni és kollektív identitások. Hagyomány és megújulás a szláv népek történelmében és kultúrájában IX.: a 2019-es tudományos felolvasóülés anyaga*, szerk. SZABÓ T., SZILI S. (Szombathely: Szláv Történeti és Filológiai Társaság, 2019), 46–59.

153 VARGA BEÁTA, „„Két Ukrajna”? Ukrajna megosztottságának gyökerei”, *Közép-európai Közlemények* 36, no. 1 (2017): 155–167.

154 ANGI JÁNOS, Oroszország népessége a 18. században, in *Emlékkönyv Orosz István 70. születésnapjára* (Debrecen Debreceni Egyetem Történelmi Intézete, 2005). 103–112., GYÓNI GÁBOR: „Oroszország mint birodalom. Az Orosz Birodalom területe és népessége”, *Világtörténet* 5(37), no. 4 (2015): 505–520.

155 FILIPPOV, SZERGEJ, *Az újkori orosz történelem forrásai. XVIII. század* (Budapest: Pannonica, 2006).

ванные до 2000 года, были переизданы позже¹⁵⁶. Еще одна характерная особенность этих трудов состоит в том, что зачастую они публиковались как учебные пособия. Авторству Дердя Бебеси принадлежит и часть их общего с Каталин Тури труда, озаглавленного «История в 40 пунктах», посвященная России XVIII века. Кроме того, был опубликован конспект этой книги, предназначенный для студентов вузов¹⁵⁷.

Золтан С. Биро, занимающийся в основном вопросами XX–XXI веков, в 2008 году публикует статью, посвященную проникновению Российской империи в среднеазиатский регион (казахстанские степи и Туркестан), в которой описаны также и процессы, происходившие в XVIII веке¹⁵⁸. Наряду с этим, Биро написал предисловие¹⁵⁹ к спецвыпуску журнала „Világtörténet” («Всемирная история»), посвященному Российской империи¹⁶⁰. В нем он перечисляет современные направления исследований российской имперскости. В одной из статей, опубликованных в этом же номере, Золтан С. Биро пишет о неславянских и нехристианских народах, в течение веков включенных в состав империи. Временные рамки статьи выходят за пределы XVIII века, но включают в том числе и его¹⁶¹.

В 2007 году опубликована монография **Геза Гече** «От Византии к Византии»¹⁶², в которой представлено развитие российской имперской мысли. Первая часть тома посвящена России XVIII века. Вышедшая в 2021 году статья Лайоша Мишоцки «Путешественники в Эгере и окрестностях в период с XVIII века до эпохи реформ»¹⁶³ представляет путевые заметки двух путешественников, побывавших в Эгере, – русского и украинца.

156 Труды Дердя Бебеси, посвященные событиям XVIII века, опубликованные до 2000 года, но переизданные в дальнейшем: A „Pétevári Oroszország” története. Válogatott szövegek az újkori orosz történelem tanulmányozásához, szerk. BEBESI Gy. (Pécs–Szekszárd: IPF, 1997), 9–84., Történelem 40 tételben. Az egyetemes és magyar történelem rendszerező áttekintése. Név és fogalomtárak, időrendi táblázatok, szerk. BEBESI Gy., TURI K. (Budapest: Nemzeti tankönyvkiadó, 1996), 70–84.

157 BEBESI GYÖRGY, TURI KATALIN, Egyetemes történelem. Témavázlatok kronológiai táblázatok és kislexikon. Tanító és óvónőképzők számára (Szekszárd: 1997).

158 SZ. BÍRÓ ZOLTÁN, „Az Orosz Birodalom közép-ázsiai terjeszkedése. Politikatörténeti vázlat”, *Világtörténet* 30, no. 3–4 (2008): 28–34.

159 SZ. BÍRÓ ZOLTÁN, „Bevezető”, *Világtörténet* 5(37), no. 4 (2015): 503–504.

160 A folyóirat ezen számában még, a magyar szerzők közül Gyóni Gábor és Sashalmi Endre érintette a 18. századi Oroszország történelmét. Az ő munkáikról fentebb már tettünk említést.

161 SZ. BÍRÓ ZOLTÁN, „Az Orosz Birodalom »idegenjei«”, *Világtörténet* 5(37), no. 4 (2015): 521–552.

162 GECSE GÉZA, *Bizáncról Bizáncig. Az orosz birodalmi gondolat* (Budapest: 2007).

163 MISÓCZKI LAJOS, „Utazók Egerben és környékén a 18. századtól a reformkorig”, in *Acta Academiae Agriensis, Sectio Historiae* 39, (Eger: EKE Líceum Kiadó, 2012), 177–192.

АДАМ ДАНИЛЬЧИК

РОССИЯ XVIII ВЕКА В ПОЛЬСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ¹

18TH-CENTURY RUSSIA IN POLISH HISTORIOGRAPHY

This paper analyses the achievements of Polish historiography in the field of Russia in the 18th century over the last twenty years. The bibliography is divided into the following subsections: Politics and diplomacy, edition of sources, warfare, religious issues, art – literature – culture, electronic publications and other topics.

Keywords: Bibliography, literature, Russia, Poland, Commonwealth, Catherine II, Peter the Great, source study, researcher.

Adam Danilczyk – PhD, Institute of History, Polish Academy of Sciences. E-mail: adanilczyk@ihpan.edu.pl. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8166-2588>.

1 Citation: ADAM DANILCZYK, “Rossiia XVIII veka v pol’skoi istoriografii” [18th-Century Russia in Polish Historiography], *RussianStudiesHu* 4, no. 1 (2022): 38 pp. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2022.4.10

Тема России, в особенности польско-российских отношений, неоднократно становилась предметом исследования польских историков. XVIII веку уделяется особое внимание, поскольку это был период расширения влияния России в Речи Посполитой в первой половине века и ее полного доминирования во второй половине, закрепленного разделом Польши. Эти события были и остаются неисчерпаемым источником тем для исследований, анализирующих причины и последствия тех событий, а также отношения между этими государствами.

Академические исследования по этой теме в период, когда большая часть Польши находилась под российским господством, были по понятным причинам ограничены; две мировые войны только ухудшили ситуацию, а во время коммунистического правления в ПНР тема разделов Польши была неуместной. Прорыв в исследованиях по истории польско-российских отношений в XVIII веке произошел благодаря двум важным факторам – падению коммунистического режима и открытию в 1990-х годах российских архивов для западных исследователей. Особую важность представляла возможность ознакомления с ранее неизвестным польским историкам дипломатическим источниковым материалом Архива внешней политики Российской империи. Важным этапом в работе над описываемой темой следует также считать оцифровку литературы и источников, начатую и продолжающую набирать обороты в XXI веке, благодаря которой польские историки получили широкий доступ к русскоязычной литературе, изданиям источников или описям российских архивов и каталогам библиотек, зачастую ранее недоступным². Однако расширение доступа к российским архивам или оцифрованной литературе не могут компенсировать многолетний период ограничений на проведение исследований по данной теме.

ПОЛИТИКА. ДИПЛОМАТИЯ

Первым проводившим архивные изыскания в России после 1990 года был польский историк Лукаш Кондзеля, преждевременно скончавшийся и не успевший представить результаты своих архивных исследова-

2 На этот факт обратили внимание в своей статье Н. Козляков и А. П. Павлов, оценив роль цифровой «революции», см.: Вячеслав Н. Козляков, Андрей П. Павлов, „Россия XVI–XVII веков в исследованиях российских историков новейшего времени (2000–2020). Часть I”, *RussianStudiesHu* 3, no. 1 (2021): 137. <https://doi.org/10.38210/RUSTUDH.2021.3.4>

ний. По его инициативе поиском в российских архивах занялась профессор Зофья Зелиньская, которая провела обширные исследования в Москве, результатом которых стал ряд важных публикаций, основанных на источниках, ранее неизвестных польским исследователям³. Ее работа под названием «*Studia z dziejów stosunków polsko-rosyjskich w XVIII wieku*» («Исследования по истории польско-российских отношений в XVIII веке»)⁴ – это публикация, венчающая ее исследование источников в российских архивах. Еще большим вкладом Зофьи Зелиньской в изучение польско-российских отношений в XVIII веке стало создание школы историков, занявшихся этой темой. Под ее руководством были написаны многочисленные докторские диссертации, а также научные монографии, в основу которых были положены источники из российских архивов, и главным образом в последние два десятилетия именно ее учениками публиковались работы по этому периоду. Тематика исследований, предпринятых этими историками, определялась главным образом интересами их научного руководителя – политической историей, поэтому в этих публикациях преобладают в основном вопросы влияния России на события в Речи Посполитой.

При обсуждении последних научных изданий по дипломатии и политике в первую очередь, исходя из хронологического принципа, следует указать публикации, относящиеся к первой половине XVIII века. Среди исследований этого периода выделяются работы упомянутой выше Зофьи Зелиньской и еще двух историков. Яцек Бурдович-Новицкий за-

3 Стоит перечислить публикации автора, сделанные на основе проведенной в российских архивах работы, хотя они и выходят за хронологические рамки данной статьи: ZOFIA ZIELIŃSKA, „Początek rosyjskiej niełaski Czarторыskich i „słabość” Stanisława Augusta (1764–1766)”, in *Trudne stulecia. Studia z dziejów XVII i XVIII wieku ofiarowane Profesorowi Jerzemu Michalskiemu w siedemdziesiątą rocznicę urodzin*, (eds.) ŁUKASZ KĄDZIELA, WOJCIECH KRIEGSEISEN, ZOFIA ZIELIŃSKA (Warszawa, 1994), 60–72; ZOFIA ZIELIŃSKA, „Rosja wobec polskich planów aukcji wojska w 1740 roku”, *Ikonothea* 13 (1998): 241–257; ZOFIA ZIELIŃSKA, „Carscy ambasadorzy i jurgieltnicy. Co daje historykowi XVIII wieku kwerenda w archiwach rosyjskich?”, *Arcana* 1 (19) (1998): 33–42; ZOFIA ZIELIŃSKA, „Przygotowania do rozbioru? Rosyjska lustracja ziem nad górną Dźwiną z lata 1767 roku”, in *Gospodarka, ludzie, władza. Studia historyczne ofiarowane Juliuszowi Łukasiewiczowi w 75 rocznicę urodzin*, (eds.) ANTONI MĄCZAK, MICHAŁ KOPCZYŃSKI (Warszawa, 1998), 129–135; ZOFIA ZIELIŃSKA, „Geneza upadku orientacji rosyjskiej u progu Sejmu Czteroletniego w opinii ambasadora Stackelberga”, *Wiek Oświecenia* 15 (1999): 57–93; ZOFIA ZIELIŃSKA, „Pryncypia rosyjskiej polityki zagranicznej w XVIII-wiecznej Europie (epokoja popiotrowa)”, in *Rzeczpospolita – Europa XVI–XVIII wiek. Próba konfrontacji*, (eds.) MICHAŁ KOPCZYŃSKI, WOJCIECH TYGIELSKI (Warszawa, 1999), 203–218.

4 ZOFIA ZIELIŃSKA, *Studia z dziejów stosunków polsko – rosyjskich w XVIII wieku* (Warszawa, 2001). Далее в статье будут оговариваться содержащиеся в этой книге тексты.

нялся темой политики Петра I в отношении Речи Посполитой в ранний период правления глав государств, результатом чего стала публикация монографических статей, в которых эти вопросы представлены в период бескорольевья и выборов (1696–1697)⁵. При этом его наиболее важной работой является обширная монография под названием «Piotr I, August II i Rzeczpospolita 1697–1706» («Петр I, Август II и Речь Посполитая 1697–1706»)⁶. Основанная на многочисленных архивных материалах (включая источники на русском, немецком, французском и шведском языках), она не только приближает чрезвычайно важный период в истории Речи Посполитой, который до сих пор был плохо изучен, но и развеивает многие функционирующие в историографии мифы. Особого внимания заслуживает замысел, который, как подчеркнул сам автор, состоял в том, чтобы реконструировать российскую концепцию политики в отношении Речи Посполитой, взглянуть на польский вопрос, прежде всего, с царской точки зрения. Более широкое описание внешней политики царизма и ее приоритетов, включая анализ ключевых для России инициатив на международной арене (в том числе и тех, которые не касались Польши), должны сделать ее более понятной, и, как следствие, позволить обозначить место Речи Посполитой в российской политической концепции⁷. Большим преимуществом этой публикации является также обширное цитирование неизвестных или недоступных польским историкам источников из российских архивов.

В свою очередь, Уршуля Косиńska занималась проблемами исследования позднего периода правления на польском престоле Августа

5 JACEK BURDOWICZ–NOWICKI, „Początki rosyjskich starań o akces do „Wielkiego Aliansu” (1706)”, *Kwartalnik Historyczny* 113, no. 3 (2006): 19–43; JACEK BURDOWICZ–NOWICKI, „Pasywność Rosji w czasie bezkrólewia 1696–1697 a stosunki rosyjsko – austriackie”, *Kwartalnik Historyczny* 114 (2007): 5–35; JACEK BURDOWICZ–NOWICKI, „Aktywność Rosji po rozdwojonej elekcji 1697 r. – czerwiec – sierpień 1697 r.”, *Kwartalnik Historyczny* 115, no. 1 (2008): 5–33; JACEK BURDOWICZ–NOWICKI, „Pierwsze negocjacje dyplomatyczne między Piotrem I a Augustem II – zabiegi Christopa Dietricha von Bose u moskiewskiego wielkiego poselstwa o interwencję wojsk rosyjskich w Polsce, (wrzesień – październik 1697)”, *Kwartalnik Historyczny* 116, no. 3 (2009): 23–40; JACEK BURDOWICZ–NOWICKI, „Czy Order Orła Białego ustanowiono dla rosyjskich generałów?: o początkach odznaczenia 1698/1701–1705”, *Kwartalnik Historyczny* 117, no. 2 (2010): 5–29. Исключением из этих работ (с точки зрения хронологии) является статья: JACEK BURDOWICZ–NOWICKI, „Polityka Piotra I w związku ze sprawą toruńską 1724 r.”, in *W cieniu wojen i rozbiorów. Studia z dziejów Rzeczypospolitej XVIII i początków XIX wieku*, (eds.) URSZULA KOSIŃSKA, DOROTA DUKWICZ, ADAM DANILCZYK (Warszawa, 2014), 77–104.

6 JACEK BURDOWICZ–NOWICKI, *Piotr I, August II i Rzeczpospolita 1697–1706* (Kraków, 2010).

7 BURDOWICZ–NOWICKI, *Piotr I, August II i Rzeczpospolita 1697–1706*, 14.

II. В своих научных статьях она представила влияние России на внутренние события в Речи Посполитой. Благодаря ее публикациям можно проследить процесс постепенного усиления российского доминирования на Висле, механизмы российской дипломатии, предполагаемые шаги и последствия политики Петербурга в отношении Польши в этот период⁸. Помимо перечисленных в последней сноске статей, в названиях которых напрямую речь идет о России, следует перечислить и книжные монографии⁹. Название первой из них, «*Sejm 1719–20 a sprawa ratyfikacji traktatu wiedeńskiego*» («Сейм 1719–20 гг. и вопрос о ратификации Венского договора»), только на первый взгляд не связан с Россией – на самом деле большая ее часть посвящена политике петербургского двора в отношении Польши. То же самое можно сказать и о монографии «*Sondaż czy prowokacja? Sprawa Lehmana z 1721 r., czyli o rzekomych planach rozbiorowych Augusta II*» («Изучение или провокация? Дело Леманна 1721 года, т.е. о предположительных планах разделов Августа II»). Также в следующей монографии «*August II w poszukiwaniu sojusznika. Między aliansem wiedeńskim i hanowerskim (1725–1730)*» («Август II в поисках союзника. Между Венским и Ганноверским союзами (1725–1730 гг.)») автор посвятила одну главу отношениям Польши и России в 1725–1730 гг.

8 URZULA KOSIŃSKA, „Rosyjskie plany wywołania antykrólewskiej konfederacji i detronizacji Augusta II w 1719 r.”, *Kwartalnik Historyczny* 106, no. 3 (1999): 53–75; URZULA KOSIŃSKA, „Rosja wobec sejmu jesienno 1720 r.”, *Kwartalnik Historyczny* 111, no.1 (2004): 39–67; URZULA KOSIŃSKA, „Stanowisko Rosji wobec rokowań Augusta II ze Szwecją (1720 r.)”, *Kwartalnik Historyczny* 112, no. 4 (2005): 31–46; URZULA KOSIŃSKA, „Stosunki sasko – polsko – rosyjskie a sprawa Maurycego Saskiego i aliansu dynastycznego z Rosją w świetle relacji saskiego posta w Petersburgu Jeana Le Forta (lata 1726–28)”, in *Välikäe Knästa Litouskae i susedzi: Prava. Vajna. Doplamatyâ*, (eds.) S. F. SOKAL, A. M. ĀNYŠKEVIČ (Minsk, 2012), 349–366; URZULA KOSIŃSKA, „Stosunki Augusta II z Rosją w latach 1730 – początek 1733 w świetle relacji saskiego posta w Moskwie i Petersburgu Jeana Le Forta”, *Kwartalnik Historyczny* 121, no. 3 (2014): 571–592. <https://doi.org/10.12775/KH.2014.121.3.04>; URZULA KOSIŃSKA, „Porwanie Hrehorego Hercyka w 1720 roku. Losy stronników Iwana Mazepy a stosunki polsko – rosyjskie w ostatnich latach wojny północnej”, *Przegląd Historyczny* 106, no. 1 (2015): 70–91; URZULA KOSIŃSKA, „U źródeł zjawiska odwoływania się do potencji ościennych w polskich sporach wewnętrznych: casus roku 1730”, *Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej* 54, no. 1 (2019): 5–26. <https://doi.org/10.12775/SDR.2019.1.01>

9 URZULA KOSIŃSKA, *Sejm 1719–20 a sprawa ratyfikacji traktatu wiedeńskiego* (Warszawa, 2003); URZULA KOSIŃSKA, *Sondaż czy prowokacja? Sprawa Lehmana z 1721 r., czyli o rzekomych planach rozbiorowych Augusta II* (Warszawa, 2009); URZULA KOSIŃSKA, *August II w poszukiwaniu sojusznika. Między aliansem wiedeńskim i hanowerskim (1725–1730)* (Warszawa, 2012).

На фоне вышеупомянутых публикаций статья Томаша Чесельского о дипломатических контактах между литвинами и Россией в первой половине XVIII века выделяется редко выбираемой исследовательской темой¹⁰.

Обращает на себя внимание, к сожалению, недостаток научных публикаций по политической истории и дипломатии России. Исключение составляют лишь статья Кристины Хойницкой о наследнице российского престола Анне Иоанновне и статьи Цезары Тарахи об испанских дипломатах в России¹¹.

Период правления Августа III в том, что касается России и отношений с ней Речи Посполитой не был предметом серьезных исследований в последние годы. Кроме нескольких работ (например, о бескорольеве 1733–1734 гг.)¹² упоминания заслуживает текст Зофьи Зелиньской, показывающий отношение России к попыткам реформ в первые годы правления Августа III и сотрудничество (или его отсутствие) с Пруссией в этом вопросе¹³. В своей статье о попытках России не допустить проведение реформ в польско-литовском государстве в первые годы правления Августа III она показала не только процесс расширения российского влияния в Речи Посполитой, но и процесс обретения господства и исключительности в этом вопросе путем исключения влияния других соседних держав, в особенности Пруссии. В этот период произошла выработка в России четкой линии – терпеть те действия Пруссии в Поль-

10 TOMASZ CIESIELSKI, „Dwa poselstwa obożnego litewskiego Ignacego Ogińskiego na dwór petersburski. Rola Litwinów w kontaktach dyplomatycznych z Rosją w latach 1711–1763”, *XVIII Amžiaus Studijos*, vol. 6: *Lietuvos Didžioji Kunigaikštystė: Personalijos. Idėjos. Refleksijos* (2020): 71–105.

11 KRYSZYNA CHOJNICKA, „Dziedziczka Imperium Rosyjskiego Anna Iwanowna 1730–1740”, *Krakowskie Studia z Historii Państwa i Prawa*, vol. 7 (2014): 201–216; CEZARY TARACHA, „Sekrety hiszpańskiej ambasady w Rosji: matryca szyfrowa księcia de Liria z 1727 roku”, *Studia Rossica Gedanensia* 2 (2015): 358–368; CEZARY TARACHA, PABLO DE LA FUENTE, „O hiszpańskich dyplomatach w Rosji XVIII wieku uwag kilka”, *Studia Rossica Gedanensia* 3 (2016): 431–441.

12 JERZY DYGDĄŁA, „Gra pozorów, zabiegi dyplomacji carskiej o rosyjską interwencję zbrojną w Rzeczypospolitej w 1733 r.”, in *W cieniu wojen i rozbiorów. Studia z dziejów Rzeczypospolitej XVIII i początków XIX wieku*, (eds.) URSZULA KOŚCIŃSKA, DOROTA DUKWICZ, ADAM DANILCZYK (Warszawa, 2014), 137–160.

13 ZOFIA ZIELIŃSKA, „Rosja wobec polskich reform w latach 1738–1744”, in ZOFIA ZIELIŃSKA, *Studia z dziejów stosunków polsko – rosyjskich w XVIII wieku* (Warszawa, 2001), 9–59; Сокращенная версия на русском языке: ZOFIA ZIELIŃSKA, „Позиция Петербурга в отношении планов реформ государственного устройства Речи Посполитой в 1738–1744 гг.”, в *Россия, Польша, Германия: история и современность европейского единства в идеологии, политике и культуре*, ред. БОРИС В. НОСОВ (Москва, 2009), 148–159.

ше, которые препятствовали реформам и поддерживать слабость страны, остальные же формы деятельности прусской дипломатии на Висле встречать решительным сопротивлением. Состояние исследований этих лет также значительно расширилось благодаря публикациям Томаша Швачиньского, основанным главным образом на русских источниках и касающихся периода, который был очень важен как для Речи Посполитой (т.н. «Острожский кризис»), так и в международном масштабе (время, предшествовавшее началу Семилетней войны)¹⁴.

На фоне этой скромной по своим результатам научной деятельности выделяется обширный перечень публикаций, посвященных правлению последнего короля Речи Посполитой Станислава Августа. Доминирующее влияние России на события в Польше и, прежде всего, его последствия, которые в конечном итоге привели к разделу Речи Посполитой и более чем столетнему порабощению, оказались теми событиями, ход и поиск причин которых часто становятся темой исследований.

Наиболее важные публикации о первых годах правления последнего короля принадлежат Зофье Зелиньской¹⁵. Все ее работы по поль-

14 TOMASZ SZWACIŃSKI, „Protekcja rosyjska udzielana przedstawicielom szlachty litewskiej u progu wojny siedmioletniej: postawienie problemu”, *Kwartalnik Historyczny* 118, no. 1 (2011): 47–83; TOMASZ SZWACIŃSKI, „Rosja a Piotr i Jan Sapiehowie w dobie kryzysu ostrojskiego (1754–1758)”, *Kwartalnik Historyczny* 119, no.1 (2012): 31–65; TOMASZ SZWACIŃSKI, „Rosyjsko – brytyjskie stosunki dyplomatyczne na sasko – polskim gruncie w przededniu pruskiej agresji. Heinrich Iwanowicz Gross a Dawid Murray wicehrabia Stormont (czerwiec – sierpień 1756)”, *Kwartalnik Historyczny* 122, no. 3 (2015): 475–508. <https://doi.org/10.12775/KH.2015.122.3.03>; TOMASZ SZWACIŃSKI, „Starania Czarotoryskich o wciągnięcie Rosji w sprawy polskie w 1754 roku: (sprawa rzekomej gwarancji)”, *Kwartalnik Historyczny* 127, no. 3 (2020): 507–540. <https://doi.org/10.12775/KH.2020.127.3.02>

15 ZOFIA ZIELIŃSKA, „Rosja wobec reform ustrojowych niezrealizowanej konfederacji Czarotoryskich z lat 1762–1763”, in ZOFIA ZIELIŃSKA, *Studia z dziejów stosunków polsko – rosyjskich w XVIII wieku* (Warszawa, 2001), 60–89; ZOFIA ZIELIŃSKA, „Przegrana walka o głosowanie większością. Stanisław August od października do grudnia 1766 roku”, in ZOFIA ZIELIŃSKA, *Studia z dziejów stosunków polsko – rosyjskich w XVIII wieku* (Warszawa, 2001), 90–135; ZOFIA ZIELIŃSKA, „Zabiegi Rosji o zachowanie liberum veto i o gwarancję w okresie bezkrólewia 1763–1764 r.”, *Kwartalnik Historyczny* 111, no. 3 (2004): 63–88; ZOFIA ZIELIŃSKA, „Pogłoski o rozbiorze Polski oraz ich reperkusje w Rzeczypospolitej w okresie bezkrólewia 1763–1764 r.”, *Przegląd Historyczny* 96, no. 4 (2005): 543–571; ZOFIA ZIELIŃSKA, „Rzeczpospolita między Prusami a Rosją w świetle polsko – pruskiego sporu o cło generalne w 1765 r.”, part I, *Kwartalnik Historyczny* 115, no. 2 (2008): 5–52, part II, *Kwartalnik Historyczny* 115, no. 3 (2008): 5–59; ZOFIA ZIELIŃSKA, „Przyjaciele” i wrogowie – Polska między Rosją a Prusami A.D. 1766”, *Arcana* no. 2–3 (2010): 7–20; ZOFIA ZIELIŃSKA, *Polska w okowach „systemu północnego” 1763–1766* (Kraków, 2012); ZOFIA ZIELIŃSKA, „Sprawa dysydencka u progu sejmiku 1766 roku”, *Arcana* no. 1–2 (2012): 31–48 (отрывок из книги: ZOFIA ZIELIŃSKA, *Polska w okowach „systemu północnego” (1763–1766)*).

ско-российским отношениям в этот период представляют большую ценность; рамки данной статьи не позволяют рассмотреть каждую из них. Стоит упомянуть наиболее важную публикацию: «Polska w okowach „systemu północnego” 1763–1766» («Польша в оковах „северной системы” 1763–1766»), подводящую итог работы по данной теме. Автор представила в этой монографии влияние России на события в Польше в указанный период, показав процесс усиления российского воздействия и обретения Петербургом полного господства в Польше. Как она сама отмечает во введении, «достижения правления последнего короля во внутренней политике принимались мной во внимание только в той мере, в какой на них отразился след российского доминирования. Можно сказать, что основная задача этой книги – своего рода дополнение к существующим знаниям путем указания на ведущую роль России в представленных событиях»¹⁶. Представление целей российской политики относительно Польши на более широком, международном фоне, с особым упором на позицию Пруссии и ее влияние на события (что удалось осуществить благодаря масштабному поиску источников в немецких архивах) повышает ценность работы. Использование ранее недоступных российских источников позволило в гораздо большей степени, чем ранее, заговорить о решающей роли Петербурга в развитии событий в Польше. Книга, написанная на чрезвычайно высоком уровне, заполнила важный пробел в исследованиях. Стоит привести оценку этой книги, которую дал известный исследователь эпохи короля Станислава Августа Ежи Луковский: «Эта [...] монография с новой перспективы показывает ранние годы правления Станислава Августа. Читателю предлагается работа, в которой, как ни в какой другой, подробно анализируются события и, прежде всего, психология великодержавной политики. Мы видим в деталях, как мыслят, в частности, российские министры, пытаясь контролировать развитие ситуации в Польше [...]. Книга Зофьи Зелиньской – это, прежде всего, исследование российско-польских отношений; в то же время это и анализ повседневных реалий великодержавной политики»¹⁷.

Исследование польско-российских отношений в другой важный для Польши период – времена Барской конфедерации и первого раздела

16 ZIELIŃSKA, *Polska w okowach „systemu północnego” (1763–1766)*, 11.

17 рец. JERZY ŁUKOWSKI, „Z. Zielińska, *Polska w okowach „systemu północnego” 1763–1766*, Kraków 2012”, *Kwartalnik Historyczny* 120, no. 2 (2013): 391–396.

предприняла Дорота Дуквич. В своих статьях она описывает политику России в Речи Посполитой в период конфедерации и указывает на истинные причины первого раздела Польши и решающее участия России¹⁸. Наиболее полно она показывает это в своей монографии «*Rosja wobec sejmu rozbiorowego warszawskiego (1772–1775)*» («Позиция России в отношении варшавского сейма, узаконившего первый раздел Речи Посполитой (1772–1775)»), в которой представила факторы, формирующие политику России в Польше, ее влияние на польскую внутреннюю политику, а также предпосылки и механизмы этой политики¹⁹.

В вышеупомянутой книге автор подчеркнула еще один важный момент, на который уже обращали внимание и другие авторы, занимающиеся этой темой. Оказалось, что Россия не в состоянии, как планировалось ранее в Петербурге, управлять Речью Посполитой без участия короля Станислава Августа. Российский посол Отто Магнус фон Штакельберг, задачей которого было проведение сейма, узаконившего первый раздел, был вынужден сотрудничать с монархом – соглашение, которое (историки именуют его королевско-посольской системой) определяло политическую сцену в Польше в последующие годы. Однако следует подчеркнуть диспропорцию в распределении власти в этой политической схеме – решающим был голос не польского короля, а российского посла, который под угрозой нового раздела или использования русских войск (русский корпус был размещен в Польше), заставлял монарха принимать решения Штакельберга. Поэтому с исследовательской точки зрения было естественно проследить политику России в Речи Посполитой через призму деятельности российского посла. В результате было опубликовано несколько монографических статей, подробно описывающих механизмы российского доминирова-

18 DOROTA DUKWICZ, „*Sekretne wydatki rosyjskiej ambasady w Warszawie w latach 1772–1790*”, in *Gospodarka, społeczeństwo, kultura w dziejach nowożytnych*, (eds.) ANDRZEJ KARPIŃSKI, EDWARD OPALIŃSKI, TOMASZ WIŚLICZ (Warszawa, 2010), 449–465; DOROTA DUKWICZ, „*Czy konfederacja barska była przyczyną pierwszego rozbioru Polski? (Rosja wobec Rzeczypospolitej w latach 1769–1771)*”, in *Konfederacja barska. Jej konteksty i tradycje*, (eds.) ANNA BUCHMANN, ADAM DANILCZYK (Warszawa, 2010), 103–116; DOROTA DUKWICZ, „*The Internal Situation in the Polish-Lithuanian Commonwealth (1769–1771) and the Origins of the First Partition (In the Light of Russian Sources)*”, *Acta Poloniae Historica* 103 (2011): 67–84; DOROTA DUKWICZ, „*Kontakty króla Stanisława Augusta z ambasadorami Katarzyny II w Warszawie w świetle Pamiętników królewskich*”, in *Pamiętniki Stanisława Augusta i ich bohaterowie*, (ed.) A. GRZEŚKOWIAK-KRWAWICZ (Warszawa, 2015), 265–291.

19 DOROTA DUKWICZ, *Rosja wobec Sejmu Rozbiorowego Warszawskiego (1772–1775)* (Warszawa, 2015).

ния в Речи Посполитой и влияние посла на внутривнутриполитическую сцену Польши²⁰.

Кроме поднятых в вышеупомянутых публикациях вопросов следует выделить еще два, важных для польско-российских отношений после первого раздела, которые привлекали внимание исследователей, – это проблема демаркации и злоупотреблений русских войск. Первый из этих вопросов был чрезвычайно важен, поскольку русские, завладевшие землями, захваченными в результате раздела и действуя с позиции силы, пытались незаконно передвинуть границы за пределы территории, установленной договором, захватывая следующие важные в экономическом плане земли. Такие действия были характерны для всех трех разделивших Польшу государств, но именно Россия, чья доминирующая роль в Польше была признана двумя другими державами, «пользовалась» наибольшей безнаказанностью. В итоге была создана российско-польская комиссия для решения спорных вопросов, связанных с демаркацией, однако в действительности польская сторона была вынуждена уступить диктату России, а поданные в Петербурге польским представителем протесты не имели никакого эффекта²¹.

Злоупотребления в вопросах границы – это один из многих примеров доминирования и применения силы в отношении слабой Речи Посполитой после первого раздела. Населению приходилось терпеть многочисленные нарушения и домогательства русской армии: насилие и грабежи, принудительное обеспечение провизией, несмотря на раз-

20 DOROTA DUKWICZ, „Ambasador Otto Magnus von Stackelberg wobec króla Stanisława Augusta w przededniu sejmu rozbiorowego 1773–1775”, *Wiek Oświecenia* 15 (1999): 95–108; EWA ZIELIŃSKA, „Otto Magnus Stackelberg wobec projektu skonfederowania sejmu 1782 roku. Przyczynek do praktyki polityki rosyjskiej w Rzeczypospolitej przed Sejmem Wielkim”, *Kwartalnik Historyczny* 106, no. 4 (1999): 73–86; ZOFIA ZIELIŃSKA, „Ambasador Otto Stackelberg w dobie wojny o sukcesję bawarską”, in ZOFIA ZIELIŃSKA, *Studia z dziejów stosunków polsko – rosyjskich w XVIII wieku* (Warszawa, 2001), 136–159.

21 Вопрос демаркации был рассмотрен в работах: TADEUSZ SROGOSZ, MACIEJ TRĄBSKI, „Udział oficerów wojska koronnego w wytyczeniu granicy pomiędzy „Ukrainą Polską a Nowo-Rossyą” w latach 1780–1781”, in *Kresy, granice i pogranicza w historii wojskowej*, (eds.) ANDRZEJ OLEJKO, JEREMIASZ SŁIPIEC, PAWEŁ KORZENIOWSKI, KRZYSZTOF MROCKOWSKI (Oświęcim, 2014), 60–73; EWA ZIELIŃSKA, „Sprawa polsko-rosyjskiej komisji granicznej w latach 1778–1780, in *W cieniu wojen i rozbiorów. Studia z dziejów Rzeczypospolitej XVIII i początków XIX wieku*”, (eds.) URSZULA KOSIŃSKA, DOROTA DUKWICZ, ADAM DANILCZYK (Warszawa, 2014), 339–368; EWA ZIELIŃSKA, „Polsko-rosyjskie sądy pograniczne po pierwszym rozbiore – wybrane problemy funkcjonowania”, *Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej* 54, no. 1 (2019): 59–73. <https://doi.org/10.12775/SDR.2019.1.03>

рушенную несколькими годами Барской войны экономику²². Конечным результатом этой политики, в условиях полной беспомощности польского государства, стало похищение российскими войсками тысяч людей, подданных Речи Посполитой, населявших юго-восточные воеводства Речи Посполитой, и их переселение на земли, недавно завоеванные Российской империей²³.

Конец 1780-х и 1790-е годы стали переломным периодом как для России, так и для Речи Посполитой. Российская империя вела войну одновременно на нескольких фронтах, а во время так называемого «Очаковского кризиса» ей пришлось столкнуться с угрозой вооруженной интервенции со стороны Пруссии и Англии. Екатерина II вышла победительницей из всех этих неблагоприятных обстоятельств, более того, она привела к окончательному разделу Польши и укрепила положение России как сверхдержавы, оказав значительную военную помощь Австрии и Пруссии в их конфликте с революционной Францией, в то время как их армии терпели поражения на всех фронтах. Польша, в свою очередь, стремилась воспользоваться вовлеченностью в конфликты с Турцией и Швецией России, чтобы сбросить ее господство и провести

22 См.: ZOFIA ZIELIŃSKA, „Spokojne lata pod protektorem Rosji” 1775–1786”, in *Najwyższa Pani swoich praw...: idee wolności, niepodległości i suwerenności Rzeczypospolitej 1569–1795*, (ed.) ANNA GRZEŚKOWIAK–KRWAWICZ (Warszawa, 2019), 273–307.

23 Проблема превышения Россией своих полномочий в Речи Посполитой, в частности похищение тысяч людей из украинских воеводств юго-востока Речи Посполитой и их переселение на завоеванные Россией территории, еще ждет своего полного изучения. О масштабах явления и важности проблемы говорит тот факт, что она была одним из основных элементов, формирующих антироссийские настроения в обществе, объединяла шляхту независимо от ее политической принадлежности. В последние годы этот вопрос поднимался в: ADAM DANILCZYK, *W kręgu Afery Dogrumowej. Sejm 1786 roku* (Warszawa, 2010); MACIEJ TRĄBSKI, „Józefa Stempkowskiego przypadki z Moskalami. Relacje dowódcy Dywizji Ukraińskiej i Podolskiej z wojskiem rosyjskim w latach 1776–1784”, in *Historia na źródłach oparta: studia ofiarowane profesorowi Tadeuszowi Srogoszowi w 65. rocznicę urodzin*, (ed.) ANDRZEJ STROYNOWSKI (Częstochowa, 2017), 291–320; TADEUSZ SROGOSZ, „Działania Stanisława Szczęsnego Potockiego na Prawobrzeżnej Ukrainie w latach 1783–1786”, in *Sic erat in votis. Studia i szkice ofiarowane Profesorowi Zbigniewowi Anusikowi w sześćdziesiątą rocznicę urodzin. Rzeczpospolita w czasach nowożytnych*, (eds.) MAŁGORZATA KARKOCHA, PIOTR ROBAK (Łódź, 2017), 351–362; TADEUSZ SROGOSZ, „Postawa władz Rzeczypospolitej wobec działań armii rosyjskiej na prawobrzeżnej Ukrainie (1768–1783)”, in *Między Barokiem a Oświeceniem. Nasze zwycięstwa i nasze klęski* (Olsztyn, 2020), 94–113; EWA ZIELIŃSKA, „Zabójstwo Romualda Strutyńskiego. Problematyka stacjonowania wojsk rosyjskich w Rzeczypospolitej za panowania Stanisława Augusta”, in „Skłócony naród, król niepewny, szlachta dzika”? *Polska stanisławowska w świetle najnowszych badań*, (ed.) PIOTR UGNIIEWSKI (Warszawa, 2020), 259–282.

реформы, которые укрепили бы страну. Сейм, заседавший с 1788 по 1792 год, привел к упразднению навязанного Россией Постоянного совета, значительному увеличению численности армии и принятию конституции, изменившей государственный строй в невиданных до этого в Европе масштабах. В обществе сильно выросли антироссийские настроения. Россия не примирилась с потерей влияния в Речи Посполитой, и после окончания войны с Турцией и разрешения кризиса с Пруссией и Англией начала подготовку к интервенции в Речь Посполитую. Под предлогом помощи недовольным реформами аристократам, которые сформировали конфедерацию в Петербурге, в мае 1792 года сотысячная русская армия вошла в Польшу, чтобы свергнуть новое правительство и восстановить свой протекторат. В конечном счете, огромное превосходство России и отсутствие у Польши союзников привели к победе противников Конституции 3 мая, а Россия воспользовалась слабостью завоеванной страны для очередного раздела. Екатерина II использовала попытку восстания польско-литовского шляхетского общества против этой несправедливости как предлог для окончательной ликвидации Речи Посполитой.

Несмотря на важность темы, которая и по сей день вызывает большие эмоции не только в научном, но и в политическом и журналистском дискурсе, события, представленные в этой части статьи, не были еще широко проанализированы. Немногочисленные работы, опубликованные в этом столетии, носят фрагментарный характер²⁴. Основная фактография этого периода была изучена в предыдущие годы²⁵, но детальный анализ не мог быть проведен без доступа к российским источникам. Поэтому следует подчеркнуть важность публикаций Зофьи Зелинской, опирающихся в основном на ранее неизвестные архивные материалы Архива внешней политики Российской империи, касающиеся российской политики до начала и в начальный период че-

24 MAŁGORZATA DAWIDZIAK-KŁADOCZNA, „Stereotyp Rosji i Rosjan w oracjach Sejmu Wielkiego”, *Prace Naukowe Akademii im. Jana Długosza w Częstochowie. Filologia Polska. Językoznawstwo* 7 (2010): 49–58; ZBIGNIEW ANUSIK, „Rzeczpospolita wobec Rosji w ostatniej fazie obrad Sejmu Wielkiego (1791–1792)”, *Przegląd Nauk Historycznych* 16, no. 2 (2017): 71–118. <https://doi.org/10.18778/1644-857X.16.02.03>; JOEL J. JANICKI, „Prisons, politics and the gift of freedom: Kosciuszko, Niemcewicz and Paul I”, *Bibliotekarz Podlaski* 18, no. 1 (2017): 163–197.

25 Перечислим основные, наиболее важные: WALERIAN KALINKA, *Sejm Czteroletni* (Warszawa, 1991); WŁADYSŁAW SMOLEŃSKI, *Konfederacja Targowicka* (Kraków, 1903); WŁADYSŁAW SMOLEŃSKI, *Ostatni rok sejmu czteroletniego* (Kraków, 1897); ADAM WOLAŃSKI, *Wojna polsko-rosyjska 1792* (Warszawa, 1996).

тырехлетнего Сейма²⁶. Пробел в состоянии исследований восполняют также публикации Адама Данильчика и Вадзима Анипяркова²⁷, а также издание переписки русских дипломатов в Варшаве, о котором речь пойдет далее в этой статье. Однако следует подчеркнуть, что политика России в отношении Речи Посполитой во время решающего для истории Польши сейма и Тарговицкой конфедерации ждет всестороннего изучения каждого вопроса.

ИЗДАНИЕ ИСТОЧНИКОВ

Работа над изданием источников велась изредка, поскольку проведение поисков в российских архивах требует больших усилий, средств и времени, кроме того зачастую возникают трудности с получением разрешения на публикацию архивных материалов.

Среди наиболее важных изданий следует указать публикацию переписки Станислава Августа с Екатериной II и ее министрами, подготовленную Зофьей Зелиньской²⁸. Эта публикация заслуживает особого внимания по нескольким причинам. В одной книге собрана переписка между самыми влиятельными людьми, касающаяся всего периода правления

26 ZOFIA ZIELIŃSKA, „Dwa niezrealizowane projekty polityczne Katarzyny II z początku 1789 r.”, in ZOFIA ZIELIŃSKA, *Studia z dziejów stosunków polsko – rosyjskich w XVIII wieku* (Warszawa, 2001), 160–169; ZOFIA ZIELIŃSKA, „Ostatnie miesiące ambasady Ottona Stackelberga w świetle jego raportów (styczeń 1789 – czerwiec 1790)”, in ZOFIA ZIELIŃSKA, *Studia z dziejów stosunków polsko – rosyjskich w XVIII wieku* (Warszawa, 2001), 170–247. Во второй из представленных статей автор проанализировала позицию России и ее представителя по отношению к переломным событиям первых лет Четырехлетнего сейма, в результате которых Польское государство временно избавилось от российского господства и провело необходимые реформы для укрепления государства.

27 A. DANIŁCZYK, „Jeśli król przystąpi do konfederacji...« Rosja wobec Stanisława Augusta w 1792 r. (kwiecień–sierpień 1792 r.)”, *Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej* 54, no. 1 (2019): 99–115. <https://doi.org/10.12775/SDR.2019.1.05>; VADZIM ANIPIARKOU, „Konfederacja targowicka w 1792 r., w świetle korespondencji służbowej rosyjskiego generała Michaiła Kreczetnikowa”, *Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo – Wschodniej* 54, no. 1 (2019): 75–97. <https://doi.org/10.12775/SDR.2019.1.04>

28 *Correspondance de Stanislas-Auguste avec Catherine II et ses plus proches collaborateurs (1764–1796)*, éd., introd. et comment. ZOFIA ZIELIŃSKA; trad. de l'introd. et des comment. KRYSZYNA ZALESKA (Kraków, 2015). Другие ее статьи также связаны с этой книгой: ZOFIA ZIELIŃSKA, „Korespondencja Stanisława Augusta z Katarzyną II: problemy edytorskie”, *Wiek Oświecenia* 27 (2011): 11–25; ZOFIA ZIELIŃSKA, „Polskie tłumaczenia korespondencji Stanisława Augusta z Katarzyną II i Nikitą Paninem z lat 1769–1772”, *Zapiski Historyczne: kwartalnik poświęcony historii Pomorza* 80, no. 3 (2015): 193–205. <https://doi.org/10.15762/ZH.2015.40>

последнего короля Польши – периода наибольшего российского доминирования в Речи Посполитой. Еще одним преимуществом данной работы является то, что она опубликована на французском языке – это касается не только оригинального написания источников, но и введения и сносок. Намерением автора было сделать книгу и ее источники доступными для историков из других стран – французский язык, как основной язык дипломатии XVIII века, должен быть знаком исследователям этого периода. Переписка сопровождается обширными комментариями, которые призваны ознакомить читателей, не ориентирующихся в истории Польши и польско-российских отношениях того периода, с обстоятельствами, подоплекой, причинами и последствиями событий и темой отдельных писем. Кроме того, все зачастую обширные комментарии к письмам, собранные вместе, представляют собой своего рода синтез, всеобъемлющую картину польско-российских отношений во второй половине XVIII века.

В дополнение к рассмотренному выше изданию следует упомянуть «Instrukcje i reskrypty ambasadorów rosyjskich w Rzeczypospolitej w latach 1772–1794» («Инструкции и рескрипты русских послов в Речи Посполитой в 1772–1794 годах»), опубликованные группой исследователей под руководством Адама Данильчика²⁹. Данная публикация в определенной степени уникальна: она содержит не только ранее публиковавшиеся документы (в основном в Сборниках Императорского Русского Исторического Общества), но, прежде всего, дипломатические источники из Архива внешней политики Российской империи, ранее неизвестные историкам³⁰. Стоит подчеркнуть, что издание адресовано не только польским историкам – введение, объясняющее принципы издания, было написано на польском и русском языках, чтобы историки из России также могли использовать эти источники в своей научной работе.

Заслуживает внимания начало издания дипломатической переписки Станислава Августа с представителем Речи Посполитой в Петербурге Августином Деболи³¹. Протекторат России над Польшей проявлялся,

29 *Instrukcje i reskrypty ambasadorów rosyjskich w Rzeczypospolitej w latach 1772–1794*, (eds.) ADAM DANILCZYK, JACEK KORDEL, VADZIM ANIPIARKOU, SŁAWOMIR ŁUCZAK (Warszawa, 2019).

30 Издание дополнено рукописными материалами, хранящимися в Архиве внешней политики Российской империи и Польской библиотеке в Париже. Последняя – это часть архива русского посольства в Польше, захваченного повстанцами во время восстания Костюшко в 1794 году.

31 *Korespondencja dyplomatyczna Stanisława Augusta z Augustynem Debolim. 1780*, (eds.) EWA ZIELIŃSKA, ADAM DANILCZYK (Warszawa, 2012); *Korespondencja dyplomatyczna*

в частности, в ограничении Петербургом польской внешней политики – Речь Посполитая была большим государством, но у нее не было аккредитованных послов, только «представители короля», которые передавали в королевскую канцелярию информацию о текущих событиях в той или иной стране (например, в Лондоне такую роль выполнял Францишек Букаты, а в Вене – Шимон Кортичелли). И хотя Августин Деболи не занимал высокого поста *chargé d'affaire* (поверенного в делах), королевская переписка с ним чрезвычайно важна по нескольким причинам. Дипломатический пост в Петербурге был отчасти исключительным уже в силу своего формального статуса, но большую ценность представлял доступ к информации от российского двора, где принимались решения о судьбе Польши. Кроме того, Станислав Август доверял ему и подробно информировал о важнейших событиях политической жизни, что делает эту переписку одним из важнейших источников по политической истории Речи Посполитой того периода. Переписка с Деболи была важна для короля еще по одной причине – монарх, контролируемый российским послом О. Штакельбергом, который следил за тем, чтобы все польско-русские дела решались им самим, мог доносить свою позицию по важным вопросам напрямую русским и без участия Штакельберга – этому должны были служить «*lettre ostensible*», официальные письма, содержание которых, в отличие от секретных, зашифрованных писем, польский дипломат мог представить русским министрам.

Историю сохранения российского влияния в Польше после первого раздела и укрепления позиций русского посла на Висле приближает, в свою очередь, издание записи бесед короля Станислава Августа с русским дипломатом³². Сами записи этих встреч часто были сокращенными, состояли всего из нескольких предложений, содержание которых относится к внутренним делам и мало что говорит обычному читателю. В связи с чем особо следует подчеркнуть наличие обширнейших редакторских комментариев (часто основанных не только на литературе

Stanisława Augusta z Augustynem Debolim. 1781, (eds.) EWA ZIELIŃSKA, ADAM DANILCZYK (Warszawa, 2015); *Korespondencja dyplomatyczna Stanisława Augusta z Augustynem Debolim. 1782*, (eds.) EWA ZIELIŃSKA, ADAM DANILCZYK (Warszawa, 2017).

32 *Entretiens du roi Stanislas Auguste avec Otto Magnus von Stackelberg (1773–1775)*, (eds.) EWA ZIELIŃSKA, DOROTA DUKWICZ (Warszawa, 2017); *Entretiens du roi Stanislas Auguste avec Otto Magnus von Stackelberg (1776)*, (eds.) EWA ZIELIŃSKA (Warszawa, 2020). Статья также связана с этой темой: EWA ZIELIŃSKA, „Entretiens Stanisława Augusta z ambasadorem rosyjskim Ottonem Magnusem von Stackelbergiem i „Mémoires” ostatniego króla Rzeczypospolitej”, *Studia Źródłoznawcze. Commentationes* 56 (2018): 91–103. <https://doi.org/10.12775/SZ.2018.03>

предмета, но и на ранее неизвестных архивных материалах, в том числе из российских архивов). Благодаря им мы получаем не только объяснение к опубликованным источникам, но и картину политики России в Речи Посполитой в ключевые для страны моменты, первого раздела и реформ государственного устройства 1776 года.

Среди прочих, меньших по объему (но тоже важных) источниковых изданий, следует упомянуть переписку между Франчишеком Ксаверием Браницким, великим коронным гетманом, и Григорием Потемкиным, бывшим фаворитом Екатерины II и на тот момент одним из влиятельнейших людей в России³³. Эта публикация важна для политической истории Речи Посполитой, предшествовавшей Четырехлетнему сейму, поскольку антикоролевская оппозиция рассчитывала (и часто ее получала) на поддержку России в борьбе с монархом, а Браницкий, благодаря своим контактам с Потемкиным, обеспечил себе доступ к петербургскому двору в обход российского посла в Польше. Представляет интерес также редакция акта об отречении Станислава Августа, показывающая обстоятельства и влияние русских на его окончательную форму³⁴.

ВОЕННОЕ ДЕЛО

На удивление мало публикаций посвящено польско-российским вооруженным конфликтам, что удивительно, учитывая, что Северная война, Барская конфедерация, война 1792 года или восстание Костюшко существенно повлияли на судьбу Речи Посполитой.

Изучением военных реформ Петра I, модернизации русской армии и войн со Швецией во время его правления занялся Павел Крокош, представив результаты своего анализа в многочисленных статьях³⁵.

33 ZOFIA ZIELIŃSKA, „Listy Ksawerego Branickiego do Grigorija Potiomkina (1788–1789)”, in *Świat pogranicza*, (eds.) MIROSŁAW NAGIELSKI, ANDRZEJ RACHUBA, SŁAWOMIR GÓRZYŃSKI (Warszawa, 2003), 283–306.

34 ZOFIA ZIELIŃSKA, „Geneza i treść aktu abdykacji Stanisława Augusta”, *Studia Źródłoznawcze* 51, (2013), 43–67.

35 PAWEŁ KROKOSZ, „Iwan Mazepa i Piotr I: wojna na uniwersały: (październik – grudzień 1708 r.)”, *Nowa Ukraina: zeszyty historyczno-politologiczne*, no. 1–2 (2009): 7–29; PAWEŁ KROKOSZ, *Rosyjskie siły zbrojne za panowania Piotra I* (Kraków, 2010); PAWEŁ KROKOSZ, „Rosyjskie ustawodawstwo wojskowe doby panowania Piotra I”, in *Organizacja armii w nowożytnej Europie: struktura-urzędy-prawo-finanse*, (ed.) KAROL ŁOPATECKI (Zabrze, 2011), 397–444; PAWEŁ KROKOSZ, „Mała wojna: działania wojsk rosyjskich w Inflantach, Estonii oraz Ingermanlandii w latach 1700–1704” in *Stan badań nad wielokulturowym dziedzictwem dawnej Rzeczypospolitej*, t. III: *Inflanty Polskie*, (eds.) WOJCIECH WALCZAK, KAROL ŁOPATECKI

(Białystok, 2012), 139–226; PAWEŁ KROKOSZ, „Morze Czarne w strategicznych planach Piotra I”, in *Regiones Eixinum Spectantes. Stosunki kulturowe, etniczne i religijne na przestrzeni dziejów*, red. ŁUKASZ GŁĘDEK, TOMASZ KRZYŻOWSKI, MICHAŁ MICHAŁSKI (Kraków, 2012), 289–305; PAWEŁ KROKOSZ, „Рост мощи России в центральной и восточной Европе на стыке XVII и XVIII веков”, в *Россия и Польша: память империй /империи памяти*, ред. Д. Л. СПИВАК (Санкт-Петербург, 2013), 108–137 (электронная версия); PAWEŁ KROKOSZ, „Bałtycka polityka Rosji Piotra I”, in *Stan badań nad wielokulturowym dziedzictwem dawnej Rzeczypospolitej*, (eds.) WOJCIECH WALCZAK, KAROL ŁOPATECKI, vol. VI, (Białystok, 2013), 279–314; PAWEŁ KROKOSZ, „Zdobyte bez przelania krwi kwietnia 9, 1783 roku”. Imperialna polityka Rosji wobec Chanatu Krymskiego w XVI–XVIII w.”, в *Крим від античності до сьогодення: Історичні студії*, ред. В. СМОЛІЙ, (Київ, 2014), 302–322; PAWEŁ KROKOSZ, „Aspekt religijny w rosyjskich siłach zbrojnych za panowania Piotra I”, в *Україна в Центрально-Східній Європі*, ред. В. СМОЛІЙ, вип. 15, (Київ, 2015), с. 210–236; PAWEŁ KROKOSZ, „Dividimus muros et maenia pandimus urbis. Opanowanie Dorpatu i Narwy przez wojska rosyjskie w 1704 r.”, in *Twierdze osiemnastowiecznej Europy. Studia z dziejów nowożytnej sztuki wojkowej*, (ed.) MACIEJ TRĄBSKI, vol. I (Oświęcim, 2016), 189–222; PAWEŁ KROKOSZ, „Sunt mihi quae valeant in talea pondera”. Opanowanie wschodnich nadbałtyckich prowincji szwedzkich przez armię rosyjską w 1710 r.”, in *Stan badań nad wielokulturowym dziedzictwem dawnej Rzeczypospolitej*, vol. VII, (eds.) WOJCIECH WALCZAK, KAROL ŁOPATECKI (Białystok, 2017), 217–274; PAWEŁ KROKOSZ, „Przestępstwo fałszowania monet w świetle artykułów wojskowych Piotra I”, *Forum Numizmatyczne. Studia i Materiały*, no. 2 (ed.) KRZYSZTOF FILIPOW (Białystok, 2018), 206–216; KAROL ŁOPATECKI, PAWEŁ KROKOSZ, „Военные обозы в Российской империи, Австрии и Французском королевстве в середине XVIII в. в свете трактата Антония Леопольда Эльзница”, в *Россия и Франция. Культурный диалог в панораме веков. Материалы X Международного петровского конгресса. Санкт-Петербург, 9–10 июня 2017 года*, ред. Д. Ю. ГУЗЕВИЧ, А. В. КОБАК, М. В. ПЕТРОВА (Санкт-Петербург, 2018), 466–481; PAWEŁ KROKOSZ, „Twierdza Pietropawłowska w Sankt Petersburgu – miejsce militarne, miejsce sacrum”, in *Twierdze osiemnastowiecznej Europy. Studia z dziejów nowożytnej sztuki wojkowej*, (eds.) MACIEJ TRĄBSKI, vol. II (Częstochowa, 2018), 107–147; PAWEŁ KROKOSZ, „Od sprzedawcy pierożków do generalissimusa: zawrotna kariera Aleksandra Mienszykowa”, *Perspektywy Kultury: pismo Instytutu Kulturoznawstwa Wyższej Szkoły Filozoficzno-Pedagogicznej „Ignatianum” w Krakowie*, no. 1 (2019): 139–166. <https://doi.org/10.35765/pk.2019.2401.010>; PAWEŁ KROKOSZ, „Koniec wojny – początek imperium: rosyjsko-szwedzki traktat pokojowy 1721 r.”, in *Najjaśniejsza Rzeczypospolita: studia ofiarowane Profesorowi Andrzejowi Stroynowskiemu*, (ed.) MAŁGORZATA DURBAS (Częstochowa, 2019), 509–526; PAWEŁ KROKOSZ, „Armia Piotra I gwarantem mocarstwowej pozycji Rosji w Europie”, *Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej* 55, no. 1 (2020): 9–49. <https://doi.org/10.12775/SDR.2020.1.01>; PAWEŁ KROKOSZ, „Gdzie przyjąć wroga – w twierdzy czy w polu? Taktyka armii rosyjskiej w latach 1707–1709”, in *Twierdze osiemnastowiecznej Europy. Studia z dziejów nowożytnej sztuki wojkowej*, (ed.) MACIEJ TRĄBSKI, vol. III (Częstochowa, 2020), 49–86; PAWEŁ KROKOSZ, „Mazepa, Skoropadski, Połubotok. Proces likwidacji autonomii ukraińskiej za panowania Piotra I”, *Textus et Studia* 4 (2020): 27–55. <https://doi.org/10.12775/SDR.2020.1.01>; PAWEŁ KROKOSZ, KAROL ŁOPATECKI, „Okoliczności uchwalenia rosyjskich Artykułów wojskowych z krótkimi komentarzami”, in *Verus amicus rara avis est: studia poświęcone pamięci Wojciecha Organiściaka*, (eds.) ADAM LITYŃSKI, ANDRZEJ MATAN, MARIAN MIKOŁAJCZYK, GRZEGORZ NANCKA, DARIUSZ NAWROT (Katowice, 2020), 367–398; PAWEŁ KROKOSZ, KAROL ŁOPATECKI, *Adam Weyde a procesy modernizacyjne armii rosyjskiej na przełomie XVII i XVIII wieku* (Białystok, 2021).

Кроме этого автора можно упомянуть лишь единичные публикации, относящиеся к первой половине обсуждаемого столетия³⁶.

Еще более скромным представляется состояние исследований по этому вопросу для второй половины XVIII века. К ним относятся публикации Адама Данильчика о военных особенностях российской политики в Речи Посполитой во время Барской конфедерации и о Каменце Подольском (единственной польской крепости, игравшей стратегическую роль) в российских военных планах во второй половине XVIII века³⁷, а также книгу Гжегожа Шимборского о военных операциях в Речи Посполитой во время русской интервенции 1764 года³⁸ и публикацию Т. Чесельского о зарождении Черноморского флота³⁹. В последние годы также была опубликована серия статей о Русско-турецкой войне 1787–1792 гг. Автор этих публикаций, Малгожата Каркоха, использует для описания столь важных событий в основном скудные материалы из двух периодических изданий, выходивших в Варшаве в то время, «*Gazeta Warszawska*» («Газета Варшавская») и «*Pamiętnik Historyczno-Polityczny*» («Памятник Исторично-Политичны»). В своей работе она не принимает во внимание не только архивные источники, но даже многочисленную русскоязычную и англоязычную литературу по данной теме, в связи с чем ее тексты не представляют особой научной ценности⁴⁰. Периоду заката Речи Посполитой и проблеме сокращения

36 TOMASZ CIESIELSKI, „Bitwa pod Kowalewem (5 X 1716) – geneza, przebieg, konsekwencje”, *Zapiski Historyczne* 84, no. 3 (2019): 32–56; JERZY DYGAŁA, „Siła złudzeń – informacje o szwedzkich “zwycięstwach” w Rosji i o bitwie połtawskiej dochodzące do obozu króla Stanisława (sierpień 1708 – wrzesień 1709 roku)”, *Wiek Stary i Nowy* 14 (2019): 119–142. <https://doi.org/10.31261/WSN.2019.19.09>; A. KRÓLCZYK, „Wojska rosyjskie w Wielkopolsce podczas wojny siedmioletniej (na podstawie materiałów Biblioteki Kórnickiej)”, in *Mistrzowie – uczniowie: Księga Jubileuszowa dedykowana Profesorowi Arturowi Kijasowi z okazji 80. urodzin*, (ed.) BARTŁOMIEJ GARCZYK (Poznań, 2020), 57–75.

37 ADAM DANILCZYK, „Wojskowe aspekty rosyjskiej polityki w Rzeczypospolitej w okresie konfederacji barskiej (1768–1772)”, in *Konfederacja barska 1768–1772*, (ed.) ADAM DANILCZYK (Warszawa, 2018), 125–137; ADAM DANILCZYK, „Kamieniec Podolski w rosyjskich planach wojennych w drugiej połowie XVIII wieku” [в печати].

38 GRZEGORZ SZYMBORSKI, *Działania zbrojne w Rzeczypospolitej podczas interwencji rosyjskiej 1764 roku* (Zabrze – Tarnowskie Góry, 2020). Критическая рецензия А. Данильчика представлена в научном журнале *Kwartalnik Historyczny*.

39 TOMASZ CIESIELSKI, „Flotyllę dońska, dnipropietrowska i azowska: początki rosyjskiej floty czarnomorskiej”, in *Z dziejów wojen morskich (studia i szkice)*, (eds.) ANDRZEJ AKSMITOWSKI, MACIEJ FRANZ (Oświęcim, 2015).

40 MAŁGORZATA KARKOCHA, „Wojna rosyjsko-turecka (kampania 1789 roku) w świetle doniesień Pamiętnika Historyczno-Polityczno-Ekonomicznego”, *Przegląd Nauk Historycznych* 16, no. 2 (2017): 43–70. <https://doi.org/10.18778/1644-857X.16.02.02>; MAŁGORZATA KARKOCHA, „Wojna rosyjsko-turecka na łamach Pamiętnika Historyczno-Politycznego”

польской армии и призыва ее солдат в ряды русской армии, в свою очередь, посвящена публикация Томаша Чесельского⁴¹.

С темой военных и вооруженных конфликтов связана тема военнопленных и ссылок в Сибирь. Эта тема, уже имевшая многочисленные исследования по XIX веку, была своего рода *terra incognita* для века XVIII. Особенно заметно отсутствие данных на эту тему до периода Барской конфедерации (1768–1772), когда впервые большое количество пленных конфедератов было выслано в Сибирь. Были предприняты попытки его изучения⁴², но без источников из российских архивов исследовательские тезисы строятся в основном на предположениях. Этот пробел восполняет публикация «Барские конфедераты в Западной Сибири: биографический словарь»⁴³. Это исключительное издание, поскольку биографические статьи написаны на основании по большей части ранее неизвестных русских источников – своеобразной «анкет», проведенной русскими среди военнопленных. В результате мы имеем важную информацию не только о личных данных, таких как имя, фамилия, место рождения и проживания (и даже рост и внешность), но и о социальном происхождении, воинских частях, в которых они служили,

(1787–1788)”, in *Sic erat in votis: studia i szkice ofiarowane Profesorowi Zbigniewowi Anusikowi w sześćdziesiątą rocznicę urodzin: Europa i świat w czasach nowożytnych*, (eds.) MAŁGORZATA KARKOCHA, PIOTR ROBAK (Łódź, 2017), 311–342; MAŁGORZATA KARKOCHA, „Początek wojny rosyjsko-tureckiej w świetle doniesień Gazety Warszawskiej księdza Łuskiны (1787–1788)”, in *Ab Occidente referunt...: “Zachód” doby nowożytnej w badaniach historyków polskich*, (eds.) MARIUSZ MARKIEWICZ, KATARZYNA KURAS, RAFAŁ NIEDZIELA (Kraków, 2018), 87–109; MAŁGORZATA KARKOCHA, “Gazeta Warszawska o wielkiej wojnie wschodniej (kampania 1789 roku)”, *Przegląd Nauk Historycznych* 17, no. 2 (2018): 155–178. <https://doi.org/10.18778/1644-857X.17.02.06>; MAŁGORZATA KARKOCHA, „Ostatnia faza wojny rosyjsko-tureckiej (1790–1792) na łamach Pamiętnika Historyczno-Polityczno-Ekonomicznego”, in *Najjaśniejsza Rzeczypospolita: studia ofiarowane Profesorowi Andrzejowi Stroynowskiemu*, (ed.) MAŁGORZATA DURBAS (Częstochowa, 2019), 767–782; MAŁGORZATA KARKOCHA, „Działania na morzach w czasie wielkiej wojny wschodniej (1787–1792) w świetle relacji Gazety Warszawskiej” i Pamiętnika Historyczno-Politycznego”, in *Oblicza wojny. T. 1, Armia kontra natura*, (eds.) WITOLD JARNO, JAROSŁAW KITA (Łódź, 2020), 91–105. <https://doi.org/10.18778/8220-055-3.07>

41 T. CIESIELSKI, „Polskie oddziały wojskowe w służbie rosyjskiej w latach 1793–1794. Przyczynki źródłowe”, *Biblioteka Epoki Nowożytnej*, no. 2 (2016): 521–538.

42 Статьи входят в число немногих работ, опубликованных за последние годы: WŁADYSŁAW JEWSIEWICKI, „Zestanie konfederatów barskich na Syberię i do Kraju Orenburskiego”, *Niepodległość i Pamięć* 11 (1998): 7–28; JOANNA GETKA, „Polscy XVIII-wieczni zesańcy syberyjscy: strategie (prze)życia na zestaniu”, *Acta Neophilologica* 16 (2014): s. 165–178.

43 *Барские конфедераты в Западной Сибири: биографический словарь*, ред. Анна Крих, Светлана Мулина, Адам Данильчик (Санкт-Петербург, 2020).

сражениях, в которых участвовали. Это чрезвычайно важная, ранее неизвестная информация для исследователей политической, военной и генеалогической истории.

В конце приведем также научные публикации, связанные с конкретными военными областями, в которых дается более широкий анализ и которые в хронологическом плане охватывают более длительный период, например, статьи о фортификации или военной судебной системе⁴⁴.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ВОПРОСЫ

К важным темам, касающимся самой России и польско-российских отношений в XVIII веке, относятся религиозные вопросы. Борьба за «власть над душами» происходила как между Православной и Католической церквями, так и в политической сфере. Значительная часть подданных Речи Посполитой были православными и униатами, поэтому неудивительно, что Россия очень часто использовала религиозные вопросы в своей политике. Православное духовенство неоднократно использовалось для подстрекательства и разжигания беспорядков среди православных жителей юго-восточной территории Речи Посполитой.

Инструментальный подход также существовал в деле диссидентов, его не только сделали одним из главных орудий в этой борьбе, но и использовали в пропагандистских целях, распространяя в Европе образ (при посредничестве оплачиваемого философа и писателя Вольтера) царицы Екатерины II как правительницы эпохи Просвещения, желающей внедрить прогрессивные идеи в нетерпимой Речи Посполитой. После первого раздела Польши религиозная ситуация стала еще более сложной, поскольку единственная православная епархия в Польше – Могилевская – вошла в состав России. Петербургский двор начал предпринимать усилия по созданию нового православного епископства. В 1784 году был составлен проект, согласно которому православные

⁴⁴ WITALIJ BOHATYREWICZ, MACIEJ TRĄBSKI, „Od Noteburga do Szlisselburga: znaczenie militarne i polityczne twierdzy w XVIII w.”, in *Twierdze osiemnastowiecznej Europy: studia z dziejów nowożytnej sztuki wojkowej*, (ed.) MACIEJ TRĄBSKI (Częstochowa, 2016), 176–188; LESZEK MADEJ, „Służby audytorskie lądowych sił zbrojnych w systemie rosyjskiego sądownictwa wojskowego w XVIII i pierwszej połowie XIX w.”, *Czasopismo Prawno-Historyczne* 70, no. 2 (2018): 25–108. <https://doi.org/10.14746/cph.2018.2.2>

церкви должны были подчиняться слущкому архимандриту Виктору Садковскому, который, однако, прибыв в Варшаву, отказался присягнуть на верность польскому королю⁴⁵.

ИСКУССТВО – ЛИТЕРАТУРА – КУЛЬТУРА

Поездка Петра I в Западную Европу и его увлечение западноевропейской культурой привели к многочисленным реформам, которые подняли Россию на более высокий цивилизационный уровень. Амбиции «царя-реформатора» в области культуры и искусства были продолжены последующими правителями. Академия наук, учрежденная Петром I, обучала отечественных архитекторов, писателей, художников и скульпторов, а направления обучения определялись последними достижениями и опытом эпохи Просвещения в данной области. В 1755 году был основан Московский университет, а годом позже – Академия художеств, где преподавали, в частности, живописцы и портретисты Луи-Жозеф Ле-Лоррен, Луи Жан-Франсуа Лагрене и пейзажист Жан Батист Ле Принс. Екатерина II стала любимой правительницей в глазах и трудах Вольтера, а другой известный писатель и философ эпохи Просвещения Дени Дидро получил от нее приглашение в Петербург. Растущая как политическая мощь Российской империи, так и сопутствующая ей экономическая привели к чрезвычайно динамичному развитию государства.

45 О религиозных проблемах России см.: KRISTYNA SNOJNICKA, *Cerkiew i car: prawosławie rosyjskie w reformach Piotra Wielkiego* (Kraków, 2011); MAREK INGLOT, „Papieskie misje dyplomatyczne w Rosji pod koniec XVIII i na początku XIX wieku”, *Kościół w Polsce: dzieje i kultura* 15 (2016): 55–70; ADAM DROZDEK, „Catherine II: the head of the Orthodox Church”, *Wrocławskie Studia Wschodnie* 20 (2016): 13–39; Marzanna Kuczyńska, „Kaptan uczony i światły w programie reform Piotra I”, *Poznańskie Studia Slawistyczne*, no. 15 (2018): 149–171; KRISTIAN PROPOLA, „Recepcja reformy cerkiewnej Piotra Wielkiego przez środowiska starowieczne w XVIII w.”, *Prace Historyczno-Archiwalne* 31 (2019): 73–84. В своих статьях они исследовали проблемы польско-российских отношений: LESZEK ĆWIKŁA, „Ingerencja cara rosyjskiego Piotra I (1682–1725) w sprawy wyznaniowe Rzeczypospolitej”, *Studia z Prawa Wyznaniowego* 6 (2003): 73–89; BOGUMIŁ SZADY, „Rozwój struktur parafialnych i dekanalnych metropolii mohylewskiej (1783–1918)”, *Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej* 54, no. 2 (2019), s. 5–42. <https://doi.org/10.12775/SDR.2019.2.01>; SABINA PAVONE, „Jezuici w Rosji po kasacie zakonu w 1773 roku”, *Studia Paedagogica Ignatiana: rocznik Wydziału Pedagogicznego Akademii Ignatianum w Krakowie* 22, no. 4 (2019): 95–107. <https://doi.org/10.12775/SPI.2019.4.004>; VIKTORIA BILYK, „Polityka religijna cesarza Pawła I i Aleksandra I w sprawie Kościoła grecko-unickiego w południowo-zachodnim terytorium Imperium Rosyjskiego”, *Studia Koszalińsko-Kołobrzeskie*, no. 28 (2021): 383–397. <https://doi.org/10.18276/skk.2021.28-20>

Появились новые, крупные аристократические семьи, представители которых старались подражать петербургскому двору, что было доказательством не только хорошего вкуса и образования, но, прежде всего, социального и материального статуса. Для строительства резиденций с Запада привозили знаменитых архитекторов, при дворах содержались музыканты, оплачивались театральные труппы, приглашались художники, а портреты и другие картины заказывались у известных европейских живописцев. Эта динамика и смешение русской, французской, итальянской, английской и других культур, естественно, вызывают сейчас также интерес у историков литературы, искусства или музыки. Так, работы по вышеупомянутым вопросам были написаны и в этой области исследований, где особое внимание следует уделить публикациям Анны Варды и Иоланты Казимержык-Кунцер⁴⁶.

46 ANNA WARDA, *Z obserwacji nad dedykacjami mecenasowskimi w osiemnastowiecznej Rosji* (Łódź, 2000); ANNA WARDA, *Ze studiów nad świadomością teoretycznoliteracką w osiemnastowiecznej Rosji: (na podstawie przedmów, wstępów, dedykacji)* (Łódź, 2003); URSZULA WÓJCICKA, *Literatura rosyjska XVIII wieku z elementami historii i kultury Rosji* (Bydgoszcz, 2008); NELLY STAFFA, „Edukacja i szkolnictwo w Rosji w drugiej połowie XVIII wieku: (edukacyjna polityka Katarzyny II)”, *Filoteknos: literatura dziecięca, mediacja kulturowa, antropologia dzieciństwa* 2 (2011): 160–171; ANNA WARDA, „Cykl Felicyjski” w poezji rosyjskiej końca XVIII – początku XIX wieku (Łódź, 2013); ELIZA MAŁEK, „Polsko-rosyjskie kontakty kulturowe w XV-XVIII wieku”, in *Wśród krajów północy: kultura Pierwszej Rzeczypospolitej wobec narodów germańskich, słowiańskich i naddunajskich: mapa spotkań, przestrzeń dialogu*, (ed.) MIROSŁAWA HANUSIEWICZ-LAVALLÉE (Warszawa, 2015), 435–477. <https://doi.org/10.31338/uw.9788323521358.pp.478-553>; MAGDALENA DĄBROWSKA, „O przedmowach i przypisach w czasopismach jako źródłach do studiów nad rosyjsko-zachodnioeuropejskimi związkami literackimi, kulturalnymi i naukowymi (przełom XVIII i XIX wieku)”, in *Książka, biblioteka, informacja: między podziałami a wspólnotą*, vol. 4, red. JOLANTA DZIENIAKOWSKA, MONIKA OLCZA-KARDAS (Kielce, 2015), 197–211; MAGDALENA DĄBROWSKA, „Ze studiów nad recepcją kultury zachodnioeuropejskiej w Rosji doby oświecenia: (wokół czasopisma „Sobranie Lučših Sočinienij”, 1762 rok)”, *Roczniki Kulturoznawcze* 7, no 4 (2016): 97–110. <https://doi.org/10.18290/rkult.2016.7.4-6>; MIKOŁAJ MAZUŚ, „Трансформация культурных ценностей в России. Записки проблематики”, *Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis. Studia Historicolitteraria*, no. 16 (2016): 35–49. <https://doi.org/10.24917/20811853.16.3>; TERESA OBOLEVITCH, „Car i filozof: G. W. Leibniz w Rosji XVII–XVIII wieku”, *Przegląd Filozoficzny* 25, no. 4 (2016): 329–342; JOLANTA KAZIMIERCZYK-KUNCER, „Z rozważań o rosyjsko-francuskim dialogu kulturowym XVIII wieku”, *Acta Universitatis Lodziensis. Folia Litteraria Rossica* 10 (2017): 21–37. <https://doi.org/10.18778/1427-9681.10.03>; JOLANTA KAZIMIERCZYK-KUNCER, „Sekretne zapiski Charlesa Massona o Rosji Katarzyny II”, *Slavia Orientalis* 66, no. 2 (2017), 265–280; JAROSŁAW KURKOWSKI, „Dzieje Rosji w piśmiennictwie stanisławowskim po pierwszym rozbiórce”, *Kwartalnik Historii Nauki i Techniki* 62, no. 4 (2017): 7–44; PAWEŁ KROKOSZ, „The power of the Russian Empire – the military aspect in the work of selected Russian painters from the 18th until the early 20th century”, *Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej* (2018): 5–45; KRZYSZTOF ROTTERMUND, „Wpływy polskie

ЭЛЕКТРОННЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

Технологический прогресс и связанный с ним повсеместный доступ к интернет-ресурсам позволили использовать возможности распространения информации в электронном формате среди широкой аудитории. Этот процесс все еще продолжается, но правовые нормы, касающиеся авторских прав, отсутствие цифровых платформ, гарантирующих долгосрочный доступ к ресурсам, а также тот факт, что некоторые историки привыкли к традиционной бумажной версии, лишь недавно сделали его развитие более динамичным. Поэтому тем более стоит выделить один из немногих проектов, представленных исключительно в онлайн формате – «Польский Петербург». Это онлайн-энциклопедия научно-популярного характера, цель которой в том, чтобы рассказать о судьбах поляков, связанных с городом на Неве, их роли в его общественной, культурной, экономической и научной жизни. Его издателями являются Польский международный культурный центр и российский Международный благотворительный фонд им. Д.С. Лихачева. Ценность проекта особенно велика еще и потому, что он был адаптирован как для польской, так и для российской аудитории – тексты не идентичны, подготовлены отдельно на двух языках⁴⁷.

ОСТАЛЬНЫЕ ТЕМЫ

Перечисленные в статье подразделы выделяют лишь основные течения исследований в польской историографии – поскольку существует ряд публикаций, которые не могут быть включены в вышеуказанные рубрики, и их слишком мало, чтобы «заслужить» быть выделенными в отдельную категорию в данной статье. Это касается работ общего характера, охватывающих более широкий хронологический или тема-

na kulturę muzyczną Rosji przełomu XVII–XVIII wieku ze szczególnym uwzględnieniem działalności Mikołaja Dyleckiego oraz migracji muzyków”, in *Ochrona artefaktów dziedzictwa kulturowego*, (eds.) SAMANTA KOWALSKA, ANDRZEJ SZYMAŃSKI (Poznań–Kalisz, 2019), 35–47; JOLANTA KAZIMIERCZYK-KUNCER, *Jedźmy do Rosji: o kulturze rosyjskiej we francuskiej literaturze podróżniczej XVIII i pierwszej połowy XIX wieku* (Toruń, 2018); ANNA WARDA, *Z teorii i praktyki zapożyczeń literackich w Rosji w XVIII wieku* (Łódź, 2020); ANNA WARDA, „Wizerunek Katarzyny II w świetle osiemnastowiecznych dedykacji”, *Studia Słowiańszczyńskie* 1, (2000): 79–93.

47 www.polskipetersburg.pl; www.polskipetersburg.ru (Сайт на день: 15 X 2021)

тический период⁴⁸, и исследовательских проблем, касающиеся таких вопросов, как масонство⁴⁹, популярное при дворах по всей Европе, а также в России; экономика⁵⁰, семейные и социальные вопросы и прочие темы⁵¹.

- 48 ARTUR KIJAS, *Polacy w Rosji od XVII wieku do 1917 roku: słownik biograficzny* (Poznań, 2000); KATARZYNA WŁASCHOWSKA, *Narodziny imperium: rozwój terytorialny państwa carów w ujęciu historyków rosyjskich XVIII i XIX wieku* (Warszawa, 2001); JULIA RUDAKOWA, „Ziemiaństwo polskie Prawobrzeżnej Ukrainy i Galicji w polityce władz zaborczych Austrii i Rosji w końcu w. XVIII – na początku w. XIX”, in *Studia z dziejów ziemian 1795–1944*, (ed.) ALBIN KOPRUKOWNIK (Lublin, 2005), 289–307; ALEKSANDRA J. LEINWAND, „Rosja w propagandzie polskich powstań narodowych 1768–1864: wybrane zagadnienia”, *Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej* 48 (2013): 5–25. <https://doi.org/10.12775/SDR.2013.01>; ANDRZEJ MALINOWSKI, „Rola i znaczenie kwestii wschodniej w rosyjskiej polityce zagranicznej w latach 1799–1806”, *Słupskie Studia Historyczne*, no. 19 (2013): 101–114; REMIGIUSZ FORYCKI, *Droga do Rosji: spór o imperium carów (1761–1839)* (Warszawa, 2013). <https://doi.org/10.31338/uw.9788323512950>
- 49 MAŁGORZATA ABASSY, „Rosyjska masoneria w świetle sztuk teatralnych Katarzyny II”, *Slavia Orientalis* 64, no. 3 (2015): 477–500; ALINA ORŁOWSKA, „Масонский дискурс о новой России: О своеобразии образа мира в русских масонских утопиях XVIII века”, *Acta Universitatis Lodzensis. Folia Litteraria Rossica* 12 (2019): 11–23. <https://doi.org/10.18778/1427-9681.12.03>
- 50 ANDRZEJ GACA, „Reformy skarbowe Piotra Wielkiego”, *Acta Universitatis Wratislaviensis. Prawo*, no. 311 (2010): 197–207; ALEKSANDR SLESARENKO, „Cechy i specyfika regulacji handlu zagranicznego Rosji w czasie wojny północnej (1700–1721)”, *Wschodni Rocznik Humanistyczny* 12 (2015): 55–62; PAWEŁ KROKOSZ, „Modernizacja górnictwa rosyjskiego za panowania Piotra I. Wprowadzenie do problematyki”, *Hereditas Minariorum* 5 (2018): 9–32. <https://doi.org/10.37190/hm180501>; TOMASZ CIESIELSKI, „Polskie inicjatywy gospodarcze i polityczne w regionie czarnomorskim w okresie od końca XVIII wieku do 1920 roku”, in *Studia z dziejów Europy Środkowo-Wschodniej*, (eds.) WIESŁAW BONDYRA, DARIUSZ KUPISZ, JERZY TERNES, LESZEK WIERZBICKI (Lublin, 2018), 283–310.
- 51 ZOFIA ZIELIŃSKA, „Król wydał 3 miliony, czekał 3 miesiące, by widzieć Katarzynę przez 3 godziny”, in *Stanisław August i jego Rzeczpospolita. Dramat państwa, odrodzenie narodu. Materiały z wykładów: Zamek Królewski w Warszawie, październik 2010 – grudzień 2011*, (ed.) ANGELA SOŁTYS, ZOFIA ZIELIŃSKA (Warszawa, 2013), 183–194; PAWEŁ KROKOSZ, „Rosyjskie „nie” dla „praw i wolności” narodu ukraińskiego w XVIII w., cz. 1”, *Nowa Ukraina. Zeszyty historyczno-politologiczne* 13 (2013): 5–18; PAWEŁ KROKOSZ, „Rosyjskie „nie” dla „praw i wolności” narodu ukraińskiego w XVIII w. cz. 2”, *Nowa Ukraina. Zeszyty historyczno-politologiczne* 14 (2014): 5–16; ŁUKASZ PABICH, „Najazd rosyjsko-kozacki na powiat lełowski w 1707 roku w świetle źródeł proveniencji kościelnej”, *Częstochowskie Teki Historyczne* 6 (2016): 1–36; TOMASZ CIESIELSKI, „Wizyta cara Piotra I w Janowcu”, w *Królowie, magnaci, szlachta: z życia elit dawnego Janowca i okolic w XVI–XVIII wieku*, (ed.) DARIUSZ KUPISZ (Janowiec, 2020), 49–62; DARIUSZ ROLNIK, „Rosjanie w Rzeczypospolitej – Polacy w Rosji”: w poszukiwaniu granic „mitości ojczyzny” obywateli państwa polsko-litewskiego czasów stanisławowskich”, in *W służbie obcych monarchów i państw: mechanizmy karier obcokrajowców w armiach oraz administracji państwowej*, (ed.) TOMASZ CIESIELSKI (Warszawa, 2015), 275–301; AGATA STRZELCZYK, „Wróg dla syna, matka dla wnuka: caryca Katarzyna II i jej relacje z synem i wnukiem”, *Studia Edukacyjne*, no. 51 (2018): 359–372. <https://doi.org/10.14746/se.2018.51.21>; PAWEŁ KROKOSZ, „Elity rządzące

Подводя итоги работы польской историографии по истории России в XVIII веке, следует отметить большой прогресс по сравнению с более ранним периодом. В то же время нельзя не отметить существование большого количества тем, которые ждут своего исследователя.

w Rosji w XVI–XVIII w. – wprowadzenie do problematyki”, in *Honestas et turpitudine. Magnateria Rzeczypospolitej w XVI–XVIII wieku*, (eds.) EWA DUBAS-URWANOWICZ, MARTA KUPCZEWSKA, KAROL ŁOPATECKI, JERZY URWANOWICZ (Białystok, 2019), 111–132.

Essays

Статьи

Tanulmányok

MARTÍN BAÑA

RUSSIAN HISTORY STUDIES IN LATIN AMERICA AND SPAIN (2001–2021)¹

The study of Russian history in Latin America and Spain is still poorly developed. However, over the last three decades, books and articles about the Eurasian region have begun to appear in Spanish, in most cases incorporating documents in the Russian language and including the latest publications in the international field. Although this interest in Russian history arose, in many cases, from political motivations—where the topic of the Russian Revolution was central—research soon turned towards other dimensions and chronologies, addressing cultural, economic and social issues not only about the 20th, but also the 19th century, and even a few centuries before that. Research development is not uniform throughout the region and depends on institutional contexts, which are not always stable, and do not always have the necessary monetary funds. However, some production centers such as Argentina, Chile, Mexico and Spain stand out in the field. The spatial distance from Latin America to Russia can be a detriment in terms of access to documentation and bibliography. But, at the same time, it is an advantage for these countries to distance themselves from the object of study and to propose other explanations that can complement or even challenge the dominant ones in order to make original contributions to the international field of study of Russian history.

Keywords: Russian history, Spain, Latin America, Russian studies abroad, the Russian Revolution.

Martín Baña – Adjunct Professor at the University of Buenos Aires (UBA) and the National University of San Martín (UNSAM). Adjunct Researcher at the National Scientific and Technical Research Council (CONICET). E-mail: mbana@unsam.edu.ar

1 Citation: MARTÍN BAÑA, “Russian History Studies in Latin America and Spain (2001–2021)”, *RussianStudiesHu* 4, no. 1 (2022): pp. 18. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2022.4.4

PRESENTATION

The following article aims to present a very briefly commented list of the main studies on Russian history in Latin America and Spain from the last 20 years. Despite the spatial distance, the difficulty of accessing bibliography and primary sources, and the development of language needs—forcing researchers in these regions to handle both Russian and English, the latter being the primary language into which publications are usually translated from Russian and, at the same time, the *lingua franca* of international scientific community—for almost a century there has been a growing interest in the history of that region. This is evidenced by articles published in specialized journals, but also books, research trips and, more recently, bachelor's degrees and PhDs. What path have these studies followed over the last 20 years? More importantly, what are their purposes? And last, but not least, what is the point of studying Russian history in Latin America and Spain today?

A first response to these questions has to do with simply the continuity of the tradition of what we could call “International Studies” in the region. From very early on, Latin American historians were concerned with studying historical events that happened beyond their borders, especially those that were linked to European history, in all its periods. These efforts were realized in different works that, on the one hand, try to explain Latin American events within a broader framework such as the world system, seeing the links between these phenomena and those that happened in Latin America. On the other hand, historians devoted themselves entirely to the study of universal history in order to give their own description of events that were remote in time and space from Latin America itself. All these attempts today represent a vast body of works that help to understand global history in an increasingly connected world. If we take the Spanish case, links were closer at different times in the history of this country and Russia, as for example was evidenced during the 20th century with the case of the Spanish Civil War. In that sense, Russian studies are more closely linked to issues that are still being felt in the present.

A second response has to do precisely with the possibility of studying other experiences in order to establish comparisons, explanations, and conclusions that can help us to a better understanding of several historical phenomena. Due to its history and its positioning within the capitalist world-economy, Latin America shares similar characteristics and problems with other peripheral countries. The history of this condition has been

studied in Latin America in order to improve the understanding of issues such as joining a world market as a producer of primary products for export, or massive European immigration, just to cite a couple of examples. In the particular case of Russia, study of its historical experience could help us to a better understanding of several problems, since Latin American countries share some similarities with Russia such as the difficulties of industrialization in an underdeveloped country, or the transition towards a democratic political system. Development of this type of research, especially in relation to Russia, has yet to be done.

The international situation was a very special influence that kept the study of Russian history significant. The aggravation of the Cold War in the mid-1980s and the subsequent fall of the Soviet Union in 1991 forced Latin American researchers to pay attention to what Russian history could still contribute to the understanding of an already globalized world. Furthermore, the current repositioning of Russia as an actor that aspires to be taken into account in decision-making at the global level, and to intervene strongly in the world system—as demonstrated by vaccine diplomacy during the Covid-19 pandemic—shows the need for local specialists on the history of that country. In this sense, several institutions were developed to shelter not only research but also teaching positions in Russian history, although the institutional contexts of the region vary according to the country in which the focus is placed.

In this sense, the case of Argentina is emblematic. In this country, the Faculty of Philosophy of the University of Buenos Aires, one of the largest institutions dealing with social sciences and humanistic studies in the country and Latin America, was part of the process of democratization in 1984, after the military government was defeated. As a result, many fields of study were modified, among them, History. The new subjects sought to update the content they taught to students, echoing changes introduced in the main historiographies of international scholarship. Within this framework, the creation of a Chair of Russian History was proposed, which was the first chair in any of the country's universities and one of the few—if not the only one at that moment—in Latin America which dedicated itself to the scientific study and teaching of Russian history. At this moment, this Chair is in my charge, and it has a staff of 4 teachers and researchers in the field. In turn, the Center for Study of the Slavic Worlds (CEMECH) was founded in 2009 as a dependent institution of the School of Humanities of the National University of San Martín (UNSAM). CEMECH is a research center entirely dedicated to the Russian and Eurasian space.

There, postgraduate courses are offered for doctoral students, research is carried out, and human resources are trained on the subject, both for academic institutions, and for civil and governmental institutions. The center also has a specialized library about Russia, the only one in Argentina and one of the few in Latin America, with the majority of books and documentary sources in the Russian language. Currently the Center is directed by Dr. Claudio Ingerflom, and since the beginning of its activities CEMECH has established contacts with research centers and researchers in Russia, receiving some of them in its facilities to give lectures and engage in discussion of them.

Two more institutions are part of the Argentine network of institutions that address the history of Russia in some way. One is the Russian Chair of the Institute of International Relations of the National University of La Plata, the other the Rosario Study Group on Russia (GERR), which depends on the Faculty of Political Science and International Relations of the National University of Rosario (UNR). The latter seeks to assert itself, as it maintains on its web page, “como un espacio de investigación y participación que contribuya a la reflexión y el debate sobre temas de actualidad respecto de Rusia, cuestiones que impactan de manera directa o indirecta en el escenario internacional” [as a space for research and participation that contributes to reflection and debate on current issues regarding Russia, issues that directly or indirectly impact on the international scene].² We take the Argentine case because it is emblematic of the situation of Russian studies in Latin America and Spain. In the rest of the countries, the situation is a little more uneven, but efforts to investigate the history of Russia continue to be made in different institutional contexts and with diverse results.

Before we continue to the article, we must make some important clarifications. In carrying out this weighing-up of the production of Latin America and Spain on Russian history during the last 20 years, only scientific works published by researchers from the region—whose institutions are located there—were taken into account, regardless of whether their publications appeared in Spanish or in other languages such as English or Russian. It is also worth clarifying that only books and articles published in scientific journals were taken into account, as undergraduate and graduate theses have been set aside, as well as the abundant production of public

2 “3.b. Grupo de Estudio sobre Rusia de Rosario (GEJR)” *Rep Hip Universidad Nacional de Rosario*. <https://rephip.unr.edu.ar/handle/2133/13066> (Accessed December 10, 2021).

history and presentations to congresses or conferences, both national and international. In this sense, although scrutiny of the publications was as exhaustive as possible, it is a vast object of study. As not all countries have the same degree of development of Russian studies or the same opportunity to publish, it is possible that some works may have been left unreviewed and, for that very reason, not covered by this article. We must also clarify here that only works related to history were taken into account. Other publications that have been working very well in relation to Russia, such as literature, were set aside. The list is divided into chronological periods: Ancient and Modern Russia, the 19th century, and the 20th century and later. Within each section, the publications were grouped following an alphabetical order of the authors and, when there was more than one publication per author, following the chronological order of publication.

ANCIENT RUSSIA AND MODERN RUSSIA

Works on this historical period are really scarce, and the works of Claudio Ingerflom, Director of the Center for Slavic Studies (CEMECH) in Argentina, stand out above all, linked to two central questions within Russian history: the place of “autonomination” [*samozvanchestvo*] in Russian political history and the difficulties of applying the Western concept of “state” instead of *gosudarstvo* to Russian realities prior to the 20th century. Both topics were addressed in different articles and books, both in Spanish and other languages such as French, Russian, and English. For the rest, two publications by Mexican researchers that address issues of political history stand out. Below, please find the list of works published on Ancient and Modern Russia in the field of Russian studies in Latin America and Spain over the last 20 years:

CLAUDIO INGERFLOM, “Entre el *mythos* y el *logos*: la acción. Nacimiento de la representación política del poder en Rusia”, *Prismas, Revista de historia intelectual* no. 5 (2001): 35–56.

CLAUDIO INGERFLOM, “Sobre el concepto de Estado en la historia de Rusia”, *Historia Contemporánea I*, no. 28 (2004): 53–60.

CLAUDIO INGERFLOM, “Lealtad al Estado o lealtad al Monarca. Los juramentos de Fidelidad en el siglo XVIII a la luz de la historia conceptual. El caso ruso”, *Prohistoria XIII* (2009): 147–165.

CLAUDIO INGERFLOM, “Was there Loyalty to the State under Peter the Great?”, in *Loyalties, Solidarities, and Identities in Russian Society, History*

and Culture, ed. PHILIP BULLOCK, ANDY BYFORD, CLAUDIO INGERFLOM et al. (London: University College London, 2009), 3–19.

CLAUDIO INGERFLOM, “Novoevropeiskaia paradigma gosudarstvennosti”, *Rossiia* XXI, no. 2 (2011): 110–127.

CLAUDIO INGERFLOM, “How Old Magic Does the Trick for Modern Politics”, *Russian History* 40, no. 3–4 (2013): 428–450.

CLAUDIO INGERFLOM, “Theoretical Premises and Cognitive Distortions from the Uncritical Use of the Concept of ‘State’: The ‘Russian’ Case”, in *Serve the Power(s), Serve the State. America and Eurasia*, ed. JUAN CARLOS GARAVAGLIA, MICHAEL J. BRADDICK, CHRISTIAN LAMOUROUX (Cambridge: Cambridge Scholars Publishers, 2013), 222–243.

CLAUDIO INGERFLOM, “La historia conceptual y las distorsiones cognitivas del uso acrítico del concepto ‘Estado’”, *Prohistoria* no. 28 (2017): 25–43.

CLAUDIO INGERFLOM, *Le Tsar c’est moi. L’imposture permanente. D’Ivan le Terrible à Vladimire Poutine* (Paris: Presses Universitaires de France, 2015).

CLAUDIO INGERFLOM, *El zar soy yo. La impostura permanente de Iván el Terrible a Vladímir Putin* (Madrid: Guillermo Escolar Editor, 2017).

JEAN MEYER, *El Papa de Iván el Terrible. Entre Rusia y Polonia (1581–1582)* (Mexico: Fondo de Cultura Económica, 2003).

RAINER MATOS FRANCO, *Historia mínima de Rusia* (Mexico: El Colegio de México Turner, 2017).

THE 19TH CENTURY

The publications that address 19th century issues are a bit broader and include more authors than those mentioned in the previous section. In this sense, the works of Argentine historian Ezequiel Adamovsky regarding the construction of the image of Russia in France and many others related to the Russian national identity, and my own works about the Russian *intelligentsia* and the links between music, society and politics stand out. Another line of my research, linked to one of the intellectual currents of the philosophical history of Russia born at the end of the 19th century, such as Russian Cosmism, is also listed. Other publications by the aforementioned Ingerflom also appear, linked to the study of the Russian roots of Leninism, and also by the aforementioned Meyer, on the “empires of Russia”. We can add here a work on cultural history by Chilean researcher Olga Ulianova regarding Anton Chekhov, two works about Russian international hegemony by the Peruvian researcher Javier Alcalde Cardoza, and a work

focusing on Zasluch's critique of "neopopulism", by Argentine historians Daniel Gaido and Constanza Boch Alessio. Below, please find the list of works published on 19th-century Russia in the field of Russian studies in Latin America and Spain over the last 20 years:

EZEQUIEL ADAMOVSKY, "Civilizar un Pueblo Bárbaro: Las imágenes de Rusia en el debate de la Ilustración francesa acerca del concepto de 'civilización'", *Anales de Historia Antigua, Medieval y Moderna* no. 34 (2001): 163–190.

EZEQUIEL ADAMOVSKY, "Russia as a Space of Hope: Nineteenth-Century French Challenges to the Liberal Image of Russia," *European History Quarterly* no. 4, (2003): 411–50.

EZEQUIEL ADAMOVSKY, "Russia as the Land of Communism in the Nineteenth Century? Images of Tsarist Russia as a Communist Society in France, c. 1840–1880," *Cahiers du monde russe* no. 3–4, (2004): 497–520.

EZEQUIEL ADAMOVSKY, "Euro-Orientalism and the Making of the Concept of Eastern Europe in France, 1810–1880", *The Journal of Modern History* no. 77 (2005): 591–628.

EZEQUIEL ADAMOVSKY, *Euro-Orientalism: Liberal Ideology and the Image of Russia in France, c. 1740–1880* (Oxford: Peter Lang, 2006).

EZEQUIEL ADAMOVSKY, "Russian Culture under the French Eyes: Stigma, Civilization and Violence", in *La Russie et le monde francophone*, ed. DOUGLAS CLAYTON (Ottawa: Université d'Ottawa, 2007), 115–137.

EZEQUIEL ADAMOVSKY, "El paralelo Rusia/Estados Unidos en Francia y la formación de una identidad 'occidental'", *Prismas* no. 13 (2009): 17–32.

EZEQUIEL ADAMOVSKY, "Before Development Economics: Western Political Economy, the 'Russian Case', and the First Perceptions of Economic Backwardness (From the 1760s until the Mid-Nineteenth Century)", *Journal of the History of Economic Thought* 32, no. 3 (2010): 349–376.

EZEQUIEL ADAMOVSKY, "Pierre Bezukhov Becomes (Really) Russian: Some Issues of National Identity in Tolstoy's Narrative and Life Experience", *Fragments – Revista de Língua e Literatura Estrangeiras* no. 38 (2013): 59–69.

EZEQUIEL ADAMOVSKY, "N.F. Danielsón en la historia del pensamiento político ruso: los comienzos olvidados de una reflexión marxista sobre el atraso económico", *Contra Tiempos* no. 1 (2015): 7–36.

JAVIER ALCALDE CARDOZA, *De Pedro el Grande a Putin: un ensayo sobre la búsqueda rusa de dominio y hegemonía* (Lima: Pontificia Universidad Católica del Perú, 2015).

JAVIER ALCALDE CARDOZA, "De la Santa Alianza a Putin: dos siglos de tentativas hegemónicas de Rusia", *Agenda Internacional* 22, no. 33 (2015): 19–54.

MARTÍN BAÑA, “Modest Musorgsky frente a los desafíos de la modernidad: Boris Godunov como crítica social y política”, *Revista del Instituto Superior de Música* no. 12 (2008): 128–145.

MARTÍN BAÑA, “La ópera rusa del siglo XIX en perspectiva. Un balance sobre la historiografía musicológica”, in *Actas de la Séptima Semana de la Música y la Musicología: Jornadas Interdisciplinarias de Investigación La Ópera, Palabra y Música*, ed. DIANA FERNÁNDEZ CALVO, SOFÍA M. CARRIZO (Buenos Aires: Educa, 2010), 159–181.

MARTÍN BAÑA, “El pasado en el presente. Las representaciones sobre la acción de Pedro el Grande y las tareas de la modernización cultural rusa en *Khovanshchina* de Modest Musorgsky y Nikolay Rimsky-Korsakov”, *Revista del Instituto de Investigación Musicológica “Carlos Vega”* XXVII, no. 27 (2013): 17–55.

MARTÍN BAÑA, “Ópera, política y modernidad. Iván el Terrible y la narración del pasado ruso en *Pskovityanka* de Nikolay Rimsky-Korsakov”, *Políticas de la Memoria. Anuario de Investigación e Información del CeDInCI* no. 14 (2014): 198–206.

MARTÍN BAÑA, “*Intelligentsia* y modernidad en la música rusa del siglo XIX. El *kruzhok* de Mily Balakirev, Modest Musorgsky y la relación de Rusia con Europa”, *Revista del Instituto de Investigación Musicológica “Carlos Vega”* XXVIII, no. 28 (2014): 17–54.

MARTÍN BAÑA, “Apogeo y declive de la *intelligentsia* rusa. Entre el trabajo intelectual y el deber moral”, *Nueva Sociedad* no. 253 (2014): 199–209.

MARTÍN BAÑA, “Una modernidad musical transnacional. Los límites de la categoría de escuela nacional para el caso de la música rusa del siglo XIX”, *El oído pensante* 4, no. 1 (2016): 1–18.

MARTÍN BAÑA, *Una intelligentsia musical. Modernidad, política e historia de Rusia en las óperas de Musorgsky y Rimsky-Korsakov (1856-1883)* (Buenos Aires: Gourmet Musical, 2017).

MARTÍN BAÑA, ALEJANDRO GALLIANO, “Prólogo. La muerte es un lujo innecesario: del cosmismo ruso al transhumanismo universal”, in *Cosmismo ruso. Tecnologías de la inmortalidad antes y después de la Revolución de Octubre*, ed. BORIS GROYS (Buenos Aires: Caja Negra, 2021), 27–50.

DANIEL GAIDO, CONSTANZA BOSCH ALESSIO, “Vera Zasulich’s Critique of Neo-Populism: Party Organisation and Individual Terrorism in the Russian Revolutionary Movement (1878-1902)”, *Historical Materialism* no. 23 (2015): 93–125.

CLAUDIO INGERFLOM, *El revolucionario profesional. La construcción política del pueblo* (Rosario: Prohistoria, 2017).

JEAN MEYER, *Rusia y sus imperios (1894–2005)* (Madrid: Tusquets, 2007).
OLGA ULIANOVA, *Un Chejov desconocido* (Santiago de Chile: Editorial RIL, 2000).

THE 20TH CENTURY AND BEYOND

There is a broader range of scientific works on Russian history in Latin America and Spain when we come to the 20th century. In these publications a clear preference can be observed: the central topic for Russian—and World—history is the Russian Revolution. The approach is multiple: the Russian Revolution has not only been studied as an event that occurred in Russian territory, but also as a phenomenon that spread across the world. In that sense, research has intended to study the multiple receptions and influences that this episode exerted on the different Latin American countries and Spain. That is why this section presents, first, publications related to this revolutionary event, which were multiplied by the effect of its centennial, celebrated in 2017. Second, it presents publications related to the history of the Soviet Union and the post-Soviet space. In that section, a variety of approaches and thematic issues are revealed, especially two outstanding ones: on the one hand, those related to the politics of the Communist Party and its possible connections with the Latin American and Spanish spaces, and on the other, questions related to the cultural history of the Soviet Union.

The Russian Revolution

In the case of the Russian Revolution, the works published and reviewed here show a clear tendency: to propose historiographical and theoretical reflections on that event and its projection onto the societies of the present, not only the Russian one but also Latin American and Spanish ones. These publications attempt to offer interpretative syntheses of the historical process that try to overcome the main historiographical views: both those that condemn the Revolution, proposed by a historiography inspired by the postulates of Liberalism, and those that celebrate it, inspired by more traditional Marxism. By contrast, these interpretative syntheses attempt to recover the multiplicity of voices that participated in the Russian Revolution and the multiplicity of causes and dimensions that were part of it: in addition to politics, dimensions that have to do

with culture and the arts, everyday life, gender issues and a revision of the coordinates of space and time to frame the event. In this way, these works not only seek to be part of the outstanding historiographical regeneration that could be observed in recent years regarding this issue,³ but they also try to contribute to making a topic that had been characterized by reductionist explanations and traversed—for a very long time—by ideological and political interests into a more complex object of study.

Among other productions that revolve around the Russian Revolution, stand out those that try to analyze and explain the impact that the event generated in the different regions of the continent, such as Argentina and Chile, and also those that seek to give an account of some particular dimensions, such as the performance of Anarchism during the Revolution or the role played by Factory Committees. Below, please find the list of works published on the Russian Revolution in the field of Russian studies in Latin America and Spain over the last 20 years:

EZEQUIEL ADAMOVSKY, MARTÍN BAÑA, PABLO FONTANA (comps.), *Octubre Rojo. La Revolución rusa noventa años después* (Buenos Aires: Libros del Rojas, 2008).

JUAN ANDRADE, FERNANDO HERNÁNDEZ SÁNCHEZ (eds.), 1917. *La Revolución rusa cien años después* (Madrid: Akal, 2017).

SANTIAGO ARÁNGUIZ PINTO, *Chile, la Rusia de América: la revolución Bolchevique y el mundo obrero socialista-comunista Chileno (1917–1927)* (Santiago de Chile: Ediciones Centro de Estudios Bicentenario, 2019).

MARTÍN BAÑA, ROMINA VELIZ, LUCIANO ZDROJEWSKI, PABLO CROTÉS, ANA GUERRA, EZEQUIEL ADAMOVSKY, ALDO CHIARAVIGLIO, *Tiempo de Insurgencia: experiencias comunistas en la Revolución rusa*, editado como folleto (Buenos Aires: edición de los autores, 2006).

MARTÍN BAÑA, PABLO STEFANONI, *Todo lo que necesitás saber sobre la Revolución rusa* (Buenos Aires: Paidós, 2017).

MARTÍN BAÑA, “La Revolución rusa: imágenes en montaje”, in *Octubre rojo. La Revolución rusa noventa años después*, ed. EZEQUIEL ADAMOVSKY, MARTÍN BAÑA, PABLO FONTANA (Buenos Aires: Libros del Rojas, 2008), 129–158.

3 See, for example, the dossier published in *Kritika: Explorations on Russian and Eurasian History* 16, (2015): 4. In the Russian language, the works of Aleksandr Shubin can be explored. For instance, *Velikaya Rossiyskaya Revolyutsya: ot febralya k oktyabryu 1917 goda* (Moscow: Rodina-Media, 2014); *Start Strany Sovietov. Revolyutsya. Oktyabr 1917* (St. Petersburg: Piter, 2017).

MARTÍN BAÑA, “La Revolución Rusa en su Centenario. Perspectivas temáticas y narrativas historiográficas”, *Políticas de la Memoria. Anuario de Investigación e Información del CeDInCI* no. 17 (2017): 224–237.

MARTÍN BAÑA, “Como narrar a história da Revolução Russa no seu centenário?”, *Estudos Avancados* no. 31 (2017): 55–66.

HERNÁN CAMARERO, *Tiempos rojos: el impacto de la Revolución rusa en la Argentina* (Buenos Aires: Sudamericana, 2017).

JULIÁN CASANOVA, *La venganza de los siervos. Rusia 1917* (Barcelona: Crítica, 2017).

JOSÉ M. FARALDO, *La Revolución rusa: Historia y memoria* (Madrid: Alianza Editorial, 2017).

AGUSTÍN GUILLAMÓN, *La revolución Rusa: una interpretación crítica y libertaria* (Santiago de Chile: Pensamiento y Batalla, 2017).

CLAUDIO INGERFLOM, “Cómo pensar los cambios sin utilizar las categorías de ruptura y continuidad. Un enfoque hermenéutico de la revolución de 1917 a la luz de la historia de los conceptos”, *Res Publica. Revista de filosofía política* no. 16 (2006): 129–152.

ARMANDO ROA VIDAL (comp.), *Rusia 1917: la utopía de la hoz y el martillo* (Santiago de Chile: RIL Editores, 2017).

ANDRÉS RUGGERI, *Control obrero, autogestión y consejos en la Revolución rusa* (Bogotá: Desde Abajo, 2021).

JOSEP PUIGSECH FARRÁS, “La Revolución rusa y España: una doble vertiente historiográfica”, *Índice Histórico Español* no. 130 (2018): 39–69.

JORGE SABORIDO, *1917: la revolución rusa cien años después. Historia e interpretaciones del acontecimiento más importante del siglo XX* (Buenos Aires: Eudeba, 2017).

CARLOS TAIBO, *Anarquismo y Revolución en Rusia 1917–1921* (Madrid: Catarata, 2017).

Soviet History and Beyond

The rest of the works that are framed within the 20th century are broader and more diverse in terms of their topics and objects of study. A prominent theme has to do with studies on migration and publications of the Russian community in countries such as Argentina. Also noteworthy are works that investigate the links between the Communist Party of the Soviet Union and local communist parties, especially in the case of Argentina, Chile and Spain. Undoubtedly, an outstanding aspect of these productions is the one that tries to incorporate artistic disciplines—such as cinema, photography and

music—into historical analysis, especially in relation to the Russian avant-garde and Socialist Realism. Research also included questions related to political and economic history, particularly in relation to the years previous to the Russian Revolution and the first years of the Bolshevik government. Finally, works that attempt to take a global approach to Soviet history are highlighted, as well as those that focus on the recent past and that attempt to carry out a preliminary analysis of post-Soviet Russia. Below, please find the list of works published on 20th-century Russia in the field of Russian studies in Latin America and Spain over the last 20 years:

EZEQUIEL ADAMOVSKY, MARÍA KOUBLITSKAIA, “Publicaciones de la colectividad rusa en Argentina: un inventario crítico”, *Estudios Migratorios Latinoamericanos* (2013): 51–96.

MARÍA VICTORIA ÁLVAREZ, MARÍA ROCÍO NOVELLO (eds.), *La Federación Rusa y el Covid-19. ¿Oportunidad o crisis?* (Rosario: Universidad Nacional de Rosario, 2020).

MARTÍN BAÑA, “Kratkii obzor izuchenia istorii Rossii v Argentine”, *Latinskaya Amerika* no. 6 (2011): 62–67.

MARTÍN BAÑA, “La ética y el arte como superación de las relaciones deformadas de capitalismo tardío. A Lunacharsky, A. Scriabin y el problema de la herencia artística burguesa en la Rusia revolucionaria”, *Anuario del Centro de Estudios Históricos “Prof. Carlos S. A. Segreti”* 11, no. 11 (2011): 173–187.

MARTÍN BAÑA, “Kompositor kak intelligent i opera kak alternativnoe povestvovanie o pervikh godakh russkoy revoliutsy v epokhu stalinisma. O Semyone Kotke S. Prokofieva”, *Noveishaya Istoriya Rossii* 8, no. 3 (2013): 187–200.

MARTÍN BAÑA, “Un pasado ruso para el presente soviético. La cantata *Alexander Nevsky* de Sergey Prokofiev en perspectiva”, *Música e Investigación, Revista anual del Instituto Nacional de Musicología “Carlos Vega”* no. 24 (2016): 51–72.

MARTÍN BAÑA, “Sergey Prokofiev en la Unión Soviética. Una revisión historiográfica y musicológica”, *Revista del Instituto de Investigación Musicológica “Carlos Vega”* no. 24 (2016): 57–83.

MARTÍN BAÑA, “Una Revolución en el campo musical. Sobre los inicios de una musicología en la Rusia revolucionaria (1917–1922)”, *Conflicto Social* 10, no. 17 (2017): 58–78.

MARTÍN BAÑA, *Quien no extraña al comunismo no tiene corazón. De la disolución de la Unión Soviética a la Rusia de Putin* (Buenos Aires: Critica, 2021).

MARTÍN BAÑA, “¿Quién extraña el comunismo? Rusia a 30 años de la disolución de la Unión Soviética”, *Revista Nueva Sociedad* no. 296 (2021): 145–155

JAIME CANALES GARRIDO, *Génesis, vida y destrucción de la Unión Soviética* (Buenos Aires: Cienflores Editorial, 2019).

MARTIN ALEJANDRO DUER, “Convergencias contradictorias. Proletariado industrial y concepción programática bolchevique entre 1917 y 1929”, *Archivos de historia del movimiento obrero y la izquierda* no. 17 (2020): 163–183.

MARTIN ALEJANDRO DUER, “La dimensión programática de *El Estado y la Revolución de Lenin*”, *Hic Rhodus* 11, no. 20 (2021): 31–46.

MARTIN ALEJANDRO DUER, “Observaciones en torno a los fundamentos teóricos del proyecto bolchevique de transición al socialismo”, *Anuario del Centro de Estudios Históricos “Prof. Carlos S. A. Segreti”* 1, no. 21 (2021): 50–71.

EVGUENIA FEDIAKOVA, MANUEL LOYOLA, JORGE ROJAS FLORES, “Rusia soviética en el imaginario político chileno, 1917–1939”, in *Por un rojo amanecer. Hacia una historia de los comunistas chilenos*, ed. JORGE ROJAS FLORES, MANUEL LOYOLA (Santiago de Chile: Impresora Vals, 2000).

RENATA FINELLI, “La fotografía soviética como índice de la Revolución (1921–1929)”, *Boletín de Estética del Centro de Investigaciones Filosóficas* no. 43 (2018): 43–70.

RENATA FINELLI, “La fotografía como el nuevo lenguaje visual de la Rusia revolucionaria. El caso del grupo LEF (1923–1928)”, *Revista Astrolabio. Nueva Época* no. 20 (2018): 91–109.

RENATA FINELLI, “La fotografía rusa durante la NEP, un campo experimental y revolucionario (1921–1928)”, *RUS, Revista de literatura y cultura rusa* 11, no. 15 (2020): 5–39.

PABLO FONTANA, “Buscando los límites de la representación cinematográfica de octubre en su décimo aniversario”, in *Octubre rojo: La Revolución Rusa noventa años después*, ed. EZEQUIEL ADAMOVSKY, MARTÍN BAÑA, PABLO FONTANA (Buenos Aires: Libros del Rojas, 2008), 159–178.

PABLO FONTANA, *Cine y colectivización: La representación cinematográfica del proceso de colectivización soviético* (Ciudad Evita: Zeit, 2012).

PABLO FONTANA, “Fascismo ordinario entre el Deshielo y la Guerra Fría: Mijaíl Romm y el surgimiento del documental moderno en la URSS”, *Pasado por-venir* 7, no. 8 (2013): 129–154.

PABLO FONTANA, “Cine y colectivización. Imágenes para un orden nuevo en los campos soviéticos (1929–1941)”, *Políticas de la Memoria. Anuario de Investigación e Información del CeDInCI* no. 16 (2016): 245–252.

PABLO FONTANA, “Los fantasmas de Iván: Memoria traumática sobre el exterminio nacional-socialista en el cine soviético del Deshielo”, *Aletheia* 8, no. 17 (2017):

DANIEL GAIDO, CONSTANZA ALESSIO BOSCH, “The Terrorist Tendency in Russia”, *Historical Materialism* no. 23 (2015): 126–147.

DANIEL GAIDO, MAXIMILIANO JOZAMI, “El grupo Iskra y el ‘modelo leninista’ de organización partidaria: Un debate en el seno de la socialdemocracia rusa”, *Revista Izquierdas* no. 35 (2017): 318–369.

DANIEL GAIDO, CARLOS MIGNON, “La burocracia sindical en la primera revolución rusa: De los ‘sindicatos policiales’ de Zubatov a la Asamblea de Gapon”, *Astrolabio* no. 20 (2018): 1–46.

DANIEL GAIDO, KEVIN MURPHY, “De la dictadura democrática a la dictadura del proletariado: El debate en el Partido Bolchevique sobre las *Tesis de Abril de Lenin*”, *Revista de Filosofía de la Universidad de Costa Rica* no. 57 (2019): 69–95.

CLAUDIO INGERFLOM, “El desafío de la ‘no-Europa’ a la historia conceptual”, *Scienza & Política* XXX, no. 58 (2018): 195–219.

OLGA LEPIJINA, *Naciones y hegemonías en el espacio postsoviético (1991-2008): el peso de la historia y la política de Estado Unidos* (Santiago de Chile: RIL Editores, 2012).

MÁXIMO LIRA, *El fin de la URSS: crisis, transformación y perspectivas de los pueblos pos-soviéticos* (Santiago de Chile: Ediciones B, 2005).

MANUEL LOYOLA, “La Asociación de Amigos de la Unión Soviética en Chile, 1927–1943”, *Estudios Ibero Americanos* 42, no. 1 (2016): 308–326.

MANUEL LOYOLA, “La función de lo soviético en Chile. La actuación editorial del migrante ucraniano Boris Orjikh”, *Cuadernos de Historia* no. 53 (2020): 145–166.

RAINER MATOS FRANCO, *Limbo rojizos. La nostalgia por el socialismo en Rusia y en el mundo poscomunista* (Mexico: El Colegio de México, 2017).

VÍCTOR AUGUSTO PIEMONTE, “Inmigrantes rusos y cultura política euroasiática en Argentina. La revista Tierra Rusa, 1941–1943”, *Anuario de la Escuela de Historia Virtual* no. 10 (2016): 24–45.

VÍCTOR AUGUSTO PIEMONTE, “Antibolcheviques peronistas: los inmigrantes rusos de la Unión Suvorov a través de su prensa”, *Revista Cambios y Permanencias* no. 10 (2019): 247–270.

VÍCTOR AUGUSTO PIEMONTE, “Los anarquistas rusos de Golos Truda a mediados de los años ‘20”, *Sociohistórica* no. 48 (2021): 1–13.

JOSEP PUIGSECH FARRÁS, “El triángulo de la propaganda soviética en la

Cataluña de la Guerra Civil”, *Alcores: revista de historia contemporánea* no. 14 (2012): 169–189.

JOSEP PUIGSECH FARRÁS, “Los pasos de la diplomacia soviética para establecer el consulado de la URSS en Barcelona”, *Ayer* no. 86 (2012): 169–195.

JOSEP PUIGSECH FARRÁS, *Falsa leyenda del Kremlin: El consulado y la URSS en la Guerra Civil Española* (Madrid: Historia Biblioteca Nueva, 2014).

JOSEP PUIGSECH FARRÁS, “An Intimate Diplomatic View: The Spanish Civil War According to the Personal Diaries of the Soviet Consul Vladimir Antonov-Ovseenko”, *International Journal of Siberian Studies* 29, no. 1 (2016): 21–36.

JOSEP PUIGSECH FARRÁS, “Claves sobre la presencia militar y diplomática soviética. El Kremlin nunca quiso dominar España”, in *En el combate por la historia. La República, la Guerra Civil, el franquismo*, ed. ÁNGEL VIÑAS MARTIN (Lisboa: Pasado y Presente, 2020), 235–249.

JOSEP PUIGSECH FARRÁS, “Dos variantes del impacto de la Revolución Rusa en Cataluña de 1936”, in *Socialismo, sindicalismo, antifascismo: ensayos sobre la crisis del siglo XX*, ed. FERNANDO JOSÉ GALLEGU MARGALEFF (Madrid: El viejo topo, 2019), 189–210.

DIEGO REPPENING LÓPEZ, “La Unión Soviética, la Guerra Fría y el Asia Pacífico: una historia colonial e imperial”, in *Asia y el Pacífico durante la Guerra Fría*, ed. PEDRO IACOBELLI D., ROBERT CRIBB, JOSÉ LUIS PERELLÓ E. (Santiago de Chile: Fondo de Cultura Económica, 2017), 119–134.

JORGE SANTIAGO ROJAS, “Putin: 20 años en el poder”, Documento de trabajo, Grupo de Estudios sobre Rusia de Rosario (Rosario: Universidad Nacional de Rosario, 2020).

JORGE ROJAS FLORES, MANUEL LOYOLA (eds.), *Por un rojo amanecer. Hacia una historia de los comunistas chilenos* (Santiago de Chile: Impresora Vals, 2000).

JORGE SABORIDO, *Historia de la Unión Soviética* (Buenos Aires: Emecé, 2009).

JORGE SABORIDO, *Rusia: veinte años sin comunismo. De Gorbachov a Putin* (Buenos Aires: Biblos, 2011).

CARLOS TAIBO, *El conflicto de Chechenia* (Madrid: Los libros de la Catarata, 2005).

CARLOS TAIBO, *Rusia en la era Putin* (Madrid: Los libros de la Catarata, 2006).

CARLOS TAIBO, *Rusia frente a Ucrania. Imperios, pueblos energía* (Madrid: Los libros de la Catarata, 2014).

CARLOS TAIBO, *La Rusia contemporánea y el mundo. Entre la rusofobia y la rusofilia* (Madrid: Los libros de la Catarata, 2017).

OLGA ULIANOVA, CARMEN NORABUENA (eds.), *Viajeros rusos al sur del mundo* (Santiago de Chile: Dirección de Bibliotecas, Archivos y Museos, LOM Ediciones, 2000).

OLGA ULIANOVA, "El caso de Manuel Hidalgo en el PC chileno a partir de los documentos de Komintern", in *Por un rojo amanecer. Hacia una historia de los comunistas chilenos*, ed. JORGE ROJAS FLORES, MANUEL LOYOLA (Santiago de Chile: Impresora Vals, 2000).

OLGA ULIANOVA, "La Unidad Popular y el golpe militar en Chile: percepciones y análisis soviéticos", *Estudios Públicos* no. 79 (2000): 83–171.

OLGA ULIANOVA, "La URSS y los países árabes durante la Guerra Fría", *Cyber Humanitatis* no. 14 (2002).

OLGA ULIANOVA, ALFREDO RIQUELME SEGOVIA (eds.), *Chile en los archivos soviéticos 1922–1991. Tomo 1: Komintern y Chile 1922–1931* (Santiago de Chile: Dirección de Bibliotecas, Archivos y Museos, LOM Ediciones, 2005).

OLGA ULIANOVA, "Develando un mito: emisarios de la Internacional comunista en Chile", *Historia I*, no. 41 (2008): 99–164.

OLGA ULIANOVA, ALFREDO RIQUELME (eds.), *Chile en los archivos soviéticos 1922–1991. Tomo 2, Komintern y Chile 1931–1935* (Santiago de Chile: Dirección de Bibliotecas, Archivos y Museos, LOM Ediciones, 2009).

OLGA ULIANOVA, ALFREDO RIQUELME (eds.), *Chile en los archivos soviéticos 1922–1991. Tomo 3, Komintern y Chile 1935–1941, Comunismo, antifascismo y frente popular* (Santiago de Chile: Dirección de Bibliotecas, Archivos y Museos, LOM Ediciones, 2017).

OLGA ULIANOVA (ed.), *Chile en los archivos soviéticos, Tomo 4, Los años '60* (Santiago de Chile: Ariadna ediciones, 2020).

FINAL WORDS

Despite clear and good progress, research on Russian history in Latin America and Spain remains at a low level compared to the rest of the historiographies of the global north. The reasons are diverse. In the first place, the largest research positions and the scarce resources allocated to finance research are destined for history issues linked to each of the countries of origin, instead of European history, for example. In the second place, the difficulties that are generated by language differences and physical distance prevent direct contact with archives and libraries.

Finally, the remarkable interest focused by local historians on the historical problems of each of their countries of origin, among many other factors.

Despite this, we believe that studies on Russian history are necessary and should continue to be deepened in the region. We believe this for several reasons: firstly, because a good historiography needs to develop works that could not only be linked to its own countries but to the space that countries inhabit, which is the world. Secondly, because having local researchers who can produce works about Russia would help to develop a better understanding of the history and reality of that country, without having intermediaries or obstacles—such as idiomatic issues. This, in turn, would allow historians that are specialized in other areas, but also interested in such matters, to have access to research results. Finally, studies on Russia developed in Latin America and Spain can be essential not only for these countries but also for Russia itself. As the philosopher Mikhail Bakhtin argued, a fundamental element for the understanding of any culture is the need to place oneself outside of it, in a place of “extraposition” to creatively understand that culture, since the true appearance of people “solo la pueden ver y comprender las otras personas, gracias a su ubicación extrapuesta en el espacio y gracias al hecho de ser *otros*” [can only be seen and understood by other people, thanks to their extraposed location in space and thanks to the fact of their being *others*].⁴ In this sense, Bakhtin argues, “extraposición viene a ser el instrumento más poderoso para la comprensión” [extraposition becomes the most powerful instrument for understanding] since “la cultura ajena se manifiesta más completa y profundamente solo a los ojos de *otra* cultura” [foreign culture manifests itself more fully and profoundly only in the eyes of another culture].⁵ Hence, this dialogical encounter can help to overcome the closed nature of cultures so that, through questions, interpretations and above all dialogue, they can enrich each other. In this sense, the interpretations and observations that are made in Latin America and Spain in relation to the history of Russia can help us not only to have a better understanding of the Russian history but also benefit Russia, as that country can have a better understanding of itself through interventions made from other cultures, such interventions thereby completing it in a Bakhtinian way.

4 MIJAL M. BAJTÍN, “Respuesta a la pregunta hecha por la Revista *Novy Mir*”, in MIJAL M. BAJTÍN, *Estética de la creación verbal* (Buenos Aires: Siglo XXI, 2002), 352.

5 BAJTÍN, “Respuesta a la pregunta...”, 352.

In this way, we hope that these last 20 years of research and production can be considered not as a point of arrival for studies about Russian history from Latin America and Spain, but merely as a starting point for current researchers and for future generations who will continue developing and expanding a field of study that is important not only to the region but also to the world as a whole.

А. Л. ЮРГАНОВ

МИФОЛОГИЯ ВОЖДЕЙ РЕВОЛЮЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ СЕРЕДИНЫ 20-Х ГОДОВ¹

THE MYTHOLOGY OF THE LEADERS OF THE REVOLUTION IN THE POLITICAL CONTEXT OF THE MID-20S

This article examines the mythology of the leaders of the revolution, which, at first glance, is paradoxically expressed by Kliment Redko's art painting *The Uprising* (1925), now stored in the Tretyakov Gallery. The article carries out the attribution of the images depicted in the picture, for the first time precisely establishing who exactly is depicted and what the place of each figure was the depicted hierarchy of the Bolshevik Party. Stalin is positioned far from the key personalities standing next to the leader of the world proletariat – Lenin. Stalin is the head of the party apparatus, Trotsky a living legend of the Revolution and the Civil War. In the era of the collective cult of the “leaders of the party”, in the mid-20s, Trotsky's popularity did not suffer in relation to Stalin's as he was not the chief administrator. Stalin, despite holding greater power, did not have a more prominent presence in the mass consciousness of the people. Only in time would Stalin gain the laurels of a classic figure of Marxism. Redko's painting is a historical source that testifies to the difficulties of the alignment of political forces in the mid-20s.

Keywords: Joseph Stalin, Lev Trotsky, Grigory Zinoviev, Lev Kamenev, Kliment Redko, the painting The Uprising, the mythology of the revolution, the left opposition

Andrei L. Yurganov – D.Sc. in History, professor, Russian State University for the Humanities.
E-mail: lurganov@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0244-0486>

¹ Citation: А. Л. ЮРГАНОВ, “Mifologiya vozhdei revoliutsii v politicheskom kontekste serediny 20-kh godov” [The Mythology of the Leaders of the Revolution in the Political Context of the Mid-20s], *RussianStudiesHu* 4, no. 1 (2022): 42 pp. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2022.4.8

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ

11 апреля 1926 г. в помещении на Большой Дмитровке, в доме №11, состоялась персональная выставка молодого художника Климента Редько. Были выставлены 200 произведений, написанных с 1914 по 1925 гг. Одной из главных на выставке он считал картину с названием «Восстание» (1925), посвященную Октябрьской революции и партии большевиков.

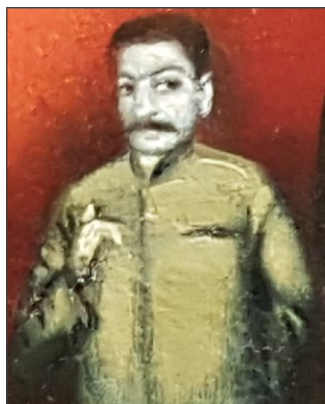

В центре композиции – сам вождь, вокруг него, по горизонтальным линиям, на фоне революционного Петрограда 1917 года, изображаются видные большевики, участники тех событий. Все первые фигуры от Ленина узнаваемы. В нижнем ряду слева от Ленина – Л. Д. Троцкий, Н. К. Крупская, А. В. Луначарский; справа от Ленина (в нижнем ряду) – М. И. Калинин, Л. Б. Каменев, Г. В. Чичерин. Ясно, что расставлены фигуры согласно близости к вождю мирового пролетариата на момент напи-

сания картины (1925 г.). Один из самых близких – Лев Троцкий, к этому времени лишенный всех основных должностей! А вот изображенный в верхнем правом ряду от Ленина Сталин занимает совсем непочетную позицию: выходит, что он никак не первое лицо. Если считать «по линиям» от Ленина, то окажется, что он всего лишь девятый после всех, кто стоит к Ленину первым и вторым.

Как такое стало возможным? Ведь Троцкий уже в январе 1925 г. перестал быть наркомвоенмором Республики, его критиковали за фракционную деятельность, а тут он – буквально наследник Ленина... Но еще больше подливает масла в огонь то обстоятельство, что никто на эту коллизию не обратил внимание, – и в таком «антисталинском» виде картина «Восстание» была показана в Москве весной 1926 года: даже нарком просвещения Анатолий Васильевич Луначарский остался явно доволен увиденным...

Пройдет 15 лет – и коренным образом изменится отношение к личности Сталина. Возникнет сталинизм.

К. Редько. Сталин. 1940 г.

Климент Редько изобразит Сталина другим человеком: это уже лидер человечества, смотрящий в будущее, поверх голов человеческих...

КЛИМЕНТ РЕДЬКО (1897–1956)

Художник учился живописи в 1910–1914 гг. в Иконописной школе Киево-Печерской лавры. Раннее детство прошло в городе Холм на западе Украины, отец умер рано, а мать была вынуждена кормить детей доходом от всякого рукоделия – в том числе лепки статуэток мадонн для деревенских церквей. Уже в тринадцать лет Климент стал проявлять интерес к живописи, учился ро-

списи по фарфору. Попав в Киево-Печерский монастырь, он четыре года изучал искусство икон, но проявлял интерес и к современному искусству. Редько стремился подражать не только древним образцам, но и французским импрессионистам, когда удавалось заняться пейзажами. Большое влияние оказал на него замечательный художник В. Чекрыгин, приезжавший из Москвы в Киев навестить мастерскую Киево-Печерской лавры. Так Редько, благодаря Чекрыгину, узнает о существовании кубизма и футуризма, знакомится с иллюстрациями картин Пикассо, Матисса, Брака.

В автобиографической повести «Зрачки солнца» Редько писал:

«Мы разбирали кубистическую скрипку Пикассо. Чекрыгину новинка, выдуманная в Париже, доставляла чрезвычайное удовольствие. Называемая скрипка не была похожа ни на скрипки Страдивариуса или Гварнери, ни на обыкновенную, сделанную деревенским мастером. Чекрыгин, показывая и восхищаясь кубистической скрипкой Пикассо, сам по себе был необычайно смел, как только можно быть смелым в искусстве в его юные годы. Нарушая наставления профессоров Императорской академии художеств, он на всех сторонников академического искусства взирал свысока. Мне казалось, что сво-

им поведением и дальновидностью Чекрыгин многих превосходил, издеваясь над общепризнанным пониманием искусства»².

Летом 1913 г. Редько делает попытку поступить в Московское училище живописи, ваяния и зодчества, но не проходит по конкурсу и возвращается обратно в Киев. На следующий год ему помогает меценат Л. Д. Аксенов. Редько поступает в петербургскую Школу поощрения художеств. Он учится у старых мастеров, копирует их картины в Эрмитаже. Под влиянием патриотических настроений начавшейся войны уходит добровольцем в русскую авиацию, но учебу не прерывает – посещает мастерскую художника Рылова, пишет этюды под Калугой.

После февральской революции Редько покидает авиационную часть, служит в военной канцелярии и продолжает писать картины. В революционные дни художник активно участвует в главных событиях, слышит речь Ленина с балкона дома Кшесинской, а весной 1918 года на короткое время присоединяется к театральной труппе в г. Рыбинске, выступавшей с революционными пьесами. Но его тянет в Киев – он хочет учиться в Академии художеств. С большим трудом, минуя пули белых, бандитов, немцев, он добирается до Киева – и сразу же поступает учиться. Вскоре его исключают из Академии, но учеба не останавливается. Редько знакомится с художником Соломоном Никритиным, профессором М. Л. Бойчуком, создавшим свою школу монументальной живописи, – все это дает ему возможность значительно расширить художественный кругозор.

В 1920 г., когда Киевом овладели петлюровцы, Редько и Никритин уходят вместе с Красной Армией на левый берег Днепра. В Харькове Редько знакомится с Д. П. Штернбергом, который в то время исполняет обязанности руководителя изоискусством в области народного просвещения. Он рекомендует Редько и Никритина председателю Политуправления РСФСР на Украине А. В. Луначарскому, и тот дает им разрешительный документ:

«Молодые советские художники К. Редько и С. Никритин, бежавшие из Киева при наступлении поляков, командированы мною в Москву для выполнения работ и продления художественного образования. Просьба: все советские учреждения и иные власти

2 К. Редько, *Дневники. Воспоминания. Статьи* (М.: «Советский художник», 1974), 25.

оказывать им всевозможное содействие для выполнения возложенного поручения»³.

Редько вместе с Никритиным получают государственную мастерскую. Оба они продолжают образование – и не только художественное. Редько интересуется математикой, физикой, современной техникой, – ему хочется изобразить сам процесс познания естественной природы. Он приходит к мысли, что все способы этого познания сводятся «к вопросу энергии – будущей культуры жизни». Объектом его художественного внимания становится... электричество. Он пишет картины, в которых ощущается технический прогресс как движение светящейся материи («Время», «Динамит», «Скорость», «Свет и тень в симметрии», «Аналитический эскиз» и др.). Картины эти дают ему право определить свое направление в искусстве как «свеченизм».

Из дневника К. Редько (частично опубликованного), 11 июня 1924 г.:

«В живописи „электроорганизма“ и „свеченизма“ предсознанием является свет, как логика развития элементов эмоционального и материального художественного сознания в труде. Первопричина всего абсолютная плоскость, воспринимается как материя динамического колебания энергии света в пространственном объеме статической механики тел»⁴.

Машина как образ становится символом многих художников, искавших в индустриализации страны фантастические горизонты коммунистического будущего. В картине «Завод», написанной в 1922 г., Редько изображает отвлеченные фигуры машин и приборов в контексте глубоких перемен страны, идущей к просветленному будущему. Таинственный синий цвет заводского сооружения соединен с багровым солнцем рассвета.

На творчество Редько оказывают серьезное влияние такие художники, как Василий Кандинский, Владимир Татлин, Казимир Малевич. 18 ноября 1920 г. Редько записывает в дневнике:

«Вчера в клубе „Сезанн“ Малевич в докладе говорил о новом назначении художника, должного заняться изобретением новых форм,

3 К. Редько, Указ.соч., 60.

4 РГАЛИ. Ф. 2359. Оп. 1. Д. 120. Л. 19.

изменяющих, совершенствующих наш быт, а не передавать, как раньше и теперь, копируя, достигнутую инженером форму»⁵.

14 декабря 1920 г. он делает запись в дневнике:

«Татлин не видит нового выхода в станковой живописи. „Для себя вижу выход в материале, т.е. архитектурной форме”, - говорит Татлин. „Сам сейчас пишу, но признаю, что должна быть работа в станковой живописи, краску я люблю”. Татлин в моем представлении сейчас гениальный realizator – творец, создающий переоценку ценностей. „Дома у нас будут сверкать, как бриллианты, а бриллианты пойдут на резку стекол”, - утверждает он. Татлин оперировал в области механики элементами, нашедшими практическое осуществление еще в древности (Хеопсова пирамида и позднее башня Эйфеля). Его большая заслуга уже в создании проекта памятника III Интернационалу»⁶.

Редько много читает – это и философская литература, и сугубо научная, математическая; познавательная страсть влечет его к непосредственному исследованию различных форм материи в одной из научных лабораторий. Однако он оставляет эти занятия и в июне 1923 года уезжает в Крым, затем на Кавказ, – рисует там с натуры.

На смену урбанистическим мотивам и кубистическим настроениям приходит желание изображать естественную природу. Этого перехода требовала и советская идеология, внушавшая мысль, что искусство должно быть понятно народу и служить его интересам. Однако Редько не уходит далеко от «свеченизма» – он лишь пытается соединить революционный символизм с реализмом отображения эпохи.

Так он начинает работать над картиной, которую поначалу называет «РКП», а затем «Революция». В общей сложности он трудится над ней более двух лет и только по завершении дает ей новое название – «Восстание».

Сильнейшее воздействие оказывает на него событие смерти В. И. Ленина. Он записывает в дневнике (21 января 1924 г.):

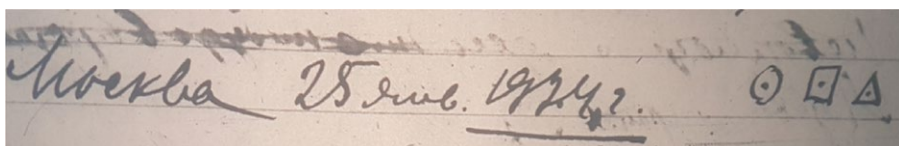
5 К. РЕДЬКО, Указ. соч., 63.

6 К. РЕДЬКО, Указ. соч., 63–64.

Умер ЛЕНИН!... Сколько раз мои мысли обращались к этому человеку – гению ума и сердца, сила духа которого превзошла основное деление времени. Как будто не было годов, не было месяцев, недель, дней, часов и т.д. Переживание идей революции волновало ум, но еще больше сердце, потому что упоение революцией не знает границ, не чувствует времени – побеждает страх и смерть⁷.

Из неопубликованной части дневника:

«Ленин лежит в гробу. 28 янв(аря). Вчера видел похороны Ленина. Все эти дни – дни Ленина. Все нахожусь во власти дум о нем. Снилось – видел **круг, квадрат и треугольник**⁸. Что же тут такого? Если в действительности, в практическом смысле есть основная разница между этими формами, то во сне их смысл представился другим. Исходя из центра, конечная разница одинакова между ними. Удовольствие этого ощущения во сне не передаваемо в словах. Осознал их синтез. Уравнение посредством движения...»⁹.

10 июня 1924 г., согласно дневниковой записи, он задумывает картину, посвященную партии большевиков:

«Мыслью о плане дальнейшей работы. Мы пришли в живописи к созданию социальной темы. Это спрос нашей мирной современности, требование класса, как коммунистического строителя. Мы дадим новые вещи искусства, в которых будет эпическая суровость строи-

⁷ К. РЕДЬКО, Указ. соч., 66.

⁸ К. Редько часто обращался к темам своих сновидений. 30 мая 1924 г. он записал в дневнике: «Во сне оглушительный взрыв. Я проснулся и вспомнил пережитое в Киеве в 1919 и 20 гг. Сны удивительная область в человеке. Я убедился, что некоторые сны являются предупреждением, но не предохранением. Плоскость картины – бесконечность и больше, чем разум. Направляю свое ощущение к будущей работе, хочется собрать в одно массу людей. Задача трудная в организации плоскости массы людей» (РГАЛИ. Ф. 2359. Оп. 1. Д. 120. Л. 16).

⁹ РГАЛИ. Ф. 2359. Оп. 1. Д. 120. Л. 14.

тельства и твердый расчет. В непосредственной связи с этим у меня возникло желание создать картину „РКП”»¹⁰.

20 июня 1924 г. он написал в дневнике, что делает рисунки на тему «Революция», отождествляя ее с ранее задуманной картиной под рабочим названием «РКП»:

«На даче делаю рисунки к „Революции” („РКП”). Очень хорошо всплывает все прошлое, отражающееся в настоящем. Хорошо начать картину не у себя в городе, а здесь, среди природы, где много света, зелени, простора. Контраст помогает мыслить с большей силой ощущения»¹¹.

Предварительный эскиз
(РГАЛИ. Ф. 2359. Оп. 1. Д. 30).

24 декабря 1924 г. Климент Редько получает справку от Давида Штернберга, исполнявшего обязанности зам. председателя Научно-Художественной Секции ГУСа, в которой упоминается картина под новым названием, и сказано также, что для завершения ее надо помочь художнику в предоставлении мастерской:

«Настоящим удостоверяю, что тов. К.Н. Редько выставлял на Государственной Амстердамской выставке свои картины, которые имели успех. Очень талантливый художник, К. Н. Редько в настоящее время нуждается в отдельной мастерской – комнате, ввиду выполнения им произведения „Апофеоз Октябрьской революции”. Нуждается и заслуживает всяческого поощрения»¹².

После некоторого перерыва Редько вновь сообщает в дневнике о работе над картиной «Революция» – 28 марта 1925 г.:

После некоторого перерыва Редько вновь сообщает в дневнике о работе над картиной «Революция» – 28 марта 1925 г.:

10 К. Редько, Указ. соч., 67.

11 К. Редько, Указ. соч., 68.

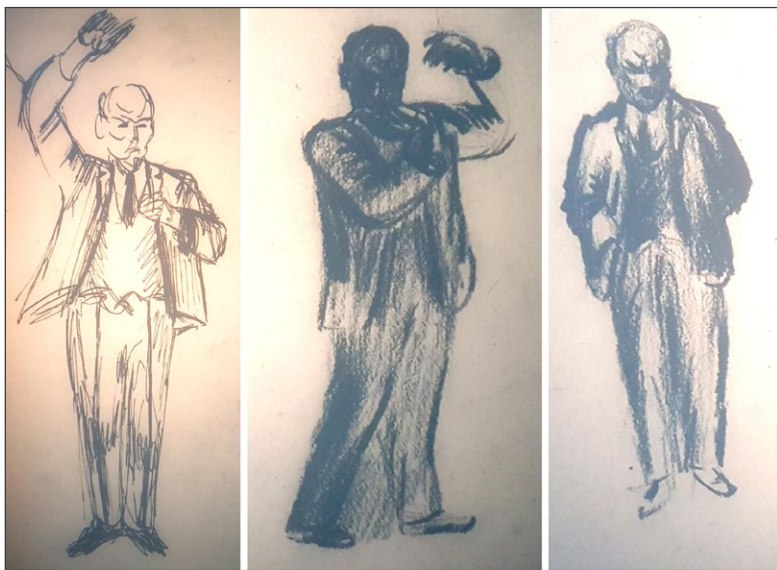
12 РГАЛИ. Ф. 2359. Оп. 1. Д. 272. Л. 7.

«Картина “Революция” теперь пишется быстро. Это опасно и приятно. В общем картина закончена. Две оставшиеся недели перед выставкой нужно отдать свое внимание фигурам вождей, краску кладу густо, скупно и этим преодолеваю первоначальную вялость – результат зимней работы. Дорого время, но еще дороже вдохновение!»¹³.

7 апреля 1925 года – новая запись:

«Картина “Октябрьская революция” стоит в середине комнаты, а я брожу вокруг и мучительно отдыхаю. Очень хорошо не связывать работу над картиной с мыслью о скорой выставке (Редько планировал выставку в Третьяковской галерее, но она не состоялась – А. Ю). Главное внимание теперь сосредоточено на центре: совершенствую фигуру Ленина, переписываю ближайшие к нему фигуры»¹⁴.

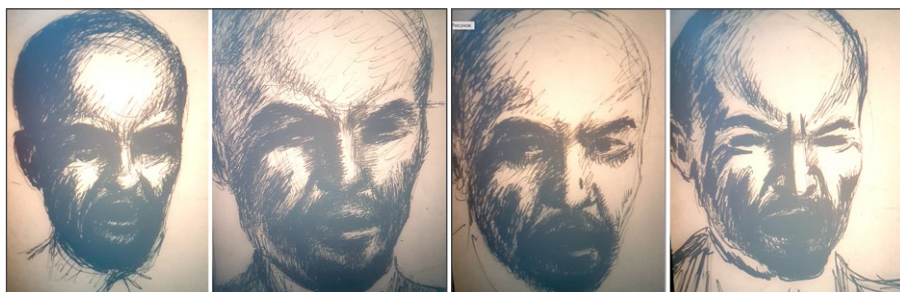
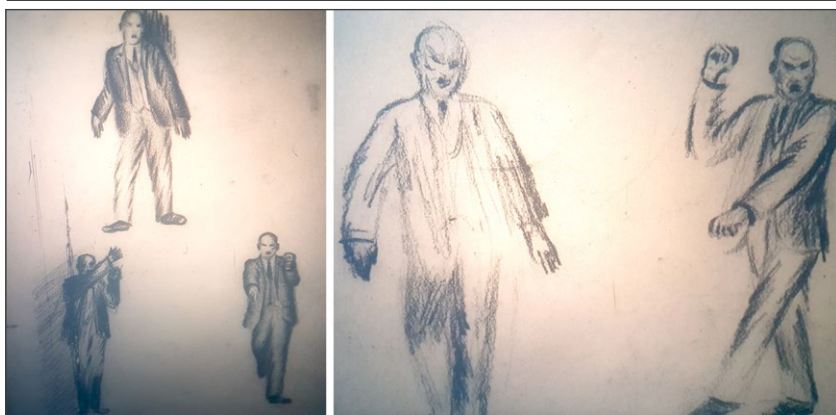
Наброски художника к картине «Восстание» хранятся в РГАЛИ¹⁵:

13 К. РЕДЬКО, Указ. соч., 68.

14 К. РЕДЬКО, Указ. соч., 68.

15 РГАЛИ. Ф. 2359. Оп. 1. Д. 30.

Казалось бы, картина завершена, но это не так. Выставка отложена – и работа над картиной продолжена.

12 декабря 1925 г. он написал в дневнике: «Завтра принимаюсь за „Восстание“ („Революция“)».

17 декабря он поясняет в дневнике некоторые изменения в цветовой гамме: «Красный цвет в центре картины сдвинулся, концентрируясь в окружности. Теперь фон фигуры Ленина в световом блеске серого и светло-охристого цветов. Этим достигнуто сочетание холодного металла с ударами красного огня. Вся моя работа протекает под знаком физико-химических проблем современной науки. Это несомненно так. Большинство людей любят смотреть назад и только там видеть и искать искусство успокоительное. Картина „Восстание“ идет, как строгий порыв, обоснованный от начала и предвидящий в развитии своем необходимый конец»¹⁶.

В начале марта 1926 г. идут переговоры о персональной выставке. 3 марта – запись в дневнике: «Вопрос об устройстве выставки решился в мою пользу... Итак, вперед! Теперь – даешь помещение!»¹⁷.

19 марта к Редько приходит Яков Александрович Тугендхольд, один из самых видных специалистов по современному искусству:

«Мурманские картины и все прочие Яков Александрович воспринимал по-настоящему: чутко, вдумчиво, с пониманием, какое должно быть в настоящей критике. Сначала слышал от него такую оценку: „Вы колорист, у вас хорошо выходят дали, но нужно больше формы и цвета“. Затем показываю ему следующие работы – эти работы удовлетворили его и в смысле формы. „Русские любят сжигать за собой корабли, но теперь вижу, что вы здесь выполнили, так, как нужно, – закончено и строго проработано. Надо уметь использовать свой прошлый опыт в новых работах“. А уходя, сказал многозначительно: „Не жалею, что был у вас“»¹⁸.

Работы, которые удовлетворили критика «в смысле формы» не названы, но можно уверенно полагать, что в картине «Восстание» этих «форм» явно больше, чем в мурманских пейзажах.

¹⁶ К. РЕДЬКО, Указ. соч., 72.

¹⁷ К. РЕДЬКО, Указ. соч., 72.

¹⁸ К. РЕДЬКО, Указ. соч., 72–73.

Устройство персональной выставки – дело непростое: требуются согласования...

Редько пишет заявление в Художественный отдел «Главнауки»:

В Художественный Отдел «Главнауки»
Художника К.Н. Редько
(Милютинский п. 16, кв. 24. Тел. 2-37-45)

Заявление

Ввиду исполнения десятилетия моей художественной деятельности прошу Художественный отдел «Главнауки» взять на себя устройство выставки моих картин и рисунков. Привожу краткий перечень моих, как художника общественных выступлений (так! – А. Ю).

С 1917 по 1920 г. участвую в коллективах художественной политической агитации в Ленинграде, Киеве и на фронтах Гражданской войны. В 1921 г. выступаю в Москве на выставках: «Объединенной Группы Художников» и «Дискуссионной». Участвую в Государственных Художественных выставках за границей. Отмечены критикой, как русской, так и заграничной печати. Некоторые мои работы приобретены в Музеи. В 1922 г. получаю от Наркомпроса заграничную командировку. Весной 1925 г. <...> командируюсь «Главнаукой» для производства художественных работ на Мурман, Новую землю и Сибирь. Результат означенной поездки – большое количество работ, частью напечатанных с критической статьей А.В. Бакушинского в «Красной Ниве» (13 декабря 1925 г., №51). Количество лучших отобранных для выставки работ: 50 полотен – картин (из них 2 особо выдающегося значения и размера) ... В силу всего вышеизложенного прошу Художественный Отдел «Главнауки» взять на себя устройство выставки. По моему расчету для устройства выставки требуется:

1. Помещение в 2 комнатах (общая длина стен для развески от 100 м.).
2. Напечатание и расклейка афиш (размер 18х24 вер.) в кол. до 1000 экземпляров.
3. Издание каталога (500 экз.)
4. Желательно выставку открыть 18-го или 21-го марта сроком на 2 мес.¹⁹.

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 2359. Оп. 1. Д. 277. Л. 1–2.

У Редько – прекрасные рекомендации. Одну из них написал член коллегии Наркомпроса О.Ю. Шмидт. 13 марта 1926 г. он отправил письмо директору Третьяковской галереи тов. Щусеву:

Уважаемый товарищ! Ряд культурных работников ожидает очень много интересного от выставки картин худ. Редько. Если Вы разделяете положительную оценку работ т. Редько и примете во внимание культурно-краеведческое значение их, то не найдете ли возможным пойти навстречу молодому художнику в этом деле?

Примите уверения в моем искреннем уважении. О. Шмидт²⁰.

Сохранился интересный документ (в «копии», как заявил Редько), – что-то вроде коллективной просьбы и одновременно характеристики Климента Редько как художника разными деятелями культуры²¹.

31 марта 1926 г. был составлен договор художника с «Главнаукой», в результате Редько дали помещение Тракторного техникума на Большой Дмитровке.

Он пишет о своем творчестве – для каталога выставки:

«Моя выставка живописи не охватывает всей работы за десятилетний период. Выставка картин десяти лет или понимания красок на палитре, на кончике кисти и на поверхности полотна. В трех этих положениях основывается все физическое понимание, эстетическое ощущение и техническая логика материала. Анализ цвета превращается в синтез света. Первое и второе определяют пространство простых и сложных форм...»²².

О.Ю. Шмидт получает также письмо художника Дмитрия Моора (оно не датировано), в котором он просит поддержать Редько:

Дорогой мой Отто Юльевич!

Если вы будете иметь маленькую минуточку среди Ваших великих дел, черкните строчки в МОСХ (хотя бы на основании свидетельств художников, которые дали свои мысли – художники разных направлений). Это решит вопрос о совершенно необходимой выставке

20 Там же. Л. 6.

21 РГАЛИ. Ф. 2359. Оп.1. Д. 277. л. 8–13.

22 Там же. Л. 19.

талантливого Редько. Простите, что я вам пишу. Приветствую Д. Моор²³.

Незадолго до открытия персональной выставки в газете «Известия» за 9 апреля 1926 г. публикуется объявление:

«Художественный отдел Главнауки в текущем месяце наметил организовать две выставки картин: о(бщест)ва “Четыре искусства” и художника Редько... Вторая выставка представит интерес, как показ эволюции “левой молодежи” среди живописцев за годы революции в сторону прихода к новому реализму».

Выставка открыта с 11 апреля 1926 г.
«Известия» сообщали:

«Сегодня, 11 апреля, открывается (Большая Дмитровка, 11) устраиваемая худож(ественным) отделом Главнауки выставка картин и рисунков К.Н. Редько. На выставке будут представлены интересные работы художника, привезенные им с Севера (жизнь и быт поморов)».

14 апреля 1926 года он пишет в дневнике: «Выставка открыта. Посетители выставки очаровываются и разочаровываются. Мнения и суждения самых серьезнейших из серьезных людей – это шаловливый ветер. Завидуют, предостерегают, а считаться должны. Верю самому себе»²⁴.

Редько следит за тем, что пишут о нем и его выставке. Одновременно – комментирует. 18 апреля – новая запись:

«Сегодня в “Известиях” напечатана статья Я. Тугендхольда: “Выставка К. Редько”. Скучно читать о своих работах статьи, будь они отзывы хорошие или плохие»²⁵.

Первые радости уходят, на их месте – новые переживания. 8 мая он записывает: «Посещаемость выставки слабая. Расклеенные на улицах

23 Там же. Л. 7.

24 К. РЕДЬКО, *Указ. соч.*, 73.

25 К. РЕДЬКО, *Указ. соч.*, 73.

афиши и напечатанные несколько статей не могут изменить существующего положения. Месяц выставки истек, хочу еще продлить на две недели. Хочу приступить к новым полотнам». Но вдруг, на следующий день, 9 мая – нашествие, организованная экскурсия, и в этот же день – ожидание приезда А.В. Луначарского:

«В начале дня выставка испытала нашествие большой экскурсии – тридцать пять человек – молодые комсомолки и старые женщины, работницы фабрики Краснопресненской мануфактуры. Трудно мне было вначале войти в роль лектора, потом немного разошелся, сосредоточил их внимание на далеком Севере, объясняя картины не с формально-живописной, а с бытовой и географической сторон. Жду А. В. Луначарского, и вот он поспешно входит со словами: “Лучше поздно, чем никогда”. Надо сказать, нарком еще очень живой человек, как юноша. Просматривал работы быстро, но внимательно, по порядку. Стараюсь получше завладеть его вниманием, и мне удастся раскрыть перед ним ряд работ. По мнению Анатолия Васильевича, в работе строгая последовательность. “Выставка в целом – лучшая из виденных ранее в этом сезоне”. Отзыв лестный, самый ободряющий. На прощание мы зорко, остро посмотрели друг другу в глаза. Анатолий Васильевич еще раз подтвердил, что, если выставка не закроется, в субботу он придет с Натальей Александровной Розенель. Мои портреты пришлись по вкусу. Анатолий Васильевич поинтересовался, как я живу, и вообще о художниках, и о мерах по приобретению государством произведений искусства»²⁶.

Итак, мы видим, что картину Климента Редько «Восстание» перед открытием выставки видят представители комиссии ОСТ (Общества художников-станковистов, созданного группой выпускников ВХУТЕМАСА со главе с Давидом Штернбергом) – А. А. Лабас, П. В. Вильямс, Ю. И. Пименов, К. А. Вялов, А. А. Дейнека, сам Давид Штернберг, эту картину осматривает идеолог пролетарской культуры – А. А. Федоров-Давыдов, ее наблюдает Я. А. Тугендхольд, самый известный в то время критик; смотрят на картину комсомольцы и комсомолки, рядовые граждане, смотрит на нее и нарком просвещения Анатолий Васильевич Луначарский... – и ничего странного в ней не находят.

²⁶ К. РЕДЬКО, Указ. соч., 74.

Более того, во всех публикациях об этой выставке нет даже намека на то, что в ней можно найти что-то вызывающее – напротив, картине «Восстание» не уделяется того внимания, на которое явно рассчитывал Климент Редько, потративший на ее создание два года. О ней говорят мало, но если и говорят, то с нескрываемым сожалением...

Отозвалась, но не очень оптимистично, газета «Правда», статьей Ф. Рогинской от 6 мая 1926 г.

«Редько совсем еще молодой художник, только начинающий освобождаться из плена чужих влияний (футуризма, конструктивизма и др.). Его последние мурманские работы указывают, что художник выходит на самостоятельный путь, овеванный каким-то суровым реализмом. Художник, без сомнения, талантлив. Однако творчество его еще чересчур незрело, и организация выставки представляется преждевременной».

Откликнулся Федоров-Давыдов:

«Похвала молодому художнику – он повторил все, что писал в рекомендации, и похвалы только северным картинам художника: Решающее значение на художника оказала поездка на Мурман, откуда он и привез последние свои реалистические произведения. Просматривая их, легко заметить, как чувство природы, первоначально полученное чисто-зрительным путем, углубляясь, заставило присмотреться к определенным этой суровой северной природой людям – поморам и их быту. Недаром его “Рыбачка” имеет еще второе название “Полярная ночь”. Здесь фигура девушки-поморки одновременно олицетворение и человека, и природы»²⁷.

И – ни слова о картине, на которой изображен Ленин, его сподвижники и сама Октябрьская революция!

27 А. Федоров-Давыдов, *По выставкам* // Печать и революция. Книга четвертая. Июнь (1926 г.), 110.

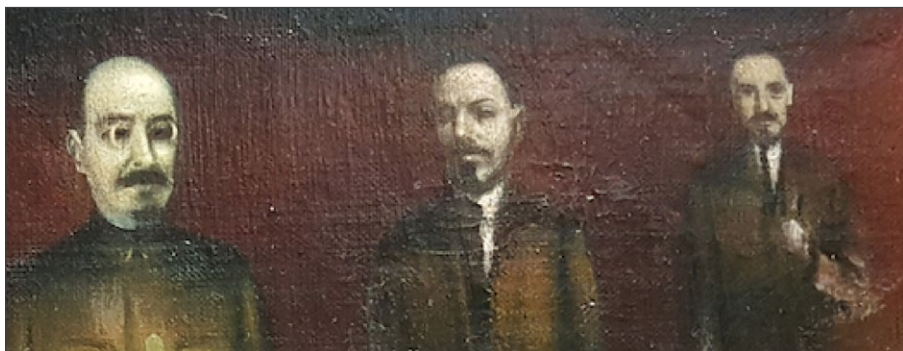
ПЕРСОНЫ ВЫШЕ СТАЛИНА

Приглядимся к картине Редько «Восстание». Вернемся к рядам, на которых стоят вожди революции. Как видно, один из самых близких к Ленину, если не самый близкий – Лев Давидович Троцкий.

Полнота этой близости определяется тем, что рядом с ним находится жена Ленина, вдова Н. К. Крупская. Вслед за ней стоит очень узнаваемый нарком просвещения А. В. Луначарский, которого Редько боготворил. Итак, третий по счету – нарком просвещения, третий по счету, но в другой линии – Сталин. Ясно, что такая расстановка никак не свидетельствует о реальном объеме власти Луначарского, но согласно общему замыслу и композиции картины он со Сталиным в равной позиции...

Рассмотрим более внимательно эту «линию Троцкого»: кто следует за Луначарским?

Редько читал книги на самые разные темы, и он не мог не знать, хотя бы приблизительно, биографии Луначарского, и не мог поставить вслед за наркомом фигуру, которая была бы с ним в диссонансе. Эти предварительные размышления нисколько не предопределяют поиск, ибо узнаваемость следующего лица в «линии Троцкого» ярко свидетельствует о качестве Редько-портретиста...

Вся дореволюционная биография Луначарского известна как деятельность одного из главных в России марксистов-эмпириокритиков.

Эмпириокритицизм был настоящей модой русской интеллигенции, унаследовавшей философию тургеневского Базарова. Главный враг эмпириокритиков – *любая* метафизика: без особой разницы, идеалистическая она или материалистическая. К началу XX в. в марксистской среде уже накопились серьезные претензии к марксизму как к учению, в котором не было культа эмпирического исследования как основы познания.

Одним из самых ярких представителей эмпириокритицизма был А.В. Луначарский. Уже в молодые годы, увлекаясь такими философами, как Милль, Бэн, Дарвин, Спенсер, он приходил к убеждению, что под экономическое учение Маркса необходимо подвести позитивный философский фундамент. В 1895 г. он приехал в Цюрих, где стал слушателем лекций Авенариуса. Луначарский полагал, что марксизму, как теории развития общества, не хватает биологического эволюционизма. Он верил, что возможно соединение марксистской общественно-экономической науки с биологической теорией познания, которая ничего не упрощает, но напротив – сохраняет значимость познающего субъекта, эмпириокритика. Новые («критические») марксисты нередко противопоставляли себя марксистам-ортодоксам, главным из которых по праву считался Г. В. Плеханов.

Весьма активными эмпириокритиками-марксистами были А. А. Богданов (Малиновский) и В. А. Руднев, не случайно взявший себе имя Базаров, как у главного героя романа «Отцы и дети». Сосланные царским правительством в Калугу (1899–1901), они организовали кружок марксистов и много времени отдавали философским спорам, пытаясь уяснить для себя сущность марксистского мировоззрения. Эти споры продолжились и в Вологде, куда с 1901 г. стали отправлять в ссылку политически неблагонадежных: среди них был и Н. А. Бердяев, в то время еще разделявший некоторые положения К. Маркса, но уже отходивший от основного учения в сторону идеализма. Там был А. А. Богданов, работавший врачом – психиатром, социалист-революционер Борис Савинков, историк П. Е. Щеголев, А. В. Луначарский. В вологодских спорах зрели будущие мировоззренческие баталии модернистов и позитивистов. Когда Бердяев стал открыто говорить о своих сомнениях в отношении материалистического учения, врач-психиатр Богданов приходил к нему, чтобы узнать о состоянии его душевного здоровья: он был убежден, что такое сомнение – плод умственного расстройства...

Впрочем, отношение к религии у эмпириокритиков был непростым. Отвергая религиозную (идеалистическую метафизику), Луначарский писал о том, что религиозный дух вполне совместим с позитивизмом, и даже придумал выражение «позитивная религия». Это религия без Бога, но с верой в человечество. Главная идея – победа жизни, разума, науки и техники над природой. Даниела Стейла отмечала:

«Главной особенностью социалистической религии, согласно Луначарскому, было отсутствие Бога и любой отсылки к сверхъестественному. Новым богом, приход которого провозглашал социализм <...> должно стать новое человечество – победитель природы и творец собственной судьбы»²⁸.

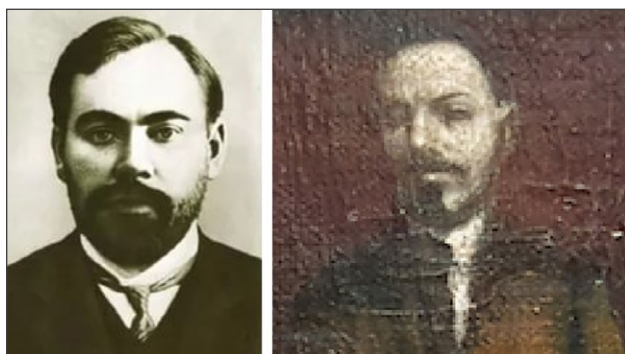
К этой идее был близок и Максим Горький, находившийся под сильным влиянием эмпириокритиков. Свою религию «без бога» он назвал «богостроительством» в романе «Исповедь», написанном в начале 1908 г. По словам старца, отвечавшего на вопрос молодого человека по имени Матвей о происхождении божественного начала, «богостроитель – это суть народушко». Общее убеждение марксистов-эмпириокритиков

28 Д. СТЕЙЛА, *Наука и революция. Рецензия эмпириокритицизма в русской культуре (1877–1910 гг.)* (Москва: Академический Проект, 2013), 256.

состояло в том, что трансцендентное существует только в пролетарском коллективизме, – именно коллективизм соединяет в себе лучшие свойства человечества²⁹.

«В высшем коллективном единстве человечества пролетариат должен был стать подлинным “универсальным классом”, воплотившим в жизнь предложенные буржуазным индивидуализмом положительные элементы, которые теперь иссякли»³⁰.

Луначарский – Богданов – Базаров: в таком именно порядке они вошли в историю марксизма в России. Учитывая склонность художника Редько к опытным наукам, в которых он видел смысл своего художественного откровения, можно с уверенностью утверждать, что следующим персонажем в «линии Троцкого» был именно А. А. Богданов. Схожесть его фотографий и портрета на картине Редько – очевидна.

Александр Александрович Богданов (псевдоним; настоящая фамилия – Малиновский, 1873–1928) учился в Московском университете на физико-математическом факультете. В 1894 г. был арестован, сослан в Тулу, где руководил марксистскими кружками. В РСДРП – с 1896 г. Вел революционную пропаганду в разных городах России, подвергался неоднократным арестам, тюремному заключению, ссылкам. В 1897 г. выпустил «Краткий курс экономической науки», стал одним из видных теоретиков марксизма. После раскола в РСДРП в 1903 г. примкнул

29 А. Юрганов, *Ренессанс личности в судьбе русского модернизма* (Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2018).

30 Д. Стейла, *Указ соч.*, 263.

к большевикам. Весной 1904 г. знакомится с Лениным, участвует в III съезде РСДРП в 1905 г. В последующих съездах избирается членом ЦК от большевиков. Был членом редколлегии газет «Пролетарий», «Новая жизнь», «Вперед». В 1904–1906 гг. издал несколько томов своей книги «Эмпириомонизм. Статьи по философии». Будучи сторонником философского учения Эрнста Маха, он отрицал объективное существование пространства и времени, отрицал объективность истины (вне опыта). В.И. Ленин критиковал учение Богданова в своей главной философской книге – «Материализм и эмпириокритицизм». В 1910 г. Богданов был выведен из состава ЦК партии большевиков за антипартийные взгляды возглавляемой им группы «Вперед». В 1911 г. он отошел от политической работы. В 1918 г. Богданов стал одним из идеологов Пролеткульта. Наиболее интересный его труд в области теории – это «Тектология», или «Всеобщая организационная наука». Этот труд по праву считается выдающимся памятником русской теоретической мысли начала XX века. Он признавал три основные направления философской мысли, что было очень близко и понятно художнику Редько: это – «энергетика, дарвинизм и социальная теория К. Маркса».

Наиболее полное издание «Тектологии» вышло в 1925–1929 гг. Основная мысль всеобщей организационной науки Богданова заключается в том, что при изучении всякого явления следует исходить из его самоорганизации, из отношения частей и целого. Все в мире находится в динамике перемен, поэтому Богданов считал, что саморегуляция любой организованной системы требует установления равновесия внутри самой себя.

Попытка изобразить художественно Ленина в центре всего мирового процесса – это тоже проблема целого и частей. Редько видит «центром» любой изображаемый центр геометрической фигуры: круга ли, квадрата ли, треугольника ли – не столь уж важно. Существенны отношения частей и целого при изображении всей революции.

Сходным образом можно думать, что и четвертый персонаж в «линии Троцкого» связан с Луначарским: это скорее всего В. А. Базаров, хотя внешнее сходство здесь уже не является решающим аргументом, потому что уменьшение размера самой фигуры ведет неизбежно и к меньшей детализации. Однако едва ли кто-то другой мог занять это место, которое было столь органично для всей теоретической когорты Луначарского.

Владимир Алексеевич Базаров (1874–1939) родился в дворянской семье, учился в Тульской классической гимназии, где и познакомился с Богдановым, он, как и Богданов, учился на физико-математическом факультете Московского университета (изучал химию), но не закончил, был арестован, находился в ссылке. В 1900 г. обучался на философском факультете Берлинского университета, социал-демократ с 1896 г., в 1904–1907 гг. считал себя большевиком. Летом 1917 г. вышел из РСДРП, был одним из идеологов и создателей партии РСДРП (интернационалистов), учрежденной в январе 1918 г. Выступил против заключения Брестского мира, уехал в Крым, затем в Харьков, где вместе с Мартовым основал журнал «Мысль». Во время Гражданской войны оказался в Крыму, был арестован ЧК. Ленин спас Базарова от расстрела. С мая 1921 г. он стал работать в Госплане, в 1924 г. был назначен заместителем председателя экономико-статистической секции Госплана.

Другая нижняя «линия» на картине – от М. И. Калинина:

Михаил Иванович Калинин (1875–1946) происходил из русского крестьянства Тверской губернии. Вел активную революционную деятельность с 1899 года, организовывал марксистские кружки по всей стране, многократно сидел в тюрьме, был в ссылке. В 1905 г. – участник Первой русской революции. На Шестой партконференции РСДРП (1912) был намечен для кооптации в ЦК РСДРП (б). Весь 1916 год сидел в тюрьме, сослан в Сибирь, но бежал и перешел на нелегальное положение, продолжал революционную деятельность в Петрограде. В Февральской революции стал одним из организаторов захвата Финляндского вокзала. Активный участник Октябрьского переворота. На квартире Калинина Ленин проводил совещания по подготовке вооруженного восстания. После смерти Я. М. Свердлова в 1919 г. Калинин был избран председателем ВЦИК. Интересно, что Троцкий себе приписывал выдвижение Калинина на этот пост. 30 декабря 1922 г. номинально стал главой государства – одним из председателей ЦИК СССР. С 1926 г. по 1946 г. – член Политбюро ЦК ВКП (б).

Лев Борисович Каменев (1883–1936) – один из вождей революции, член Политбюро ЦК РСДРП с октября 1917 г. С 1918 г. по 1926 г. был председателем Моссовета, одновременно с 1922 г. находился на должностях заместителя Председателя СНК РСФСР (СССР), председателя Совета труда и обороны СССР, директора Института В.И. Ленина (с 1923 г.). В начале 1926 г. стал наркомом внешней и внутренней торговли. С 1926 г. – полпред СССР в Италии.

Георгий Васильевич Чичерин (1872–1936) – нарком иностранных дел РСФСР и СССР (1918–1930), член ЦК ВКП (б) с 1925 г.

Кто же следующие в «ряду» Калинина? Нетрудно догадаться, что после Г. В. Чичерина идет М. М. Литвинов – он очень похож, и один из главных атрибутов дипломата – это галстук-бабочка, который надевали по случаю различных дипломатических приемов в посольствах.

Максим Максимович Литвинов (1876–1951) – член РСДРП с 1898 г. Находился в эмиграции, участвовал в распространении газеты «Искра». После второго съезда РСДРП (1903) вступил в ряды

большевиков. Делегат третьего съезда РСДРП, участвовал в организации первой легальной большевистской газеты «Новая жизнь» в Петербурге. Во время Первой русской революции занимался закупкой и поставкой в Россию оружия для революционных организаций. С 1907 г. жил в эмиграции. Долгое время жил в Лондоне, руководил группой большевиков, был секретарем Герценовского кружка. В 1914 г. стал представителем ЦК РСДРП в Международном социалистическом бюро. С начала 1918 г. – дипломатический представитель Советской России в Великобритании. В сентябре 1918 г. арестован в ответ на арест английского дипломата Локкарта. Был освобожден, его обменяли на Локкарта. С мая 1921 года по 1930 год – заместитель наркома по иностранным делам РСФСР (с 1923 г. – СССР) Г. В. Чичерина.

Кто же последний в этом ряду? Очевидно, это может быть только дипломат, но рангом ниже замнаркома. Сходство написанного портрета с Вацлавом Вацлавовичем Воровским – весьма убедительное.

Вацлав Вацлавович Воровский (1871–1923) – русский революционер, дипломат. В 1890 г. учился на физико-математическом факультете Московского университета, в революционном движении с 1894 г. Сотрудник газеты «Искра», в Первой русской революции – активный

участник, занимался закупкой оружия для рабочих дружин. Участвовал в работе четвертого съезда РСДРП в Стокгольме. Занимался политическими фельетонами, литературной критикой. После октябрьского переворота – полпред в Скандинавии. В 1919 г. вернулся в Россию. С 1921 г. – полпред и торгпред в Италии. В 1922 г. – участник Генуэзской конференции. 10 мая 1923 г. был убит в ресторане отеля «Сесиль» бывшим белогвардейским офицером Морисом Конради. Состоялся суд и Конради был оправдан судом присяжных, узнавших о страшных преступлениях большевиков; суд счел убийство полпреда – актом справедливости. Похоронен Воровский на Красной площади.

Итак, видно, что линия Троцкого – это идейная и просветительская сторона большевизма, линия Калинина – это внешнеполитическая сторона советского государства. Художник довольно ясно отграничивает разные властные направления большевизма после 1917 года.

Рассмотрим теперь линию Рыкова – с правой стороны от зрителя, наверху. В ней – очевидное сходство с тремя личностями – А. И. Рыковым, М. П. Томским и Н. И. Подвойским.

Алексей Иванович Рыков (1881–1938) – председатель ВСНХ РСФСР (СССР) с 1923 г. Член Политбюро ЦК РКП (б) с 1922 г. В 1923 г. был назначен заместителем председателя Совнаркома и СТО СССР. Фактически – глава исполнительной власти.

Михаил Павлович Томский (1880–1936) – активный участник революции 1905–1907 гг. Делегат пятого (Лондонского) съезда РСДРП в 1907 г. Неоднократно был арестован, сослан. В 1911 г. был приговорен к пяти годам каторжных работ. Участник октябрьской революции 1917 г. в Москве. В декабре 1917 г. становится председателем Московского Совета профессиональных союзов. В октябре 1918 г. исполком ВЦСПС избрал Томского председателем Президиума ВЦСПС. С 1919 г. – член ЦК РКП (б). В 1920 г. подверг критике Троцкого за полное подчинение профсоюзной организации транспорта Наркомату путей сообщения. В 1921 г. была сделана попытка создать независимые от партии профсоюзы. Томский фактически поддержал ее, хотя формально был против.

Николай Ильич Подвойский (1880–1948) – активный участник Первой русской революции. В 1906–1907 гг. был в эмиграции. Участвовал в

организации газет «Звезда» и «Правда». С 1915 г. – глава финансовой комиссии Русского бюро ЦК РСДРП. В 1916 г. был арестован, в феврале 1917 г. был приговорен к ссылке в Сибирь. В октябрьском перевороте 1917 г. был одним из главных организаторов большевистского переворота, руководи-

телем вооруженного восстания. В 1917–1918 гг. – нарком по военным делам РСФСР. Один из организаторов Красной Армии. В 1921–1927 гг. – председатель Спортинтерна, в 1920–1923 гг. – председатель Высшего совета физической культуры. В 1924–1930 гг. – член Центральной контрольной комиссии ВКП (б).

Кто следующий в «линии» Рыкова? Этот вопрос более затруднителен, чем в других «линиях». Ибо здесь нет очевидной логики, как в случае с линией дипломатической (от Калинина). Однако если иметь в виду, что в плоскости Рыкова концентрируется власть исполнительная и профсоюзная, то ожидать можно какого-то наркома с яркой биографией в прошлом.

При проверке на предмет сходства наиболее подходящей фигурой оказывается Леонид Борисович Красин. Портретная зарисовка позволяет увидеть человека с уже почти седой бородой – это косвенное указание на возраст: перед нами человек явно немолодой. Кроме того, художник изобразил острый подбородок – это тоже сближает портрет с реальным обликом Л.Б. Красина.

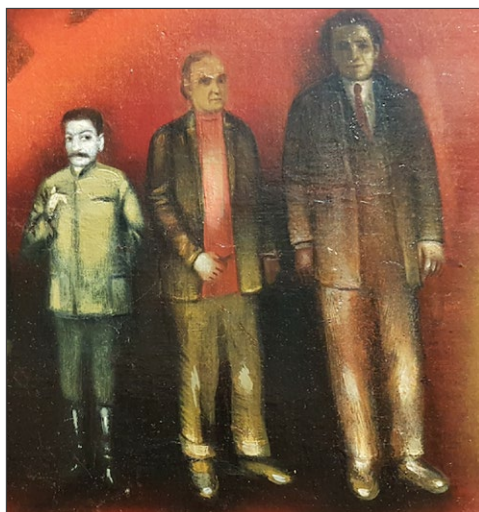

Леонид Борисович Красин (1870–1926) – член ЦК РСДРП в 1903–1907 гг. Член ЦК ВКП (б) с 1924 по 1926 гг. В 1923 г. стал первым наркомом внешней торговли СССР, с 1924 г. – полпред во Франции, с 1925 г. – во Франции.

Что касается следующей фигуры в «линии» Рыкова, то пока

это лицо никак не идентифицируется, и нет даже предположений, кто бы это мог быть.

Наконец линия, о которой шла речь только в связи со Сталиным, между тем он – лишь третий в ряду, а первые две личности без труда узнаваемы: это Г. Е. Зиновьев и В. В. Куйбышев.

Григорий Евсеевич Зиновьев (Евсей-Гершен Ааронович Радомысльский; 1883–1936) – один из главных вождей революции. Участвовал в революционном движении с 1901 г., член РСДРП. В 1903 г. познакомился с Лениным, впоследствии стал одним из его близких друзей. В 1904 г. учился в Бернском университете на химическом факультете, однако

прервал учебу для участия в Первой русской революции. На пятом (Лондонском) съезде РСДРП был избран членом ЦК. В 1908 г. вместе с Лениным эмигрировал в австрийскую Галицию. В 1917 г. вместе с Лениным возвращается в Россию в плом-

бированном вагоне. После событий 4 июля 1917 г. вместе с Лениным скрывался на озере Разлив. В октябре 1917 г. на закрытом заседании большевистского ЦК проголосовал (вместе с Л.Б. Каменевым) против свержения Временного правительства. Ленин считал, что своим публичным несогласием с решением ЦК Зиновьев и Каменев выдали Керенскому планы вооруженного восстания. С 1917 г. председатель Петроградского Совета (с 1924 г. – Ленсовета). В 1919 г. избран председателем Исполкома Коммунистического Интернационала. В 1921–1926 гг. – член Политбюро ЦК РКП (б). Выступал с отчетными докладами ЦК

на XII и XIII съездах партии. Именно Зиновьев предложил в 1922 г. Каменеву назначить Сталина на пост Генерального секретаря ЦК РКП (б). Зиновьев создал «тройку» (Зиновьев – Каменев – Сталин), которая, по его мнению, могла противостоять авторитету еще одного лидера партии – Л.Д. Троцкого. На XIV съезде партии (декабрь 1925 г.) Отчетный доклад ЦК прочитал уже не Зиновьев, а Сталин. Зиновьев, поддержанный Каменевым и ленинградской делегацией, выступил против группы Сталина (Молотов, Рыков, Бухарин) и партийного большинства, однако в 1926 г. это выступление было квалифицировано как «фракционное», – Зиновьев был отстранен от руководства Исполкома Коминтерна и Ленсоветом. Объединение Зиновьева с Троцким в 1927 г. закончилось тем, что он был выведен из состава ЦК, а затем исключен из партии.

Валерьян Владимирович Куйбышев (1888–1935) – член ЦК ВКП (б) (1922–1923, 1927–1935), член Оргбюро ЦК ВКП (б), секретарь ЦК ВКП (б), член ЦК ВКП (б), председатель Президиума ЦК ВКП (б), участник Первой русской революции, неоднократно

был арестован и заключен в тюрьму. Учился в Томском университете на юридическом факультете, отчислен за революционную деятельность. В 1917 г. возглавлял Самарскую организацию РСДРП. В октябре 1917 г. устанавливал Советскую власть в Самаре. Во время Гражданской войны отличился как руководитель обороны Астрахани. С 1923 г. по 1926 г. – нарком РКИ, заместитель председателя СНК и СТО. С 1926 г. – председатель ВСНХ. С 1930 – председатель Госплана, одновременно заместитель СНК и СТО.

Сталин изображен третьим в ряду Зиновьева в высшей степени правдиво – его левая рука не сгибалась с детства, и Редько показал типичную для Сталина ситуацию – подвижную правую руку и левую руку, уходящую в карман военного кителя.

Интересно, что взгляд Сталина на фотографии того времени очень совпадает с тем, как Сталина изобразил художник – смотрящим не прямо, а с каким-то «прицелом». Художник внимателен и наблюдателен настолько, что уловил не только сталинскую манеру держать правую руку согнутой, а левую опущенной, но и его взгляд – «косой» взгляд.

Кто же стоит в «линии» Зиновьева после Сталина?

Первый из них (ближе к Сталину) – председатель ОГПУ (с 1926 г.) Вячеслав Рудольфович Менжинский – один из руководителей советских органов государственной безопасности. При внешней схожести Менжинского и Дзержинского видно все же, что художник не мог так изобразить Дзержинского: ни одна из его характерных черт (острота скул, большие и широко расставленные глаза, бородка) никак не представлены, зато внешний облик Менжинского схвачен в высокой степени

похожести. Единственное, что не вполне совпадает – это то, что в отблеске революционного пожара Менжинский освещен светом марксизма до такой степени, что уже не выглядит брүнетом, каким был.

Вячеслав Рудольфович Менжинский (1874–1934) – один из руководителей органов безопасности. С 1902 г. – в РСДРП, большевик, работал представителем газеты «Искра», вел агитационную работу на Ярославской железной дороге. Был арестован,

бежал за границу. После Февральской революции вернулся в Россию, во время Октябрьской революции был членом петроградского военно-революционного комитета, комиссар ВРК в Госбанке, в 1918 г. был наркомом финансов. При Менжинском производилась национализация банков. В 1919 г. – нарком Рабоче-крестьянской инспекции Украины. С 1919 г. – в ВЧК. В 1921 г. стал руководить Секретно-оперативным управлением (СОУ) ВЧК. С 1923 г. – первый заместитель председателя ОГПУ Дзержинского. Фактически именно он управлял ведомством, так как Дзержинский в последние годы жизни занимался делами ВСНХ; 20 июля 1926 г. Дзержинский умер, председателем ОГПУ стал Менжинский.

Последняя фигура в «линии» Зиновьева имеет некоторую схожесть, – слегка приподнятой бровью, крупным лицом без усов и бороды, – с лицом Якова Христофоровича Петерса, известного своими громкими делами чекиста, возглавлявшего (на момент написания картины) Восточный отдел ОГПУ.

Яков Христофорович Петерс (1886–1938) – один из создателей и руководителей ВЧК. Участник Первой русской революции. Был в эмиграции. После Февральской революции приехал в Россию.

В октябре 1917 г. стал членом Петроградского ВРК. С 1918 г. – первый секретарь парторганизации ВЧК. С его именем связывают раскрытие заговора Локкарта. Петерс руководил подавлением левоэсеровского

мятежа 1918 г. Заместитель председателя ВЧК Феликса Дзержинского. В 1919 г. подписал (в числе других) постановление о расстреле оставшихся членов императорской семьи. Вел следствие по делу Ф. Каплан, покушавшейся на Ленина, руководил ликвидацией «Союза защиты родины и свободы» Бориса Савинкова. В 1919 г. Петерс был назначен комендантом Киевского укрепленного гарнизона в то время, когда наступала армия Деникина и Петлюры. С 1922 г. стал начальником Восточного отдела ГПУ. Одновременно выполнял обязанности главного инспектора погранвойск ОГПУ. В 1929 г. отошел от дел, связанных непосредственно с органами безопасности.

Итак, в результате опознания лиц на картине «Восстание» (1925) можно констатировать следующее: все первые три персоны в каждой из «линий» узнаваемы безусловно – дополнительных аргументов не требуется. Это Л. Д. Троцкий, Н. К. Крупская, А. В. Луначарский, М. И. Калинин, Л. Б. Каменев, Г. В. Чичерин, А. И. Рыков, М. П. Томский, Н. И. Подвойский, Г. Е. Зиновьев, В. В. Куйбышев, И. В. Сталин.

Не вызывают особых сомнений некоторые лица «четвертого порядка»: это А. А. Богданов и М. М. Литвинов.

Могут быть сомнения по атрибуции В. В. Менжинского и Л. Б. Красина, но для нашего исследования этот сюжет не имеет принципиального значения.

В последней («пятой») позиции каждой из линий один человек не опознан вообще (в «линии» Рыкова), две персоны опознаны с достаточной долей вероятности: это В. В. Воровский и В. А. Базаров. Проблематична фигура Я. Х. Петерса.

Таким образом, мы можем составить предварительный список – своеобразный рейтинг. Как уже упоминалось, Сталин в нем занимает только девятую строку! Впереди – восемь человек: это Троцкий, Крупская, Калинин, Каменев, Рыков, Томский, Зиновьев и Куйбышев.

Сталин «на равных» с Луначарским, Чичериным и Подвойским.

Все, что мы знаем о событиях борьбы за власть в партии, противоречит картине, которую написал К. Редько. Естественно, возникает вопрос о границах субъективности художника, о его понимании или непонимании истинной ситуации в стране. На картине Редько нет Николая Ивановича Бухарина! Забыл его? Или не хотел изображать?.. Впрочем, тут надо подчеркнуть, что Редько – не придворный живописец, и никому не обязан был в 1925 г. «кланяться» при изображении Октябрьской революции. Тем более, что Бухарин не входил в число главных организаторов переворота.

Итак, насколько можно доверять столь парадоксальной картине, смысл которой никак не согласуется с тем, что общеизвестно? Объяснение, что мастер не был вхож в высшие круги партии и не знал истинного положения вещей, оказывается слишком простым – как уже было показано, никто из видевших эту картину воочию (включая Луначарского) не удивился и не сделал замечаний. Критики, хорошо знавшие политическую жизнь в стране, сочли картину слишком тривиальной! Никто ее не оспаривал!

Так в чем же дело?

Необходимо выяснить, является ли картина плодом только личного умозрения художника или она свидетельствует о какой-то типичности в объяснении ситуации.

Редько, как обычный гражданин, мог читать и даже выписывать газету «Вечерняя Москва», которую не назовешь партийной или государственной – это обычная городская газета для обычных советских людей. Если он не читал ее и не выписывал – то еще больше оснований поверить независимому источнику...

Мною был проведен анализ упоминаний за весь 1925 год в «Вечерней Москве» всех тех, лиц, которые были мною опознаны: это 19 человек. Статистический анализ включал в себя такие параметры: 1) если упоминается та или иная фамилия в одном номере газеты несколько раз, то фиксируется одно, а не несколько упоминаний; 2) фиксируется любое упоминание фамилии – даже если это не человек, а, например, пароход или аэродром, названный именем этого человека.

Основная цель анализа – увидеть в газете «мелькание» имени, его популярность или непопулярность. В результате проведенного анализа была выявлена динамика «мелькания» имени в обычной городской прессе. Сталин в этом новом списке вновь занимает девятое место!

Вот список всех лиц с указанием их газетного «рейтинга»:

1. Чичерин – 63	10. Крупская – 18
2. Луначарский – 59	11. Томский – 17
3. Рыков – 37	12. Куйбышев – 6
4. Красин – 35	13. Воровский – 5
5. Троцкий – 32	14. Литвинов – 3
6. Калинин – 29	15. Подвойский – 1
7. Зиновьев – 27	16. Богданов – 1
8. Каменев – 23	17. Менжинский – 0
<u>9. Сталин – 19</u>	18. Петерс – 0
	19. Базаров – 0

В общественном сознании Сталин оказался вождем с весьма узким спектром влияния на мифологию революции. В текстах того времени (второй половины 20-х годов) встречается такие характеристики Сталина – «партийный авторитет», «практик».

Сталин – один из вождей партии, это несомненно, но также несомненно, что он не теоретик. В общественном сознании он проигрывал Троцкому, лишенному всех главных должностей в Советской республике, фактически безвластному и гонимому. В мифической отрешенности культ вождя не был связан напрямую с должностью! Сама «Вечерняя Москва» свидетельствовала о разнице между культом вождей-теоретиков и культом вождей-практиков. Критерий придумала не газета, – так думала прежде всего большевистская партия: любой партийный деятель, который поднимался до уровня «партийного авторитета» или «выдающегося практика» не мог претендовать на большее, если его не читают и не цитируют как теоретика. Сталин был хорошим практиком и администратором, и это обстоятельство создавало у многих иллюзию, что он никогда не сможет подняться выше.

26 января 1925 г. в «Вечерней Москве» были обнародованы результаты опроса: кого из высших партийных деятелей, разбирающих «основные вопросы марксизма», читают? Выяснилось: рабочие читают Ленина, Зиновьева, Троцкого, Бухарина и Калинина.

27 января 1925 г. в той же газете была опубликована еще одна заметка «Что читает учащийся?» Ответ был такой: «Среди них 90 проц. составляют работы Ленина, Плеханова, Зиновьева, Троцкого, Радека и Бухарина».

Газета регулярно сообщала о выходе очередного тома сочинений того или иного вождя, – 5 января была опубликована заметка «Новые книги товарища Зиновьева»: увидел свет седьмой том его собрания сочинений.

Никто не брал в руки труды товарища Сталина пока он сам не напомнил о них...

КОНЦЕПЦИЯ ТРОЦКОГО

Эту ситуацию комментировал Л.Д. Троцкий, находясь в эмиграции. Он характеризовал отношение Ленина к Сталину. Выявленный нами политический контекст и относительно позднее высказывание Троцкого полностью совпадают:

«Ленин видел в Сталине революционера, но не политика большого стиля (курсив мой – А.Ю.). Значение теории для политической борьбы стояло в глазах Ленина слишком высоко. А Сталина никто не считал теоретиком, и сам он до 1924 г. не изъявлял никогда претензий на это звание. Наоборот, его слабая теоретическая подготовка была слишком хорошо известна в тесном кругу. Сталин не знаком с Западом, не знает ни одного иностранного языка. При обсуждении проблем мирового рабочего движения он никогда не привлекался. Сталин не был, наконец, – это менее важно, но не лишено все же значения, – ни писателем, ни оратором в собственном смысле слова. Статьи его, несмотря на всю осторожность автора, кишат не только теоретическими несообразностями и наивностями, но и грубыми погрешностями против русского языка. Ценность Сталина в глазах Ленина почти исчерпывалась областью партийного администрирования и аппаратного маневрирования. Но и здесь Ленин вносил существенные оговорки, чрезвычайно возросшие в последний период»³¹.

Несмотря на эти различия коллективный культ вождей революции был основным культом в массовом сознании середины 20-х годов.

Например, на трибуне Мавзолея 1 мая 1925 г. стояли Калинин, Молотов, Каменев, Томский, Зиновьев. Среди них не было главного, кто притягивал бы к себе большее внимание. На годовщину Октябрьской революции (в ноябре 1925 г.) проходящие мимо мавзолея массы людей кричали «Да здравствуют вожди революции!».

В массовом сознании не было попыток выделить культ одного из них: достаточно того, что вместе они выражают сущность Октябрьской революции. Что, собственно, и интересовало Климента Редько, работавшего над картиной «Восстание».

Обратим внимание на интенсивность газетных упоминаний Сталина и Троцкого в течение всего 1925 года.

31 Л. Д. Троцкий, *Сталин* (М.: Эксмо, 2011. Кн.2), 464.

Сталин	Троцкий
январь – 2	январь – 5
февраль – 0	февраль – 0
март – 1	март – 0
апрель – 0	апрель – 0
май – 1	май – 0
июнь – 1	июнь – 6
июль – 0	июль – 3
август – 0	август – 4
сентябрь – 0	сентябрь – 4
октябрь – 2	октябрь – 4
ноябрь – 6	ноябрь – 2
декабрь – 6	декабрь – 4

Сталин упоминается только функционально: как правило в связи с партийными делами. Избыточной информации нет – и потребности в ней тоже нет. Всплеск его активности в газетном пространстве прямо связан с подготовкой и проведением XIV партийного съезда, который открылся в декабре 1925 года. Сталин тогда одержал важную победу, перехватил у Зиновьева инициативу, прочитав политический отчет ЦК ВКП(б). Если бы не это большое партийное событие, то частота его присутствия в общественном сознании была бы близка нулю.

Иначе – у Троцкого. Если он отъезжал за границу или на отдых, то на это время он исчезал из поля зрения (февраль – май 1925 г.). Но стоило ему вернуться к привычной жизни в Москве, и частота его упоминаний повышалась до высоких ежемесячных значений. Интерес к Троцкому был гораздо шире, чем к Сталину, и касался буквально всего, что он делал и говорил. 2 июня 1925 г. газета сообщала, что Троцкий выступал перед открытием теплотехнического института, 18 июня – «Троцкий на радио-выставке», 25 июля – он принимает германскую делегацию, 12 августа сообщено, что по инициативе Троцкого «разработана новая статья Уголовного кодекса», 11 сентября Троцкий принимал английских парламентариев, 16 сентября – читал доклад «Менделеев и марксизм», 5 октября газета сообщала, что в Америке издана книга Троцкого, 7 сентября – «Троцкий на заводе «АМО»» и т.д.

Интерес к деятельности Троцкого никак не связан с его скромной должностью, – Троцкий одним своим именем – неизгладимый факт мифической отрешенности.

Почему в линии Зиновьева и рядом со Сталиным оказались представители ОГПУ? Судя по всему, здесь не только фиксировался пер-

воначальный политический союз Зиновьева со Сталиным, но и ресурс административной (карающей) силы партийного аппарата, который находился под контролем генерального секретаря. 29 января 1925 г. в «Вечерней Москве» говорилось, что западные средства информации сообщили, что Троцкий якобы арестован Сталиным, но кто же в СССР поверит вымыслу! Это подавалось, как курьезная информация, однако она не запрещала думать, что административная сила исходит от Сталина!

Нельзя сказать, что в общественном сознании не было представления о вражде Сталина и Троцкого. «Вечерняя Москва» несколько раз давала повод читателю думать, что борьба между ними идет, и весьма острая: у одного – вся сила партийно-административной системы, способной арестовать, покарать, у другого – максимально выраженная мифическая слава вождя революции, героя Гражданской войны, одного из главных теоретиков партии.

22 июня 1925 г. «Вечерняя Москва» сообщила, что начался процесс над немецкими студентами – фашистами, которые приехали в СССР для того, чтобы убить Сталина и Троцкого. Подобная информация настраивала читателя на понимание того, что молодые фашисты собирались убить двух главных деятелей партии и государства, однако газетные слухи о возможном аресте Троцкого показывали, что дыма без огня не бывает: Сталин и Троцкий – враги. Никто еще не мог знать будущего, никто не мог предвидеть, кто именно победит – партийная сила или мифология революции. Тот, кто овладел аппаратом партии, не имел харизмы полноценного вождя, тот, кто лишился всех своих главных постов в Республике, имел высочайший статус теоретика партии, вождя революции. Сила административной власти – и сила мифической отрешенности в общественном сознании, – таков общий масштаб конфликта середины 20-х годов, когда решалась судьба революции и страны.

По какой дороге пойдет страна?

Генеральным секретарем ЦК ВКП (б) Сталин стал весной 1922 года. Но уже к осени он быстрыми действиями поместил на руководящие («секретарские») места своих людей – и сделал это так, что никто другой он уже не мог повлиять на партийное большинство. За эти полгода Сталин укрепил свое положение настолько, что изменить положение можно было только при условии его полного смещения с занимаемой должности, как того и хотел Ленин. Однако, чтобы сместить нужно заручиться поддержкой именно большинства секретарей партийных организаций – а они не были заинтересованы в новом руководителе, ибо

не могли не опасаться, что вслед за Сталиным, произойдет смена всей «секретарской» элиты. Сталин это понимал и бравировал заявлениями типа «мне должность не дорога»!

При Центральном Комитете партии существовал так называемый учетно-распределительный отдел, который ведал назначениями на должность тех или иных секретарей партийных организаций. Этот отдел подчинялся Секретариату ЦК, который в 1923 году состоял из трех человек. Один из них получил статус «генерального секретаря». Партия контролировала государственные органы, чтобы все решения так или иначе отражали ее волю, но «воля партии» в лице Секретариата была вне контроля, о чем и беспокоился Ленин, полагая, что рабочая инспекция по типу Рабкрина могла бы стать противовесом бюрократическим извращениям.

Ленин собирался на XII съезде партии (весной 1923 г.) сместить Сталина, поскольку ко всему прочему не совпадал с ним по «национальному вопросу». Умиравший вождь готовился к разрыву отношений со Сталиным из-за грубостей, который тот позволил себе в отношении к Н.К. Крупской. Сталин перехитрил Ленина и сумел убедить Политбюро ЦК перенести время съезда на более поздний срок, чтобы выиграть время. В ночь с 6 на 7 марта у Ленина вновь случился удар, он лишился речи. С этого момента он уже не мог активно участвовать в политической борьбе, и Троцкий остался один на один с коалицией своих врагов.

В конфликте «левой оппозиции» и лично Троцкого с партийной тройкой (Зиновьев – Каменев – Сталин) всем было видно, что на первом плане – противостояние двух главных теоретиков партии, Зиновьева и Троцкого, за влияние на международное коммунистическое движение. Оба они были глашатаями мировой революции, которую ожидали в 1923 году. Зиновьев – во главе Коминтерна, Троцкий – в союзе с Лениным.

Последнее обстоятельство заставило Зиновьева искать себе подручников, способных поддержать его первенство в партии, выражавшееся в том, что именно он, Зиновьев, зачитывал отчетные доклады ЦК на XII и XIII съездах партии. Зиновьев предложил в 1922 г. Каменеву создать «тройку» – ее сильной стороной считалась административная должность Сталина, который как «практик» брал под контроль партийный аппарат через главенство в Секретариате ЦК. Зиновьев и помыслить не мог, что этот роковой шаг станет впоследствии причиной его трагической судьбы.

«Левая оппозиция» и лично Троцкий, не будучи вместе, хотя и совпадая во взглядах, требовали расширения внутрипартийной демократии, которая была сужена резолюцией X-го съезда партии в 1921 году, чтобы предотвратить раскол. Эта резолюция запрещала создавать фракции в партии, и потому рассматривалась как мера временная. Сталин и его управленческий аппарат стали рассматривать эту резолюцию как основу для создания «секретарской» партии, в которой основной механизм власти (право большинства) – это секретари партийных организаций, подчиняющиеся Секретариату ЦК и лично генеральному секретарю. Однако эта власть фактическая, аппаратная, но не идейная! Сама «тройка» в сознании ее оппонентов была скорее «двойкой»! 16 декабря 1923 г. Т.В. Сапронов опубликовал в «Правде» статью «О единстве и оппозиции», где упоминал в качестве своих идейных противников Зиновьева и Каменева, «забывая» о Сталине! В сознании Сапронова сила власти идейной в этой тройке принадлежала «теоретикам», а не единственному «практику»³².

Уже в 1923 году не только Троцкому, но и Зиновьеву (в политическом союзе со Сталиным) стало ясно, что реальная власть – аппаратная, безликая – принадлежит одному человеку, и не будучи лидером партии в качестве политика «большого стиля», он всемогущ, как никто в партии. Зиновьев, находясь в политическом союзе со Сталиным, острейшим образом возмущался тем, что Сталин сам решает все вопросы внутренней и внешней политики государства, не желая советоваться с вождями революции. Пребывая в отпуске, Зиновьев писал Каменеву 30 июля 1923 г.:

«Уделив 10 минут своего высокого внимания и поговорив с интриганом Радеком, Сталин сразу решил, что германский ЦК ничего не понимает, что я, Бухарин, Цеткин, Брандлер не разобрались в вопросе и что надо поддержать болтуна Радека...».

Тут же сравнение Сталина с Лениным – нелicenseприятное для «практика»:

32 В. Волкова (ред.), РКП (б): *Внутрипартийная борьба в двадцатые годы: Документы и материалы*. 1923 г. (М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН, 2004), 111.

«В.И. уделял добрую десятую часть времени Коминтерну, каждую неделю беседовал с нами об этом часами, знал международное движение, как свои пять пальцев, и то никогда не отрезывал, не опросив 20 раз всех. А Сталин пришел, увидел и разрешил! А мы с Бухариным вроде “мертвых трупов” – нас и спрашивать нечего»³³.

Отвечая на обвинения в фактической узурпации власти, Сталин хитро грозил Зиновьеву превращением его особой позиции в «тройке» – в осуждаемую партией «фракцию», выступающую против ее единства³⁴.

Ответ Зиновьева (6 августа 1923 г.) показал Сталину, что «теоретики» для него – не сильные соперники: они боятся разрыва и не уверены в своих силах: «Разговоры о “разрыве” – это ж, конечно, от Вашей усталости. Об этом не может быть и речи»³⁵.

Культ вождей-теоретиков требовал относительно широкой внутрипартийной демократии, культ «секретарской» партии требовал послушания резолюции съезда, которая давала аппарату Сталина почти безграничные возможности хозяйничать в стране.

Далеко не сразу Сталин обрел новый статус непререкаемого вождя партии, практика и теоретика. Ему пришлось потрудиться, провести сильные идеологические кампании по перестройке всех сфер общественной жизни под новый идеологический образец, предусматривавший, что только «практик» Сталин, начиная строительство социализма в отдельно взятой стране победившего социализма, знает, какая «теория» нужна. Ибо невиданная практика и есть критерий новой теории. Утверждалось, что Сталин – тоже теоретик, но не догматический, а творческий! Это будут говорить, начиная с 1929 года, когда Сталину исполнится 50 лет...

В 1925 году еще никто не знал, куда пойдет страна, каким будет будущее, развилка дорог еще позволяла Сталину и главным его оппонентам сосуществовать в одном общественно-политическом пространстве.

Понимали ли сами современники, что они стоят на развилке?

Оказывается – да, понимали! На XIV съезде партии в декабре 1925 г., когда в оппозиции Сталину оказались вожди-теоретики, многие не хотели верить, что такое возможно. Ведь против Сталина выступили

33 В. Волкова (ред.), РКП (б): *Внутрипартийная борьба в двадцатые годы*, 129.

34 В. Волкова (ред.), РКП (б): *Внутрипартийная борьба в двадцатые годы*, 135–136.

35 В. Волкова (ред.), РКП (б): *Внутрипартийная борьба в двадцатые годы*, 136.

Крупская, Зиновьев, Каменев и др. А. И. Рыков выразил общее мнение, что такое положение вещей абсолютно ненормально – это раскол. Нужно преодолеть его и дружно работать дальше: так почти все и пытались уговорить враждующие стороны.

Рыков определил эту ситуацию словом «двоецентрие».

На стороне Сталина – весь бюрократический аппарат партии, в том числе карательный, на стороне оппозиции – почти вся мифология революции. Таков общий контур политического контекста в мифологии вождей середины 20-х годов.

Такова и картина Климента Редько «Восстание».

Archival Documents

RGALI – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i isskustva [Russian State Archive of Literature and Art]

Opuscula Prima

BÁRDONICSEK DOMINIKA

NŐI SORSOK A GULAG TÁBORAIBAN (1934–1953)¹

FATES OF WOMEN IN THE CAMPS OF THE GULAG (1934–1953)

The aim of the research is to explore the mechanism of operation of the Soviet penitentiary system, the history of women sentenced to the Gulag from the Soviet Union, and the analysis of general behavioral patterns and camp characteristics in the context of total vulnerability. The story of the female prisoners adds another picture to the specification of the subject, because they lived in a unique situation in all respects. In this paper, under the title *Female Convicts in Camps*, the reader first gets an overview of the types of female camps, the reasons for sentencing to forced labor, and the number and hierarchy of prisoners thus bringing the topic into context. Then, the *Fate of Women in the Gulag* focuses on the process of integration into the camp and the characteristics of women's lives. The latter includes the presentation of the camp conditions and the rules that determine everyday life. In this paper primarily the female's and marginally the mixed camps are examined. The aim of the writing is to reconstruct the circumstances based on the memories of the female survivors, and to compare the operational commands and regulations governing their lives with the actual situation at as many points as possible. By the end of the publication, it will be seen how the Stalinist system has shattered the individual and their personalities, and how it had kept its citizens in constant suspense. In addition, it is crystallized that although in theory the prisoners had certain rights, those could not be enforced in most cases in practice.

Keywords: Gulag, Women Camps, Judgement, Integration, Rules

Bárdonicsek Dominika – University of Pécs, Interdisciplinary Doctoral School, Europe and the Hungarians in the 18–20th century Doctoral Program. E-mail: b.domee94@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3123-8217>

¹ A tanulmány a 2021-es Év Oroszdogozata versenyre leadott *Női sorsok a Gulag táborai-ban (1934–1953)* című, I. helyezett dolgozat átdolgozott, rövidített változata.

Citation: DOMINIKA BÁRDONICSEK, “Női sorsok a Gulag táborai-ban (1934–1953)” [Fates of Women in the Camps of the Gulag (1934–1953)], *RussianStudiesHu* 4, no. 1 (2022): 31 pp. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2022.4.9

Bevezetés

A sztálini szovjet társadalom és diktatúra egy speciális szegmensét vizsgálom. Kutatásom célja a szovjet büntetés-végrehajtási rendszer működési mechanizmusának, a Szovjetunió területéről Gulagra került nők történetének feltárása, a teljes kiszolgáltatottság keretei között az általános viselkedési mintáknak, a lágerrek jellemzőinek, az adaptációs és túlélési stratégiáknak az elemzése. Úgy gondolom, hogy a női rabok története újabb képpel járul hozzá a téma árnyalásához, hiszen ők minden tekintetben specifikus helyzetben éltek.

Jelen írásban a Női elítéltek a táborokban cím alatt először egy áttekintést adok a női lágerrek típusaira, a kényszermunkára ítéelés okaira, a rabok számarányára, illetve hierarchiájára vonatkozólag, hogy kontextusba helyezzem a témát. Ezután a Női sorsok a Gulagon című részben a táborba integrálás folyamatának és a női élet jellemzőinek vizsgálata kerül a középpontba. Utóbbi részét képezi a lágerkörülmények, mindennapi életet meghatározó szabályok bemutatása. Elsődlegesen a női, illetve érintőlegesen a vegyes táborokat tanulmányozom, és a női túlélők visszaemlékezéseire támaszkodva próbálom rekonstruálni a körülményeket. Emellett az életüket szabályozó műveleti parancsokat, rendeleteket igyekszem minél több ponton összevetni a tényleges helyzettel.

Női elítéltek a Gulag táboraiban

„Terítsétek ki egy nagy asztalra Hazánk óriási térképét. Jelöljétek meg kövér, fekete ponttal minden területi székhelyet, minden vasúti csomópontot, minden átrakodó pontot, ahol véget érnek a sínek s kezdődik a folyó, vagy ahol elkanyarodik a folyó, s kezdődik a gyalogút. Mi a fene? Döglegyek lepték el az egész térképet? Nem, csak a Szigetvilág kikötőinek impozáns térképe fekszik előttetek.”²

2 ALEXANDER SZOLZSENYICIN, *A GULAG szigetcsoport. 1918–1956. I–II. kötet* (Debrecen: Alföldi Nyomda, 1989), 463.

Szolzszenyicin a „Szigetvilág” kifejezéssel próbált utalni arra, hogy a Gulag milyen sok lágerkomplexumból, táborból, lagpunktból,³ telepből⁴ és börtönből állt.

Nem tudjuk pontosan megállapítani, hogy a sztálini időkben hány lágerből állt a Gulag. A Szovjetunió NKVD⁵ Javító-munkatáborai és Telepei Főparancsnokságának munkájáról a *honvédő háború éve*i alatt című jelentés szerint 1944. július 1-jén a javító-munkatáborok száma 56, a köztársasági, területi és kerületi javító-munkatáborok és telepek vezetőségeinek, valamint osztályainak száma 69 volt.⁶ Az NKVD–UNKVD⁷ köztársasági, területi és kerületi javító-munkatáborainak, telepeinek állományába 910 különálló tábori alegység, 424 javító-munkatelep és 1549 városi-járási javító-munkafelügyeleti szerv tartozott.⁸ A háború ideje alatt 40 javító-munkatábort szerveztek meg (köztük 11-et az NKVD–UNKVD UITLK⁹ és 15-öt az NKVD–UNKVD OITK¹⁰ fennhatósága alatt), viszont 69 javító-munkatábort, 1 UITLK és 15 NKVD–UNKVD OITK alá tartozó lágert és kolóniát oszlattak fel. A Szovjetunió NKVD Gulag központi apparátusának összetételében 3 igazgatóság, 13 önálló osztály működött és 525 fő dolgozott.¹¹

3 Kisebb tábori egységek, melyekből egy tucat, vagy akár száz is lehetett egy lágeren belül.

4 A telep a lágerhez képest kevésbé volt szigorú és az idekerült köztörvényeseket, fiatalkorú bűnözőket legfeljebb három évre ítélték el. Fő profiljába a mezőgazdaság tartozott. Az itt raboskodók száma 1935 és 1953 között 240.000 és körülbelül 1 millió fő között mozgott. Lásd bővebben: VIKTOR NY. ZEMSKOV, *Szovjet Füzetek IV. A Gulag tényekben*, adatokban (Budapest: A Múzsák Közművelődési Kiadó Nyomdája, 1991).

5 Narodnij Komisszariat Vnutrennih Gyel, azaz Belügyi Népbiztosság. Az OGPU-t (Objegyinyonnoje glavnoje polityicseszkije upravlenyje, Egyesített Politikai Főigazgatóság) 1934-ben felváltó szervezet, amely komoly szerepet töltött be Sztálin etnikai tisztogatásaiban és népiért terveinek megvalósításában. Nevét 1946-ban MVD-re (Minyisztersztvo Vnutrennih Gyel, Belügyminisztérium) változtatták.

6 „NKVD, a GULAG foglyainak hozzájárulása a nagy honvédő háborúban aratott győzelemhez” *Eszmélet* (2000 tavasz): 145.

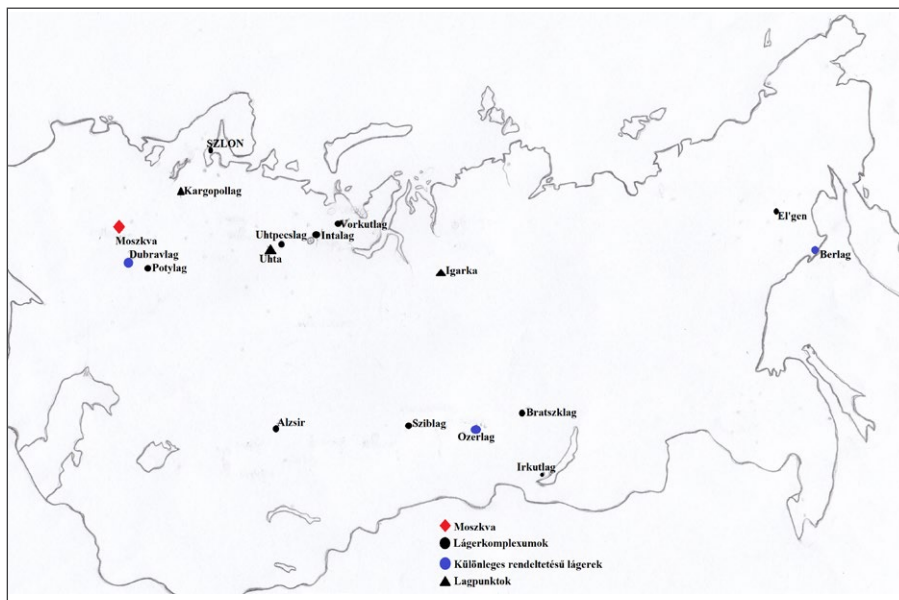
7 Upravlenyje NKVD, Belügyi Népbiztosság Igazgatósága.

8 Utóbbi feladata a bírósági döntések végrehajtásának biztosítása volt azon személyek esetében, akiket nem szabadságvesztésre, hanem kényszermunkára ítélték. „NKVD”, 145.

9 Upravlenyje iszpravityelno-trudovih lagerej i kolonyij, azaz *Átnevelő Táborok és Kolóniák Igazgatósága*

10 Otgyel iszpravityelno-trudovih kolonyij, Javító Kolóniák Ügyosztálya

11 „NKVD”, 145.

1. ÁBRA A tanulmányban említésre kerülő Gulag-lägerkomplexumok, táborok és telepek¹²

A „szovjet Szigetvilág” táborai között különböző típusúak léteztek, köztük férfi, vegyes, női, rokkant-,¹³ ellenőrző-szűrőlagerek¹⁴ stb. Mint korábban

¹² Készítette: Bárdonicsek Dominika.

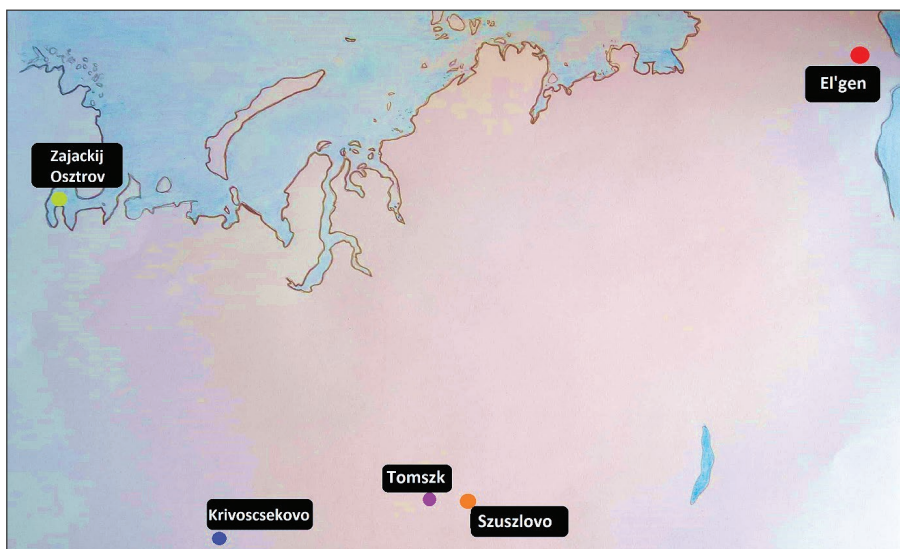
¹³ A rokkanttáborok és -kolóniák kényszermunkásai más rabokhoz képest jóval alacsonyabb normát teljesítettek. Munkavégzésük formáját aszerint határozták meg, hogy melyik végtagjuk hiányzott. Akiket kisebb mértékű munkára foghatónak találtak, többek között a tábor területén lévő virágokat locsolták, varrtak, szellőztették a barakkokat. A rokkantak között egyébként sokan voltak olyanok, akik már a Gulagra kerülés előtt is testi fogyatékossgal rendelkeztek (például hadisérülés, születési rendellenesség miatt), de voltak olyanok is, akik a kemény tábori fizikai munka miatt sérültek le, illetve olyanok, akik a könnyebb munka reményében öncsonkítást hajtottak végre. Konkrét számadatot a raszpiszanyije boleznyi kapcsán közlök majd. Rokkantak számára egyébként kolóniát létesítettek például a Sziblag alá tartozó Tomszkban (Sziblag, azaz Szibírszkije lagerja/Szibírszkij ITL Gulaga, Szibériai táborok. A Dél-Nyugat Szibériában fekvő lágerkomplexum 1929 és 1960 között működött, a rabok száma 1939 és 1948 között 7500 és 16.000 fő között mozgott. «СИБИРСКИЙ ИТЛ» <http://old.memo.ru/history/nkvd/gulag/index.htm> (Дата обращения: 27 апрель 2021).)

¹⁴ Ezekbe a lágerekbe a frontról, hadifogolytáborból hazatérő katonákat, a háború után visszatelepült emigránsokat zárták be, hogy ellenőrizzék, kerültek-e veszélyes ideológiai befolyás alá. Ezek a táborok 1946 januárjától tartoztak a Gulag fennhatósága alá. Az ellenőrzés néhány hónapos volt. Nagyjából 4 millióan kerültek átvilágítótáborokba,

említettem, ezek közül elsősorban a női – illetve érintőlegesen a vegyes – táborokról lesz szó a továbbiakban. A férfi lágerekhez hasonlóan a női táborok között is voltak olyanok, amelyekben a foglyok állattenyésztéssel, növénytermesztéssel, bányászattal, fakitermeléssel, csatornázással foglalkoztak. Megemlíthetjük közöttük például a térképen is bejelölt Koliimai El'gent,¹⁵ Zajackij Osztrovot,¹⁶ és a Sziblag táborkomplexum alá tartozó Szuszlovot, Krivoscsekovot, Arliukot.¹⁷ Létezett az ún. OLZSIR (Oszobij Lager dlja Zson Izmenyikov Rogyini), azaz hazaárulók feleségei számára létesített tábortípus is, melynek alapítását az 1937. augusztus 15-én keletkezett A Szovjetunió Belügyi Népbiztossága (NKVD SZSZSZR) 00486 sz. „a hazaárulók feleségeivel és gyerekeivel szemben alkalmazott megtorló intézkedésekről” műveleti parancs tette lehetővé. Az egyik legnagyobb ilyen láger, Alzsir¹⁸ Észak-Kazahsztánban jött létre a 30-as évek végén. „Hazaárulók” hozzátartozói számára egyébként tábort létesítettek a Sziblag alá tartozó Tomszkban is, mely azért volt egyedi, mert az ott raboskodó nők és gyermekek nem végeztek munkát, elsősorban elszigetelésük volt a cél.¹⁹

akik közül 360 000 főt küldtek átnevelő munkatáborba. KRAUSZ TAMÁS (szerk.), *Gulag a szovjet táborrendszer története* (Budapest: Pannonica Kiadó, 2001), 415.

- 15 A Kolima régióban található el'geni tábor 1951 és 1953 között működött. Az ott raboskodó nőket a gyermekotthonban foglalkoztatták. 1951-ben a nők létszáma 3299 fő, 1952-ben pedig 3129 fő volt. «ИТЛ УПР. ПОДСОБНЫХ ХОЗЯЙСТВ ДАЛЬСТРОЯ» <http://old.memo.ru/history/nkvd/gulag/index.htm> (Дата обращения: 27 апрель 2021).
- 16 Zajackij Osztrov a SZLON (Szevernije Lageri Oszobovo Naznacsenyija, Különleges Rendeltetésű Északi Lágerek – Arhangelszki régió) alá tartozó kilenc tábor egyike volt. Az 1923-ban létrejött SZLON alatt a fehér-tengeri Szolovki-szigeteken lévő táborokat értjük.
- 17 Szuszlovon és Arliukon a nők mezőgazdasággal, Krivoscsekovon pedig szerződéses munkával és Novoszibirszk fejlesztésével foglalkoztak. A szerződéses munka azt jelentette, hogy valamely vállalat bérelte a rabokat a Gulagtól. «СИБИРСКИЙ ИТЛ».
- 18 Alzsir (Akmolinszkij lager zsen izmenyikov rogyini, azaz „Hazaárulók” feleségei számára létesített Akmolinszkij tábor) legfeljebb 7000 nő befogadására volt alkalmas.
- 19 Az egyik legismertebb elítélt Tomszkban Anna M. Larina, Nyikolaj Buharin felesége volt, aki 1937 decemberétől 1938 márciusáig tartózkodott a táborban. Buharint és Anna Larinát 1937-ben tartóztatták le. Larinát ellenforradalmi összeesküvéssel vádolt férje feljelentésének elmulasztása miatt ítélték el. Felváltva volt különböző lágerekben és börtönökben. 1936-ban született fiukat gyermekotthonba zárták. Lásd bővebben: A. M. ЛАРИНА, *Незабываемое* (Москва: АПН, 1989).

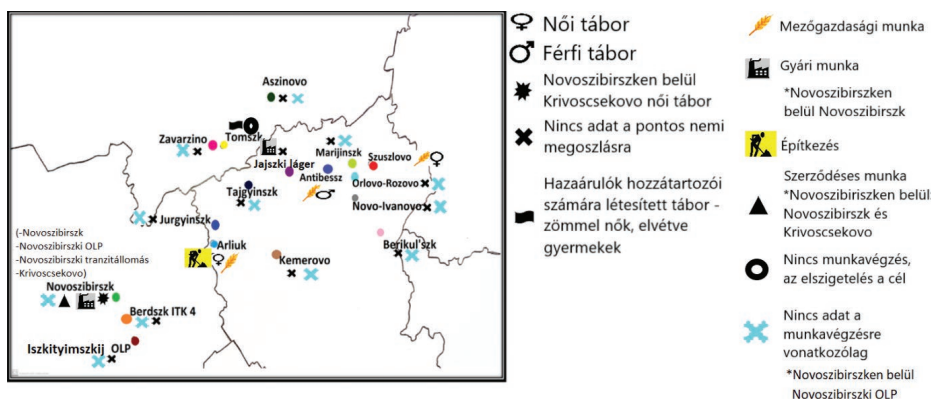

2. ÁBRA Női táborok, és a „hazaárulók” hozzátartozói számára létesített tomszki láger²⁰

Valamennyi lágert együttvéve azonban nem beszélhetünk egységes táborrendszerről. Ahogy a szovjet színésznő, Tatyjana K. Okunjevskaja írja visszaemlékezésében, „minden tábor egy sajátos világ, külön város, külön ország.”²¹ Igencsak különbözhetek egymástól a szigort, bánásmódot, napi rutint, porciót, munkanormát, de akár a felépítésüket tekintve is. Ha egy láger távol helyezkedett el a vezetőség látókörétől, akkor előfordult, hogy az örök saját száájúik szerint módosították az előírásokat, így például fokozták a szigort, alacsonyabb szinten tartották a napi fejadagot és magasabban a munkanormát.

²⁰ Készítette: Bárdonicsek Dominika

²¹ (ТАТЬЯНА К. ОКУНЕВСКАЯ, *Татьянин день* (Москва: Вагриус, 1998), 391.) Okunjevskaja-ját (1914–2002) 1948-ban tartóztatták le és 10 év kényszermunkára ítélték. Számtalan börtönt és lágert megjár, köztük a moszkvai Butirkát és a Kargopollagi tábor (Arhangelszki régió, Karopoli járás). Bővebben: ОКУНЕВСКАЯ, *Татьянин день*; «Окуневская Татьяна Кирилловна (1914–2002) актриса» <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=author&i=713> (Дата обращения: 26 май 2021).

3. ÁBRA Sziblag táborai²²

A következőkben röviden tekintsük át, hogy milyen okkal ítélték nőket kényszermunkára. Sokan mint elítélt férfiak hozzátartozói kerültek lágerbe, a szovjet „büntetőjog” pedig olyan abszurd jogi kategóriákat kreált az ilyen esetekre, mint hazaárulók²³ vagy nép ellenségeinek családtagjai.²⁴ A 30-as években több rendelet is kimondta,²⁵ hogy kényszermunkára kell ítélni azon nőket, akik ellenforradalmi tevékenységben vettek részt, akik tudtak férjük/volt házastársuk/apjuk hazaáruló tettéről vagy szándékáról, ám hallgattak róla.²⁶ Az 1934. június 8-án született törvény értelmében, amely bevezette a kollektív büntetőjogi felelősséget, a családokat feljelentési kötelezettség terhelte és mindenfajta kapcsolatot meg kellett szakítaniuk a politikai bűncselekmény miatt elítéltekkel.²⁷ Bár A Szovjet-

²² Készítette: Bárdonicsek Dominika

²³ CsSZIR – Csleni szem'i izmennikov rogyini. Csupán az 1930-as, 40-es évekből ismerünk pontosabb adatokat, számuk körülbelül 10–13.000 fő körül mozgott.

²⁴ CsSZVN – Csleni szem'i vraga naroda. Nem tudjuk, hogy 1934 és 1953 között mekkora volt számuk.

²⁵ Például № 27 Оперативный приказ НКВД СССР № 00486 «Об операции по репрессированию жен и детей изменников родины 1937», № 30 Приказ НКВД СССР № 00689 «О порядке ареста жен изменников родины 1938.» А.И. Кокурин, Н. В. ПЕТРОВ (ред.), *Россия XX век. Документы. ГУЛАГ (Главное управление лагерей) 1917–1960.* (Москва: 2000), 114., 121.

²⁶ Őket 2-től 5 évig terjedő kényszermunkára, akik viszont semmit sem tudtak, azokat 5 év száműzetésre ítélték. HORVÁTH ATTILA, „A szovjet család- és házassági jog”, *Iustum Aequum Salutare* IV (2008/3): 62.

²⁷ V. M. Molotov lánya, amikor a KOMSZOMOL-ba jelentkezett, a hivatalos kérdőív kitöltésekor azt írta be, hogy „Apám: V.M. Molotov, anyám: a nép ellensége, számomra ismeretlen!” HORVÁTH „A szovjet család- és házassági jog”, 62.

unió Belügyi Népbiztossága (NKVD SZSZSZR) 00486 sz. „a hazaárulók feleségeivel és gyerekeivel szemben alkalmazott megtorló intézkedésekről” műveleti parancs kijelentette, hogy a letartóztatás nem terjed ki az állapotos és karon ülő gyermekeiket nevelő nőkre, a súlyos vagy fertőző betegségben szenvedőkre,²⁸ az idősekre és a férjüket feljelentőkre, a Gulag táboraiiban mégis szép számmal „megfordultak” olyanok is, akik várandósok,²⁹ kisgyermekes anyák,³⁰ éltés korúak vagy gyengélkedők voltak. Őket általában 5-8 év lágerben letöltendő büntetésre ítélték.³¹

Gulagra kerültek egyébként volt kulákok is,³² valamint munkából késők, külföldi rokonokkal rendelkezők, akik az állam szerint „kapitalista befolyás alá kerültek”.³³ Az elítéltek között nagyszámban voltak olyanok is, akiket a Szovjetunió 1926-os Büntető Törvénykönyvének 58. §-a alapján ítélték el. A paragrafus olyan bűncselekményeket foglal magába, amelyeket a rendszer „ellenforradalmi büntettnek” minősített:

- „§ 58-1. Ellenforradalmi cselekedet, az államhatalom gyengítése
- § 58-2. Fegyveres felkelés, fegyveres bandák betörése
- § 58-3. Külföldi államokkal való kapcsolat hazaárulási szándékkal
- § 58-4. A nemzetközi burzsoázia támogatása
- § 58-5. Külfölddel való együttműködés ellenséges szándékkal
- § 58-6. Kémkedés, hírszerzés

28 Felgyógyulásuk után azonban büntetés várt rájuk is.

29 Számuk 1947 és 1953 között körülbelül 4500 és 12.000 fő között mozgott. ZEMSKOV, *Szovjet Füzetek IV.*, 59.

30 Kisgyermekes anyákra vonatkozólag csak 1949-ből van pontos adatunk. Akkor 23.790 fő tett ki számuk. ANNE APPLEBAUM, *A Gulag története I* (Budapest: Európa Könyvkiadó, 2005, 591). Időközönként előfordult, hogy amnesztiát hirdettek a köztörvényes és apróbb vétségekért elítélt várandósok és kisgyermekes anyák körében. 1949-ben például részleges amnesztia keretében szabad lábra engedték azokat az anyákat, akik kétévesnél fiatalabb korú gyermekeiket nevelték a Gulagon. CZÉH ZOLTÁN, *A Gulag, mint gazdasági jelenség* (Budapest: Magyar Ruszisztikai Intézet, 2003), 135.

31 A fent említett 1937-es műveleti parancs kimondta, hogy a gyermekeket életkoruktól függően lágerben, börtönben vagy árvaházban kell elhelyezni. Ennek részletezésére most a terjedelmi keretek miatt nem térek ki.

32 1937. július 30-án kiadott, 00447. számú „Hadművelet az egykori kulákok, bűnözők és más szovjetellenes elemek visszaszorítására” műveleti parancs alapján ítélték el őket. Azt sajnos nem tudjuk pontosan megállapítani, hogy hány százalékot tettek ki a nők. КОКУРИН, ПЕТРОВ, *Россия XX век*, 103–12.

33 BEBESI GYÖRGY, BÁRDONICSEK DOMINIKA, „A beintegrálás borzalmai és a kiszolgáltatottság tényezői a Gulag női táboraiiban (1934–1953)”, *Tudásmenedzsment. a Pécsi Tudományegyetem Bölcsészettudományi Kar Humán Fejlesztési és Művelődéstudományi Intézet periodikája. XXI. évf. Különszám*, (2020. június): 59.

- § 58-7. Gazdasági ellenforradalom, kárt okozó tevékenység, diverzió (elhajlás)
- § 58-8. Terrortevékenység a szovjethatalom képviselőivel szemben
- § 58-9. A szállítási útvonalak lerombolása, károsítása
- § 58-10. Az államhatalom megdöntésére irányuló propaganda vagy agitáció
- § 58-11. A fent említett bűncselekmények előkészítése
- § 58-12. A fenti bűntények jelentésének elmulasztása
- § 58-13. Polgárháborúban a munkáshatalom elleni harc
- § 58-14. Ellenforradalmi szabotázs³⁴

A 10. és 12. pont kivételével valamennyi bűncselekmény több, mint 3 éves fogságot, állampolgári jogfosztást, vagyonekobzást vagy halálbüntetést vont maga után. Az „58-asok” aránya az idő folyamán egyre csak nőtt. Míg az 1930-as évek elején a foglyok körülbelül negyedét tették ki, addig a 30-as évek közepétől az 50-es évek végéig már igencsak jelentős hányadát.³⁵ Amellett, hogy a kényszermunkások közül sokakat ártatlanul ítélték el és küldtek Gulagra, voltak köztük olyanok is, akik valóban bűncselekményt követtek el, köztük tolvajok, gyilkosok és prostituáltak.³⁶

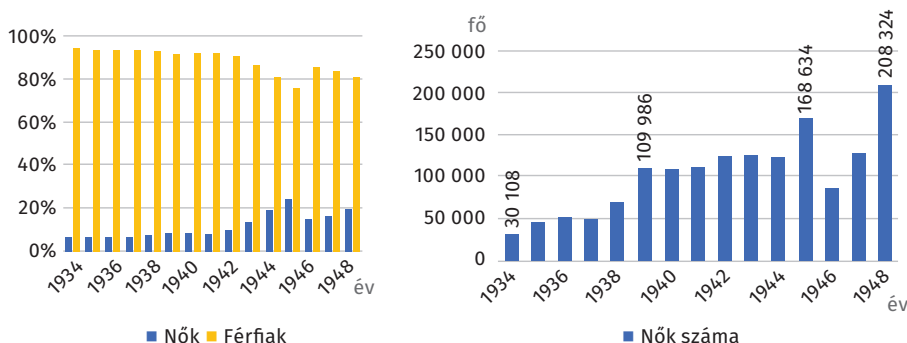
Az évtizedek során egyébként a nők számaránya mindig alacsony volt a férfiakéhoz képest. Ez talán főleg a Gulag gazdasági szerepével magyarázható, hiszen a lágerrendszernek szüksége volt nagymértékű munkaerő kihasználására, és ennek nagyobb részét vették ki a férfiak. Emellett bizonyos munkálatoknál elsősorban a férfiakat foglalkoztatták, például a bányászatnál. A nők száma egyébként körülbelül 30.000 és 200.000 fő között mozgott. Csupán a második világháború alatt történt komolyabb változás, amikor nemegy férfi rabot kiküldtek a frontra, így a nők a rabok számának a korábbinál nagyobb részét tették ki. Láthatjuk, hogy 1945-re a nők aránya már elérte a 24%-ot.³⁷

34 «ПРИЛОЖЕНИЕ. ОСОБЕННАЯ ЧАСТЬ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РСФСР 1926 г. (статья 58 с последующими изменениями)» в *Репрессированные геологи*. ред. В.П. Орлов (Москва-СПб: 1999), 448–51.

35 BEBESI, BÁRDONICSEK „A beintegrálás borzalmai...”, 59–60.

36 (Bővebben: НАДЕЖДА В. ГРАНКИНА, «Записки вашей современницы», в *Доднесь тяготеет* (Москва: 1989). Rájuk vonatkozóan egyelőre nem tudok számadatot vagy százalékos arányt közölni.

37 ZEMSKOV, *Szovjet Füzetek* IV., 70–71.

4. ÁBRA Nők és férfiak aránya a Gulag táborokban 1934 és 1953 között (százalékban), valamint a nők száma a Gulag lágereiben 1934 és 1948 között³⁸

A létszámnövekedéshez hozzájárult, hogy az 1941–1944 között megszállt szovjet területekről a kollaboráció vádjával elítélteket lágerbe küldték, illetve, hogy még 1945-ben felállították az ellenőrző-szűrő táborokat, az úgynevezett „szpeclagokat”, melyeket 1946 januárjában a Gulag alá vontak. Ezekbe a táborokba többek között a frontról, hadifogolytáborból hazatérő katonákat és a külföldre menekült orosz civileket zárták be. A nők számarányának növekedési trendje a háborút követően megtört, mivel a Nyugatról hazatérő/repatriált szovjet állampolgárok – német és szövetséges fogságba esett vöröskatonák, holokauszt-túlélők stb. – közül sokan a szűrő-ellenőrző pontokon „ragadtak”, majd a Gulagra kerültek. Ám mint a diagramon is látható, 1948-ra ismét megnőtt a nők száma.

A nők sorsát már a lágervilágba való megérkezést követően nagyban meghatározta, hogy milyen pozíciót foglaltak el a tábori hierarchiában. Minden elítéltnak volt egy büntetőjogi besorolása – milyen cselekményért, milyen cikkely alapján – ítélték el, másrészt a rabok is létrehozták a maguk hierarchiáját, mely részben a tolvajvilág archaikus szokásjogán nyugodott. Közöttük is megkülönböztethetünk politikai és köztörvényes rabokat.

A politikai foglyok, akiket tábori nyelven „kicsi rózsáknak” hívtak – köztük hazaárulók és ellenforradalmárok, illetve azok hozzátartozói –, álltak a hierarchia alján. Rabtársaikhoz képest nagyobb szigorral ellenőrizték és a legnehezebb munkákra osztották be őket. Galina M. Ivanova történész szerint egyébként a sztálini időkben „politikai foglyoknak” tekintett

38 Adatok forrása: ZEMSKOV, *Szovjet Füzetek* IV., 70–71.

elítéltek – szemben a cári rezsim forradalmár rabjaival – valójában sosem képezték a rendszer ellenzékét és nem is küzdöttek annak megdöntéséért.³⁹

A tábori hierarchia csúcsán álltak a könnyebb munkát végző és „tevékenységeiket szabadabban űző” köztörvényesek, akiket „kis violáknak”, illetve „urkának/urkásznak” neveztek.⁴⁰ Jelentős számban megfordultak közöttük prostituáltak, tolvajok, és olyanok is, akiket azért ítélték el, mert néhány alkalommal pár percet késtek a munkahelyükről, vagy mert a szükség és éhínség rávitte őket a lopásra. Egyesek – különösen az elit tagjai, akiket nem osztottak be munkára, sokkal inkább az örök munkáját segitendő irányították az egyes munkásbrigádokat és kínozták az „arra érdemeseket” – a férfi rabokhoz és az örökhöz hasonlóan bántak nőtársaikkal. Jevgenyija Ginzburg⁴¹ szerint az el’geni táborban „elkapták” a 15-16 éves lányokat, elvették a politikai foglyok ruháit, ételeit, és jártasak voltak mindenféle szexuális perverzióban.⁴²

NŐI SORSOK A GULAGON

A beillesztés borzalmai – integrálódás a táborokba

A lágerbe való megérkezést követően először megszámlolták és számmal látták el a nőket. A számot általában rávarrták a ruhájukra, azonban előfordult, hogy rátetoválták a bőrükre, mely degradációt, tárgyként való kezelést fejezett ki.⁴³ Margaret Werner⁴⁴ így emlékszik vissza:

39 Г. М. ИВАНОВА, *История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты* (Москва: Наука, 2006), 196–97.

40 CAROLINE VASICEK, *Voices from the Darkness: Women in the Nazi Camps and Soviet Gulag* (Boston: Boston College Electronic Thesis or Dissertation, 2003), 18.

41 Ginzburgot (1904–1977) kétszer tartóztatták le, először 1937-ben, majd 1949 októberében (1949 decemberében szabadult). Több börtönben és táborban is „megfordult”, köztük a butirkai börtönben, és a kolimai El’genen. Bővebben: EUGENIA S. GINZBURG, *Journey into the Whirlwind* (Harvest Books, 2002).

42 GINZBURG, *Journey into the Whirlwind*, 353–54.

43 Emellett megnehezítette a szökést is.

44 Margaret Werner (1921–1997) szüleivel a 30-as évek elején Gorkijba költözött. 1939-ben apját hazaárulás vádjával kivégezték, Margaretet pedig 1943-ban kémkedés vádjával 10 év kényszermunkára ítélték. Bővebben: MARGARET WERNER, *Dancing Under the Red Star. The Extraordinary Story of Margaret Werner, the Only American Woman to Survive Stalin’s Gulag*, ed. KARL TOBIEN (WaterBrook Press, 2006).

„A számom a C-219 volt. Ez volt az azonosításunk eszköze, és ez az identitásunkká vált (...) ez egy jól ismert katonai taktika, a gyors embertelenítés érdekében használják; ez a játékterek kiegyenlítésének és az egyéni cselekvések megakadályozásának a módja. Jobban ismertem a 219-es számot, mint a saját nevemet.”⁴⁵

Jekatyerina Olickaja⁴⁶ szerint ezután az örök általában kitöltöttek egyfajta regisztrációs lapot, amelyen feltüntették az elítéltek fontosabb adatait, köztük teljes nevüket, születési adataikat, nemzetiségüket, foglalkozásukat/iskolájukat, valamint, hogy mikor és miért lettek letartóztatva.⁴⁷ Majd a fürdőbe vezették őket mosakodás és borotválkozás céljából. Emmi Goldaker memoárjában így írja le a jelenetet: „Egyik (...) barakkba vittek minket, egy fürdőbe. Az öltözőben átadtuk ruháinkat fertőtlenítés céljából. A közelben, a fürdőházban mindenki kapott egy fatálat, amelyet kétszer lehetett megtölteni vízzel. (...) Számtalan apró fekete pont lebegett a szappanos vízben: tetvek, egész idő alatt ezek a tetvek! Mindannyian rettentően vékonyak voltunk. Magamra néztem, és nekem úgy tűnt, mintha egy tízéves kislány alakját látnám: a testemen egyetlen szőr sincs, a mellem eltűnt, a menstruáció már régen megszűnt. Egy éhségben haldokló kislány teste. (...) A „fodrász” – egy olyan fogoly, mint mi – kopaszra borotválta a fejünket. Eltűntették a női nem utolsó jeleit.”⁴⁸

Ezután kiosztották a ruhákat. Egy 1939-es parancs⁴⁹ alapján tudjuk, hogy elviekben milyen és mekkora mennyiségű ruhadarabokat kellett biztosítani a rabok számára, köztük 1 db fejkendőt, nyári kabátot, szoknyát,

45 WERNER, *Dancing Under the Red Star*, 218.

46 Olickaját (1899–1974) első ízben 1924-ben ítélték el, mert kapcsolatot épített ki az SzR Párttal. Fivérével együtt Lubjankába, majd Szolovkíra került. Ezután száműzték, majd a 30-as években többször is letartóztatták. Bővebben: ЕКАТЕРИНА Л. ОЛИЦКАЯ, *Мои воспоминания II*. (Frankfurt/ Москва: Посев, 1971).

47 ОЛИЦКАЯ, *Мои воспоминания II*, 236.

48 Ez Inta egyik táborában történt – a lágert nem nevezi meg Goldaker. (Эмми Гольдакер, *Деревянный чемодан: Воспоминания узницы немецких лагерей*. в О-во “Мемориал” (Москва: Звенья, 2005), 55.) A német származású Goldakert (1919–?) 1945 nyarán tartóztatták le. 10 év kényszerszolgálatára ítélték, és a Komi Köztársasághoz tartozó Intába (többek között Abezbe), majd a mordoviai, Zubova Poljaiani járásban fekvő Potymába szállították. 1955 nyarán tért vissza német földre.

49 «№ 113. Приказ НКВД СССР. № 00943 О введении новых норм питания и вещевого довольствия для заключенных в ИТЛ и ИТК НКВД СССР. Приложение № 14. ТАБЕЛЬ № 14. вещевого довольствия заключенных, находящихся в лагерях и ИТК ГУЛАГа НКВД СССР (для женщин на 1 человека). 1939» Кокурин, ПЕТРОВ, *Россия XX век*, 488–89.

pargetruhát,⁵⁰ alsóinget, fehérneműt, bőrcsizmát, pamut kapcarongyot,⁵¹ rövid (3/4-es) kabátot, kétujjas gyapjúkesztyűt, kombinált kesztyűt, 2 db sapkát, lélekmelegítőt,⁵² nemez/halinacsizmát,⁵³ 4 db bundát.

Jekatyerina Olickaja memoárjában felidézte, hogy – a borotválási aktus során kialakult kétségbeesés után – mekkora örömet okozott számukra, amikor öltözetet kaptak (rövidnadrágot, melltartót, blúzt, szoknyát, harisnyát és csizmát).⁵⁴ Ám előfordult, hogy egyes ruhadarabok mérete nem felelt meg viselőjüknek. Zinaida Uszova⁵⁵ visszaemlékezésében arról számol be, hogy a Potymában kapott fekete formátlan öltözetről (szoknya, stepelt kabát, pamutszövetből készült usánka) úgy tartották, hogy csúnyává, szinte madárijesztővé formálja őket.⁵⁶ Maja A. Ulanovszkaja⁵⁷ megerősíti Uszova véleményét, kiegészítve azzal a ténnyel, hogy a ruhák sok esetben még szakadtak is voltak. Emiatt egyes nők, akik értettek a varráshoz és a tábor területén talált tárgyakból tudtak tűt és cérnát fabrikálni, összevarrták a szakadt ruhákat. Ulanovszkaja hozzáteszi, hogy a ruhavarrás azért volt még nagyon fontos, mert sokan úgy vélekedtek, hogy a kisebb mértékben szakadt ruha kevésbé ássa alá méltóságukat. Ennek érdekében megvarrták vagy megvarratták ruháikat. Azok, akik vállalták mások öltözkének megvarrását, munkájukért cserébe növelni tudták kenyéradagjukat.⁵⁸

Gyakran megesett az is, hogy többeknek nem jutott ruha és/vagy cipő. Az 1940-es évek elején a pamutruhák nem több, mint 40%-át, a cipőknek

50 A parget-, másképp barhentruha a flanelhez hasonló, vastag, pamutszövetből készült sűrűn szőtt, de csak az egyik oldalán bolyhos ruha.

51 Csizma, bakancs és egyéb lábbelik felhúzása előtt a lábra tekert erős, meleg vászon. Csak azoknak osztották ki, akik szabad ég alatt vagy fűtetlen helyiségben dolgoztak.

52 Rövid, meleg, általában gyapjúból kötött, a felső ruha alatt viselt mellényke, melyet csak a szabadban munkát végzők és a fűtetlen helyiségben dolgozók kaptak. A déli (grúz, azerbajdzsáni, örmény, üzbég, tadzsik, türkmén, krími) régiókban nem osztottak.

53 Erős szálú, durva gyapjúból készült fehér, érdes nemez. Csak a szabadban dolgozók kaptak. Lecserélhették pamut harisnyára és gumicsizmára.

54 Олицкая, *Мои воспоминания II.*, 235.

55 Zinaida Uszova (1924–2013) 1938 és 1945 között raboskodott a Gulagon, többek között volt a moszkvai butirkai börtönben és Potymában. Bővebben: ЗИНАИДА Д. УСОВА, «ЧСИР: Воспоминания», 1988. <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=unpublished&syn=320> (Дата обращения: 25 май 2021).

56 Усова, «ЧСИР: Воспоминания».

57 Maja Ulanovszkaját (1932–2020) 1952-ben ítélték 25 év szabadságvesztésre. Az ozerlagi táborba került. 1956-ban felülvizsgálták ügyét, és 5 évre csökkentették büntetését. Bővebben: НАДЕЖДА УЛАНОВСКАЯ, МАЙЯ УЛАНОВСКАЯ, *История одной семьи: мемуары* (Санкт-Петербург: ИНАПРЕСС, 2005).

58 УЛАНОВСКАЯ, УЛАНОВСКАЯ, *История одной семьи*, 356–65.

körülbelül 35%-át,⁵⁹ 1948-ban a szükséges lábbelik 44%-át, a ruhamennyiségnek pedig 32,5%-át osztották szét köztük.⁶⁰ Ahogy Uszova is megemlíti, ilyen esetekben a lágerparancsnokok megengedték, hogy a rabok saját holmijaikat hordják. Ha szükség volt rá, lábbelijüket a tábor területén felállított cipőműhelyben megjavíthatták.⁶¹

A ruhaosztást követően vette kezdetét a szelekció, mely során figyelembe vették, hogy kit milyen okból és mennyi időre küldtek kényszer-munkára. Három csoport volt. Az egyiket az öt évnél kevesebb időre, a másodikat az öt évnél hosszabb időre ítelt urkák, azaz köztörvényesek alkották. A harmadik csoportot az ellenforradalmi vétségekért kényszer-munkára ítelt politikai rabok képezték.

A szelekció során fontos szempont volt az egészségügyi állapot is. Az ún. raszpiszanyije boleznij, azaz betegség(ek) listája határozta meg az egyes kategóriákba sorolandók körét. A sztálinizmus idején többször is módosították a listát. Az 1931-es három kategóriát különböztetett meg. Az elsőbe a fizikai,⁶² a másodikba az alacsonyabb rendű munkákat⁶³ végzőket sorolták. A harmadik volt a rokkantak, azaz a munkaképtelenek csoportja.⁶⁴ Paulina Mjasznyikova⁶⁵ szerint El'genben a vizsgálat során igyekeztek minél több embert a nehéz fizikai munka végzésére alkalmas kategóriába sorolni.⁶⁶ Azokat a betegeket azonban, akik egészségi állapotuk miatt

59 КОКУРИН, ПЕТРОВ, *Россия XX век*, 294.

60 GEREVEN ÁGNES, *Megtorlások a Szovjetunióban* (Budapest: Helikon, 2013), 324.

61 УСОВА, «ЧСИР: Воспоминания».

62 Közöttük is voltak olyanok, akik betegek, például asztmában, szívproblémában, tuberkulózisban vagy tumortól szenvedők voltak. GOLFO ALEXOPOULOS, *Illness and Inhumanity in Stalin's Gulag* (New Haven and London: Yale University Press, 2017), 67. <https://doi.org/10.12987/yale/9780300179415.001.0001>

63 Őket tápanyag okozta rendellenesség, szívbetegségek, akut tüdőtagulás, vérszegénység, izomsorvadás, esetleg gonorrhoea kínozza. ALEXOPOULOS, *Illness and Inhumanity in Stalin's Gulag*, 67.

64 Az idetartozókat például pellagra okozta alultápláltság, illetve étel rendellenesség gyötörte. (ALEXOPOULOS, *Illness and Inhumanity in Stalin's Gulag*, 68.) A pellagrát a B3-vitamin hiánya, a kukoricára épülő, egyoldalú táplálkozás okozza. A tünetei között megemlíthetjük a fényérzékeny, durvává, sérülékennyé váló bőrt, a hasmenést és az esetleges idegrendszeri problémákat.

65 Mjasznyikovát (1909–2012) 1934-ben, mint „nép ellenségének” hozzátartozóját három évi, Kazanyban letöltendő száműzésre, majd 1936-ban 10 év szabadságvesztésre ítélték. Utóbbi esetben azzal vádolták, hogy egy terrorista csoport tagjaként kísérletet tett Sztálin megölésére. Volt például vlagyivosztoki lagpunktban, és a kolimai El'genen. Lásd bővebben: ПАУЛИНА С. МЯСНИКОВА, «Ссылка. Тюрма. Колыма», записал И. ПАНИКАРОВ, газета № 57 (30 октября 2005) <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=5696> (Дата обращения: 26 май 2021).

66 МЯСНИКОВА, «Ссылка. Тюрма. Колыма», 1.

ideiglenesen semmilyen munkára nem voltak foghatók, elkülönítették, 21 napra tábori kórházba, vagy egyfajta karanténba helyezték, annak érdekében, hogy meggyógyuljanak és újult erővel láthassanak neki a számukra kijelölt munkának.⁶⁷ Hava Volovics⁶⁸ szerint a sziblagi Szuszlovoban azonban a karanténkunyhókban uralkodó állapotok egyáltalán nem segítették a gyors felépülést, mivel a kunyhók bolháktól és poloskáktól hemzsegttek, illetve sokban nem volt ágy, így a földön kellett aludniuk.⁶⁹ Az egészséges(ebb) *zek*-eket, azaz rabokat munkára osztották be⁷⁰ és munkavégzésük eredményességének arányában szabták meg fejadagjukat. Ennek részletezésére később térek ki.

Amikor 1939–1940 folyamán a Vörös Hadsereg benyomult Lengyelországba és a balti térségbe, jelentősen megnőtt a Gulag „lakóinak” száma, így új kategorizálást kellett életbe léptetni. A „betegség(ek) listáján” immáron hat csoport szerepelt: 1. fizikai munkára alkalmas, 2. korlátozott munkaképességű, 3. legyengült, 4. beteg, 5. rokkant, 6. állandó támogatásra szoruló.⁷¹ Golfo Alexopoulos történész szerint miután a náci Németország megtámadta a Szovjetuniót,⁷² tovább bővült a „lista”, ezúttal hétre: 1. nehéz fizikai munkára fogható, 2. közepes nehézségű fizikai munka végzésére alkalmas, 3. könnyű fizikai munkát végző, 4. könnyebb feladatokat ellátó igazoltan rokkant, 5. egyáltalán nem dolgozó igazoltan rokkant, 6. hivatásos munkás, 7. Alexopoulos nem nevezi meg ezt a kategóriát.⁷³

67 КОКУРИН, ПЕТРОВ, *Россия XX век*, 568.

68 Hava V. Volovics (1916–2000) 1937 és 1953 között raboskodott a Gulagon (például a Komi Köztársaság területén található Vorkután és a sziblagi Szuszlovon). A Szovjetunió Büntető Törvénykönyvének 58. §-ának 9. és 10. pontja alapján ítélték el.

69 HAVA VOLOVICH, „My past”, in *Till My Tale is Told. Women's Memoirs of the Gulag*, ed. SIMEON VILENSKY (1999), 268.

70 Havonta legalább háromszor kötelező átfogó egészségügyi vizsgálaton kellett részt venniük. КОКУРИН, ПЕТРОВ, *Россия XX век*, 568.

71 ALEXOPOULOS, *Illness and Inhumanity in Stalin's Gulag*, 68.

72 A Gulag-igazgatóságnak gyorsan kellett reagálnia a kialakult változásokra. Megkezdte az Uráltól nyugatra fekvő légerek evakuálását és keletre helyezését. Általános amnesztia helyett a Gulag minden fontos és mozdtásra alkalmas berendezését, tartalékát és munkaerejét a hátszországba menekítették. Emellett sok rabot átszállítottak más, a fegyver-, lőszergyártás, szállítmányozás stb. miatt jelentős szerepet betöltő lágerbe. A világháború alatt az életfeltételek jelentősen megromlottak. A kényszermunkások napi 11–12 órát dolgoztak és csak néhányszor tarthattak szünetet. Emellett a légereket súlyos éhínség sújtotta: „a legnehezebb időszak 1941/42 telén volt. Kiderült, hogy a nők sokkal ellenállóbbak, mint a férfiak, nemcsak fizikailag, hanem lelkileg is. A nők megtalálták az erőt, hogy egész napra szétosszák azt a kis mennyiségű ételt, amit kaptak. A férfiak mindent egyszerre ettek meg, majd súlyosan szenvedtek.” Усова, «ЧСИР: Воспоминания».

73 ALEXOPOULOS, *Illness and Inhumanity in Stalin's Gulag*, 68–69.

	1940	1942
Nehéz fizikai munkát végzők	35,6%	19,2%
Közepes nehézségű munkát végzők	25,2%	17,0%
Könnyű fizikai munkát végzők	15,6%	38,3%
Rokkantak és legyengültek	23,6%	25,5%

5. ÁBRA Rabok kategorizálása a Gulagon munkavégzés szerint
(1940, 1942) (százalékban)⁷⁴

A létszámcsökkenés részben azzal magyarázható, hogy a június 22-i katasztrófa után a Gulagról férfi rabokat is mozgósítottak a harcoló csapatokhoz, így a táborokon belül megnőtt a női foglyok, a komolyabb testi sérüléssel, fogyatékkal rendelkezők és az idősebb férfiak számaránya, akik nem tudtak ugyanolyan mennyiségű és nehézségű fizikai munkát végezni. 1944-ben a hét kategóriát végül lecsökkentették négyre: 1. nehéz fizikai munkát végző, 2. közepes nehézségű munkavégzésre alkalmas, 3. könnyű fizikai munkára beosztott, 4. rokkant és legyengült kényszermunkás.⁷⁵

A már ismertetetteken kívül létezett egy teljesen más jellegű válogatás is, amikor az örök kiválasztották azokat a szerintük szemrevaló nőket, akiket ágyassá akartak tenni. Belső (például irodai) munkát, esetleg több ételmezt, melegebb és jobb ruhát ajánlottak fel számukra, cserébe azért, hogy szeretőik legyenek. Azokat, akik ezt a fajta ajánlatot elutasították, általában sokkal nehezebb fizikai munkára osztották be.⁷⁶

Az integrálási folyamat zárásaként „elhelyezték” a nőket egy barakkban, mely a négyzet vagy téglalap alakú zónán/„börtönzónán” belül helyezkedett el. Jekatyerina Olickaja így írja körül a tábort: „Fa cölöpkerítés, néhány sor szögesdrót, a sarkokban tornyok, bennük örökkel. Egy nagy fakapu, a kapunál pedig őrszoba. A nyitott kapukon át egy nagy udvart láttunk; a távolban lévő udvaron női rabok tolongtak és minket bámultak. Az udvar mindkét oldalán, mint egy utca mentén, alacsony fa barakkok álltak.”⁷⁷ A vahtánál, azaz őrszobánál az örök feladata volt ellenőrizni a lágerbe belépő és az onnan kilépő személyeket, köztük a szállítmányokat kísérő öröket. Az idézetben említett ellenőrző kapukból pedig akár

⁷⁴ КОКУРИН, ПЕТРОВ, *Россия XX век*, 291.

⁷⁵ ALEXOPOULOS, *Illness and Inhumanity in Stalin's Gulag*, 69.

⁷⁶ Baldajev rajzon is szemlélteti a szelektálást. DANZIG S. BALDAEV, *Drawings – from the – Gulag* (FUEL Publishing, 2010), 72.

⁷⁷ ОЛИЦКАЯ, *Мои воспоминания II.*, 236.

hármát-ötöt is felállítottak a nagyobb lágereknel. Dancig Sz. Baldajev,⁷⁸ Gulag-folklorkutató szerint minden 3000 rabra jutott egy kapu.⁷⁹

1939-től Lavrentyij Berija, belügyi népbiztos utasítására valamennyi tábor kerítésénél kialakítottak egy úgynevezett „senki földjét”, azaz tiltott zónát (zapretnaja zona). A terület körülbelül 5 méter szélességű volt, melynek kezdetét olykor megjelölték táblával, vagy akár szögesdróttal. Azokat a foglyokat, akik ráléptek, azonnal lelőtték az őrk. Emiatt nevezték a „senki földjét” „halálzónának” is.

Előfordult, hogy a nőket „nem várta” alvásra vagy étkezésre szolgáló épület, csupán egy üres terület, esetleg félkész állapotban lévő „barakk-hálózat”. Ilyen helyzetben a raboknak kellett felépíteniük a tábor valamennyi épületét. Ezen folyamat részleteit megismerhetjük a „hazaárulók” hozzátartozói számára létesített Alzsirban raboskodó Safira R. Nuralina,⁸⁰ illetve Irina Alferova-Ruge⁸¹ memoárjából. Nuralina a következőt írja:

„(...) a nők barakkokat építettek, kerítést emeltek, parlagon szántottak kertek és veteményesek számára. Egész nap kemény, szinte sziklás földet ástunk, ültettünk, gyomláltunk, árkokat ástunk az öntözőcsatornáknak. Minden négy emberre tizenöt hektár szántó jutott. Éjszaka pedig nádat gyűjtöttünk a laktanya kályháihoz.”⁸²

78 Burját-mongol családból származott. 1942-ben az irkutszki képzőművészeti főiskolán tanult, majd 1943 januárjától a hadseregben szolgált. Leszerelését követően egészen 1981-ig a belügyben dolgozott. Volt börtönőr és a leningrádi bűnügyi nyomozóosztály őrnagya is. KOVÁCS ÁKOS, SZTRÉS ERZSÉBET, *Tetovált Sztálin: Szovjet elítéltek tetoválásai* (Szeged: Népszava, 1989), 15–17.

79 KOVÁCS, SZTRÉS, *Tetovált Sztálin*, 41.

80 Nuralinát (1915–?) 1938 márciusában tartóztatták le, mint nép ellenségének feleségét. Kényszermunkára ítélték, Alzsirba került, ahonnan 1946-ban szabadult. Lásd bővebben: ШАРИФА Р. НУРАЛИНА, «Ничто на земле не проходит бесследно», в *Эхо массовых политических репрессий: Судьбы людские*, сост. В. М. ГРИНЕВ, Т. В. ГРИНЕВА (Астана, 2005), 100–03.; «Нуралина, Шарифа Рахимжановна (р.1915) комсомольский работник» <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=author&i=389> (Дата обращения: 26 май 2021).

81 Alferova-Rugét (1925–?) 1949-ben osztották be az 503. munkatáborba, melynek kényszermunkásai a Szalehard–Igarka vasútvonal (Nyugat-Szibéria) építésével foglalkoztak. Bővebben: ИРИНА АЛФЕРОВА-РУГЕ, «Из писем в Игарский музей», в *Стройка № 503 (1947–1953): Документы. Материалы. Исследования.* (Красноярск: Гротеск, 2000), 106–09.; «Алферова-Руге, Ирина Андреевна (р.1925)» <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=author&i=426> (Дата обращения: 26 май 2021).

82 НУРАЛИНА, «Ничто на земле не проходит бесследно», 102.

Bár Alferova-Ruge vegyes táborban volt, visszaemlékezéséből tudjuk, hogy a férfi rabok miután beszerezték az építőanyagokat, egy nagy területet elkerítettek szögesdróttal, majd 7x21 méteres sátrakat húztak fel valamennyi fogoly számára, hogy átvészeljék az első telet. A nők farönköket hordtak a tábor területére, a szigetelésre mohát gyűjtöttek, és a férfikkal együtt felhúzták az épületeket, valamint emeletes ágyakat, asztalokat, padokat fabrikáltak.⁸³

A lágererek – hasonlóan a férfi táborokhoz, a teljesség igénye nélkül – általában a következő épületekből álltak: adminisztrációs épület, ellenőrző pont, tér a raboknak (itt zajlottak a létszámenőrzések), rabok lakózónája, konyha, ebédlő és tantermek, szabadidős tevékenységre szolgáló épületek, műhelyek (pl. szabó- és cipésműhely), rokkantak részlege, mosókonyha, fürdő, gazdasági épületek (pl. istálló, disznóól), kórház, gyógyszertár, posta, cenzori hivatal, tűzoltórészleg, ipari zóna, fűtőanyag és élelmiszerraktár, büntető elkülönítő, hullaház, rabok temetője (a holttesteket tömegsírokba helyezték), tisztibarakk, örök barakkjai (Baldajev szerint előfordult, hogy az örök külön településen laktak. Ezeket „kutya-falvának” vagy „szemetek kunyhóinak” nevezték a rabok⁸⁴), őrség garázsa, őrkutyák tenyésztelése, őrtorony, lőtér, őrzárati ösvény.⁸⁵

A NŐI ÉLET JELLEMZŐI

Lágerkörülmények

Bár előírták, hogy a barakkokban 1,7-1,8 m²-ként⁸⁶ egy embert, tehát 100, legfeljebb 200 főt lehet elhelyezni, több túlélő, köztük Zinaida Uszova is leírta, hogy a barakkok túlzsúfoltak voltak, hiszen akár 250-300-an is tartózkodhattak egy épületben.⁸⁷ Egy másik túlélő, Margarete Buber-Neumann⁸⁸

83 АЛФЕРОВА-РУГЕ, «Из писем в Игарский музей», 106.

84 KOVÁCS, SZTRÉS, *Tetovált Sztálin*, 41.

85 BALDAEV, *Drawings – from the – Gulag*, 62–63.; КОКУРИН, ПЕТРОВ, *Россия XX век*, 558–60.

86 КОКУРИН, ПЕТРОВ, *Россия XX век*, 334., 561.

87 УСОВА, «ЧСИР: Воспоминания.»

88 Buber-Neumann (1901–1989) 1931-ben ment férjhez Heinz Neumannhoz. Miután férjét 1934-ben Svájcban letartóztatták, mint illegális bevándorlót, 1935-ben kitoloncolták Moszkvába. Margaret követte férjét. Heinzel 1937-ben, Margaretet pedig 1938-ban letartóztatták, Margaret a butirkai börtönbe, majd Karlagba (Kazahsztán, Karaganda régió) került. 1940-ben átszállították egy német börtönbe, Ravensburgba. 1945-ben szabadult. MARGARETE BUBER-NEUMANN, *Under Two Dictators* (London: 1949).

pedig mikor megérkezett a karagandai lágerbe, hely hiányában arra kényszerült, hogy a mosdóhelyiség padlóján aludjon.⁸⁹

A barakkoknak a moszkvai utasításokat követve kellett kinézniük. Ennek következtében téglalap alakúak voltak és általában fából épültek. Visszaemlékezésekben olvashatjuk, hogy a barakkok rendkívül puritánok voltak. Leokadia G. Dmitrijeva⁹⁰ leírta, hogy a falak vakolatlanok voltak, telis-tele repedésekkel,⁹¹ Irena K. Arginszkaja⁹² szerint pedig a padlókat alig lehetett takarítani, mivel agyagból készültek.⁹³

Álvóhelyül általában a *vagonki*⁹⁴ néven ismert ágyak szolgáltak, melyek javarészt kétszintes és négyszemélyes priccsek voltak. Sok helyen azonban ún. szplosnije nari-k, azaz hosszú, fából készült hálópadozatok voltak, noha ezek barakkban való elhelyezését már 1919-ben betiltották.⁹⁵ Zinaida Uszova és Galina I. Levinszon⁹⁶ révén tudjuk, hogy sok barakkban szalmás matracot helyeztek az ágyra, melyeket rothadt szénával vagy szalmával töltöttek meg.⁹⁷ Elinor Lipper⁹⁸ azonban egészen másról számol be. Mivel a táboruk területén nem volt szalma, és a széna mennyisége sem volt elegendő a szarvasmarhák miatt, faforgáccsal vagy felesleges ruhadarabokkal kellett kibélelniük az ágybetéteket.⁹⁹

89 BUBER-NEUMANN, *Under Two Dictators*, 75.

90 Leokadia Dmitrijeva (1912–?) 1936 és 1956 között volt a Gulag (lubjankai börtön, Szoloveckij láger) rabja. Terrortevékenységben való részvétel és a bűncselekmény elhallgatásának vádjával ítélték el. Lásd bővebben: Л. Г. ДМИТРИЕВА, *Воспоминания* 1939. <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=unpublished&syn=275> (Дата обращения: 27 май 2021); «Дмитриева Леокadia Георгиевна» https://bessmertnybarak.ru/dmitrieva_leokadiya_georgievna/ (Дата обращения: 20 май 2021).

91 ДМИТРИЕВА, *Воспоминания*, 22.

92 Arginszkaját (1932–2006) 1951-ben azzal vádolták, hogy egy zsidó szovjetellenes terrorista ifjúsági szervezet tagja volt, melynek céljai között szerepelt a szovjet rezsim megdöntése. 5 évig volt a Gulag rabja (azt nem tudjuk, hogy mely tábor[ok]ban volt). Bővebben: «Аргинская Ирэна Ильинична» https://bessmertnybarak.ru/arginskaya_irena_ilinichna/ (Дата обращения: 22 май 2021).

93 APPLEBAUM, *A Gulag története* I, 384.

94 A vonatok hálókocsijában található ágyak megjelölésére szolgált.

95 Ж. Росси, *Справочник по ГУЛАГу*. (Москва: «просвет» 1991), 16.

96 Levinszon, (1909–?) mint hazaáruló hozzátartozóját ítélték el 1937-ben. Először a moszkvai Butirkába, majd a mordoviai Tyemlagba került. Bővebben: Г. И. ЛЕВИНСОН, «Я постаралась забыть...», в *Вся наша жизнь: Воспоминания Галины Ивановны Левинсон и рассказы* (Мемориал, 1996).

97 УСОВА, *ЧСИР: Воспоминания*; ЛЕВИНСОН, «Я постаралась забыть...».

98 Elinor Lipper (1912–2008) svájci állampolgár 1937-ben, mint meggyőződéses kommunista Szovjetunióba utazott. Ellenforradalmi tevékenység vádjával letartóztatták és 8 év kényszermunkára ítélték. Rabságának éveit az Északkelet-Szibéria területén található kolimai táborokban töltötte. ELINOR LIPPER, *Eleven Years in a Soviet Prison Camp* (London: 1995).

99 LIPPER, *Eleven Years in a Soviet Prison Camp*, 131.

Uszova emellett arról is említést tesz, hogy a mordoviai potymai lágerben vékony, durva gyapjútakarót osztottak ki, párnát pedig egyáltalán nem adtak, ezért arra kényszerültek, hogy összetekert ruháikat tegyék fejük alá.¹⁰⁰ Noha egy 1939-es parancs előírta, hogy minden évben új törülközőt, négyévente új párnahuzatot, kétévente új lepedőt, továbbá ötévente új takarót kell adni.¹⁰¹

A kezdetleges állapotokat tükrözi a világítás és fűtés gyakori hiánya is. A kolimai El'genben raboskodó Szerafima Borogyina¹⁰² szerint a barakkban uralkodó sötétség miatt este általában alig tudták megkülönböztetni egymástól az ismerős arcokat.¹⁰³ A fűtés hiánya pedig Natalja Perli-Rikova¹⁰⁴ szerint számos esetben azt eredményezte, hogy a víz megfagyott vagy a haj odafagyott az ágyhoz.¹⁰⁵

Érdeemes szót ejteni a lágerek területén uralkodó higiénias állapotokról is, így a fürdőzés, a ruhatisztítás, a havibaj és napi szükséglet elvégzésének kérdéséről. A nőknek a táborba érkezést követően kevés alkalmuk nyílt komolyabb tisztálkodásra, vagy ruháik mosására. Vazipa Majzsolova-Kulenova¹⁰⁶ visszaemlékezése szerint Alzsirban például csak havonta kétszer engedték őket a fürdőbe, és akkor is egy gyufásdoboznál alig nagyobb szappant bocsájtottak rendelkezésükre mosakodás céljára.¹⁰⁷ Bár az 1940-es években kötelezővé tették a tíznapenkénti fürdést és előírták

¹⁰⁰ Усова, ЧСИР: *Воспоминания*.

¹⁰¹ Кокурин, Петров, *Россия XX век*, 489.

¹⁰² Borogyina (1909–2000) 1937-ben 10 év lágerben letöltendő szabadságvesztést kapott „államhatalom megdöntésére irányuló propaganda” miatt. Előbb a jaroslávi börtönben, majd a kolimai Szევოსztlagban volt. Bővebben: СЕРАФИМА БОРОДИНА, «Седьмой километр», в *Уроки гнева и любви: Сб. воспоминаний о годах репрессий (1918 год – 80-е годы)* (СПб.: 1994).; «Бородина (Мамедли, Гинзбург) Серафима Иосифовна» <https://arch2.iofe.center/person/5908> (Дата обращения: 22 май 2021).

¹⁰³ Бородина, «Седьмой километр», 80.

¹⁰⁴ Perli-Rikovát (1916–2004) 1938-ban tartóztatták le szovjetellenes agitáció vádjával. Rabságának tizenhat éve alatt többek között Vorkután és Uhtán raboskodott – mindkét tábor a mai Komi Köztársaság területén volt. Bővebben: Т.И. Шмидт, *Рассказы, записанные в разные годы. Перли-Рикова Наталья Алексеевна*. <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=unpublished&syn=276> (Дата обращения: 25 май 2021).

¹⁰⁵ Шмидт, *Рассказы, записанные в разные годы*, 8.

¹⁰⁶ Majzsolova-Kulenovát (1911–?) hazaáruló hozzátartozójaként ítélték 10 év kényszmunkára. 1938 és 1948 között Alzsirban volt. Bővebben: ВАЗИПА МАЙЖОЛОВА-КУЛЕНОВА, «Бывает радость и в тяжелые дни», в *Страницы трагических судеб: Сб. воспоминаний жертв политических репрессий в СССР в 1920–1950-е гг.* сост. Е. М. Грибанова., А. С. Зулкашева, А. Н. Ипмагамбетова [и др.]. (Алматы: Жеті жарғы, 2002).; Майжолова-Куленова <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=author&i=1297> (Дата обращения: 25 май 2021).

¹⁰⁷ Майжолова-Куленова, «Бывает радость и в тяжелые дни», 173.

a havonta kiosztandó szappan mennyiségét – 250 gr-ból 50-t a ruhák tisztítására, 150-t pedig mosakodásra kellett felhasználniuk¹⁰⁸ – Hava Volovics, aki az 1950-es évek elején Bratszkban raboskodott, memoárjában azt írja, hogy vízhiány miatt csupán havonta egyszer engedélyezték számukra a fürdést, amihez fél tál vizet biztosítottak. Mivel ezt a vízmennyiséget tilos volt felhasználniuk ruha mosására, általában az esőzések során felgyülemlt víztócsákban kellett megtisztítaniuk ruháikat.¹⁰⁹

Mivel a barakkokban nem volt mellékhelység, napi szükséglet terén a nőknek két lehetőség állt rendelkezésre. Ahogy Emmi Goldaker leírja, az egyik a tábor¹¹⁰ területén erre a célra kialakított gödör volt, melynek tetejére ráhelyeztek egy gerendát, hogy arra ráállva tudjanak könnyíteni magukon.¹¹¹ A gödröt minden használat után lefedték földdel, egyrészt azért, hogy a szag kevésbé terjedjen a láger területén, másrészt azért, hogy elkerüljék a betegségek terjedését. Hiszen, ha valaki fertőző beteg, például hasi tifuszban szenvedő volt, annak a székletéből kiszabaduló baktériumok tovább fertőzhatték a rabokat, a pöcegödörben a kiütéses tifusz kórokozója napokig, vagy akár hónapokig is életben maradhatott. Galina Levinszon nevű túlélő szerint létezett egy másik lehetőség is, a „kübli”, az ún. parasa, melyet akkor vettek igénybe, ha éjszakára bezárták őket a barakkba. Ennek használata azonban kellemetlen szagot eredményezett, így a nők sokszor inkább megvárták a reggelt, hogy igénybe vehessék a gödröt.¹¹²

Az örök általában nem voltak tekintettel a nőiségre, erre jó példa a „menstruáció kérdése”. Sok nőnek ugyanis komoly gondot jelentett a havonta meginduló vérzés, egyrészt azért, mert a „kényelmetlenség” és panaszk miatt megnehezítette számukra a munkavégzést, másrészt pedig azért, mert a tábori körülmények között nehezebben tudták felfogni a vért – különféle házi praktikát próbáltak alkalmazni, például szalmát, fűvet, vagy szétvágott takarót. Aida I. Baszevics¹¹³ visszaemlékezésében a következőt írja:

108 A férfiak 200 gr, a járő- és fekvőbetegek pedig 250 gr szappant kaptak. КОКУРИН, ПЕТРОВ, *Россия XX век*, 547.

109 ХАВА В. Волович, «О прошлом», в *Доднесь тяготеет*. сост. С.С. Виленский (Москва: 1989), 493.

110 Inta egyik tábora – nem nevezi meg a nevét.

111 ГОЛЬДАКЕР, *Деревянный чемодан*, 56.

112 ЛЕВИНСОН, «Я постаралась забыть...», 37.

113 Aida Baszevics (1905–1995) az 1920-as évektől egészen a 40-es évekig többször is letartóztatták. Utoljára 1941-ben, amikor is 10 év szabadságvesztésre (a nyevjanszki lvygel'lagba) és 5 év jogfosztásra ítélték az államhatalom megdöntésére irányuló propaganda/agitáció vádjával. Bővebben: «Басевич/б.» https://bessmertnybarak.ru/Basevich_Aida_Issakharovna/ (Дата обращения: 28 апрель 2021).

„Alig tudtam járni. Ráadásul menstruációm volt, csak úgy folyt a vér, nem engedtek átöltözni, és naponta csak egyszer tudtam bejutni a mellékhelyiségbe.”¹¹⁴

Mindamellett nem minden nő volt képes menstruálni. Volt, akinek hónapokig, vagy akár évekig kimaradt. Ennek oka részben a folyamatos stressz és az alultápláltság volt. Akinek végül hosszú idő után ismét megvolt, annak sok esetben orvoshoz kellett fordulnia a kezdeti erős fájdalmak miatt.

A nők mindennapi életét meghatározó szabályok

A következőkben elsősorban egy 1939-es, illetve 1950-es műveleti parancs¹¹⁵ legfőbb pontjait, illetve azok gyakorlatban való megjelenését/hiányát tekintjük át. A két parancs alapjául szolgált a későbbiekben született szabályozásoknak.

Az 1939 augusztusában a Belügyi Népbiztosság által kibocsájtott „szabályzatban” meghatározták a rabok (köztük nők) fogvatartási és munkakörülményeit. Előírták, hogy a lágernek olyan helyen kell állnia, ahol megfelelően lehet biztosítani az ivóvíz-ellátást és amely közel helyezkedik el a munkavégzés területéhez.¹¹⁶ Ahogy Hava Volovics esetében láthattuk, előbbi szempont nem minden tábornál valósult meg, hiszen Volovicsék komoly vízhiánnyal küszködtek.

A férfiakhoz hasonlóan a nők számára is szigorúan szabályozták a napi rendet, mely általában a razvoddal, azaz szirénahanggal kezdődött. A felkelést követően a nőknek be kellett ágyazniuk és holmijaikat el kellett rendezniük. Ezt követte a reggeli, majd a második szirénahang elhangzása után a létszámmellenőrzés. A szabályzat előírta, hogy az ügyeletes brigádvezető által tartott ellenőrzésnek maximum 15 percre kell tartania, melynek végeztével útnak kell indítani a rabokat a munkavégzés helyére.

Voltak azonban olyan személyek is, akik koruk, egészségi állapotuk miatt a láger területén maradhattak a munkaidő alatt. Galina Voronszkaja¹¹⁷

¹¹⁴ «Басевич/а.» <https://gazeta-ds.livejournal.com/376861.html> (Дата обращения: 23 апрель 2021).

¹¹⁵ КОКУРИН, ПЕТРОВ, *Россия XX век*, 463., 566.

¹¹⁶ KOLONTÁRI ATTILA, „Adalékok a Gulág történetéhez”, in *Emberek az embertelenség világában. A Gulág és a Gupvi. A Gulágkutatók Nemzetközi Társaságának évkönyve 2015–2017.* szerk. BOGNÁR Z., MUSKOVICS A. A. (Budapest: Kairosz Kiadó, 2017), 43.

¹¹⁷ 1937 elején először szüleit, végül magát Galina Voronszkáját (1914–1991) is letartóztatták. Kényszmunkára ítélték, majd a kolimai El’genbe került, ahonnan 1942-ben szabadult.

és Szuszanna Pecsuró¹¹⁸ visszaemlékezéséből tudjuk, hogy az ő feladatuk volt a barakkok kitakarítása, rendben tartása és vízzel való ellátása.¹¹⁹ Ezt megerősíti az 1939-es műveleti parancs, mely előírta számukra – az ún. gyezsurnajáknak –, hogy a barakkokat szellőztetniük kell, a mosdókat és víztartályokat ki kell tisztítaniuk, utóbbit pedig mindennap tiszta vízzel kell feltölteniük.¹²⁰

A számlálás után következett a munkára vonulás. Ha a munkavégzés helye messze volt a láger területétől, akkor az örökön kívül akár kutyák is kísérhették a nőket. A munkából való visszatérést követte a vacsora és az esti ellenőrzés, melyek között szabad mozgást engedtek a raboknak. A két parancs értelmében ebben az időintervallumban háborítatlanul sétálhattak a láger területén, illetve mehettek orvosi vizsgálatra, könyvtárba, olvasó- vagy színjátszókörbe stb.¹²¹ Ezzel egybehangzó Olga L. Adamova-Szljozberg¹²² visszaemlékezése:

„A láger területén, (...) belélegeztük a páradús tengeri levegőt, éreztük az arcunkon a szemerkélő augusztusi esőt, ültünk a nedves fűben, és földet morzsoltunk az ujjaink között. (...) rájöttünk, hogy ez lényeges része a létezésünknek: enélkül az ember képtelen volt normálisan érezni magát.”¹²³

Mint említettem, ezután következett az esti létszámmellenőrzés, mely az előírások szerint maximum 30-40 percet vehetett igénybe.¹²⁴ Bár számtalanszor egy órán át, vagy akár még tovább is eltarthatott, mondván, ha a rabok szökni akarnak, azt a munkára vonulás, vagy a munkavégzés során teszik meg. Ezt alátámasztja Galina A. Voronszkaja memoárjának egy részlete:

118 Pecsuró (1933–2014) 18 éves volt, amikor letartóztatták ellenforradalmi tevékenység vádjával. Rabságának éve alatt többek között megjárta a moszkvai börtönöket, valamint a mordoviai Dubravlagot. 1956-ban szabadult. Bővebben: «Печуро Сусанна Соломоновна (1933–2014) историк, правозащитник» <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=author&i=1453> (Дата обращения: 24 май 2021).

119 Галина Александровна Воронская (псевд. Г. Нурмина), На дальнем прииске: Рассказы (Магадан: ГОБИ, 1992), 123.; АРЛЕВАУМ, *A Gulag története I.*, 385.

120 КОКУРИН, ПЕТРОВ, *Россия XX век*, 467.

121 КОКУРИН, ПЕТРОВ, *Россия XX век*, 465., 563.

122 Adamova-Szljozberget (1902–1991) 1936 tavaszán tartóztatták le terrorcselekmény vádjával. A tíz év alatt raboskodott többek között a fehér-tengeri Szolovki-szigeteken, Kazahsztánban és az Északkelet-szibériai Kolimán.

123 Ольга Л. Адамова-Слиозберг, *Путь* (1993), 78.

124 КОКУРИН, ПЕТРОВ, *Россия XX век*, 463.

„késő este, a szürke alkonyatban naponta kötelező a tábori ellenőrzés. Az összes fogoly felsorakozik az udvaron, kiáltják a nevüket, azt hiszik, hogy hibáznak, újrakezdi és úgy tűnik, hogy ennek nem lesz vége. De mégis vad trágárságokkal és szitkozódásokkal valahogy összeáll a »tábori egyensúly«.”¹²⁵

Rögtön a szemle után ismét megszólalt a sziréna, mely jelezte, hogy nyomban a barakkba kell vonulni és nyugovóra kell térni. Az alvásra minimum hét órát írt elő a két szabályzat, bár több visszaemlékezőnél is olvashatjuk, hogy meglehetősen gyakorisággal kurtították meg ezt az időt. Hava Volovics is azt írja memoárjában, hogy az 50-es években a bratszki táborban¹²⁶ az örök, ha úgy tartotta kedvük, fél 6-ról akár egy órával előbbre is hozták az ébresztőt, melynek következtében a nők ereje idővel jelentősen megcsappant, munkavégzésük hatékonysága pedig csökkent.¹²⁷ A barakkba térve egyébként teljes csöndnek és sötétségnek kellett lennie, és csakis az őr-lámpa világíthatott.¹²⁸

A szabályozás kiterjedt az ételmezésre. Az 1939-es műveleti parancs kimondta, hogy aki túlteljesíti a napi munkanormát, az 25-50 (bizonyos ételekből esetleg 100) grammal többet kap, aki viszont nem tudja vagy vonakodik teljesíteni, esetleg szimulálás miatt nem hajlandó elvégezni kiszabott munkáját, az csökkentett porciót kap.¹²⁹ Azt, hogy a munkavégzéstől tették függővé az ételosztást, alátámasztja Bronja B. Gerson¹³⁰ visszaemlékezése, melyben leírja, hogy alzsiri rabsága idején „a hivatalos tábori alapszabály az volt, »Aki nem dolgozik, nem eszik.« (...) Akinek szerencséje volt szakmája szerinti munkát végezni, annak könnyen teljesíthető volt a norma, és biztosítani tudott maga számára egy viszonylagos jólétet. A nemszakembereknek viszont (...) nehezebb megkeresniük kenyerüket.”¹³¹

1939-ben szabályozták az állapotos nők, illetve a munkavégzésre alkalmas és alkalmatlan betegek, kórházban fekvők napi porcióját is. Ezt szemlélteti a következő táblázat, mely utóbbiak esetében nem nemek szerint határozta meg a napi normát. Bizonyos ételekből, elsősorban a tápanyag-

125 ВОРОНСКАЯ, На дальнем прииске, 83.

126 Kelet-Szibéria, Irkutszk. A Tajset-Bratszk vonalszakasz építése 1939–1941 között zajlott.

127 Волович, «О прошлом», 493.

128 Олицкая, *Мои воспоминания II.*, 261.

129 КОКУРИН, ПЕТРОВ, *Россия XX век*, 486.

130 Bronja B. Gerson (1898–1975) 1937 novemberében ítélték kényszermunkára, mint „nép ellenségének” hozzátartozóját. Alzsirba került, ahonnan 1943-ban szabadult. Bővebben: К.И. ГЕРШОН, *Сага о Брайне: Повесть о пережитом* (Звёздный ковчег, 2010).

131 ГЕРШОН, *Сага о Брайне*, 135.

ban gazdagabbakból – például húsból, halból, burgonyából és egyéb zöldségekből – a rabok gyakran jóval nagyobb fejadagot kaptak. A kórházi betegek közül azonban csak azok jutottak hozzá a táblázatban szereplő ételmennyiséghez, akik fekvőbetegek voltak.

Étel típusa	Általános porció Mennyiség (fő/gr)	Várandós nők és kis-gyermekes anyák	Kórházi betegek	Munkavégzésre alkalmatlan legyengült rabok	Könnyű munkát végző legyengült rabok
Rozskenyér	1100	800	400	800	1000
Búzaliszt (85%)	61	110	300	50	50
Lisztkeverék (85%)	?	10	20	10	10
Különféle liszt	?	150	80	130	160
Hús	39	60	80	30	30
Hal	155	192	100	160	260
Növényi olaj	14	15	10	13	13
Állati zsír	4	25	20	5	15
Tészta	10	17	15	10	30
Cukor	17	33	40	15	20
Teapótló	2	2	0,5	2	2
Burgonya és egyéb zöldségek	650	700	600	620	750
Paradicsompüré	10	10	10	10	10
Zöldpaprika (Csöves paprika)	?	0,13		0,13	0,13
Babérlevél	0,2	0,2	0,5	0,2	0,2
Só	20	20	20	20	20
Tej	0	400	300	0	0

6. ábra Napi porció 1939-ben (fő/gr):

Általános porció; állapotos nők, kórházi betegek, munkavégzésre alkalmatlan legyengültek, könnyű munkát végző legyengült rabok¹³²

132 КОКУРИН, ПЕТРОВ, Россия XX век, 482–86.

A szabályzat 26–29. pontja egyébként kimondta, hogy a munkaidő közepén egy óra szünetet kell biztosítani a pihenésre és az étkezésre. Bár ez általában a termelési körülményektől függött, Jekatyerina Olickaja szerint még a 40-es években is – amikor növelték a munkavégzés időtartamát – biztosították számukra az egy órás ebédszünetet.¹³³ A parancs emellett azt is rögzítette, hogy abban az esetben, ha az étkezésre szolgáló helyek messze helyezkednek el a munkavégzés területétől és a munkakörülmények ezt megkövetelik, meg kell szervezni az ételek előírt időben történő kiszállítását a munkavégzés helyszínére.¹³⁴ Ezzel egybecseng a Minlagban¹³⁵ raboskodó Emmi Goldaker visszaemlékezése is:

„kivágtuk a rönköket (...). Ebédidőben felvizezett pörköltet, illetve négy és fél evőkanál zabkását hoztak a munkahelyre, zsír nélkül, gyakran só nélkül.”¹³⁶

A lágerekben naponta háromszor volt ételosztás, mely során – ahogy az előbbi idézet is mutatja – általában ízetlen, fűszerezetlen ételeket kaptak az elítéltek. Közülük többen emlékeztek vissza olyan levesre, mely romlott káposztából, krumpliból vagy disznózsírból, esetleg heringfejekből, vagy tüdőből készült. Mindamellet a kiosztott élelmiszerek között javarészt káposzta és kása volt. Kenyeret csak nagyritkán porcióztak, és amikor adtak, akkor is csupán keveset.¹³⁷ A kiosztott élelmiszereknél emellett gondot jelentett az is, hogy azok nem elégítették ki az emberek átlagos napi kalóriabevitelének szükségletét. A nők számára szükséges körülbelül 1700-2000 kcal helyett még az előírt 7-800 kcal sem jutott nekik.¹³⁸

A véget nem érő éhezés miatt voltak, akik a tábor területén vagy a munkavégzés helyszínén – például tó-, folyóparton vagy erdőben – kerestek eleséget. A napi betevő része lett így rügy, bogyó, parázson megsütött erdei gomba, vitaminhiány pótlására alkalmas gyümölcsök, továbbá hal, kagyló, amiket este a barakkban el is fogyasztottak. Paulina Mjasznyikova visszaemlékezésében leírja, hogy a kolimai El'genben, akik üvegházakban dolgoztak, időnként elcsentek néhány zöldséget és magukkal vitték azo-

133 Олицкая, *Мои воспоминания II.*, 263.

134 КОКУРИН, ПЕТРОВ, *Россия XX век*, 460–80.

135 Komi Köztársaság, Inta. Minlag 1948 és 1957 között működött.

136 ГОЛЬДАКЕР, *Деревянный чемодан*, 81.

137 Lásd: ЛАРИНА, *Незабываемое*; VOLOVICH, „My past”; ЛЕВИНСОН, «Я постаралась забыть...»

138 BOGOS ZSUZSANNA, „Kínzó éhség, még kínzóbb szomjúság”, *Sztálin pokla. Magyar sorsok a Gulágon*. Múlt-kor történelmi magazin melléklete (2015), 66.

kat a barakkba. Ám ez kockázatos volt, ha fény derült a lopásra, karcerba, azaz büntető zárkába zárták őket.¹³⁹

Az 1939-es és 1950-es műveleti parancs érintette a szexualitás, a gyermekvállalás, abortusz, gyermeklátogatás kérdését,¹⁴⁰ továbbá a rokonokkal való találkozások számát és módját, valamint a levelek, csomagok küldését és fogadását. Előírta, hogy a rabok, köztük a nők is, csak abban az esetben találkozhatnak rokonaikkal, amennyiben teljesítik a normát. Ha mindez sikerült, akkor félévente egyszer láthatták családtagjaikat. Abban az esetben, ha túlteljesítették a normát, akkor lehetőségük nyílt arra, hogy rokonaikkal háromhavonta találkozzanak.¹⁴¹ Galina Levinszon visszaemlékezésében elmondja, hogy a találkozókra az őrszobában került sor. Ilyenkor ágyat vetettek a látogatóknak, akiknek megengedték, hogy egy-két napot ott időzzenek, és napi pár órát együtt töltsenek a táborban raboskodó szeretteikkel.¹⁴²

A legtöbbeknek havonta, egy ellenforradalmi bűncselekményért elítéltnek azonban csak háromhavonta engedélyezték csomag fogadását.¹⁴³ A küldemények megtekintését szigorúan szabályozták. Az őrök feladata volt ellenőrizni, hogy tartalmaznak-e pénzt, fegyverként használható tárgyat, vagy valamilyen titkos üzenetet. Amennyiben semmi ezekre utalót nem találtak, engedélyezték, hogy a nők valamit magukhoz vegyenek – ez igaz volt a külföldiek esetében is.¹⁴⁴ Mindezt alátámasztja Emmi Goldaker visszaemlékezése is. Abezben a csomagokat – melyek legfeljebb 4-5 kg súlyúak lehettek – az őrszobában osztották ki tiszt jelenlétében.

„Rögtön megláttam egy kis csomagot anyám kézírásával. Az őr kibontotta, a tetején volt egy boríték, amelyből a tiszt azonnal előhúzta a fényképeket, és nézegetni kezdte őket. (...) Az őr letette a borítékot a fényképekkel, és odaadta a csomag többi tartalmát: cigaretta, csokoládé, még egy üveg eperlekvár is volt ott!”¹⁴⁵

139 Мясникова, «Ссылка. Тюрма. Колыма», 2.

140 Ezeknek részletezésére most a terjedelmi keretek miatt nem térek ki. Bővebben: BÁRDONICSEK DOMINIKA, *A szovjet büntetés-végrehajtás egy sajátos válfaja: a Gulág női tábora (1934–1953)*. MOSZT Könyvek 13 (Pécs: PTE BTK TTI MOSZT Kutatócsoport, 2021).

141 КОКУРИН, ПЕТРОВ, *Россия XX век*, 468.

142 ЛЕВИНСОН, «Я постаралась забыть...», 38.

143 APPLEBAUM, *A Gulag története I.*, 466. A csomagokban általában ruhát, élelmiszert, táplálkozáshoz szükséges eszközöket (tányérokat, evőeszközöket) kaptak a női rabok. ОЛИЦКАЯ, *Мои воспоминания II.*, 238–41.

144 КОКУРИН, ПЕТРОВ, *Россия XX век*, 469., 564.

145 ГОЛЬДАКЕР, *Деревянный чемодан*. 102.

A két műveleti parancs értelmében levelet általában háromhavonta kaphattak a nők, de csakis hozzátartozótól.¹⁴⁶ Bár elviekben negyedévente engedélyezték a levélírást, Margaret Werner szerint a táborukban évente csupán kétszer volt lehetőségük írni.¹⁴⁷ Emellett a német származású Emmi Goldaker memoárjában olvashatjuk, hogy a külföldieknek egyáltalán nem volt joguk levelezni.

„Csupán három levelet írtam (...). És végül eljött az a nap, amikor a nevemet valóban kiáltották. (...) Nagyon lassan odamentem a nőhöz, aki szétosztotta a leveleket. Nála nem egy, hanem sok-sok levelem volt - egy egész köteg. Saját leveleim, amelyeket két és fél éve (...) írok.”¹⁴⁸

A levelekben egyébként tilos volt a lágerek működéséről, a rabok számáról, az örök nevééről, vagy a végzett munka jellegéről írni. A tábori cenzorok amennyiben ilyen üzenetekre bukkantak az ellenőrzés során, azonnal elkobozták, és feljegyezték az író nevét. Gyakran az is megesett, hogy az illető levelezési jogát hat hónapra, vagy akár egy évre megvonták.¹⁴⁹ Jekatyerina Olickaja szerint ezért általában az élelmiszerellátásról, a kapott csomagok jelentőségéről, a rokonok egészségi állapotáról írtak.¹⁵⁰

Anna Larina és Galina Levinszon révén tudjuk, hogy a hazaáruulók hozzátartozóiként elítéltek csupán egy év letelte után írhattak szeretteiknek. Larina szerint csak annyit engedtek meg nekik, hogy értesítsék rokonait, engedélyezték számukra csomagok havonkénti fogadását, így küldhetnek nekik meleg ruhát.¹⁵¹ Levinszon viszont arról informál bennünket, hogy Tyemnyikovszkijban csupán a kisgyermekeseknek volt szabad levelet írniuk. Ám először csak annyit kérdezhettek meg rokonaiktól, hogy magukhoz veszik-e gyermeküket. Ha beleegyeztek és magukkal vitték őket, az anyák havonta érdeklődhettek gyermekeik felől.¹⁵²

A műveleti parancsok szerint bármelyik rab küldhetett kérelmet Moszkvába, emellett élhetett panasszal akár a Belügyi Népbiztosságnál, a Politikai Iroda tagjainál, vagy akár magánál Sztálinnál.¹⁵³ A panaszleveleket be

146 КОКУРИН, ПЕТРОВ, *Россия XX век*, 469-70., 564.

147 WERNER, *Dancing Under the Red Star*, 218.

148 ГОЛЬДАКЕР, *Деревянный чемодан*, 99.

149 КОКУРИН, ПЕТРОВ, *Россия XX век*, 470., 567.

150 ОЛИЦКАЯ, *Мои воспоминания II.*, 241-46.

151 ЛАРИНА, *Незабываемое*, 11.

152 ЛЕВИНСОН, «Я постаралась забыть...», 38.

153 КОКУРИН, ПЕТРОВ, *Россия XX век*, 476-77., 565.

kellett vezetni a nyilvántartásba és lezárt borítékban kellett továbbítani. A panaszlevelek azonban elvértve jutottak el a címzettekhez és még ritkábban orvosolták a bennük foglaltakat. Éppen ezért, ahogy Anna Larina is írja visszaemlékezésében, nem mindenki tett kísérletet a panasztételre, hiszen reménytelennek látták, hogy az valaha is eredményt ér el.¹⁵⁴

Az említett időbeosztások és szabályok a sztálini korszakban hol enyhültek, hol szigorodtak.¹⁵⁵ Ám mindvégig bármely utasítás megtagadása vagy szabály megszegése komoly büntetést vont maga után, mely nem volt tekintettel korra, nemre, egészségi állapotra.¹⁵⁶

ÖSSZEGZÉS

Ami a lágerekben a nőkkel történt, ékes példája annak, hogy a sztálini rendszer miként roppantotta össze az egyént és annak személyiségét, milyen módon hozta függő helyzetbe és tartotta állandó bizonytalanságban polgárait. Kollektív büntetőjogi felelősséget bevezetve, új jogi kategóriákat teremtve, gyakran a legapróbb kihágás elkövetése miatt, vagy pedig teljesen valótlan indokkal küldtek embereket Gulag-táborokba – láthattuk, hogy „csak” 1934 és 1939 között majdnem négyszeresére nőtt a kényszermunkára ítélt nők száma.

Bár elméletben voltak bizonyos jogaik a raboknak, láthattuk, hogy azokat a gyakorlatban legtöbbször nem lehetett érvényesíteni, emellett az örök gyakorta módosították önkényesen az egyes előírásokat, gondolkunk például az ételmezés, alvás, levelezés kérdésére. A nők – hasonlóan a férfiakhoz – szabályozott és nehéz körülmények között éltek nap mint nap, a különféle művelti parancsok, rendeletek táborbéli életük szinte minden mozzanatát irányították és korlátozták. A túlélők memoárjai alapján azonban láthattuk, hogy a valós körülmények, a nők számára biztosított lehetőségek ritkán tükrözték a jogszabályokban foglaltakat.

154 ЛАРИНА, *Незабываемое*, 11.

155 Például az 1940-es években (főként a német inváziót követően) szigorították őket, így csökkentették a pihenőnapokat és növelték a munkanormát. Innentől kezdve hivatalosan tizenegy órát dolgoztak a rabok – igaz, sokan már a 30-as években is ugyanennyit dolgoztak.

156 A büntetések részletezésére nem térek ki. Bővebben: BÁRDONICSEK, *A szovjet büntetés-végrehajtás egy sajátos válfaja*.

The journal is published with the support of the Eötvös Loránd University
Faculty of Humanities

A folyóirat az Eötvös Loránd Tudományegyetem Bölcsészettudományi Karának
támogatásával jelenik meg

PAUL BUSHKOVITCH

PETER THE GREAT AND THE WEST
IN RUSSIAN CULTURE AND STATE

GARY MARKER

RUSSIA'S EIGHTEENTH CENTURY
IN RECENT US HISTORIOGRAPHY

HOUQIN ZHOU, WEI'AN CAO

CHINESE SCHOLARS' STUDIES
ON RUSSIAN HISTORY (862–1800)
SINCE 2000

YOSHIHIDE TANAKA

JAPANESE HISTORIOGRAPHY
ON 18TH–CENTURY RUSSIAN HISTORY
IN 2000–2020

ĽUBICA HARBUĽOVÁ

THE HISTORY OF RUSSIA UNTIL
THE END OF THE 18TH CENTURY IN
STUDIES
BY SLOVAK AND CZECH HISTORIANS
BETWEEN 2000 AND 2020

PATRIK DINNYÉS

18TH–CENTURY RUSSIA
IN MODERN HUNGARIAN
HISTORIOGRAPHY (2000–2020)

ADAM DANILCZYK

18TH–CENTURY RUSSIA
IN POLISH HISTORIOGRAPHY

MARTÍN BAÑA

RUSSIAN HISTORY STUDIES
IN LATIN AMERICA AND SPAIN
(2001–2021)

ANDREI L. YURGANOV

THE MYTHOLOGY OF THE LEADERS
OF THE REVOLUTION
IN THE POLITICAL CONTEXT
OF THE MID-20S

DOMINIKA BÁRDONICSEK

FATES OF WOMEN IN THE CAMPS
OF THE GULAG (1934–1953)

